

**ЮРИЙ
ШУБИН**

СТАТУС НЕИЗВЕСТЕН

2016

Человечество делит дальний неосвоенный космос. Борьба за выживание перерастает в поединок за пригодную к заселению кислородную планету. Затянувшееся противостояние достойных соперников вынуждает Перво землян послать в самое логово врага "троянского коня" — диверсионную группу, чтобы попытаться решить проблему, применив неожиданный ход...! Чужие земли полны опасных сюрпризов, животный мир агрессивен и кровожаден. Спецслужбы готовят смертельные ловушки на каждом шагу. Но главную загадку таит в себе человек. Всегда неравный самому себе!

Шубин Юрий Алексеевич

Статус неизвестен

"Ничто, помимо самой Смерти, не может именоваться "полным" поражением... Не может быть катастрофы, сокрушительность коей воспрепятствовала бы решительному человеку что-то да выудить из пепла — пусть рискуя всем, что у него или у нее еще осталось..."

(Дэвид Брин)

Пришелец с обратной стороны ночного света

Люди редко меняют свое мнение, потому что жестоки с истиной. То, что случится завтра для них намного важнее того, что, вероятно, не произойдет никогда, забывая о свободе воли.

Когда Крейг был еще обритым наголо ушастым курсантом — первогодком, им демонстрировали скорость размножения биоскача. Это было частью программы выявления интуитивного предвидения о котором им талдычили с первой минуты пребывания в академии. Их отделение загнали в цилиндрический, снятый с выносной части космического корабля, скоросжигатель. Похожий на положенную на бок водонапорную башню. Рыхлый, мшистый налет на закопченных стенах едва заметно шевелился от сквозняка. Внутри было душно, гулко, сумрачно, щербило в носу и хотелось бежать прочь. Капрал, у которого недоставало двух пальцев на левой руке, приказал новобранцам встать пошире. Затем взял в левую руку обычный баскетбольный мяч и выдавил из приготовленного тюбика одну единственную капельку культуры. И в тот же миг высоко швырнул мяч, плотно закрутив колпачок на тюбике. Мяч повис в воздухе на шевелящемся, бородатом столбе биоплазмы, которая выросла за секунду — другую и уперлась в пол, продолжая стремительно размножаться. Со скоростью набегающего прибоя органика агрессивно подползла под ноги опешившим курсантам. И тогда двое первогодков не сдюжили, сорвались и бросились наутек к не задраенной щели люка.

Полумесяц судьбы, аккуратно оставленный сиять для таких вот случаев. Беглецы забыли об интуиции, усомнившись в себе.

Каждая последующая проверка являлась провокацией и никто от них этого никогда не скрывал. Кто-то впадал в панику от жесткого обращения. Грубый солдатский быт помогал выявить неуравновешенных и сразу расстаться с балластом. Особо нежные, на занятиях тактикой планетарного боя, расчесывали в кровь руки, искусанные тропическими насекомыми, не в силах сдержать слабость. Беспорядочный пулеметный огонь в притирку с головой, когда курсанты преодолевая на время полосу препятствий, ползали по квашне из грязи, не самое лучшее место для маменькиных сынков. Стопка рапортов росла, оставляя в учебном лагере тех, кто оказался покрепче остальных. Другие ломались от бездействия и пустого созерцания, не по своей воле, а исключительно по команде офицера, отстегнув страховочный фал от уплывающего борта космического корабля. Невесомость делает тебя беспомощным. В сочинении, которое ты должен написать в таком состоянии, всего две темы: "Конец света" и "Билет в один конец". Замечательная тренировка для чувствительных зон мозга. Особенно когда ты дергаешься в безвоздушном пространстве, теряя в неудобных перчатках то карандаш, то блокнот. И напрягая зачатки, аппендиксы предвидения, пытаешься угадать, когда закончится воздух в твоём скафандре. И, может быть, ты как раз один из тех счастливчиков, которых, время от времени, забывают подобрать на борт.

Впечатлительные, пройдя другие не менее суровые испытания, на этом сдавались сразу и бежали к воротам учебного центра, соскучившись по бабушкиным ватрушкам.

Кто-то пасовал и не справлялся с объемом необходимой к запоминанию информации. Но оставшиеся в строю старались забыть про все и держались крепко, и ежедневно одергивали себя, совершая новый примерочный шагочок. И гордясь каждым прожитым днем. Юнцам, многие из которых еще ни разу не брились, приходилось выказывать безрассудную медлительность, как степенность отъявленного храбреца. Усидчивость и долготерпение, как старательное стремление к познанию передовых наук и технологий. Здесь не ставили в известность о расписании учебных занятий как в обычных общеобразовательных заведениях. Воспитанников ежесекундно держали в напряжении, безжалостно отбраковывая проявивших слабость и неспособных унять страх перед неопределенностью. Это называли умением.

На прогнувшейся доске

Повисеть на волоске

Нетерпеливость, а тем более жалобы, считались проявлением непоправимой хлипкости характера. Стремление к самосохранению являлось плохим тоном и нужно было ежедневно разубеждать, прикрепленного к тебе инструктора, в своей не предрасположенности к трусости.

Курсанта могли вызвать на ковер к гардэрмейстеру учебного центра. Обычно такое случалось после какого-то серьезного проступка, залета. Его томили в приемной, заставив медленно гореть на костре собственных сомнений и предоставив великолепную возможность поразмышлять о дальнейшей судьбе. Их постоянно приучали умению предчувствовать. А затем, спустя порой много часов, без каких либо объяснений, отправляли обратно в казарму.

"Живи!"

Можно было покалечиться, но это считалось лучшей аттестацией в сравнении с подозрением в неполном служебном соответствии. И продолжать настойчиво тренировать способности к предвидению, даже если тебе уже казалось, что легче было бы открыть третий глаз, чем обучиться предчувствию будущего.

Это приходило само. В закоулках сознания вдруг объявлялся дополнительный чердачок, с которого открывался совершенно новый обзор, раздвигая границы горизонта.

Дело сдвинулось с мертвой точки, еще напоминая случайность. У Крейга стало выходить, получаться как бы само собой, добавив ему ловкости в действиях на опережение. Во время спарринга Крейг научился уходить от удара за полмгновения до взмаха увесистого кулака капрала. Совершая соскок или кульбит во время тренировки боя, вслепую в незнакомых затемненных помещениях, даже не ведая о поверхности на которую приземляется, наносил удар и приходил на ноги в чистом приземлении, словно делал это в тренировочном зале на батуте. Вскоре, отправляя его на хозяйственные работы, Крейга перестали предупреждать о начале стрельб, когда он подкашивал траву вокруг поднимающихся ростовых мишеней. Он просто заканчивал работу и уходил с линии огня минут за пять до того, как последнему курсанту выдавали цинк с патронами и отдавали команду на изготовку к рубежу.

Крейг не размягчался и не терял бодрости духа, подсчитывая на теле "засосы" от пиявок, основательно пропитавшись грязью от долгого нахождения под проливным дождем на занятиях по маскировке в заболоченной местности. Не черствел под обжигающими лучами, совершая одиночный рейд по тылам объектов спецхранения. Белым днем и в ясную погоду, ухитряясь незаметно проскользнуть мимо усиленной охраны. Используя одно только свое везение, основанное на умении угадывать подходящий момент, когда охранник на посту утирал пот, сморкался в сторону или поправлял выкладку. При этом Крейг не терял здоровый солдатский сон и уже никогда не обольщался на счет подкрадывающейся тишины.

В тот запомнившийся Крейгу день, вместо этих двух курсантов, отчислили четверых. Капралу показалось, что еще двое покинули камеру скоросжигателя чересчур поспешно, ослепленные нежеланием оценить необходимый риск. Увидеть и предсказать.

Из оставшихся и прошедших за четыре года учебы в академии все круги ада, мыслимые и немыслимые перепроверки и тесты на выживание, создавали элиту звездного десанта Перво землян.

Земля-проматерь всех цивилизованных планет. Одна само господствующая раса, населяющая десятки миров. Иногда мы мечтаем обрести врага поновее. Желательно кого-нибудь несимпатичного и даже страшенького, не столь похожего на нас самих. С принципиально иной моралью проживания. Нам слишком тесно с себе подобными знакомцами. Ведь все, до чего мы только пытаемся погнуть, меркантильно дотянуться первыми, тут же становится объектом желания еще для кого-то, и этот сосед бесцеремонно хлопает тебя по руке:

"Не твое! Не трожь."

Коммуналка космоса с общей кухней, душем и туалетом.

"Посторонитесь! Вас тут не стояло."

Люди всегда недовольны тем что имеют и это правда. Обычно, скрывая за яростью свое бессилие. Не по этой ли веской причине, научившийся добиваться большего, спокоен и тих, уставая от самого желания наглеть и спорить.

Даже за имя Перво землянам приходилось вести войну. В начале у нас отобрали наше второе название:"Тэра." Затем добрались до "Альма матер", и на небе бесхитростно засияли одноименные с нами планеты Земля-1. Земля-2... Нам пришлось уступить, чтобы не потеряться в себе подобных, поменяв название на "Перво земля". Наши уступки свидетельствовали не столько о слабости Перво землян, сколько о силе, мужестве и нахальной живучести амбициозного потомства.

Но тот, кто не сидит сиднем, не дожидается, а ищет, тот и добивается.

В кой-то веки нам, Перво землянам, попало что-то стоящее. И вот тебе на. Осваивая ни кем не занятое жизненное пространство космоса, мы напоролась на Фраков.

Тени из прошлого-Фраки. Более ста лет тому назад, отпочковавшаяся экспедиция переселенцев в созвездии Веги вела довольно замкнутый образ жизни, и экспансии Перво землян и жителей планеты Фракена доселе не пересекались.

О жизни Фраков ходили всякие домыслы и слухи, больше похожие на басни сказочного характера. Они мало интересовали нас. Мы еще меньше интересовали их и близости никто не искал. Но не тут-то было. В жизни приходится надеяться на случай, который иногда подстерегает нас в слишком оживленном для этого месте.

Как ловец жемчуга, на свой страх и риск, на грани кессонной болезни, продолжает погружение на опасную глубину. В могучем гребке подталкивает гибкое тело к океаническому дну в надежде найти сокровище. Так и поисковый корабль, значительно выработавший свой ресурс, ошеломленно тлел на малом ходу, не веря в собственную удачу.

Неужели и нам повезло!

В безмолвном пространстве висел голубой бархатистый шар ослепительной глубины и чистоты, с роговицей атмосферы не менее семи-десяти километров от поверхности. Слезливо-влажная серебристая жемчужина, повисшая над звездной бездной. Яркая и зыбкая одновременно.

Вы знаете, что такое открыть новую планету? Случайно. Невзначай. Не уродливо пламенеющий шар, а нечто совершенно узнаваемое и звучащее новизной, всевидящее, полное соблазнов око, овеянное сине-голубым светом. В холодном шевелении раздувались и

неслись мерцающие, светлые паруса облаков, подгоняемые теплым течением океанов. Планета была восхитительна в знобящей подернутости белых, сверкающих ледниками, полярных шапок и топкой глубине прокатывающейся волнами текучей чистоты, насыщенной кислородом атмосферы. Моря и бухты, ломкие края континентов с пролежнями полноводных рек. И большеглазые бело — туманные зародыши вихревых смерчей вдоль экваториальной линии.

Мы чувствовали себя богачами, просматривая мглистые снимки с каруселями вихрящихся тайфунов. Планета была для нас долгожданным подарком. Нас тянуло к ней как роженицу к своему младенцу, не в силах наглядеться на него, столько мы вкладывали надежд в эту вновь открытую планету. Не в раз, как частенько на радостях водится, а по ступенчатым голосованием, выбрав из самых популярных и красочных, ее назвали Салюта Млечная.

Характеристики нового мира просто потрясали, так он был близок к матушке Перво земле. Диаметр составлял 13011 км. Шесть десятых ее поверхности покрывали океаны. Наклон осевого вращения к плоскости орбиты шестьдесят с небольшим градусов. Время полного оборота вокруг звезды служащей источником тепла и света 372 дня, а время полного оборота вокруг своей оси 22 часа 46 минут. Соотношение азота и кислорода приближалось к тропическим районам Перво земли двухсотлетней давности. Разумных форм жизни на Салюте Млечной не существовало.

Она должна была стать новым прибежищем для задыхающихся Перво землян, решить проблему перенаселенности и придать новые силы тем, кто не желал мириться с утратой былых позиций родины человечества.

Человек всегда велик в намерениях, но нет предела совершенству его потрясениям от неудач.

Фраки потребовали свое, будь они трижды неладны!

Мы приняли их сигнал. Эти пройдохи, без зазрения совести, объявили нам, что вновь обнаруженная планета принадлежит им по праву первооткрывателей.

По праву или по леву сторону от истины находились мы-нас занимало мало. Доказательств как бы не существует, пока нет договаривающихся по ним сторон. И даже намек на попытку прислушаться к доводам Фраков, сразу ставил жирный крест на карьере чиновника высшего звена Перво землян.

Обвинив друг-друга в kleптомании в особо крупных размерах, мы, что называется, уперлись и перевели, в данном случае, право первенства в понятие юридического нонсенса.

Литераторы от рекламы и идеологи, создающие положительный имидж нашей непогрешимости, печали не ведали. В таких случаях не стоит ожидать милости. И все переговоры являются только антуражем, за которым скрывается подготовка к решительной схватке.

Фраки вскоре пригрозили нам войной, если мы не отдадим им планету. Наш ответ был выдержан в парламентских выражениях, поэтому нас пообещали уничтожить быстро и безболезненно. Это было тем свиданием, на которое мы мчались, сломя голову. Даже жалкий компромис теперь был невозможен.

Ни от кого нам так не доставалось. В первой же стычке мы потеряли двенадцать кораблей. Любой реверанс означал перегруппировку сил и привыкание к состоянию войны. Корабли были не самые лучшие и современные. Главные эскадры вступили в бой чуть погодя, но кто не умеет вести счет собственным потерям, обречен пустить по ветру все. Ведь

любая война, а тем более космическая, высасывает ресурсы, как пылесос горсть семечек с раскрытой ладони.

Фракам тоже досталось. Еще бы! Мы не разучились умерять боевой пыл наших врагов. Синий кобальт с вывернутыми наружу внутренностями их истерзанных, распотрошенных кораблей образовал целое траурное кольцо вокруг планеты. Теперь эта непохожесть делала ее несносно похожей на одну из многих, опоясанных кольцами планет.

Неподражаемое уродство-неужели это единственный закономерный итог приложения сил любой цивилизации, оставлять за собой в отвале артефакты собственной неполноценности?

Сколько Рон не вглядывался в эту металлическую дымку вокруг сурика планеты, его не покидала странная мысль о нарочитой деловитости и устрашающей убедительности войны, умеющей злить даже после своего поражения.

Звучный хлопок заставил его черные бойкие глаза посмотреть прямо по курсу. Сингулярная точка вхождения была отмечена кольцом плавно мерцающих огоньков, двигающихся двумя рядами в противоположных направлениях.

Флагман индустрии, звездный плазмоперебросчик "Джордано" перешел в крейсерский режим, чуть вздрагивая кончиками заостренных х-образных крыльев и стал сближаться с пространственно-временным континуумом.

— С тех пор его никогда никто не видел, — не удержался от сардонического замечания Парс, но все сделали вид что не поняли его. Рон, Иллари и Парс с жадным любопытством откинулись в своих лежаках, включив режим запеленания, словно замороженные, продолжая наблюдать за клубящимся входом в кромешную бесконечность тоннеля переброски.

Только стылые глаза главкома Крейга, повзрослевшего с последней нашей встречи на десять лет, казалось не выражал никакой тревоги или удивления. Он словно спал с открытыми глазами, плотно опутанный эластикой страховочных ремней. Крейг продолжал совершенствовать искусство отстраненного анализа и будущее... скажем так, не казалось заманчивым. Но элита звездного флота Перво землян не выбирает способ выживания, она определяет форму самой жизни.

Гриф секретности стоял на любых документах относящихся к операции "Феникс". Нельзя было допустить даже случайной, частичной, косвенной обмолвки или, тем паче, утечки конфиденциальной информации непосредственно относящейся к проекту. Успех плана держался на факторе внезапности и интуитивного предвидения результата. Дерзость и смелость, плюс безукоризненная точность выхода, помноженные на прогнозируемое стечение обстоятельств.

Туманная мгла сингулярной энергии швырялась жгучими призраками клиперов. Вещая многовариантность искала пространства, вилась и растягивалась, ища выхода для своей многомерности. Полыхающее мелькание наружно-внутренних слоев, где сумрачное "навсегда" ужимало "может быть" удушающей хваткой того, что называется "приемлемо", не веря в путь прозорливости.

Палевые, бликующие стены тоннеля переброски жгли и жалили, проталкивая сквозь свое воспаленное горло капельки клиперов. Те отчаянно боролись с силовым полем замкнутого пространства, выдвигая гибкие щеки черепикеров, на концах которых вьюнами закручивались спутники-фармуляторы сингулярной точки. В небе, в опасной близости от Фракены, образовался свищ, заключенный в круг и брызнул переливно-яркими дротиками клиперов. Микро взрывы разорвали стыковочные узлы, которые невозможно было

разомкнуть на такой скорости иным способом. И клипера стряхнули шнеки черепикеров, получив свободу маневра.

Спутники министерства обороны Перво землян зафиксировали тоннель пространственно-временного континуума, а вторгшиеся сквозь него клипера закружились, осваивая простор косматых, струящихся облаков планеты. Жаркое белое солнце подлоснило румяной зарницей подставленную щеку Фракены. На фоне которой, стремительно проносящиеся клипера, чудились полыхающими искрами. Фракена казалась мирной и будто бы заспанной в онемевшей глубине холодного покровного космоса.

"Джордано" выскочил из морока портала переброски и пустился нагонять свиту сопровождения. Он был жарок и сверкал как отточенный меч, брошенный через атолл бесконечности в самое сердце расслабившегося врага. Но экипажу "Джордано" все виделось совсем по-другому. Вышибающие из тебя дух круги с распоротой подкручивающейся серединой насаживались на стержень пирамиды корпуса корабля. И все это ткалось, переплеталось и набивалось в синий шелк Фракены. С глубиной обретаемого расстояния возвращающегося в свои размеры и утрачивая мимолетность бесконечности узкого канала переброски. Звуки нагоняли корабль и цеплялись за него, веря в непобедимую силу того, что преодолело черный ход Галлактики. Загудели силовые установки, взвыла, спрятанная где-то между этажами, лифтовая площадка. Защелкали контролеры, и жилой отсек жадно впитал свет, струящийся по теплоизолирующим плитам на носу корабля. И тут гибридные двигатели набрали полную мощную силу. Звуки вросли в вибрацию передних кромок крыльев и во все, что было готово к преодолению. Широкое сияющее крыло над длинным груженным телом корабля приняло вес и все заработало и зазвучало в режиме полной, выверенной автоматикой гармонии.

Каждая параболическая чаша многочисленных орбитальных станций Фракены была направлена на определенный участок внешнего космоса. Во внутреннем, околопланетном пространстве барражировало четыре звена малого охранения, состоящее из сверхвысотных перехватчиков Старфайтеров-Вега. Но Перво земляне оказались там, где Фраки не чаяли их застать. На границе страто и ионосферы. Противокосмическая оборона Фраков получила хлесткую пощечину, за которой мог последовать полный нокаут.

Казалось, все работало на противника: парусность параболических антен мешала быстрому развороту центральных секций корпусов орбитальных станций раннего обнаружения в направлении Фракены. Поняв, что они проворонили врага у себя под носом, через узлы космической связи понеслись приказы на немедленное уничтожение неприятеля. Тонкие силуэты узких фюзеляжей Старфайтеров-Вега направили радиолоки на низкие орбиты, пытаясь сквозь фонащие засветки излучения самой планеты разглядеть метки вражеских клиперов. Но тут, на беду, в удачу Перво землян вторглось одно маленькое "но". Кружащая по стабильной полярной орбите противометеоритная станция защиты, находящаяся чуть на отлете буквально натолкнулась на спутники удержания сингулярной точки. К моменту полного наплыва на цель, раскодировщик сигнала уже распознал, что имеет дело с инопланетной формой враждебной технической мысли. Полусферический выступ повернул южинг кассеты излучателя. Серый отблеск, поворачивающихся под решетками солнечных батарей, нашел что искал. Блещущий свет, похожий на локальную зарю, опалил системный отсек орбитальной станции. И вьющийся, сливающийся в одной точке луч, прожег холодную пустоту. Кумач пламени вырвался из спутника-фармулятора портала переброски. Дикий узор скорчившихся шрамов растрескался на обшивке верхнего

спутника, находящегося на условной вершине треугольника, в которой был вписан круг выхода из пространственно-временного континуума. И разнес его в сияющее газообразное облако. Раздувающееся свечение сингулярности дернулось и померкло. Попеременно разрушенные спутники министерства обороны Перво землян также быстро погасли как и вспыхнули. Меркнувшее небо сомкнуло мягкие губы вокруг вырвавшегося на простор бутона света и затушило его одним поцелуем, утвердив немоту темноты.

Фраки опомнились и стали сжигать спутники, но весь груз был уже по эту сторону пространства. Они наказывали дверь, хотя следовало позаботиться о вошедших. Но один факт оставался неоспоримым- путь к отступлению был отрезан, захлопнувшись.

"Джордано", словно раскаленный скальпель скользил под пухлым отвислым брюхом планеты, едва касаясь мягкой плоти ее молочно-перистой стратосферы, погружая "лезвие" все ниже. И глубже кромсая пространство.

Узкий фюзеляж с заостренным носом, в котором находился радарник, нащупал цепь и стоя свехвысотных перехватчиков ринулась в погоню. Дав полную нагрузку множителям скорости. С вжиком, похожим на охрипший свист, заработали и задержались авиапушки, но этого было недостаточно. С ракетных подвесок, из под маленьких крыльев Старфайтеров-Вега, срывались озлившиеся монстры ракет с голодными, лысыми, как у мучных червей, головами. Подлые, злобные существа с хищной беспощадностью понеслись навстречу плазмопереброщику. Клипера открыли ответный огонь, прикрывая "Джордано". Далекие, туманные сполохи разрывов окрепли и выросли, распахиваясь в разреженном воздухе черными, мгновенно сморщивающимися и превращающимися в прах цветами. Клипера мчались в лоб, расстреливая ракетный залп и тут же, проносясь сквозь кричащее безумие пламени подорванных, теряющих стремление и прыть ракет.

Небо над Фракеной вдруг стало маленьким и тесным. Блики молниеподобных фюзеляжей и поперхнувшиеся скоростью стволы 29 мм авиа пушек на дельтовидных крыльях истерично конвульсировали, изрыгая пульсирующее, фыркающее пламя. Серебристые чернобурки разрывов свирепо ошетинились и промахнувшись, юрко пропадали в огромной, неизмеримой норе космического хаоса. Корабли перехвата и охранения кружились как щепки в ледяном водовороте.

Болтанка не прекращалась ни на секунду. После распеленания это стало особенно заметно. Иллари, с лицом некормленного бульдога, вцепился в дрожащий как в лихорадке штурвал и насилуя тягу элеронов раз за разом посылал "Джордано" в атаку на уплотнившуюся атмосферу планеты, умышленно не соблюдая угол вхождения. Корабль отскакивал от воздушной подушки и его выбрасывало в ближний космос, не давая поисковику повиснуть у себя на хвосте.

— Главное, не летать по прямой, — прохрипел сквозь стиснутые зубы старинное правило боевых летчиков Иллари.

Склонившийся над экраном радиолока, Парс пощипывал нижнюю губу и искал невидимые признаки растительности на своем "девичьем" подбородке. Его невероятно умные глаза блеснули в желтом свете прибора. Не замечая вздрагивающей изумрудно-зеленой линии раскодировщика, вертикально ползущей от прыщавой воспаленной щеки к открытому выбритому виску. Делая его похожим на пирсенгера, вживившего себе под кожу трубки со светящимся газом.

Крейгу дали в команду парней, которых он почти не знал, но успел полюбить за манеру держаться. Пока им удавалось оставаться в стороне от схватки, и погоня не превратилась в

облаву. Облегчить парням задачу — означало усложнить и ослабить результат, а этого допустить он не мог никак. Его молчание воспринималось как уверенность оперативного провидца, и это предавало сил и помогало мыслить ясно. Пока экипажу "Джордано" этого вполне хватало для принятия верных решений. Но у Крейга уже от подмышек побежали мурашки, и он посмотрел на нижнюю половину свисающего с потолка туловища Рона. Тут же его затылок заныл, заплескался теплой лакуной боли

— Квартет СВ-перехватчиков! Внимание на турели, заходят верхом! Рон, ты меня слышишь!?! — заорал Парс.

— Решаю бить наверняка, используя всю площадь поражения, — отозвался своей невидимой частью Рон, захватив в перекрестье визирных линий укрупняющуюся цель.

— С первой очереди, Рон. Помни! Первой же очередью. Это отобьет у них желание пархать! — заревел могучим басом Иллари.

— Буду паинькой, вернусь до маменьки, — ответил на все советы Рон. И хохлатки трассирующих разрывов заткали, заляпали черный воздушный лоск, вырывая "мясо" из всеобъемлющего, проносающегося вокруг наэлектризованного страхами космоса.

Старфайтеры-Вега зашли на цель и открыли огонь. Заряды авиа пушек отскакивали от самовосстанавливающейся брони "Джордано". Кристаллическая решетка обладала памятью и мгновенно приобретала прежнюю форму, затягивая наметившиеся трещины в металле. Иногда заряды срезали головки заклепок бронированных плит, но остальное отказывалось ломаться и несло на напряженных, вздыбленных крыльях ярости, новую смерть. Казалось, фюзеляж "Джордано" был обтянут струнами, которые с мерзким звуком лопались, мстительно запевая на прощанье одну и ту же, похожую на зубную боль, затянувшуюся мелодию.

Раскаленные гильзы звонким шелестом сыпались в приемник. Вытяжка компрессора подхватывала пороховую вонь.

— Ты слабак, Рон. Я это знал! Предвидел. Это дело явно не для тебя, косоглазый мазила. Знаешь почему тебе не доверяют оружие меньшего размера? Такие маленькие карманные штучки. Тебе захочется застрелиться, пустив себе пулю в лоб, едва ты осознаешь свое ничтожество. Ведь у безглазого паралитика, давно выжившего из ума, больше шансов прострелить с десяти шагов бубновый туз, чем тебе, опершись на сливной бачок, попасть струей в унитаз. Я буду с тобой жесток и шокирую тебя правдой, Рон. Ты даже не ноль! Ты дырка в ноле!

— Оставь меня в покое, Иллари. Два перехватчика, развалились как переспевшие арбузы от легкого пинка. Если я что-то и делаю, то делаю это на совесть. Как меня разбираете, прием!?!

— Это так, Парс!?! Почему Рон так уверен? Подтверди, я знаю, ты не станешь мне врать. Ты даже поддержишь его для меня, если я возьмусь наставлять этого зазнайку.

— Ты в самом деле заткнешься, если я скажу что это правда, — ответил приплясывающий над светящимися экранами Парс.

Впереди глухо ухнуло, "Джордано" рыскнул экзерсисом и уже далеко позади расцвел ярко-огненный пион. Заложив широкую дугу два уцелевших перехватчика скрылись в облачной мгле.

— Это веская причина, — согласился Иллари. — Ты всегда мне сильно нравился, Рон. Когда у меня родится мальчик, я клянусь, назову его в твою честь!

Отстранившись от казенника синхронизатора огня, Рон высунул вспотевшие ладони,

верхней своей половиной оставаясь в стрелковом колпаке турели. Нащупал махровый валик и обтер вздрагивающие от напряжения руки:

— Ты уже обещал мне это в прошлый раз. Не помнишь?

— Ах, черт... ну я же не отказываюсь от своих слов, — нашелся Иллари, выравнивая крен. Тяговые двигатели запели выше и порывистей.

— Ты самое бесхребетное животное, Иллари, которое мне доводилось встречать.

— Вот почему мы до сих пор не свернули себе шеи, — произнес тот давно припасенную отговорку.

Облачный покров густел, забивая экраны. Полюс холода Фракены сместился вверх и влево, точно планета заносчиво задрала белокурую голову, и с наклоном скептически поглядывала на непрошенных гостей. "Джордано" перешел в режим космо планирования. Сталь корабля пронизывала слой облаков, прямиком к выступающей горами терракотовой груди континента, о которую агрессивно билась лохматая, белая кипень прибоа.

Крейг ощущал себя пленником собственного молчания, словно бы лгал им, не произнося ни слова. В его памяти в мельчайших подробностях был запечатлен топографический слепок чужой планеты. Звук гибридных двигателей застыл на сочной, сладостной ноте, почти не фальшивя.

Крейг развернулся в кресле и спокойно, немного в нос, произнес низким, вкрадчивым голосом:

— Маршрутная веха компасной розы на двадцать семь градусов. Точка выброски как можно ближе к диверсионно-частотному маяку. Службы наземного базирования они уже оповестили, скоро начнется эшелонированная оборона противокосмических сил. Не проспите.

Экипаж с готовностью и даже неким облегчением принялся выполнять его команду. Никто не сомневался в максимальной эффективности выбранного им решения.

У Рона выдалась спокойная минута. Он сложил свое тощее тело пополам, выглянул из под колпака турели, высунув златокудрую голову и сильно щурясь. Свет в кабине казался ему болезненно ярким после напряженного всматривания в черный, негасимый калейдоскоп невыносимо холодных звезд.

— Не знаю огорчать вас или не стоит, — вслух как бы размышлял да прикидывал Рон.

— Лучше одерни куртку или подтяни брюки, а то твой пушистый пупок умоляет мой боевой дух, — срезал его Парс.

— Нам отстрелили приемно-передающую антенну. Наш "Джордано" аскопился, а вы все ржёте, — обидчиво шмыгнул носом Рон.

— Связываться ни с кем не придется, — не громко, но так чтобы слышали все, предупредил Крейг.

За постоянной бравадой этих проверенных не одним боем людей скрывался не страх и даже не довесок оного, а побывавших в переделках и видевших всякую смерть солдат укор, которым чего-то не договаривают. Не считают нужным. Не доводят до сведения из высших соображений секретности.

"Значит обратного пути не будет? Миссия без возврата?" — вопрошали их глаза, а он не мог произнести в воздух даже то, что уже знал наверняка, чем наделила его разведка. Сложив из разрозненных данных то полезное, что легло в основу столь рискованного плана.

Все выглядело так, словно существовало некое обстоятельство, которое причиняло Крейгу острое неудобство, и о котором он не мог обмолвиться, но имел право умолчать, не

разглашая. Спецслужба Перво землян придерживалась принципа необходимого знания. Если для успешного выполнения задания агентам или группе требовался определенный объем достоверной информации, в целях сохранения секретности наделять работающую по заданию группу избыточной информацией считалось неверным и опасно понижающим шансы.

Каждый знает только то, что ему положено знать.

Интерпретатор будущего потупился от стягивающейся к затылку оползающей боли. На что это походило? На что похоже то, в существование чего никогда не поверят многие из живущих на свете? На обморок, во время которого мозг начинает думать в десятки, в сотни раз быстрее. И легкость непринужденной распахнутой глубины сознания мчится сразу в несколько направлений. Проносящиеся навстречу друг-другу маховики неотрагированной, бессознательной энергии. Крейг называл это "гулом нейронов" в своей голове. Каждый волосок заостряется напряжением миллионов исходящих от тебя антен, и ты начинаешь подпитываться энергетикой случайных чисел. Произвольность вьюжит сознание, цифры сцепляются углами и концами, образуя где цепи, где комковатые многомерные перекрестки вариантности. И в один миг эта кольчуга натягивается и рвется, уносясь прочь. И то, что остается-срастается намертво, как данность новой реальности. Остается только пробежать глазами и проследить за тем, что случится дальше... и промолчать о том, что могло бы быть.

Оракул-это разбуженный сон, где явь и грезы наносят тебе визиты, не предупреждая о своей принадлежности. Образные метаморфозы становятся подсказками для идеи увлекающей твою смелость. И лакуна боли сохнет, признавая твою победу, но только на этот раз.

Это всегда открытие по наитию и все неправда, что перестает верить в тебя, убеждая в обратном. Вероятностные потоки ложатся в дрейф, и ты становишься старше на один поступок. Обретая шальную уверенность в неуязвимости понятого тобой хода. В титанической, коварной борьбе людей, которые повержены, но еще не жалеют сдаваться. И обманываются, льстя себе, что могут играть на равных.

Крейг знал, во что обойдется его молчание и то, что он сказал было исключительно важно:

— Что бы не случилось, любой ценой найдите в Норингриме Астрела Сатерлана до пятнадцатого радовника.

Пол под ногами вдруг вздрогнул, точно космический корабль мчался по земле и перемахнул впадину, приземлившись на противоположный берег. Двигатели вскрикнули и изменили тональность. Иллари выровнял тангаж и бросил тревожный взгляд на Крейга.

"Как быть дальше?"

— Не думали же вы что нам предоставят безопасный коридор, — и улыбка прогулялась по лицу оперативного провидца, возвращая экипажу чуть под растерянную уверенность.

Он попрежнему ведал тем, что казалось недоступным. В его улыбке таилось что-то неприлично простое и довольное. Раздражающее не самоуверенностью а тем, за что ее принимали: снисходительной улыбкой невыносимого всезнайки.

Фраки поднаторели в этой войне. Они славно держали свое небо. Холодные тучи налетали на прозрачную преграду кабины и новые подкрученные туманные сгустки набрасывались на опускающийся корабль, вздымаясь от горизонта грозвым уступом. Превращая весь мир в одно знобкое осеннее ненастье. Корабль вновь трянуло. Инверсионные столбы длиннющими, клубящимися макаронинами вырастали с поверхности

Фракены. Раздирались венчиком и оттуда взлетали мягкие полукилометровые жала с плазменным, устрашающего вида, мячиком на самом трепещущем неустойчивом кончике. "Джордано" приходилось отчаянно маневрировать меж шевелящихся колоннад, которые, казалось, подпирали все небо вокруг. Готовые в любой момент растаять и обрушить небосвод на крылья ревушей, ликующей птицы.

Иллари проглотил удушливый теплый комок и заставил "Джордано" скользить в повороте боком, останавливаясь "на ноже", и тут же делать вертушку долгим обратным штопором. После "эдельвейса" выполнять "кобру" и крутить "абракадабру" через "венчик безбрачия". Корабль кидался и уворачивался от клубящихся макаронин, которые никли, криво роняя безобразно длинные шеи и тем доставляли еще больше неприятностей мастеру высшего пилотажа.

Противокосмическая оборона Фракены приготовила немало сюрпризов. Летучие мины зонального распыления висели в воздухе, солнечным пятном застряв между вихрастых колосьев.

Рон вертелся в турели и стрелял как одержимый, изничтожая дрожащие марева мин. В его глазах металась досада: чем ниже они опускались, уже различая лесистую поверхность планеты, тем большие россыпи этих смертоносных подружек преграждали им путь. Но зарядов требовалось тратить в несколько раз больше, потому как четверть этих игрушек были невидимы. И "Джордано" приходилось продираться словно сквозь заросли укрытых сумерками джунглей, уповая на удачу. Но эта весьма капризная дама, любящая себя в зеркале судеб, вознамерилась посмотреть на себя со спины, показав зад.

Корабль обдало непереносимым сверканием. Грудная клетка как мембрана трепыхалась над сердцем Парса. Он видел на экране радио лока обмякший падающий инверсионный столб, натолкнувшийся на нечто невидимое, согнувшийся в этом месте и подталкивающий тем самым зонарную мину наперерез уже почти проскочившему "Джордано".

По губам Крейга проползла трагическая ухмылка. Его психика так до конца и не приспособилась к умению видеть дальше. Он вырвался из лежака, натягивая само распеленывающиеся ремни и побежал к лестнице ведущей на низовой уровень. Корабль скачкообразно взлетел, опрокидывая бегущего. Путь до лестницы показался для него сверх коротким. Крейг обеими руками вцепился в горбатый поручень и корабль вышиб из него дух, ударив полон в подставленную грудь. Взорвавшееся небо оказалось чересчур жестким препятствием.

Отпрыгнувший от боли корабль чрезвычайно плохо слушался рулей высоты. Настолько плохо, что Иллари приходилось совершать невозможное, оставаясь единственно реально контролирующим полет человеком. Ему приходилось что-то делать со своей кистью, чтобы вновь ощущать плазмопереброшик. Парс, экран которого пестрел ложными засветками, пытался найти помощь у оперативного провидца. Но не мог поймать осознанного взгляда из под опущенных век Крейга, катающегося взад и вперед по раскачивающемуся полу, словно на невидимых качелях. Корабль ходил ходуном. Внешне Рон, в колпаке башенки турели напоминал подростка, эдакого обиженного мстительного забияку, упирающегося в подножку великоватого по размеру кресла. Соблюдая свойственные человеческой природе противоречия он не обращал внимания на крики внизу, попеременно меня уставшие большие пальцы на гашетке синхронизатора огня. И продолжал упорно и почти безостановочно вести обстрел наполненного опасностью пространства.

Корабль огибал трепыхающиеся упругие пути. Лицо Иллари покраснелось, на тело

наваливалась тяжесть. Но непостижимее всего и всего удивительнее было ощущать продолжающийся, неподдающийся повторению полет.

Чей-то крик заставил Крейга очнуться. Он так и не понял кто кричал.

— Ты молодчина, Иллари. Так держать. Еще бы летел ровненько и цены тебе небыло.

Падать всегда чертовски легче чем подниматься. Тяжелой глыбой Крейг стал вставать, качаясь на широко расставленных ногах.

— С такой жизнью иногда сам себе удивляюсь, — ответил оперативному провидцу Иллари. — Каков твой прогноз, Крейг?! — перекрывая полифонический гул заработавшей гравитанты, прокричал Иллари.

— Воронка неправильной формы и обломки разбросанные на огромной площади, если ты хоть раз усомнишься в себе. Но ты ведь так не сделаешь. Верно?

И Иллари едва заметно качнул головой, в такт с проседающим полом.

— Будущее не может взять в заложники истину. Остальное не подлежит разглашению, — утверждая свое превосходство Крейг, подпрыгнув, скользнул по натертым поручням вниз.

Ему нужно было сэмитировать настоящее, чтобы получить желаемое будущее.

Топливное помещение, куда Крейг ворвался, покинув кабину, находилось на низовом уровне. Прямо над бомбоотсеком, под арсенальной галереей "Джордано". Затейливые дымящиеся штрабы соскребли часть буферной обшивки и разворотили листовую металл, повторного слоя, наделав в нем множество сквозных, уже подернувшихся инеем, отверстий.

Крейг подыграл себе, зная что все так и будет и все же застыл на пару секунд, рассматривая как тонкой пленкой, нарастающий жидко металлический слой затягивает регенерирующую рану самовосстанавливающейся брони. Но с центральным топливным баком дела обстояли куда серьезней. Корабль в очередной раз тряхнуло, и Крейга швырнуло и протащило по правому борту, сосчитав его ребрами каркасные переборки. Он ухватился за вывалившийся из неглубокого шва пучок проводов и повис на нем. Вверху коротнуло и над головой вырвался трескучий сноп осыпающихся искр. Крейг облизал пальцы и похлопал себя по голове, чтобы сбить пламя с мгновенно вспыхнувших волос. И эта нелепая опасность и то, как он быстро с ней управился уняла остатки волнения в его голове. Скорлупа иллюзии оберегала то бесценное, что заставило его подладиться к метаниям "Джордано". Уловить толчок в ноги и скачком перелететь к центральному топливному баку. Та взрывная волна, разорвавшейся зонарной мины, высадила все индикаторы давления и подачи топлива, превратив стекла датчиков в мельчайшую пудру, неровными поблескивающими горками, заполняющую овалы окон ослепших контроллеров. В обшивки защитной плиты матово блестело, еще несколько облизанных огнем канавок, и зияло одно большое сквозное отверстие. Готовый к новому толчку, Крейг коснулся холодной, скользкой звездочки на крышке кольцовачного клапана и с лязгом откинул ручку прижимного устройства крышки. Его немедленно обдало жаром. Горячий, выбивающий слезу ветер напрочь высушил гортань. Крейг прикрылся ладонью и жмурясь, заглянул внутрь. Трещина проходила с другой стороны плиты, вдоль угла внешнего саркофага и тонкой рассекающей ветвью уходила внутрь на второй контур.

— Проклятье!

Чудовищный рев бьющего лопастями нагнетателя пронизывал Крейга насквозь. Рвался сквозь него, не признавая за препятствие. Пока это было возможно, работающий компрессор сбрасывал часть биоскача, самого экономичного биоплазменного горючего. В камере

сгорания он превращал его в энергию, питающую модифицированные двигатели" Джордано".

Скольжение удушливой теплоты, пробирающейся в подмышки и пах, несмотря на жаропрочную сталь, перебросилось на его лицо. Беззвучная гроза пробежала гримасой болезненной улыбки и застыла как удар молнии.

Его улыбка умела быть разной.

Нагнетатель бешено машущий жаркими крыльями лопастей, гнал по лицу Крейга горячие капли пота. Многолинзовый глазок трубы, через которую он смотрел внутрь компрессионной камеры сгорания казался ему путешествием в иной мир. Где будущее скармливает прошлому-настоящему. И тот, кто, время от времени, подглядывает за этим представлением, имея на руках программку, становится частью пищевой цепочки.

Что-то горячим шлепком прижалось к трубке с той стороны, словно почувствовав человека и пытаясь присосаться к нему. Крейг невольно вздрогнул. Стремительный, обволакивающий вихрь компрессора сорвал зеленую разрастающуюся пенную массу биоскача и швырнул ее в камеру сгорания.

Это выглядело почти как предзнаменование.

Знай Крейг меньше, было бы ему легче сейчас? Он годами развивал в себе то особое шестое чувство, которое не мог заглушить по мановению, закрыв в себе способность к предвидению одним волевым усилием. Словно его телу была ведома мудрость, недоступная рассудку. С нервной торопливостью ловких, жилистых рук Крейг захлопнул крышку кольцовачного клапана, надавил на ручку прижимного устройства и не услышал щелчка.

Как перестать предвидеть, когда знание уже посетило твою голову? Как перестать знать, если неизбежность тебя страшит, еще не наступив? Вот-вот, одно движение и необходимость станет реальностью.

Крейг не ощутил зазора теперь мешающего ему защелкнуть и завинтить фиксатор прижимного механизма.

Разгадывающий себя-никогда не теряет времени зря. Нарастающий внутренний хаос зеленой волдырящейся массой метался, облизывая стенки камеры сгорания. Летучий огонь разрастающейся опухоли наполнял грохочущую, разрубленную на междометия мысль, когда-то бывшую цельной и красивой.

Крейг знал, что ему это не удастся и все равно, из чистого ослиного упрямого любопытства, откинул крышку, вдохнув ядовитое тепло. Тонкая, в кончик волоса, трещина порвала внутреннее кольцо защитной плиты и разошлась, образовав едва заметный заусенец, выступ... Самовосстанавливающиеся принципы наружной брони в конструкции двигателя были неприменимы.

Пересохшее горло Крейга словно бы сомкнулось. Металл, что называется, повело. Крейг вновь попытался захлопнуть крышку. Он колотил по ней навалившись на нее всем телом. И в этот момент модифицированные двигатели" Джордано" сбросили обороты, сократив потребление топлива и позволив биоскачу неконтролируемо размножаться, заполняя собой всю емкость центрального топливного бака.

Убивая этой волной последнюю его надежду!

Что Крейгу оставалось делать? Все просто, когда ты не веришь и сто крат сложнее, если ты точно знаешь как все осуществиться.

Плазмопереброшик устойчиво терял высоту. Приказать Иллари не снижаться Крейг не мог. Главком спохватился, унял слабость, расчесал пятерней всклокоченные волосы, чуть

покачиваясь преодолел несколько шагов и накрепко задраил люк низового уровня. Поблуждал взглядом по топливному помещению, ставшему ему склепом, и вернулся к саркофагу. Мелкие пылинки осколков липли к вспотевшим ладоням и впивались в кожу, когда Крейг ухватившись за окошки покалеченных датчиков снова и снова пытался вернуть на место крышку кольцовочного клапана.

Его бесила очевидная бесполезность своей затеи. Разум вновь пытался отобрать бразды правления у ополоумевшего тела. Но теперь, когда Крейга никто не видел, он мог дать волю своим чувствам.

Всегда, во все времена, последним решающим средством остается личное мужество. Может быть это и есть то, что делает людей достойными вложенного в них разума?!

Доступное немногим, великое безумие жертвовать собой.

Когда человек готов прийти на помощь другим, это вовсе не то же самое, что зависеть от чужой воли и слепо выполнять чей-то приказ. Очень и очень близко, но несравнимо более достойно.

Зеленая, тягучая, как прокисший кисель, субстанция, заполнив, забив собой топливный бак до отказа, нашла таки тот волосок трещинки, который казался ей свободой. Колоссальная способность к самовосстановлению и совершенное отсутствие чувства меры. Прущая как на реактивных дрожжах пузырящаяся биоплазма тонкой эластичной тянучкой выдавилась за пределы жаркой топки камеры сгорания и прорвавшись через микронную щель в топливное помещение, стала растопыриваться, пухнуть, регенерировать вширь в высь, жадно поглощая пустоту.

Его так много и почти непрерывно жгли прежде, что примитивное, рефлексивное сознание биоскача дотянулось туда, где его не убивают.

Первая соплевидная зелень преодолела жалкую попытку Крейга заблокировать осмотровый люк и разветвляясь протекла на пол. Он брезгливо отошел в сторону, уронив занемевшие руки.

Все для него... для него самого... для этого человека уже закончилось. Все желания и стремления вылетели вон и покой разлился по его телу. Мысли, метания духа: вырвался бы биоскач, не открой он люк или нет, Крейг заставил в себе умолкнуть. Вязкое, неудержимое болото уже подбиралось к его плечам. Последняя улыбка Крейга была мрачна и сурова, но в ней светилась припрятанная убежденность провидца. Пришельцу с обратной стороны ночного света и протащившего с собой малую эскадру рациональное поведение вменялось в вину, а понятие необратимости судьбы считалось насмешкой и только.

Оружие стоит в три раза дороже, если им кого-то убили. Воин ценится в десятки раз выше, если он знает, что ему уготовано за порогом смерти. Крейг не стал цепляться за жизнь, которой была предназначена иная судьба, стараясь дотянуть до последнего мига, до последнего глотка воздуха. Он перестал удерживаться на поверхности биоплазмы, погрузился в зеленую жижу и не пробуя, полным глотком, полным вдохом втянул через ноздри и рот густую, шевелящуюся органику. Возвращая умолкающему разуму надежду.

Преодолевая мешанину из труб, люков и переходов Иллари спрыгнул в пепел, на местах уцелевшую но подсохшую, в клочковатых рыжих ожогах, траву. "Проталина" аварийного выхода с шипением заросла вровень с остальной обшивкой. В ушах еще стоял оглушительный звон. Вокруг корабля плотной непроходимой стеной стоял лес, а вдалеке белели заснеженные скалистые горы. Иллари тревожно посмотрел ввысь. Медленно и тускло, по дневному небу, карабкались вверх огни сигнальных ракет.

Дело скверное.

"Джордано" сел на неподготовленную, случайно выбранную, не расчетную для приземления поляну. Развернутая посадочная ступень напоминала одно большое, припавшее к земле ухо, которое вслушивалось в планету, пытаясь понять мир в который ее занесло. Отвалившиеся элементы не выдержали стремительного спуска и обломили верхушки крон. Клубы сизого дыма срывали с деревьев остатки продолговатых бархатистых листьев. В них, по всей видимости, было много какого-то масла содержащего сока. И полыхающий за хвостом "Джордано" лес вытягивал тугие дымные косы в ненастное небо Фракены.

Пятнадцать минутами раньше, с пользой развернувшись к планете, орбитальная станция раннего обнаружения выявила в не предназначенном для посадки урочище, схожий с удлиненной крестовиной корабль. За кормой которого занимался лесной пожар. По защищенному каналу связи электронный модуль сделал запрос наземным службам космического флота. Там сличили метку и не обнаружили транспондера данного корабля. Незарегистрированный объект был признан вражеской единицей. Ближайшей к цели оказалась военно-воздушная база межконтинентальных бомбардировщиков "Форавец". Звено перехватчиков, которое могло поспорить с этим решением в скорости, как раз уходило на дозаправку и упустило цель. Поэтому выбор пал на дежуривший экипаж Форавца. Также по тревоге была поднята базирующаяся в двадцати километрах к северо-востоку егерская часть "Дальтиец".

Тучи над головой ненадолго раздвинулись, выпустив из плена белую горошину местного солнца и, наполнив опаленный пятачок поляны золотисто-медовым оттенком.

— Как полагаете, мы стали главной новостью дня, устроив такой фейерверк? — между делом поинтересовался у товарищей Иллари, откидывая скелетный приклад хеклера и легким металлическим щелчком проверяя движение предохранителя.

— Надеюсь, тобой руководила не жажда прославиться, когда, уже после приземления, ты врубил двигатели на полную катушку? — произнес ему в ответ Парс, потуже притягивая ремнями мертвое тело Крейга к раме медицинских планирующих носилок.

— А как бы, по-твоему, я справился с океаном слизи, предварительно не снизив уровень топлива в камере сгорания?

Случаются только те события, которые неизбежны. В глубоком гроте фюзеляжа зияло несколько плохо подживающих разрывов. Кое как посадив сильно поврежденный зонарной миной "Джордано", экипаж занялся поисками в отсеках пропавшего Крейга. Прозрачные,

толстые бронированные стекла проемов в задранных дверях топливного помещения стали зелеными. Болото, цвета резины, стояло выше человеческого роста и там, в глубине, неподвижно, в густой невесомости, висело тело захлебнувшегося Крейга. Иллари побежал в кабину менять вектор тяги гибридных двигателей и запустил их на полную мощность, воспламенив лес позади корабля.

Почему сам Крейг пренебрег мерами безопасности?

Иллари снял с крюка "Руладу" и повесил себе на шею. Остальные три продолжали висеть на своих местах в разрозненных зажимах.

Отчего оперативный провидец не воспользовался очевидным? Упущение это или небрежность?

Иллари вложил в рот конец инкризирующей высокочастотной флейты и издал невоспринимаемый человеческим ухом звук. Зеленая масса за стеклом рефлексивно шевельнулась, точно вздрогнула, и в ней образовалась вогнутая вмятина. Иллари набрал в легкие побольше воздуха и подул сильнее. Яма углубилась, шевелясь по краям, и стала расти, отдираясь и отлепляясь от дверного проема. Остро направленный звук "Рулады" колючей щекоткой обжигал биоплазму, заставляя ее отступить назад. Тело Крейга смялось, скрутилось и его трофеем потихоньку тащило по полу, выплавляя из зеленой студенистой глыбы, заползающей обратно в камеру сгорания. Вскоре вернулся Рон, приведя с собой Парса и дело пошло еще быстрее. Трио с флейтами без лишних хлопот задуло биоскач в центральный топливный бак. Подстраховывая друг друга Рон и Парс вынесли тело Крейга на свежий воздух под крыло. Парс вернулся за закрепленными на стене в проходе планирующими носилками. И лишь тогда Иллари перестал играть, задрав нижнюю палубу уже снаружи. Пилот заглушил двигатели и последним покинул корабль, представив биоскачу возможность вновь заполнить отвоеванное помещение. Рев двигателей, доселе пронизывающий корабль насквозь, умолк на радость всем, вернув способность говорить, а не орать. Дикий крик тишины плавным звоном окутывал мозг, нарушаемый лишь трескучим гулом разрастающегося пожара.

Знающий больше всех теперь был мертв и это выводило ситуацию из под контроля. Они должны были защищать его до последней возможности, совершить все от них зависящее, чтобы он погиб последним. Но теперь Крейг был не у дел и им предстояло это обсудить. Первым, забросив ремень хеклера себе на плечо и опустив автомат стволом вниз, начал Иллари:

— Уже не знаю сколько там нужно готовить оперативника, чтобы он выкинул такое, называя себя провидцем. Под каким ширевом он полез в топливный отсек с биоскачем, не повесив себе на шею высокочастотную флейту?

— А я полагал, что он тебе нравился, — в передышке вставил замечание Рон, вырубая, в непролазных джунглях, десантным ножом, просеку по носу корабля, и орудуя им как мачете.

Убирая руку от холодного лица Крейга, Парс поправил задравшееся веко и сказал:

— Почему у Крейга не оказалось "Рулады". Кто ему позволил соваться под крышку кольцовачного клапана, этого уже никто никогда доподлинно не узнает. Самое простое объяснение обычно и оказывается верным.

Голое, равнодушное, без печали лицо Крейга стало землистым. Глубокие синие тени залегли под глазами, костистые скулы побелели. Холод смерти умерил чувственность губ. Парс зачесал павшему товарищу слипшиеся волосы направо, как носил Крейг при жизни, без ложной брезгливости дунул на расческу и положил ее в карман своей куртки.

— Да, оперативные провидцы особое племя, — примирительно, с уважением произнес Иллари: — Внешне, такие же как и все остальные, но мозги у них устроены иначе и умирают они по-своему.

На голове каждого звездного десантника была повязана сложенная вдвое бандана. Тело защищала укороченная, военного покроя куртка-безрукавка, камуфлированная нательная рубашка из жеванной, каленой ткани- хамелеонки, и такие же широкие в пройме брюки, заправленные в высокие горные ботинки. Ранец за спиной с обшитыми мягкими вставками наплечными ремнями, полный боекомплект. И полагающееся по штату на выбор самое удобное, не провоцирующее усталость по руке оружие.

Если десантнику тяжело- значит его боекомплект еще полон.

Труднее всего в чужом мире прожить первый день. Поправляя жало лезвия об оселок, закрепленный на ножнах, Рон проверил ногтем остроту десантного ножа, заляпанного белым пахучим и густым соком местных растений. В череде препятствий, за спиной Рона забрезжил первый просвет.

— Я устал горевать. Кому требуется коррекция линии судьбы- прошу за мной.

Легким усилием Парс подвинул планирующие носилки вперед:

— Пока человек не сдастся, он сильнее своей судьбы. И как по-вашему следует распорядиться нашей объединенной силищей?

Иллари шел замыкающим.

— Наше дело каверзное. Сколотим бродячую труппу и станем с концертами кочевать по стране.

В мире тайных операций нередко только грубоватый солдатский юмор позволяет людям не сойти с ума., затеяв ссору.

Рон погрузился в пропитанные влагой лесные сумерки, перерубая свисающие лианы ползучей растительности. Следом скользили носилки с Крейгом, которые подталкивал Парс. Иллари замер, прислушавшись, и сосредоточенно насупил брови. В воздухе повисло напряжение, которое трудно было объяснить. По его лицу пробежало глубокое и тягостное изумление. И оно сделалось более холодным и безжизненным, чем у мертвеца рядом, когда он всмотрелся в серый батистовый платок неба.

Сканер межконтинентального стратегического бомбардировщика указал на электронную активность внизу. Изображение на тепловизоре отцифровало, затем отслоило пятно пожара в сторону, оставив четкое изображение неподвижной крестовины вражеского корабля. С горячими продолговатыми дюзами, словно бы подкуренными с остывающего под распахнутыми заслонками тяги концами. Сквозь затянутый катарактой дыма серый зрачок неба, с сердитым ревом проклюнулась и прорвалась стальная капля.

— О, дьявол, — тихо простонал Иллари с глазами, полными ужаса. Казалось, что его лицо стало меньше. Оно было белое, как мел.

Сверхнадежный, из серебряного металла космического века, бомбардировщик с четырьмя двигателями, два из которых были винтовыми, а два других турбинными, резко пошел на снижение. Грохот нарастал до рева, рев до воя, вой до грома, до высокого, свистящего гулко пения двигателей, работающих на максимальных оборотах. Перелетная птица совершила ныряющее движение и, неразжимая когтей, падала прямо на них. В нижней части фюзеляжа раскрылась транспаранта бомбальюка и выпустила из клещей-зажимов матовую сигару.

Они оценили свои шансы за считанные доли секунды, которые отделяли экипаж на земле

от неминуемого крошечного ада.

Мертвое падение газовой бомбы закончилось, сенсоры высоты привели в действие размыкающий автомат. Что-то там наверху откинулось, словно с маслянистой сигары сорвало порваную обертку...

Мазок синевы. Шепеляво-хриплый присвист. Задерживающие защелки раскрылись. Выброшенный вспомогательный купол выровнял положение газовой бомбы, а вслед за этим распахнулся и расправился основной парашют, жадно хватая куполом высоту убегающего неба.

Хорошим ответом на предсмертное оцепенение был стремительный бросок троицы сквозь узкую, разрывающую лесную чашу, вырубку. Крикливая путаница ветвей хлестла по лицам и цеплялась за одежду.

Мгновенная вспышка света, родившая маленькое безжалостное солнце. Горячая волна ударила, подбросила и уронила беглецов с невысокого обрыва. Пронеслась над их головами. Помчалась прочь, грубо подхватив носилки и принеся с собой непередаваемый запах домны мартэна, текущей, подобно патоке, стали и превращающегося в пылающую пыль камня. Лес затрещал, пригнулся, став одним огромным пылающим факелом. Умиравшим броском боли в нависающее небо. Ревущий огненный вал прокатился захлестывающей стеной пламени, выжиг все, что смог нащупать, обволочь, испепелить жарким объятием. И с тяжким стонущим грохотом потянулся и отпрянул обратно к эпицентру взрыва, не различая, что успел натворить.

При ударе о землю сигарообразный корпус бомбы лопнул, тяжелый газ смешался с воздухом, и в эпицентре разрозился пожар в пять тысяч градусов. В зоне низкого давления образовалась вихрящаяся воздушная воронка, затем компактно втянувшая в себя и остаточную ударную волну.

В цепенеющей духоте гибельного пожара умирал расплавленный в ртуть "Джордано", припорошенный жгучим пеплом недавней лесной пущи. И совсем рядом, в нескольких шагах, все было по-другому. Как будто правила придумывались на ходу. От внезапного холода у всех троих перехватило дыхание. Узкую полосу твердого берега, начинающуюся сразу позади опушки, рассекала лощина. Питаемое ручьями окрестных гор русло реки за тысячи лет проточило в твердой породе ложбину. Иллари вынурнул из взбесившегося стремительного потока и, отфыркиваясь, тряс головой, налитой болью контузии, словно хотел стряхнуть ее вместе с ледяной пеной. Свет вяз в мириадах брызг, а ноги искали песчанное дно реки.

Небольшой обрывистый берег прикрыл собой упавших в воду десантников, и ревущий огненный вал растерял катящуюся стену огня над стремниной. Оказавшись ниже по течению, отяжелевшие звездные десантники изо всех сил выгребали к противоположному берегу.

На отмели, посреди реки, между осклизлыми рогатинами ветвей топляка, застряли планирующие носилки, слегка завалившись на одну сторону и став такими же беспомощными, как и закрепленное в них тело Крейга.

Никто из десантников так и не заметил выпругнувшего чуть погодя из межконтинентального бомбардировщика парашютиста. Иллари наскочил грудью на подводный камень, его протащило и перевернуло. Он успел схватить губами немного воздуха, открыть уже под водой глаза и выставить вперед руки, оттолкнувшись от обросшего пузырьками и водорослями переката. Иллари вынырнул на поверхность, стараясь держаться

подошвами ботинок только вперед и разглядел мелькающие в брызгах головы двух товарищей. Левая нога скользнула по камню, его развернуло и Иллари хлебнув воды, частыми гребками стал рассекать стремнину, больше не уступая быстрой воде.

Намокшая бандана сползла Парсу на глаза. Он сорвал с головы платок и отчаянно гребя ногами, чтобы оставаться на поверхности, наспех обтер им лицо. Силы покидали быстрее чем пробирал пронизывающий до костей холод. Оскалившийся острыми клыками, порог ревел и плевался густой шипящей пеной. Парс едва не сбросил ранец и не отстегнул ремень, чтобы хоть как-то сохранить силы и попытаться преодолеть опасное место, когда его сзади, с двух сторон подхватили и потащили к берегу две сильных руки. На прибрежный галечник троица выбралась уже на четвереньках. Все косточки стонали и молили о тепле и отдыхе. Вода стекала ручьями, а ушибленные руки и ноги едва сжимали оружие.

— В таком месте нас легко пришить, — отплевываясь, громко произнес Рон. И сев на корточки сам, стал поднимать товарищей. Наконец они встали и побежали вверх по голой каменной осыпи, карабкаясь и подтягивая друг-друга. Мокрые, гладкие камни разъезжались под ногами, устраивая маленькие лавины. Перекинув тело на уступистый берег Иллари помог забраться товарищам. И они провалились в лесную чащу, поросшую у опушки, достигающей груди человека, травой. Они рухнули в эту зелень едва прекрывшись навесающими ветвями деревьев.

Не прошло и тридцати секунд, как разрубая лопостями жемчужно-серое небо показался вертолет "Соколарис". Он летел вдоль реки, неторопливо осматривая оба берега, то опускаясь, то вновь поднимаясь вверх. Десантники переползли за стволы и затаились, пытаясь согреть дыханием кончики пальцев. В каленой ткани-хамелеонке были проложены специальные нити, состоящие из своеобразных гирлянд объективов и мониторов. Крохотные объективы снимали и записывали изображение позади облаченных в специальную одежду десантников и транслировали ее на мониторы, расположенные спереди. А через объективы, на передней части костюмов изображение передавалось на мониторы на задней поверхности одежды. С какой стороны не посмотри, человек становился практически незаметным, почти полностью сливаясь с окружающей его местностью. Десантники включили, вшитые в планку одежды, трансляторы маскировки и неподвижно замерли, стараясь не дрожать от холода.

Два авиационных пулемета закрепленные на подкрылках по правому и левому борту вертолета имели великолепную оптику и широкий угол обзора. Пилот не спешил, предоставляя возможность электронному мозгу проанализировать целый комплекс экосистемных факторов. От деструктивных, не природного происхождения, образований, не совпадений с фотослепком данной местности. Несвойственных времени года цветовых пятен и аллогичной прерываемости линий или малейшего нарушения перспективы данной материковой зоны. В мельчайших подробностях занесенной в электронную память вертолета. Словом, все что оказывалось не как всегда, проверялось нейросетевыми логическими центрами и подавлялось самонаводящимся огнем. Бортовой компьютер пискнул, обозначив на экране встроенного в шлем монитора, вызвавший подозрение шевельнувшийся холмик, и пилот, не мешкая ни секунды пустил короткую очередь.

Похожее на куницу, едва выбравшееся из своей норы остромордое существо не успело понюхать воздух, как тут же намокшей кровью меховой дырявой тряпкой было прибито к земле. Пулемет стрелял очень кучно. Еще две, угодившие примерно в то же место огромные длинные пули обрушили свод норы, погребя под извилистым ходом весь выводок, так неудачно выбравшейся на охоту самочки-матери.

"Соколарис" повисел еще немного, лова прицелами повторное движение и полетел дальше, ритмично вращая свистящими лопастями.

Иллари перевел дух, когда вертолет скрылся за петляющей излучиной реки. Он вздохнул облегченно, и сев, привалился спиной к бугристому стволу дерева, за которым только что прятался:

— Пора поговорить начистоту. Три минуты отдыха.

Стебельки травы задвигались и примялись. Как бы в воздухе, бестелено, висели "отрубленные" мокрые головы. Телекомная ткань работала великолепно. Приподнявшиеся, абсолютно невидимые два его товарища внимательно слушали, что последует дальше, не забывая работать по местности. Фактически все трое смотрели в разные стороны. Иллари прикрывал тыл на ближнем, плохо просматривающемся секторе. Рон, правый исток реки и подступающий к самой воде на противоположном берегу лес. Парс, направление, куда скрылся вертолет, склонившиеся над самой водой, сразу за перекатами, заросли и выдвигающуюся над ними непроглядную чащу до самых заснеженных гор.

Для этого не нужно было никаких команд. Действия подобного рода были доведены до автоматизма и стали привычкой-второй кожей десантников.

После смерти Крейга, Иллари становился в команде старшим по званию и по праву взял командование группой на себя.

— То, как умер Крейг, — без предисловий возобновил разговор Иллари, — выглядит неправдоподобно глупо, а значит имеет все шансы считаться делом подстроенным. Но Крейг не такой дурак, чтобы убить себя без веской на то причины.

Парсу, как и всем, было холодно в промокшей насквозь одежде. Он сменил позу на более удобную и принялся скручивать бандану:

— Ты говоришь о смерти Крейга как о диверсии. Тут ни латать, ни править не получится. Человек устроен как тай-й-йна, — на этом слове Парс как следует отжал бандану, — как без-з-здна. — с нее упало еще несколько капель. — И целая вселенная уместится на кончике одной его мысли. — Встряхнул и принялся, с нескрываемым удовольствием повязывать платок обратно себе на голову.

Иллари поставил хеклер на предохранитель и, прищурясь, ответил:

— Нормальные люди выбирают спокойную жизнь, жену-грелку в полный рост и подушечку-думочку под голову, а крадущихся по звериным тропам тянет на философию, только если им больше нечего сказать по существу.

Рон чуть слышно хохотнул, зарываясь лицом в самую гущу травы, и сказал то, что давно задумал:

— Каждый приходит в этот мир с собственной миссией. Носом чую, Крейг не собирался загадывать нам загадок.

— Не смейся, — отмахнулся сломанной веточкой Иллари, — Последний, у кого была отменная интуиция, тухнет под солнцем, привязанный к носилкам посреди реки, о существовании которой он даже не подозревал.

Парс не унимался и бубнил себе под нос, прикрывая звук ладонью:

— Какую бы игру не начинать-карты всегда кем-то мечены. Если бы в мире все складывалось под нас и было так просто, тогда бы все умирали только в своей постели или сразу на кладбище.

— Зато теперь хваленный Крейс совершенно предсказуем, — проворчал Иллари. Но без него нам отсюда по-прежнему не выбраться.

Рон и Парс недоуменно покосились на командира.

— Когда не знаешь как поступить, придержишься правил, придуманных в спецназе до тебя. Правило первое: своих не бросаем ни при каких условиях.

— Кивок товарищей послужил Иллари ответом и одобрением.

— Правило второе: при выполнении операции верная постановка итоговой задачи является необходимым условием для достижения максимального результата. Правило третье: состояние свободного поиска является позицией слабой и должно быть в кратчайшие сроки аналитически переведено в понимание точки рандеву. Выкладывайте, что у кого припасено на такой экстренный случай?

Рон уперся скулой в крышку затвора, поставленного на сошки "хеклера" и стал негромко говорить:

— Выброски возле диверсионно- частотного маяка не состоялось. Хотя Крейг вовремя предупредил нас о противокосмической обороне Фраков. Дал понять, что связи и помощи ждать не от кого. Особо подчеркнул, любой ценой найти в Норингриме неведомого Астрела и обязательно успеть с нашими делами до пятнадцатого радовника. Чтобы это все значило- неизвестно. Любая наша попытка уклониться от намеченного им плана, станет лишним подкреплением ложного пути. Иллари верно говорит, нужно искать точку приложения всех наших усилий.

Космодесантники обменялись долгими глубокомысленными взглядами.

Все это было ненадежно. Крайне ненадежно. Принцип дозированной информации не позволял ясно видеть перспективу. Можно все загубить и слишком поздно понять в каком месте ошибаешься.

Иллари круговым движением указательного пальца скомандовал следовать за ним. Отпущенные три минуты на отдых давно прошли. То что они наскребли по сусекам следовало осмыслить. И согреться, обязательно согреться.

Углубившись в лес, отряд перешел на бег. Восполнитель зарядника следовало экономить, и они оклружили режим маскировки, спрятавшись под кронами деревьев. Частые стволы и густая листва закрывали вид на реку, но шум быстротекущей воды не позволял сбиться с пути.

Они возвращались.

Человек хитер к себе подобным, как ни к одному другому существу на свете. Позади, все больше опадая, вздувалось волочащееся по траве облако парашюта.

Драккер, у которого за плечами было не меньше тысячи прыжков, сумел подвиснуть на дереве и погасил купол, не запутавшись стропами в повсюду торчащих каварных ветвях. Возился он не долго. Намотал стропы поверх купола и прикопал парашют. Затем убрал складную лопату в заплечный рундук и отодрал липучку, снимая непромокаемый чехол с "Пустельги"- крупнокалиберной снайперской винтовки в лафетном исполнении. Скрипучий звук, рвущейся пополам липучки, спугнул стайку хохолковых яйцеедов и те, бранясь курлыкающими криками, упорхнули в непроглядную чащу. В разрыве между заостренными кронами наделеный отменный зрением Драккер различил взбирающуюся по небу белую сигнальную ракету. Поднятые по тревоге Гритфудские колонисты- волонтеры выполняли роль загонщиков, отпугивая вражеский десант. Бросать в настоящий бой их никто не собирался. А само участие в поиске предавало ополченцам ощущение собственной значимости и не ущемляло гражданские права населения на самооборону. Они великолепно

знали эти места, поскольку промышляли подсечкой и бортничеством. Охотились и рыбачили по обеим берегам "Крикливой Грэтты", так звалась у местных жителей эта неприветливая в любое время года горная река.

С самолета, сбросившего газовую бомбу, было зафиксировано движение в сторону реки и ему пришлось срочно покинуть борт на планирующем парашюте для полной зачистки местности. Драккер принялся, легкий ветерок приносил отчетливый запах гари. Высокие до паха мягкие на помочах сапоги, тонкий полушерстяной под горло свитер из пятнистого жаккарда. Серо-зеленый, мешковатый комбинезон, а уже поверх этого был накинут плащ на серой основе, который Драккер распаковал, развернул и одел после приземления. Плащ представлял нечто среднее между накидкой, пончо и плащ палаткой с простроченными сверху вкривь и вкось кустистыми лентами. Большая их часть выбрала все оттенки зеленого, здесь встречались и каштановые лены с грязной синевой, до землистых буро-серых и охраво-ржавых. Пятнистая панاما с широкими полями прикрывала его голову с пристегнутыми скрутками сетки накомарника, закамуфлированного разводами тех же оттенков.

На столь пересеченной местности тактика сплошного прочесывания была невозможна. Хороший снайпер мог добиться большего, точно выбрав место и время для засады.

Драккер был по-настоящему опасным человеком.

Длинношерстному багриду было отчего прийти в бешенство. Зверь оказался смертельно напуган главным врагом леса- огнем. Сверкающая болячка шара ослепила его большие круглые глаза. Серыми укусуными муравьями забралась во влажные ноздри большого мясистого носа. Опалила воздух, утащив из него все вкусное и живое. Сделало небо чернее ночи и искусало грохотом, сравнимым с ревом большого водопада.

Багрид взбесился, он немислимо тоскливо взвизгнул, куснул в отместку воздух и огромными бесстрашными прыжками, ожившей лентой, проскакал по верхушкам качающихся крон. Метя волосками шерсти полуобморочное обидное бегство.

Стутившиеся тени деревьев легли на зелень травы, меня очертания бугров и склонов. Спутанные космы лиан душили звуки, превращая все движения воздуха в единый приглушенный шелест. Река была уже рядом. Драккер вновь прислушался, замер, прекрывая половину корпуса стволом чуть склоненного дерева. С качнувшейся ветки вспорхнула радужная водопляска, видимо устремившись к реке за новой порцией голоперой рыбы. Дремучий лес совсем загустел, что говорило о близких грунтовых водах. Снайпер двигался привычно и быстро, стараясь поменьше приминать траву. Меж дрожащей на ветру листвы латунию блеснул журчащий поток и Драккер прибавил шагу.

От чего лес казался ему таким беспокойным?

Стопроцентный профессионал, с нервами из проводов высоковольтных линий, он отчетливо ощутил скопление прямого риска. Возникшее органичное этому лесу ощущение опасности. Взаимное ожидание-как взгляд, который ты еще не видишь, но чувствуешь на себе.

Гнилой валежник под ногой хрустнул и ногу на добрую четверть обдало душем трухи и осыпью мохрохвосток. Изогнувшийся и изготовившийся к броску длинношерстый багрид не выдержал и мягкой лентой скользнул вниз, с удобного развилка между ветвей.

Что было ему до этого человека? Тот пах огнем, от которого лесной зверь бежал, и ему дико надоел этот преследующий его страх.

Все живое старается экономно растративать силы, если не пытается спастись или убить.

Багрид соскочил вниз, налету выпуская убийственно острые когти. Драккер не успевал воспользоваться "Пустельгой". Он смог только отпрыгнуть и выхватить висящий на поясе охотничий нож.

Пышная, с яркими фосфаридами глаз, ослепительно белая, остроухая морда багрида ощутила волну радостной охоты. С негромким урчащим визгом он сбил человека с ног и, растопырив пасть, визгливо зарычал, погрузив свои острые клыки до самых десен в дергающееся плечо человека. Зверь драл его когтями и зубами, возбужденный собственным визгом, пока не почувствовал глубокое холодное прикосновение. Лезвие охотничьего ножа оказалось отточенным, а лентовидное тело багрида настолько разгоряченным, что первые три проникающих удара показались зверю легким уколом.

Сердце Драккера обледенело от ужаса, когда он увидел эту сморщенную в оскале пасть и налитые кровью глаза. Вот-вот он готов был услышать хруст, ломающихся как ветки, собственных костей. Человек вопил и хныкал подмятый чудовищем, которое давно подбиралось к нему по вершинам деревьев. Все темнее, мрачнее и гуще становился лес над его головой. Ночь наступала так, что обещала больше тебя не торопить.

Что безнаказаннее смерти? Может быть полная страданий жизнь?

Крохотные серые попискивающие лесные грызуны, мышехвостки-дерновки и полозки. Копыщающиеся внутри тебя острозубые комочки. Даже если твоя собственная пушистая лапа, размером в два кулака взрослого охотника, тебе не забраться ей под патлатую шерсть. Не выскрести прогрызающих в тебе норки паразитов. Где эти маленькие существа вдосталь мучают и пренебрегают твоей болью. Выедают, строят такие болочие подкожные гнезда.

Раны либо мобилизуют живое существо, либо превращают его в ничтожество.

Испустив угрюмый и озлобленный рев, багрид отскочил, бросив свою жертву и позабыв о ней, отдался затмившей ее, заслонившей все остальное, боли. По его вздрагивающим бокам ручьями стекала кровь. Впервые в жизни зверю хотелось задрать любого, кто окажется на его пути. Он пытался свернуться и поймать боль в изгибе своей большой теплой лапы. Багрид ревел, как задыхающийся бык, с яростным рычанием скалил клыки. В припадке неугасающей боли, он покатился по траве. Зверь царапал землю, рычал, фыркал. Совсем уже не понимая что с ним происходит, кинулся бежать прочь, пытаясь вытряхнуть из себя грызунов и марал траву густой кровавой полосой. Передняя правая лапа багрида подломилась, заставив зверя упасть мордой вниз в самой неприглядной для него позе. Он брыкнул всеми четырьмя лапами так резво, что Драккеру показалось-зверь вот-вот встанет. Глухое ворчание смешалось с хриплым стоном. Наконец его стошнило и багрид резко затих в собственной кашистой луже. В желудке Драккера заурчало и его едва тоже не вырвало, но он сдержался и тут же потерял сознание.

Бормочущий плеск воды, чирикания и трели вернулись в сознание вместе с незатухающей болью. Содранная кожа, от подбородка до бедра, саднила и вся левая сторона вызвала большие сомнения. При дыхании Драккер пытался втягивать воздух правой стороной грудной клетки. Это был чистейший самообман, но ему казалось, мерещилось, что у него получается. Потому что при попытке вдохнуть нормально, межреберные мышцы с левой стороны горели так, точно по ним проводили раскаленным шомполом. Одежда и без того напоминавшая рвань, теперь превратилась в настоящие драные лохмотья с подсохшими сгустками крови. Драккер вдруг вспомнил, что у него очень хорошо

свертывается кровь и ему стало немного легче. Совсем осмелев, он попытался пошевелить левой рукой и даже приподнял ее. Снайпер переживал за целостность плечевого сустава и сухожилий. Большой и указательный палец слушались нормально, мизинец значительно хуже. Отлежавшись и немного придя в себя, правой здоровой рукой Драккер забрался в нагрудный карман комбинезона и достал спец пакет. Повозившись немного, он зубами стащил колпачок с иглы инъекторного пистолета и четырьмя обкалывающими плече и предплечье" выстрелами" ввел себе два кубика кеталиптида. Затем сорвал упаковку и проглотил таблетку из ураганной смеси седативных препаратов. Вскоре, не затягивая с мучениями, натянутый до предела болью горизонт рухнул и провалился в мягкое забытие. Погребая под собой горящую, пыхающую болью рваную рану. Боязнь, ужас, озноб и шок от того что этому наступил конец.

Нежная лихорадка повергла усталость, обострила зрение и прогнала боль. Эта вздувающаяся оболочка крепкого духа вернула его телу быстроту и уверенность.

Кровь была красная, а трава зеленая. Неужели это все еще способно кого-то удивлять и возвращать к жизни?

Боль как рукой сняло. Это было слишком просто и поэтому не внушало доверия.

Драккер разделся до пояса и из баллончика пульверизатора тщательно напылил на самые глубокие раны дезинфицирующую временную кожу. Она мгновенно подсыхала, открывая искусственные поры.

Одевшись, подвигав рукой и поняв что он вполне годен для выполнения задания Драккер заспешил к берегу реки.

Несмотря на обилие событий с момента приземления прошло не так много времени. Выбрав доминирующую высоту на пяточке сухого леса, в густом, свисающем над водой кустарнике, Драккер снял с плеч рундук, достал из него треножник и футляр с биноклем. Ломкие, кое где еще не утратившие зелень ветки пришлось срезать. Драккер торопился, но там где спешить не следовало-был медлителен. Ключвенно — алые противобликовые линзы бинокля скрупулезно, сантиметр за сантиметром, обшаривали противоположный берег реки. Увидев вытянувшегося человека, снайпер замер, но, приглядевшись понял, что тот мертв. Застрявшие в карягах носилки были прекрасной приманкой. Подхода отряда, численность которого еще предстояло выяснить, Драккер пока не заметил, но решил устроить засаду именно здесь.

Трехгранные бруски штатива треноги входили в землю неохотно. Драккеру пришлось навалиться сверху как следует и надавить, чтобы заглубить их до верхней насечки уровня допустимой осадки. Плуг отбойной распорки он забил в грунт до самого запятника. После, вертикальным и горизонтальным регуляторами, настроил станину так, чтобы плавающий пузырек воздуха в колбе уровня замер посередине. На станину Драккер установил лафет" Пустельги". И поправив снайперскую винтовку привинтил одно к другому откидным винтом с проушинами.

Узорный покров зеленой стены леса рассекала хрустально-ясная вода. Река петляла и прыгала по прибрежным камням, словно живое существо, довольно урча и мурлыкая о чем-то подземно-наземном. Своим.

Драккер устроился на мягком лежаке. Через коноскопический прицел лучевого наведения он наметил шесть точек вероятного подхода противника. И стал тихим и неприметным, упиваясь драгоценными минутами нервного ожидания предстоящей охоты на людей.

Ты никогда не должен быть усталым, пытаясь забрать чужую жизнь, иначе наступит миг, когда тебя переиграют.

Сложный путь не располагал к разговору. Звездных десантников здорово отнесло течением. По их стороне выдавалась вперед заболоченная низина. Вода застоялась и позеленела. Пузырьки газов, поднимающиеся от гниющих на дне водорослей, указывали на топкие места. Это внезапное препятствие пришлось обходить, возвращаясь назад и делая крюк. Вновь выбравшись на берег, но не приближаясь к воде и оставаясь в чаще, Иллари провел открытой ладонью параллельно земле и все трое упали, изготовившись к стрельбе. Лес вокруг был осторожен и обманчив. В воздухе повисло напряжение, заставившее поступить так и впасть в молчание. Сладкий шорох, мягкий и непредсказуемый, зазывал ослабить бдительность перед скользкой, сверкающей макрелью, перебирающей камешки в воде. Тишина не приходит одна, поэтому она всегда такая разноликая. Дрожащая листва приминала кроны. Терлась и ворочалась как огромное невидимое существо, бредущее меж двух берегов. Лес не отдавал своих тайн, только нашептывал обрывки миллионов подслушанных ответов.

Вот где неоценимой поддержкой была бы помощь оперативного провидца.

Откуда-то издали, с разных мест, доносились чуть слышные крики неведомых птиц. Испуганные причитания не находящих себе места пернатых, боящихся подлететь ближе к страшному ожогу в лесу. Осмысленным призывом и предупреждением прозвучал отдаленный гортанный рев дикого зверя и вновь наступила тишина.

Парс зябко поежился, сердце стучало словно глухая дробь барабана, не веря такой тишине.

Склон, подпорченный торчащими сухими лесинами, по странной прихоти, огонь обошел стороной. Кое где, к самой воде, спускались кусты, но довольно редко, не то что дальше по особо буйному течению. Крутой берег, недавно поросший стеной леса, теперь был гол и почти ровен, как дно подгоревшей сковороды. Огонь выказал слабость, отдав газовой бомбе все на что замахнулся, дымясь и тлея по краям. Униженно прибитый к земле сырým дыханием леса.

Иллари достал крохотный и очень компактный бинокль, легко уместяющийся в одной руке, но при этом обладающий большим разрешением. Непрерывная игра бликов, тенистые зеленые закоулки при обычном созерцании могли стать источником вдохновения или покоя. Но теперь, густое молчание чащи томило своей неизвестностью.

Посреди порушенной и засыпанной горелыми обломками обширной поляны лежал оплывший "Джордано". Арсенальные галереи точно вытяжи, шпангоуты истончились и напоминали проволочную изгородь. Спекшиеся переборки заставляли сердце щемить при одном взгляде на медно-огненную дымку внутри покореженного салона. Великолепный космический корабль теперь походил на выгнившую до костей тушу выбросившегося на берег белого кита.

Иллари был обескуражен и подавлен, увидев своего любимца таким. Он отдал бинокль Рону, который, спустя пару минут, передал его Парсу.

Если дать волю фантазии, можно позволить себе массу предположений и все покажутся резонными. Нужно было думать и смотреть хорошенько, без азарта, не помогая воображению. В правую трубку бинокля был встроен биометрический фасето-пиксельный видеоискатель. На внутреннем экране выстраивались доминанты показателей теплокровной

массы, близкой к массе человека, встретившейся в зоне наблюдения. Асинхронность движения не в такт с порывом ветра, любая вольность или неряшливость несоответствия, излишняя обжитость места, надломленные ветки, брошенный мусор, даже экскременты. Все в сумме могло поднять плавающую на столбиках показателей параболу выше синей горизонтали, условной нормы проявления поведения лесоречной полосы. Своеобразный детектор лжи для матушки природы. Распознающий обман неумелого мастера прятков.

Биометрический прибор молчал, не зашкаливая за синюю горизонталь. Нельзя сказать, чтобы Иллари заподозрил неладное, но его мнение было не единственным. Спецназовцы пошептались и стали расползаться на животах в разные стороны.

Пелену упавшего на воду горячего пепла давно смыло течение, но на узком мысе, сужающем русло реки, были отчетливо видны следы свежей копоты. Намытая полоса песка отлого спускалась к самой воде. Вода не пускала звуки вдаль, заглатывая их речным потоком.

С обезьяньим проворством, пригнувшись, Парс слетел с каменистого откоса. Пробежал по узенькой естественной дамбе на остров и вытянулся за выброшенной на берег иссиня-черной, словно обугленной коряжиной.

Если на том берегу и был тот, кто хотел его убить, то он явно опоздал.

Гладкие прибрежные камни блестели как кожа свежeweымытых слив. Шумная река фыркала брызгами, отчего носилки с телом Крейга оделись жемчужным ворсом. Капельки покачивались и дрожали как дорогие рюши, а лицо оперативного провидца словно покрылось испариной. Тронутое синевой, оно казалось потерянным и усталым.

"Мне уже некому нравится,"-как бы говорило оно.

Драккер медлил. Коряга, на которую так надеялся Парс, не являлась помехой для "Пустельги". Пуля из очищенного урана с расстояния в полтора километра пробивала навывлет пятнадцатисантиметровую стену из армированного бетона.

Милосердие оскорбило бы его, а пренебрегать глупостью противника, себе в ущерб, он не мог и не собирался. На лице Драккера не читалось сожаления, лишь отупение, которое трудно было объяснить простой сосредоточенностью. Холодные, безразличные глаза уставились на цель, а палец выбрал свободный ход кнопки, и он нажал на нее.

Оружие делает тебя кем-то важным. Исполняет твои мечты. Подчиняет тех, кого ты хочешь бояться. Но самого себя контролируешь только ты. Победить себя в такие минуты бывает самым сложным испытанием. Ты больше не хочешь знать, кто ты такой и жмешь на курок... Завершенная концепция безумия, уже независящая от тебя самостоятельность вылетевшей из ствола смерти оценивает твою работу на точность исполнения. Летит, мчится подлая овеществленная идея, отлитая в метал неведомой жутью. И не торопиться объяснять каждому встречному, что живет он в эпоху отчаяния.

Оставив при себе только десантный нож и офицерскую модель девятизарядного "люгерта", Рон налегке побежал вверх по течению. Надувной жилет из тонкой резины облегал его плечи и грудь. Поднявшись метров на восемьсот, спецназовец выбежал из леса и без промедления окунулся в кипящую пеной воду. Быстро достигнув глубины Рон в размахку поплыл навстречу течению, пытаясь как можно ближе оказаться к противоположному берегу и избежать мели вблизи выступающего острова. Его сносило, но он преодолел стремнину и оказался под тенью свисающих кустов. Хвататься за них не стоило, гибкие ветви покрывали мельчайшие колючки и это Рон успел заметить заранее. Он безостановочно

работал руками и ногами, негромко, время от времени, фыркая и отплеиваясь, пока под ногу не попался устойчивый камень. Оттолкнувшись от него, Рон в несколько гребков достиг берега и выбрался на длинную, белую песчаную косу. Осторожно, крадучись, спешно скрылся в лесу, оставляя на траве малозаметную цепочку мокрых следов. Добравшись до густого места Рон встал рывком и, забирая вправо, мягко побежал меж деревьями. Он чувствовал, что нужно торопиться, но не нарушать поспешностью естественный ход вещей.

Ничего не решалось на глазок. Высокотехнологичное длинноствольное оружие с кратким воющим вздохом плюнуло огнем. Переполненная гнилыми пустотами коряга расщепилась как драный вязаный веник, обдав рыжей трухой распластавшегося в грязи Парса. Ликующий ствол "Пустельги" повторил выстрел, и Парс остался жив только потому, что облако из древесной пыли и опилок на какое-то малое время закрыло видимость снайперу. У парса была отменная реакция. Спецназовец привел в действие маскировку верхней одежды и в тот же миг резко вскочил и, рыска побегал на другой край острова.

Иллари, лежавший до этого в ожидании, в подлеске на высоком месте, среди густо разросшихся молодых деревьев, засек крохотную вспышку и с легким металлическим лязгом передернул затвор. При повторном, прогремевшем с того берега выстреле, он поправил бегунок на прицельной планке, изменив расстояние до цели и плавно нажал на спусковой крючок. Затвор легко скользнул в тонком слое смазки с частыми толчками выбрасывая гильзы и сопровождая едва заметный поворот плеча сполохами в компенсаторе наствольника.

В любом исполнении засада выглядит недостойно. Подвиг друга, бегающего по острову как заяц, позволил Иллари стрелять не наобум, а в самое секретное место, где притаился терпеливый, коварный враг.

Он убил его. Иллари не сомневался в этом. Хеклер забрил наголо пятак вблизи высохшего леса, изрядно искромсав стволы. Изрыл землю, перевернул все вверх дном. Превратив кусок берега в обнаженную, зловещего вида, заостренную рану.

Если снайпер обзавелся семьей, его жена уже могла примерять вуаль вдовы.

Истацив обойму сработала затворная задержка и установленный на сошки хеклер замер в сизом тумане собственных пороховых разрывов. Иллари подул на него и отлег от приклада, разминувшись с пущенной в его голову пулей так близко, что почувствовал стремительное движение воздуха вдоль пульсирующей на виске вены.

Следовало десять раз подумать, прежде чем наживать себе такого врага.

Иллари кубарем откатился в сторону, лихорадочно ища вшивную планку на одежде чтобы включить трансляторы маскировки.

"Сколько их?" — пронесся в его голове запоздалый вопрос. Это было невозможно, чтобы он проглядел второго стрелка. Иллари был уверен, что лишь одиночка мог так умело замаскироваться, спрятав себя и оружие, работать по нескольким целям одновременно. Он не мог понять где допустил просчет. Пули срезали молодую поросль и одно легкое деревце накрыло Иллари, едва не угодив торчащей в сторону веткой прямо в глаз. Огненная буря сбивала кору, дробила камни, нередко с пропевкой улета в молоко. Давя на психику и не давая возможности подумать. Пройтись по ошибкам. Иллари вжался в землю постепенно сползая за едва заметный взгорок и все же, в азарте, дальним глазом пытаюсь глянуть на соседний берег. Кто там, таким бодрячком, лупит налево и направо, никого не боясь и не меняя места?

Рон обходил широко, по внешней кромке выгоревшей поляны, пядь за пядью, осматривая уцелевший лесной массив. Почерневший от копоти, отброшенный выпуклый фрагмент борта "Джордано" его не привлек. Руку, с зажатым в ней "люгертом", он держал чуть позади, а второй свободной рукой то и дело отводил в сторону мешающие двигаться ветви деревьев. Густой мшистый дерн скрадывал шаги. До рези в глазах он ощупывал взглядом бесконечные решетки путаных ветвей. Верхним чутьем он различил в сгущающихся кустах слабый, едва заметный просвет. Большое разлапистое дерево с густой развесистой кроной своими низко опущенными ветвями мешало понять то, что он приметил. Рон осторожно поднырнул под нижние ветки и на четвереньках прополз возле самого ствола, хотел встать и тут же, словно ударившись о невидимый потолок, пригнулся. Рон мельком разглядел как в гуще отгороженной кустами прогалины отклонилась метелка травинок.

В другом месте, совсем не там, куда был прикован взгляд Рона, а метров на двадцать ближе и правее к берегу реки, за сухими стволами деревьев, отрывисто застучала крупнокалиберная винтовка. Он чуть было не поддался азартному порыву, но вовремя осадил себя. Теперь, вблизи, Рон приметил легкую примятость травы. Сломанные у основания стебельки размером с подошву взрослого мужчины выдали того с головой. Рон крался наведя "люгерт" в чуть расслабленной кисти на заросли идеального укрытия. Мушка прицела плавно ныряла то вверх, то вниз в такт с его крадущимися шагами. С того берега Иллари ответил непрерывным огнем. Соблюдая некий интервал, снайперская винтовка заработала вновь уже не останавливаясь. Высокие, густо разросшиеся кусты вплотную подступали к тому месту на которое нацелился звездный десантник. Забирая несколько вправо, чтобы не обнаружить себя, Рон оказался точно позади само двигающейся травы. Прильнув к просвету, в листве он увидел лежащего на животе человека. Береговая линия вздрагивала, разлеталась комьями и щепой, но ни одна пуля даже близко не потревожила схорон, где притаился снайпер.

Людам свойственно ошибаться и дорогой ценой оплачивать свои ошибки. Тяжесть и гладкость скользнувшего в чужой руке оружия заставила Драккера оторваться от монитора с пультом дистанционного управления "Пустельгой". Согласующее устройство системы наведения высокотехнологичной снайперской винтовки размещенное в бронированном треножнике вжикнуло передаточными звеньями и замерло в ожидании новой цели.

В глазах Драккера появилось запоздалое замирание, помноженное на потрясение, совершившего смертельную ошибку человека.

В закусочных и ресторанах он занимал столик, всегда садясь спиной к стене. "Никогда не подставляй спину,"-много лет назад вдалбливал ему в голову пожилой ветеран. Видимо рана была слишком серьезной, а действие лекарств незаметно угасало, притупляя восприятие, раз он, при всем своем опыте, позволил подкрасться к себе сзади. И все-таки, несмотря ни на что, тот, кто его вычислил, был потрясающе талантлив.

Неукоснительное соблюдение правил приводит к шаблонным действиям. Шаблоны легко заметить и запомнить. Поэтому Драккеру сконструировали винтовку по специальному заказу, с пультом дистанционного наведения и ведения огня с помощью частотного сигнала на удаленности до трехсот метров. В зависимости от количества естественных помех между снайпером и его винтовкой.

Убийственная штука.

Последние сомнения мгновенно исчезли, когда Драккер услышал голос:

— Держи руки навидном месте, и тогда я тебя не застрелю. Разве мама не говорила тебе, что не стоит стрелять в незнакомцев?

Перекидываясь на спину, Драккер метнул нож на голос из под себя, вкладывая в неудобный замах всю свою силу.

Рон действовал с быстротой и осторожностью схватившегося с коброй мангуста, когда отпрынул и выстрелил одновременно.

Пуля из "люгерта" пробила опущенную на лицо маскировочную сетку, выпуклый лоб над вздернутой бровью, и вышла сквозь кудлатые волосы чуть ниже темени. И прорвав панаму зарылась во влажный дерн.

Теперь Рон позволил себе обернуться. Лелеющее злобу лезвие, еще свежее от крови багрида, вонзилось в ствол того самого разлапистого дерева. Наборная рукоятка, спелого ядовитого цвета, едва заметно дребезжала и тряслась как высунутый язычок змеи.

Поди угадай, отчего никто больше не стрелял и вообще не было слышно ни шороха, ни шепотка.

Момент возбуждения миновал, и Рон присел на корточки, по привычке ставя "люгерт" на предохранитель.

Солдаты ведут переговоры с непокорным врагом на языке смерти. В нем умещается и страсть матерого мужика, и алчность ищущего награды, и мстительная удалая смелость, и зависть, и стыд, и слава, и упрек. Потому что стремление победить, одержать верх, опережает желание ненавидеть.

Убрав пистолет в карман Рон сложил ладони лодочкой и прижал губы к щели между большими пальцами. Издав резкий протяжный клеткот, он подал сигнал общего сбора и принялся обыскивать мертвого снайпера. Тщательно обшарив одежду, Рон обнаружил смятый носовой платок и плотно закрытую банку с "индийской смесью" из табака и крупинок молотого перца. Иных личных вещей или документов, удостоверяющих личность, он не нашел. Осмотр нательного белья тоже ничего не дал. На нем отсутствовали ярлыки и даже обычные в таких случаях вшитые флажки с размером и памятки по уходу за одеждой. Рон стал стаскивать панаму, нижняя половина которой насквозь пропиталась кровью и невольно повернул голову к себе. Застывшие ледники чувств нестерпимо скучно смотрели остекленелыми глазами на свисающую над ними травинку.

Рон накрыл безжизненное лицо носовым платком и прислушался. Где-то в низинке, едва слышно, треснула ветка, и Рон повторил странный для этих мест прерывистый крик земной птицы. Дождавшись курлыкающий отзыв, Рон успокоился и принялся исследовать панаму. Для удобства стрельбы поля панамы прищелкивались к бортикам отстрочки ободка. Рон осмотрел заклепки пуговиц, засопел и ковырнул их ногтем. В полевой одежде солдата все доведено до полного совершенства и удобства. Рон защелкнул обе пуговицы и вновь отстегнул.

Что-то его в этой обычной на вид панаме не устраивало.

Иллари и Парс подошли с двух сторон почти одновременно, подстраховывая друг друга, на всякий случай. Иллари сразу склонился над телом. Присвистнул, привстал на цыпочки, быстрой упругой походкой прошелся туда и обратно, свыкаясь с враждебной настороженностью уставившейся стволом в сторону реки "Пустельги". Пощупал рану на плече и ребрах снайпера, поползал вокруг кустов и лишь тогда отметил:

— Лежал он хорошо. Грамотно организованный схорон и дистанционизированная огневая точка. — Не удержался от похвалы Рона:—Как ты его ловко разглядел. Тут пока в

шаге от него не пройдешь-ничего не заметишь.

— С перепугу, — отходя, медленно ступая и не выпуская из рук мокрую от крови панаму, произнес Рон: -Если ты еще не забыл, быть убийственно убедительными-есть наша с тобою работа.

Не растеряв удовольствия от увиденного, Иллари поднял на товарища прищуренные глаза:

— Не знаю откуда ты берешь свои мысли, но ничто так не вредит хорошему человеку, как желание казаться еще лучше.

Рон никак не прореагировал на это замечание, достал десантный нож и осторожно поддел шляпку пуговки, та, не с первого раза, но отскочила, оголив гибкую вилочку прижимной захватки. Перевернул панаму и то же самое проделал со второй головкой заклепки.

— Отменно, — тихо и радостно прошептал Рон и его лицо осветилось, точно он приподнял крышку сундука доверху наполненного золотом конкистадоров: -Смотрите.

Три звездных десантника встали рядом и заглянули в выставленную ладонь. Кончиком ножа Рон отбросил разобранные детали в траву и показал остаток.

— Топографитный рекогносциратор.

— Чего, — не поняв, спросил Парс и потянулся к руке.

— Сейчас покажу. — Выбрав место поровнее, Рон притоптал траву, походил, отмеряя квадрат. Снял с головы бандану и расстелил ее, вроде как собираясь перекусить. Присел и опустившись на колени бережно положил хрустальную дробинку, добытую им из тайника в полую шляпку заклепки примерно в центр головного платка. Повертев головой он встал и сходил за пультом дистанционного управления "Пустельгой". Вытер капельки крови и, возвращаясь назад, объяснил товарищам находку:

— Нужен сфокусированный источник света, чтобы получить масштабную развертку. В принципе это можно было сделать даже с помощью обыкновенной спички, но изображение будет дерганым и нечетким. Небольшой прямоугольный экран дистанционки оставался включенным и, когда Рон поднес его к хрустальной дробинке. Вверх, в разные стороны брызнули и застыли криво ломаные линии. Огненные зигзаги прошли светящимися жилками пустоту, проступили надписи, кружочки и черточки, и все отчетливо увидели трехмерную голографическую карту.

Рон горделиво поднял лицо:

— У этой дробинки тончайшая спектральная огранка. Нам еще повезло что снайпер не имел возможности ее проглотить.

— Вот это, я вам скажу, дело, — чуть не в припляс, кругом пошел Иллари. Его палец скользнул по голубой молнии сверкающей посередке, как бы висящей в воздухе, карты. — Вот река. Примерно вот здесь находимся мы, — его палец двигался вниз по течению, пока не достиг примыкающих к самому руслу и схожих с хвостом аллигатора отрогов скалистых гор. Губы пробовали на язык незнакомые названия населенных пунктов. Обозначение реки "Крикливая Грэтта" было написано крупно и повторялось несколько раз. Плитзбор, Шатле, Флингер, Стаюорс, Гритфуд. Вблизи городка Мансута четким высветлением горела взлетно-посадочная полоса аэродрома межконтинентальных бомбардировщиков "Форавец" и базирующаяся неподалеку егерская часть "Дальтиец".

— Тот самый Норингрим, — указал Парс, — про который нам говорил Крейг.

Кружочек города Норингрима частично накрывал и "Крикливую Грэтту", что говорило

о том, что город располагался на берегу реки.

— Кому нужна была точка рандеву? Их есть у меня, — с какой-то злой веселостью балагурил Иллари. Ткнул локтем Рона и спросил:

— Как ты догадался что тайник именно в панаме?

Рон самодовольно поправил форму, смастерил сзади под ремнем "петушка" и неторопливо улыбнувшись ответил:

— Нормальный снайпер, он либо обычный правша, либо левша. Ему стрелять с обеих рук, как готовят силовиков-волкодавов в группах захвата, без всякой надобности. А зачем тогда на панаме, заметь, — Рон поиграл глазами, — на специально пошитой для него, как, впрочем, и все остальное, головном уборе, ставить клепки приподнимающие поля панамы для удобства стрельбы с обеих сторон. Точно он одинаково умеет владеть и левой и правой рукой.

Парс и Иллари довольно засмеялись, по-дружески толкнули сообразительного товарища и нанесли ему легкие удары по корпусу в шутейном спарринге.

Вынув затвор "Пустельги" и зашвырнув его в реку спецназовцы заложили под тело мертвого снайпера мину с не извлекаемым взрывателем отжимного типа, в качестве сюрприза тем, кто пошел по их следу. Хотели взять бинокль, но передумали. Кроме банки с "индийской смесью" и термическими консервами, обнаруженными в переносном рундуке мертвого снайпера больше ни на что не позарились.

В холоде реки отражалось тепло настоявшегося дня. В очередной раз спецназовцам пришлось лезть в воду и доплыть до острова. Не теряя времени на лишние разговоры, звездные десантники дружно высвободили из корявых веток планирующие санитарные носилки с телом Крейга. Мокрая одежда змеиной кожей облегала тело. В набухших ботинках хлюпала вода. Холодный компресс тяжело и противно отекал между лопатками, хворой сыростью, плотно обхватывая тело. Нужно было наконец остановиться и высушить одежду, но времени как всегда не было. Все окрест выглядело мрачно и диковато. От малейшего ветерка пробирала дрожь, и неконтролируемо начинали стучать зубы. Но главная, придающая силы, цель была достигнута, они обзавелись постоянным, долговременным фактором, который заставлял их двигаться в определенном, верном направлении. Стараясь обходить влажную землю, чтобы не оставлять отпечатков подошв, по камушкам вдоль перешейка естественной дамбы отряд направился в лес. Сомкнувшиеся ветки за их спинами еще не успели отдрожать, как с того берега, в небо взметнулась сигнальная ракета, несколько секунд повисела в воздухе и, потеряв высоту, тлеющей искрой упала в воду.

КАЙМАН И ПОЖАРНАЯ КОМАНДА

Раззолоченный, красно бархатный карточный шут "Джокер", в рогатом колпаке с бубенчиками, до ушей намалеванным ртом и подлыми глазками, задрал одну ногу в остроносом мягком башмаке, и уперся упрямыми локотками, пытаясь высвободиться из захвата здоровенной, жилистой ручищи. Амбалистая пятерня сгребла извивающегося скомороха, символизируя мощь егерей "коммандос", способных пресечь любой остроумный обман и хитро заплетенную уловку.

В центре ухоженной лужайки возвышался флагшток. Штандарт с рукой и "Джокером" реял на ветру, бросая тень на мощные дробленным ракушечником дорожки, соединяющие разбросанные здания егерской части "Дальтиец".

Валерий Самородов, прозванный за чрезвычайно несговорчивый нрав и упрямство "валерьянкой", без церемоний изгнал дежурного связиста в подсобное помещение и занял его место, отключив дешифратор на свою ответственность. Ему нужно было видеть глаза Роззела в их, так сказать, первоизданном виде. Линия высокочастотной оптической связи, лишившись дешифрующего наложения, стерла артикуляционную "куклу" разговора и гримас ретуш тонких черт лица подставного образа. На адэйте энергоэкрана предстала подлинная внешность командующего военно-воздушной базой "Фораец". Гладкая, литая лысина Роззела, мощная нижняя челюсть с чуть вздутыми, дряблыми, в розовых пятнах, щеками. Рот расплылся в сияющей, но при этом, ни к чему не обязывающей улыбке. И словно углубленные в собеседника, и, в то же время, отчужденные усталые глаза напоминали взгляд оценщика в ломбарде, привыкающего к обману и слезным, однообразным причитаниям.

— Вскоре наступит ночь и поиск будет затруднен окончательно. Один единственный вертолет, горячо уважаемый и трепетно любимый эскадр-командер Роззел, это даже не помощь, это заведомая насмешка над противником. — Голос Валерия, звенящий от напряжения, резал подрагивающее изображение, как бритва. — У меня столько дыр, что, нужно, по крайней мере, еще два "Соколариса", чтобы накрыть район поиска по обеим берегам "Крикливой Гретты". И хаотичнодвигающейся третьей машиной затруднить перемещение вражеского десанта в лесистой местности, крайне неудобной для обнаружения. Необходимо учитывать отменную подготовку именно для решения подобных задач и полную мобильность противника. Отягощающим фактором следует также считать малую заселенность данной территории, что делает использование вертолетной техники крайне необходимым и эффективным. Мне нужно, чтобы они на каждом шагу испуганно смотрели в небо и жались к земле, а не уверенным маршем шли вперед.

— Это все патетика, пехот-командер Самородов. Не стоит пороть горячку, у меня самого неотложных дел под завязку. Роззел был не столько тугодумом или ленно мыслящим человеком, сколько уверовал, что авиация может нагнуть любое нерасторопное решение, если в том обнаружится необходимость. — Боевое расписание полетов "Соколарисов"

останется без изменений до ноля часов. За районом выброски диверсионно-частотного маяка приглядывать надо? Надо. Поиск летного состава подбитых вражеских клиперов без "Соколярисов" просто мышьяная возня. А сколько сигналов сработавшей автоматики спасательных систем нужно проверить, облететь прилегающие районы. Да что я тебе говорю, — эскадр-камандер сердито отмахнулся, провалившись рукой куда-то ниже энергоэкрана.

Валерий Самородов пытался спрятать бушующее в нем глухое бешенство. Круглый желвак проступил и шевелился на его правой щеке:

— С момента приземления неопознанного вражеского корабля пошло более двух часов. Как ты не понимаешь, что все остальные действия и соображения являются второстепенными и не суть важными! Именно там, а не где-нибудь еще, был зафиксирован огневой контакт уже после нанесения упреждающего удара газовой бомбы! Неужели тебе невдомек, что там и сосредоточено наиболее опасное ядро всей операции. И неподчинение моим требованиям с твоей стороны может повлечь за собой выводы о преступной медлительности и не целевому использованию ценнейшей техники на наиболее перспективных направлениях поиска.

Когда-то, не так давно, разведка была занятием для джентельменов. Стихийный нрав и жуткая самоуверенность, да нахрапистость Самородова вызывали негодование эскадр-командера Роззела:

— Оставь свой хамский тон, иначе совсем ничего не получишь. И сделай одолжение, милейший, перестань на меня орать. Не напрягайся так, поверь человеку чуть тоньше организованному чем ты: твои вибрирующие миндалины не самое приятное зрелище на свете. Если ты что-то втемяшил себе в голову, это еще не значит, что я превращу "Форавец" в аэродром подскока для твоих безумных идей. Пока "Крикливая Гретта" не объявлена особым районом бое столкновения, ты от меня не получишь ни одного дополнительного вертолета.

Валерий Самородов сознавал, что во многом не прав. В пехот-камандере странным образом сочетались упорство и самодостаточность. Он давно усвоил, что гнев дорого стоит. За каждое опрометчиво в сердцах произнесенное слово приходится расплачиваться потоком фальшивых извинений и это мало помогает, когда случается одалживать вновь. Добродушие и вежливость, столь облегчающие сосуществование между людьми, возможны до тех пор, пока взаимоуважение не мешает делу, на котором оба чуточку, но помешаны.

Уловив слабинку беспокойства Валерий обернулся и распахнул окно:

— Дьявол! Эван, где тебя носит. Бегом ко мне! — И жестом зазвал вертящего во все стороны головой вестового.

Дюжий, светловолосый, с простоватым лицом, Эван подбежал к окну узла связи и, отсалютовав, с какой-то удручающей покорностью посмотрел на пехот-камандера. За пушком на его щеках проступил явственный румянец.

— Не тяни! Ты не умеешь скрывать свою бестолковость.

Но вестовой молчал, пряча глаза. Его лицо сделалось скорбным, когда он все же произнес:

— Пара волонтеров из вольнонаемных загонщиков обнаружили на восточном берегу "Крикливой Грэтты" убитого Драккера. Не дождавшись минера, они шевельнули тело и рвануло так, что, похоже, все трое потеряли шанс на Боговспоможение.

Вена на лбу Валерия запульсировала, как ненормальная. Он уставился на Эвана невидящим взглядом и не мог поверить в услышанное, пытаясь осмыслить эти из ряда вон

выходящие сведения.

У вестового был сумрачно-виноватый вид.

Валерий отвернулся, его смугловатое костистое лицо с пронзительными, цепкими глазами вновь уставилось в энергоэкран. Эскадр-командер Роззел видел перед собой дьявола, вырвавшегося из преисподней.

— Похоже, ты не воспринимаешь меня серьезно, Роззел. Теперь наостри уши, ибо твоя карьерная судьба вершится или рушится сейчас...

— У тебя повышенное чувство собственной важности, Валерий.

— Перестань эмитировать компетентность там, где компетентности нет и быть не может! Сейчас я тебе кое что скажу, некую искомую суть, которая всегда ускользала из наших с тобой разговоров. У нас большие неприятности, Роззел, — глуховатым, словно бы провалившимся голосом произнес Самородов. — Задета суперэлита, не перепогиб а уничтожен Драккер, спец, каких поискать и не найти, с полным разрушением тела.

Роззел раскрыл было рот, задрал руку в узком вточном рукаве, и она застряла где-то на затылке и медленно провел по лысине и лбу. Поправив брови и смахнув внезапно выступившую каплю пота с кончика носа, насупил губы и стал теревить бортовку кителя, пока не расстегнул две верхних пуговицы и, позабыв о всяком самодовольстве, произнес:

— Жизнь состоит из потерь, Валера. Сейчас же распорядись отправить туда пару вертолетов.

— И еще три грузовых "Хойверга" для переброски моих егерей "коммандос", — предупредив возможные отнекивания Валерий сказал: — Ты сам знаешь порядок не хуже меня, теперь я вправе потребовать для отдельного егерского полка даже это.

— Ты получишь все по максимуму.

Валерий Самородов добрел мгновенно:

— Роззел, поднеси свою багровую лысину поближе к экрану и я ее поцелую.

— Охотников меня отблагодарить всегда было такое множество, что я рано полысел из за своей доброты.

— Тогда, может быть, в другом теле и в другой жизни?

— И не мечтай.

Длинный, долгий взгляд пронизывал заводь по диагонали сквозь заломанные пальцы ветвей. Звездным десантникам еще не доводилось промышлять местным зверьем. И сейчас это была не охота, а арьергардная вылазка одиночки.

Перемежающиеся неглубокими заводьями перешейки были соединены меж собой узкими промоинами канав. Вязкий холодок подступающего вечера завис над заводью. Вода блестела как матовое стекло. Парс продолжал смотреть, застыв как поваленное дерево между двумя тугими пучками метельчатых растений. Стекающие со скалистых гор притоки обильно питающие "Ктикливую Грэтту" немного не добирали в прыги, преодолевая пологий подъем чуть приподнятого скалистого края выступа тектонической плиты, препятствующий течению множества ручейков. И образовали узкие каналы с заводьями, окаймляемые густыми зарослями мягких водяных растений. Наблюдая за высокой травой, где как ему показалось, он заметил еле уловимое движение. Нечто пробивалось сквозь зеленую торчащую стену колышущихся стеблей. Едва заслышав сахаристый скрипучий хруст песка Парс замер без движения. Его правая рука покоилась на шейке приклада. Малейшее движение, самый слабый звук мог привлечь к нему внимание и спугнуть идущее к воде животное. Невысокое,

худое, даже в чем-то плоское с опавшими боками существо, похожее на многократно пародийно уменьшенную копию слона с кожистой платформой на спине, точно предназначенной для погонщика-лилипута, осторожно вышло на песчаный берег и довольно хрюкнуло, устремившись к воде. То, что Парс вначале принял за лопушки ушей, оказалось плоскими, палаше образными рогами. На загривке торчала еще пара серповидных рожек и там, где над передними ногами угадывались крепкие продольные мышцы из кожистой платформы выпячивалось множество клыкавидных наростов. Зверь, при всей своей необычности, был неплохо защищен от прыжка и нападения сверху. Рогаточник высунул из хобота придающего ему сходство со слоном, тонюсенькую трубочку языка, через которую он, жадно всхрапывая, всасывал свежую речную воду, вбирая холодное сытящее блаженство. Кожа языка была нежной, как розовый лепесток.

Вода так прозрачна, точно слежавшийся воздух, прижатый тенями нависающих деревьев, выжимал из струящейся по заводи хрустальной амброзии озоновый слой для целой планеты.

Драчливая пара на тощих корявых ногах, маскарадно раскрашенных птиц, хлопотала, выдергивая широкими наконечниками клювов нежные подводные корешки растений. И запрокидывая голову, отправляли их в длинную глотку, набивая отвисающий мешком зоб. Парс почувствовал идущую от воды сырую прохладу. Высокие вытянутые силуэты речных деревьев накрывали тенью неглубокий канал соединяющий эту заводь с водоемом побольше. Стекло воды напоминало темный воощеный паркет. Где под тенями, там, где царила самая непроглядная темень, в глубине, таинственным огненным сиянием, тлели капельки неярких световых вспышек. Мерцающий в толще воды огонь был явлением противоестественным и оттого привлекательным. Рогаточник замороженно глядел на движение полыхающих светлячков под водой. Его горло, нежно-кремового цвета, шевелилось и вздрагивало с интересом склонившись над бесконечными вариациями приближающихся огней. Холодная химическая реакция световой энергии как бы играла голубым подводным свечением.

И тут произошло то, к чему ни рогаточник, ни, тем более, наблюдающий со стороны человек не были готовы. Вода внезапно вздохнула, обмакнула берег плеском волны и рассеклась надвое. Отблески брызг резанули по глазам. Фонтан лохматым цветком взлетел вверх и развалился, окатив собой дребезжащую заводь. Вырвавшееся на поверхность чудовище разъяло огромные челюсти и жадно вцепилось в рогаточника. Непрерывно подкидывая верхнюю ударную часть пасти и как крюками вбивая, подтаскивая упирающееся, визжащее существо острыми передними зубами себе внутрь.

Кривоногие птицы сорвались, костеря водяное чудовище и быстро, и шумно захлопали крыльями, и поднялись в воздух, затерявшись в соседних заводях.

Лес кричал, пугал, не договаривал, врал, не до слышал, дрожа на звенящей струне отчаяния. Ленивая вода ходила ходуном. Задние ноги рогаточника судорожно подергивались волочась по песку. Кольца толстого чешуйчатого тела пугающе блестели. Узловатые, перекрученные вены вздулись от напряжения и влажно отблескивали, стаскивая рогаточника в чавкающую слякоть. Брызги красных капель запятнали траву.

Бедное животное дергалось от боли. Тяжелая челюсть с кривыми зубами расслаблялась только затем, чтобы перехватить добычу чуть дальше и сжаться вновь. Вырваться нечего было и думать.

Это не было поединком. Это было убийством первой степени. Запланированной трапезой. Схваткой упирающейся беспомощности с лазутчиком смерти, хитрым и опытным

убийцей.

Тот, которого почти уже не стало. Не было. Будто и не жил он совсем. Один кургузый хвост. Хотелось собрать все свои силы и вырваться, но ноги отнялись от страха, и зубы чудовища застряли в мягких тканях, как зубья китобойного гарпуна. Тот кто засасывал рогаточника, мог зваться как угодно, но Парс назвал его кайманом. Дрожь пробежала по позвоночнику рогаточника. Кайман шумно выдохнул, переводя дух и вместе с воздухом на песок вылетели осколки, обломки палаше образных рогов. И вопрос: "Почему он позволил с собой это сделать", уже не относился к тому, кто поместился внутри другого существа.

Разогревая и смазывая слюной шерстинки похолодевшей от страха пищи. Всю в ранах и продавчиках, подвигая и пошевеливая по пищеводу в нужном внутриутробном направлении. В едкое озеро желудочного сока. Хрустя костями, кореза ребра и не позволяя дышать и жить. Он начинал растворяться в нем, разжижаться, перевариваться.

Парс осознал это с ужасающей практичностью миропонимания и неподдающегося осуждению звериного удобства.

Фактически он становился кайманом и там, где был рогаточник, уже никого не было. Совсем никого. И когда рогаточник был окончательно проглочен, раздувшийся кайман подобрел и даже стал флегматичным. Ему и хотелось то всего с кем-то поделиться своей радостью. Ведь в принципе он был симпатяга. Светящиеся наросты, служащие для привлечения внимания оттеняли изумрудно-зеленые полосы вдоль всего туловища. Тело рептилии тяжело вихляя перегнулось, когда кайман повернул бархатно-черную голову и посмотрел на человека. Сверкающий как кусок графита мертвенно-черный зрачок прожег Парса насквозь. И тяжелым булыжником все опустилось вниз его живота, придавив десантника к земле. Хвост каймана шумно ударил по воде, а морда начала подниматься в его сторону. У рептилии был гипнотический по простоте помыслов и недоказуемости его вины взгляд. С того момента как их глаза встретились они уже намного больше понимали друг о друге. Ведь в аду нет ненависти. Кто-то все равно рано или поздно тебя убьет, а тот, кто пожалеет-навсегда украдет твою душу. И это были уже не они, те прежние. И оба их туловища готовы были успеть доказать это. Напряжение нарастало. Взгляд отекающей "субмарины" засасывал. Без шансов. Основательно. Морозящим кристаллом распирая головной мозг. Это было так изощренно жестоко и маетно, что Парс первым кинулся на рептилию, тренируясь умирать.

С пониманием того, кто перед ним, что не стоит друг-другу мозолить глаза и продемонстрировав легкость и силу своих движений, кайман плюхнулся в помутневшую воду и быстро, черно-зеленым штрих-пунктиром ушел на дно, в тень под деревья.

Уступил.

Лес оставался молчалив и как бы подавлен сотнями подстегивающих опасений. Парс хлопал пыль с одежды ощущая за собой некую победу. Долина зеленым клином глубоко уходила под туманные пики гор. Скалы впереди меркли в дымчатом фиолетовом сумраке. Больше не скрываясь он, широко шагая, пошел обратно к лагерю, то чего-то чувствуя, перепроверяя некую обиду и загоняя себя темпом.

Это лес. Он так живет и подругому не будет. Просто придя к этой мысли, Парс приучил себя к другой, не менее важной. Пока здешний кайман мокрый — порох следует держать сухим.

И никак иначе через этот лес не пробраться.

Вечерело. Этот день, насыщенный как сироп, утекал за высокий горный кряж. Сумерки улеглись, загустели, затопляя собой неоглядный лес. И когда местное светило уже совсем осело за горизонт — резко пришла ночь.

— Ты скоро там или нам прилечь и подождать?

— Жрать хотелось так, что кора на деревьях казалась медовым пряником и каждый понимал нетерпение Иллари.

Кроны деревьев плотно запечатали поляну на которой устроились на ночлег звездные десантники. Они дважды слышали в небе далекий шум турбины и приняли решение огня не разводить.

Одежду, еще до вылазки Парса, отжали и затем высушили на себе, уже не снимая, но от долгого блуждания по лесу форма зазеленела и могла завтра демаскировать на каменистых участках и малотравье. Натруженные забитые ноги гудели. И троица, поменяв носки на свежие и сухие, расшнуровала горные ботинки и оставила их просушиваться на ночном ветерке.

— Буду признателен если вы приготовите столовые приборы, фарфор и серебро.

— Твоя медлительность когда-нибудь тебя покарает, — и Парс вместе с Иллари, не без умысла, одновременно вынули десантные ножи. Вышло на раз.

В глазах Рона мелькнули насмешливые огоньки. Он потянул за тесьму стягивающую верх, расправил складки ткани на мягкой горловине походного ранца и выудил оттуда абсолютно одинаковые банки консервов. Вдоль окантовки закаточного шва отрезком проходила едва заметная щель с нанесенной красной и синей полоской в разные стороны. Посередине торчало термо кольцо. Рон подхватил две банки и бросил товарищам. Десантники, сторожившие каждое его движение, отогнули жестяные колечки и оттянули до конца красного ограничителя. Хорошенько надавив сверху, передвинули съемник крышки и внутри цилиндрических чашек горячо забулькало и оттуда повалил ароматный пар.

Ели с ножей, так и не добравшись до ложек. Иллари досталась консервированная колбаса с лапшой, густо сдобренной томатной приправой. Обильно попадающиеся куски тушеного мяса здорово подняли настроение Парса. Только вот каша, похожая на пшеницу, но не она, неприятно сластила. Рон уминал горячего омара под майонезом. Отполивинев банку, он достал еще три нераспакованных цилиндра, только чуть поуже первых. Сдвинул термо кольцо, теперь к синему ограничителю, и раздал товарищам.

Вкусный, как родниковая вода, охлажденный тонизирующий напиток, приятной кислинкой освежал рот. Мысли невольно вертелись вокруг убитого снайпера, которому они были обязаны столь замечательным ужином, как, заодно, и обедом. Почти минуту никто ничего не говорил, сыто лентяя и гармонизируя свое отношение с окружающим миром. Все обратились вслух. Прощумел в листьях свежий ветерок, пронесся и затих. Сонное оцепенение птиц заставляло звуки редеть и теряться. Никто не покушался на их тихую, запрятанную посреди бескрайнего океана лесов, гавань.

Минута раскрепощенного удовольствия делает слабыми даже умеющих убивать.

— Как по — вашему, для чего он держал рекогносциратор при себе. Я с трудом могу представить что снайпер, всякий раз, доставал из тайника граненую дробинку, чтобы незаплутать, — поделился своими соображениями Иллари, доставая складную саперную лопату и вгоняя ее в землю.

— А ведь верно, — поддержал его Парс, складывая в образовавшуюся ямку опустевшие банки. — Он же в этих лесах ориентируется с завязанными глазами, иначе какой из него

следопыт и охотник за головами. Экипирован он был по высшему разряду, значит и повадки у него серьезные.

— Как у того каймана с которым ты в переглядки играл, — напомнил Рон, лежа на месте надрезанный дерн и притаптывая его ногой.

— Чего не видел-не скажу, а только встречал я таких матерых, — обстукивая лопату о ствол дерева и поигрывая черенком высказался Иллари:-Подстрелит человека, грамотно, с болевыми ощущениями. Но так, чтобы двигаться мог. Надежду оставит и ждет, когда он из сил выбьется, ни идти, ни ползти не может. Выждет до немощной слабости и насыдет, прижимая холодный ствол пистолета к виску, и редкий не сломается. В это момент он свою карту с подсветкой и сунет. Человек ее и не порвет, и кровью не заляпает, а куда и зачем шел — покажет, если жить захочет. Выбьет признание такой скорохват и хоть к стенке того раненого.

Они давно, все трое, перешагнули через препятствие смерти, как через вынужденную меру профессии. Единственно возможную цену существования их дела. Но рассуждение о том, какого негодяя он Рон прикончил, казалось ему чрезмерно дешевым способом самоубаюкивания.

— Вы, как две поддакивающие девственницы, объявившие свой душевный покой священным, лакируете собственное беспокойство стандартным набором затасканных баек.

Граненая дробинка лежала, зажатая в складках его ладони, на рубцеватых линиях жизни и смерти. На их пересечении. Придавлив перекресток судьбы своими отшлифованными зеркальцами, отражающими любопытство всякого заглянувшего в них, но не в свою суть. Ведь то, что у тебя внутри станет однажды важнее любых знамений.

Товарищи немного обиделись и примолкли.

Сумрак отчуждал людей друг от друга. Ощущая за собой вину, Рон перевел тему разговора на откровенный стеб. Поелозив и забравшись в спальный мешок он игриво обратился к Парсу:

— Если снова будешь ко мне жаться во сне, я тебя отшлепаю, так и знай.

— Может мне не стоит этого делать? — Подхватив шутку товарища, испуганно ответил Парс.

— Ты просто разобьешь мне сердце.

— В таких делах я бываю чуточку горяч и неукротим.

— Тогда давай затушим костер наших чувств и останемся только друзьями.

Они ночевали на разных концах поляны, метра за четыре друг от друга. Первым в эту ночь заступил на дежурство Иллари. Когда им придется убивать намного чаще и безумнее, эти невинные шалости отойдут на второй план. А сейчас десантники резвились, не беспричинно радуясь жизни и чуточку самую сумашествовали. В свое удовольствие.

Чтобы уберечь тело Крейга от ночной росы, его накрыли отталкивающим воду тентом из акваскутумной ткани. Можно было просто перевернуть планирующие носилки телом вниз, но это выглядело бы как то не так.

Вы понимаете...

У охотника и солдата не бывает полноценного сна, поэтому постель должна способствовать максимально быстрому восстановлению сил. В их спальных мешках использовался смесевой материал нового поколения, не рвущийся и не секущийся, но при этом дышащий и теплый. Только что не живой.

Совсем в духе выдавшихся на их долю испытаний.

Кроме диспетчерской башни аэродром не имел высоких построек — сразу приучая к небу. Колонна из шести грузовиков "Бингоргов" миновала турникет и пересекла раздвинутые ворота военно-воздушной базы "Форавец". Луч прожектора стеганул по провисшему качающемуся брезенту, пластинам лобовых стекол и узким, точно с прищуром, щелям фар под колпаками светомаскировки. Все ангары, терминалы, административные сооружения располагались с юга на север, у края взлетно-посадочной полосы и охранялись пулеметными вышками. Фартук аэродрома был буквально залит светом. Пунктир стремительно пронесшихся зеленых огней отмечал рулежные дорожки и взлетную полосу. Колонна "Бингоргов" обогнула цистерны заправщиков. Поравнялась со стоянкой пожарных и патрульных машин, и снизив скорость стала поворачивать влево, словно продираясь сквозь пульсирующий рев авиационных двигателей. Прожекторы вдоль взлетной полосы горели ярко. Двойка истребителей "Супр" легко оторвалась от бетона взлетной полосы в горячем, плещущемся реве турбин. Красное свечение сопл по обе стороны V — образного хвоста сузилось и заострилось. Истребители "Супр" легко меняли свои очертания, изменив конфигурацию крыльев и, пробивая звуковой барьер, испарялись в ночи.

Справа и слева маячили застывшие крылатые силуэты, пестрели эмблемы на скошенных хвостах. Огромные тела металлических обшивок межконтинентальных бомбардировщиков сверкали в лучах ломающихся на фюзеляжах прожекторов. Остракизм молчащего, неподвижного, сверкающего железа восхищал и завораживал раз за разом. Грузовики доехали до ангара. Гудронированная бетонная площадка холодного пола была покрыта масляными пятнами. Высоко вверх взмыли арки стальных балок. Гофрированные стены ангара, отливающие марганцевым фиолетом были так велики и обширны, что напоминали крытый стадион, от которого отхватили примерно половину его длины. В нем все казалось мелким и незначительным. На фоне крупного, грандиозного объекта никакой предмет не выглядит привлекательней и как его не поставь, не расположи, кажется временным, если не брошенным вовсе. Будь то ящики с длинными тонкими ракетами "Тиран", вокруг которых суетилась техническая служба. Или разукомплектованный под лопастной фенестрон и полуразобранные вертолетные двигатели и редукторы к ним, похожие на черепа динозавров.

Коренастый и черноволосый эскадр-капер перегородил движение колонне "Бингоргов", подавая сигнал остановиться. Подойдя к головной машине он вскочил на подножку и отсалютовав обратился к пехот-командеру Самородову:

— По боевому расписанию вблизи взлетно-посадочной полосы передвижения на автотранспорте, в колонне и отдельно, строжайше запрещены. Дальше вам придется следовать пешим строем.

Пехот-командер отдал приказ и команда "К машинам!" эхом пронеслась в конец колонны.

Сухие и крепкие, налитые силой, егеря "коммандос" походным строем вышли с другого конца ангара. Самородов гордился своими ребятами, его резкие черты лица в свете направленных лучей казались еще более строгими. Оттопыренные карманы на рукавах и ляжках усиливали впечатление от и без того отменно развитой мускулатуры храбрых ребят. Любой из них не останавливаясь, вот так мог прошагать сутки и более. За них он не волновался и не переживал, потому что был уверен в каждом.

Полное разрушение тела, вот с чем он никак не мог примериться и свыкнуться. Смерть Драккера безальтернативна. Одиноким волк, он всегда рассчитывал на собственные силы. И к

Боговспоможению относился не как к чуду, а скорее как к курьезу. Тайная насмешка над промыслом Господа сыграла с ним коварную шутку и наказала окончательной смертью. Валерий Самородов осветил себя крестом рассекающим.

"И тот кто верует, после смерти воскреснет вновь..."

Драккер предпочитал быть неуступчиво живучим в этой своей жизни. И, кто знает, молился ли он когда? Кто-нибудь заставлял его за этим богоугодным занятием? Драккер был всегда такой нелюдимый, точно чурался людей, сторонясь их.

Мог ли Самородов назвать его своим другом? Не более чем любой другой, с кем тот вообще не гнушался поговорить. Он был лесным человеком. Смолокуры и подсочники нанимали его для охраны угодий от дикого зверя и непрошенных гостей. При вырубке леса и отсыпке дорог, установке буровых вышек и прокладке нефтепроводов он был одним из лучших охотников и сторожей. Его не побаивались а боялись. И одного упоминания имени Драккера вполне хватало, чтобы приструнить искателей легкой наживы на чужих нефтеносных месторождениях. В силу все той же замкнутости никто не знал насколько Драккер чист наруку. И если кого-то обнаруживали с дыркой от пули погибшим впервые, а такое, время от времени, случалось. Или перепогибшим, что случалось значительно чаще, после таинства Боговспоможения, находились охотники и бездоказательно пеняли на Драккера. Но, ни в коем случае, не в лицо ему, а только за глаза.

Человек боязлив и привыкает к телу в котором живет и развивается. Привычка — внешняя реакция на субъективность человека, а страх смерти — основная составляющая его приспособляемости к окружающей агрессии мира. Даже обывание к смене пола не проходит столь болезненно, как порой нежданное перерождение в теле старика или старухи. После того как ты жил, рос много лет и погиб в теле юноши обретая немощность и малоподвижность измученного артритом и подагрой тела. Ведь замена никогда не кажется равноценной. Это ли не наказание?

Валерий Самородов задумался. Немало объявится таких, кто порадуетя окончательной смерти Драккера. Он попытался припомнить как же Драккер любил говорить. Пехоткомандер приложил указательный палец к ямочке на виске: "Между нами контракт и пока я не положу последнего положенного по этому контракту..." — Именно так он и говорил: "положу положенного", "... не возьмусь за новое дело". Одиночка во всем, он считал, что никому нельзя доверять и не следует ни к кому привязываться. Всегда только с самим собой и не надеясь ни на кого другого. Потому что цель-случайная постоянная. И завтра твоей мишенью может стать любой, даже твой лучший друг. И к этому нужно быть готовым всегда.

Востребованным и работоспособным.

Быть в расчете со всеми на вчерашний день, кто завтра может превратиться в новую мишень. Он был тем-кем был, и от него остались одни воспоминания.

Не самое тривиальное что может оставить о себе фанатик.

Егеря, в коричнево-зеленой униформе нестройно двигались, шурша и постукивая по бетону. Этот звук не был похож на рев решительно взлетающих боевых машин. Ему не хватало обрывающего рубежа, за которым бы заканчивалось человеческое отношение и начиналась всеядность.

В ослепительном свете прожекторов "Хойверги" выглядели просто огромными. Гигантские фюзеляжи военно-транспортных вертолетов едва умещались на оборудованных вертолетных площадках. Размах лопастей, двух композитивных несущих винтов, как вековые кроны, накрывал собой металлизированные авиадесантные корабли. Хвосты трех обещанных

Роззелом "Хойвергов" как расплющенные, необычайного размера, акульки плавники смотрели в сторону "гриба" диспетчерской башни. Аппарели "Хойвергов" были опущены подобно пролетам трех параллельно построенных мостов. Снизу по ступенчатым скатам ловко взбирались егеря" командос", растворяясь в чреве военно-транспортных вертолетов.

Загодя стремиться к малому, означало не заложить в результат значительной форы. Прямое содействие, вплоть до неукоснительного подчинения являлось лучшей помощью в розыске высадившегося вражеского десанта. Не понимания а повиновения искал Валерий Самородов в каждом, кто вольно или невольно оказывался на пути его егерей. Количество неразгаданных тайн начинало нервировать, но экипировка, выправка и общий воинский вид "командос" внушал пехот-командеру непоколебимую уверенность в своих ребятах. Они умели так много, что беглецы должны были быть дьявольски находчивыми, чтобы упорхнуть из расставленных на них силков.

Крепкий, сухопарый и прямой, точно натянутая пружина, Валерий Самородов надежным хватом подтянулся к горбатой морде вертолета и развивая наметившуюся трещину распахнул, похожую на оттопыренные жабры, дверь кабины пилотов.

Люки были заблокированы а аппарели наглухо задраены. В вертолетах уже возникло что-то, мощный посыл вибрации. Вторящим свирепым воплем зарокотали глушители выхлопа шести турбодвигателей. Легко, не горячась завращались лопасти, запекая на ветру губы тех obsługi, вытаскивающей тормозные колодки шасси. Несущие винты посверкивали, бешено вращаясь, пока не стали напоминать фрезу. Полнота и объемистость фюзеляжей уже не казалась столь очевидной. Турбодвигатели взревели еще яростней и тоненькая светящаяся стрелка поползла по экрану, показывая число оборотов двигателя. Качнулся руль направления, вертолеты будто повело в разные стороны, их пронзила сильнейшая дрожь и машины оторвались от своих площадок. Сигнальные огни "Хойвергов" поплыли, светясь ярко-оранжевым и голубым. Стрелка альтиметра быстро шла вверх. Они уверенно набирали высоту, поднялись над забором опоясывающим военно-воздушную базу, над пулеметными башенками вышек. И ярца унеслись в распахнутые глаза ночи.

Вереница вертолетов таранила темноту. Лопасти перемешивали тьму, не давая небу отстояться и очиститься звездами. Хотя бы одну яркую точку, ориентир, как напутствие, напоминание, что не весь воздух взболтан и удушливо черен как угольный фильтр. И физическая тяжесть слепоты-явление постижимое но не понятное по причине гнетущей мистической сакральности великой иллюзии непроницаемости пространства.

"Хойверги" принимали сигнал местоположения сразу с нескольких орбитальных станций-спутников. Интегрированный комплекс бортового оборудования обеспечивал пилотирование с огибанием рельефа местности. Система "окно в ночи" позволяла уклоняться не только при общих перепадах рельефа, но и от отдельно стоящих зданий, деревьев и линий электропередач. Делая возможными круглосуточные полеты даже на предельно малой высоте при совершенном отсутствии видимости.

Сидя в узком кресле за вторым пилотом пехот-командер Самородов ощущал как в нем ворошится клубок желаний драться, и он же борется с чувством полной незащищенности. Поделив мир на свет и тьму, бог сделал его непримиримым. И когда человек так пристально глядит в темноту, душа его становится беззащитной.

Фракена, погруженная во мрак, словно оживила мир призраков, где говорят в пол голоса и двигаются крадучись. Неосязаемый холод и отчужденность. Нетопырь-ночь шуршала за бортом своими крыльями, все больше наливая мрак перехватывающей дух и

взвинчивающей душу мечтательной тревогой.

Рождаясь, начинает ли человек умирать в тот же миг? Или это происходит значительно позже, когда в первый раз не захочется жить и стыдно вспоминать об этом, и сладко и непонятно отчего хочется помнить.

Это казалось ужасающим и гнетущим. Неприкаянный, беспризорный дух Драккера цепким взглядом снайпера смотрел на пехот-командера из той пружинящей корпус вертолета темени. Голова склонена к плечу. Ухо греет приклад. Он будто прицеливается в многозначительной усмешке, молчком вдруг отворачивается и исчезает.

Валерий вздрогнул в такт с вибрацией вертолета. Его лицо было мрачным.

Тень-это малость, доля, частица отслоившейся темноты. Пока они бродят в тени этого бескрайнего крадущегося леса, темнота будет помогать им. Секретить. Лгать за них. Они не станут отлеживаться и выжидать. Не для этого выстраивался сингулярный коридор, прошивая пространственно-временные "складки", и гибли защищая основной груз корабля сопровождения. Не для этого...

А для чего?

Если бы знать. Если бы точно определить их скрытый мотив. Тайнопись ведущей идеи.

Но горизонт был начисто стерт, вычеркнут темнотой.

Игра в жмурки ведется оживленно до тех пор, пока у салящего плотно завязаны глаза. Достаточно появиться крохотной щелке, как даст течь истинная идейная причина событий и игра преобразится. Пока егеря" командос" работали как пожарная команда, которая должна настигнуть поджигателей и затушить неизбежный огонь. Но, как правило, пожарникам достаются одни уродливые головешки, уже отдавшие свой обжигающий жар и пустившие по ветру усилия тысяч людей. Необходимо было сломить этот predetermined внутренний трагический кризис.

В тартарары!

Из десантно-транспортных "Хойвергов" вывалились авортажные спуски. Трубчатые полотнища свисали до самой земли и волоклись по траве. Егеря" командос" ныряли ногами вперед в травмобезопасный рукав и, регулируя скорость падения растопыренными локтями и ногами, съезжали вниз. Через кувырок разбегались, рассеиваясь в темноте по узкой, зажатой лесом поляне. Посадить три вертолета здесь было негде и пехот-командер Валерий Самородов принял решение воспользоваться для выгрузки рукавами авортажных спусков.

Свет еще долго жил в светящемся гrome быстро удаляющихся вертолетов, пока не стал таким далеким, точно мир-порождение неравных свобод, безвозвратно, целиком погрузился в одну только темноту. Отделившись насовсем от всего светлого что еще было в этом мире.

Егеря" командос" подключили приборы ночного видения.

Это было проще всего.

КОФЕ С МОЛОКОМ

Ожидание, лишь видимое бездействие и никогда не будет приравнено к отдыху.

Парс лежал, цепким наметанным глазом обшаривая сквозь щель в стене травы, аккуратно примятую стволем хеклера, т-образную пристань. И маленький рыбацкий домик на обглоданных водой сваях. Стоял тот предрассветный час, когда освещение наиболее обманчиво. Кофе ночи сдобренное молоком таящего тумана. Ветер едва шумел и чуть поигрывал бесформенными тенями. Волна поглаживала берег и нашептывала ночи последние прощальные слова. Гамма синих прохладных оттенков слоилась. Они перетекали один в другой, образуя ртуть голубовато-белого плеса.

Тонкий, бархатный промежуток уплывающей в рассвет ночи балансировал на громадных, торчащих клыках скалистых гор, в таящей дымке сыро тканного тумана.

Парс сладко зевнул не отрывая настороженных и пристальных глаз от деревянной пристани, положившей неясную тень на гладкие, обточенные водой камешки и выступающие над поверхностью речные валуны. Лодка "долбленка" вытесанная из цельного ствола дерева покачивалась на волнах, вызванных легким бризом и слегка заваливалась на отмель, засыпанную жухлыми, тлеющими листьями.

Растрескавшиеся доски настила закрипели и расходящаяся колоколом клеенчатая плащ-накидка была брошена на холщовое складное кресло, едва не опрокинув его. Тяжелые сваливающиеся резиновые сапоги, не по размеру, делали мальчика-подростка похожим на кота в сапогах. Не коротко, но аккуратно подстриженные блестящие черные волосы трепал ветерок. Паренек возился со спиннингом и с чуть слышным свистом разматывающейся лески стравливал катушку в глубокий тенистый залив. Десяток креплений для удилиц пустовали, а мальчишка был так увлечен, что не замечал ничего вокруг.

За домиком туманной росой серебрилось широкое, заросшее высокой травой, поле, прижатое подлеском и высокими деревьями глухого, чащобного леса. Коробка рыбацкого домика успела замшеть и порости травой. Драночная крыша, зашитая в накрой, зеленела пушком какого-то разъедающего древесину растения. Сточный желоб забился опавшей листвой. В бревенчатой стене было прорублено небольшое окно, которое было запылено и отсвечивало.

Извилистый противоположный берег реки не таил в себе ничего враждебного. Гранитный и лесистый, он был обрывистый но не высокий, с покатыми осыпями. Суровые, гладкие, как литой шоколад, скалы, крутыми откосами уходили под воду.

Утренний птичий хор уже свистел и чирикал в лесной пуще, выкликая огненный венок пробуждающегося цветами дня, а дом оставался все таким же серым и запущенным.

Парс приподнял голову, слушая вертолет. Но все было тихо. Кружево веток, как трещинки на картинах фламандских мастеров старили небо, подсыщая выцветшие краски уходящей ночи. Молочная суспензия сока в золотых венах густой лопушистой листвы

начинала сверкать тонким узором выступающих прожилок. Слезы ночи искрились на длинных ресницах стебельков. Росили. Утренний воздух был прохладен и полон пахучей засырелой свежести.

Когда светило встанет, предательская полоска росистых следов исчезнет. Парс перенес вес тела на руки и перехватил оружие. Кое-где на металле хеклера проступала невычешаемая синева от долгого использования оружия в непрерывном огневом контакте. Это был цвет надежного проверенного друга.

Перво землянин рывком вскочил на ноги, перебежал широкое, хорошо простреливаемое пространство. Достиг крыльца и перепрыгнув ступеньки нырнул в низковатую дверь и тут же захлопнул ее за собой, чуть перед тем придержав, и отметив, что мальчишка на пристани даже не пошевелился.

Внутри света было еще меньше. Вполне могло случиться и так, что то, что он искал, здесь не окажется. От тела Крейга, со всем прискорбием пришлось признать, начинал разноситься запах. Термо поляризованная ткань была вещью обиходной и в любом магазине ее можно купить хоть километр. Но чужой мир даже созвездия на небе выстраивал в совершенно неправильную, неудобную ломаную пентаграмму. Глаза постепенно свыкались с тем немногим что даровал подступающий рассвет. На веревке, перекрывая угол, свисали облезлые овчины. Консервная банка на подоконнике была наполнена гвоздями и шурупами. Почти по центру мазаная угловатая печь и сложенные возле торфяные брикеты. На вбитом в стену гвозде висел ковш с зубьями, видимо для сбора ягод. Рядом плетеные лотки, похожие на снегоступы. И дном кверху на табуретке сохла корзина, судя по запаху, из под рыбы.

Парс потянулся к полке под потолком и затылком ощутил мягкий шорох за спиной. Он позволил этому звуку лишь кратчайшее мгновение существовать самовольно. Перво землянин кинулся к стене за облезлую овчину и рывком с выкрутом вырвал дробовик из трясущихся дряблых рук старика. Оранжевые патроны покатались по полу. Тот переломил дробовик двенадцатого калибра и судорожно пихал патроны в ствол, когда Парс бросился и обезоружил его. Больше в доме никого небыло.

— Не буянь, дед, — с интересом разглядывая старика миролюбиво произнес Парс. — Оно ведь и пальнуть может. Ты с перепугу приставишься, а мне потом отвечай.

Хеклер в другой руке Парс держал небрежно и лыбился с привычной уверенностью, без тени сомнения что в нужную секунду не промахнется.

Старик был совершенно седой, бледный и осунувшийся. Видно приболевший. Подняться с топчана его заставило вторжение чужака. На нем была ватная стеганка, чайного цвета свитер, растянутый по горловине и рукавам. Брюки заправлены в сапоги. Распухшие подглазья и брови совсем заузили глаза, но те смотрели ровно и неотводимо.

— Делай что задумал и убирайся, вор.

Парс спрятал зубы и с легкой обидой в голосе ответил:

— Я ведь у тебя ничего не крал, а ты, старый, заявляешь об этом как о деле решенном.

Старик затряс головой:

— Это пока. Не для того ты в нашу землю пришел, чтобы без поживы под пули себя подставлять.

Дед явно был подвержен магии громких заявлений.

— Отец, если бы ты был, к примеру, заложником, то мог бы прощупывать меня затайливыми вопросами и утверждениями, чтобы понять мои слабые стороны, готовясь к

побегу. Но я долго задерживаться не стану и мальчика твоего не трону. Вот только мешок-холодильник под рыбу возьму, чтобы уж совсем соответствовать образу мародера в твоих глазах.

— А ружье? — С хрипотцой, но без отчаяния в голосе, спросил старик.

— Его на опушке брошу, а патроны, не обессудь, в траве. Мальчонку сгоняешь, он найдет.

Парс достал с полки термо поляризованный, скрученный в рулон, мешок и пихнул себе за пазуху. Подобрал патроны и пошел к двери, не выпуская из поля зрения старика, чтобы тот не отколол еще какойнибудь номер. Приоткрыл дверь и осмотрел причал. Мальчишка сидел в тряпичном складном кресле, стянув с одной ноги сапог и переобуываясь в кроссовок.

Уже было Парс приготовился выскочить наружу и исчезнуть в лесу, как услышал отчетливый и безошибочно определяемый звук. Из за мыска, прикрывающего протоку на том берегу, так и оставшегося для десантника неприметной, выскочил, сияющий водопадом сверкающих брызг, быстроходный катер. Снежно-белое днище подпрыгивало на острие разбегающихся углом волн. Слабо, еще издалека, доносился звук работающего мотора.

Парс обмер. Лихорадочно блестела вода. Борясь с искушением поступить просто и броситься наутек, обнаружив себя, Парс решил переждать. Катер огибал обрывистые выступы скал, борта его вспучились, фонтаны пены вздымались и опадали. Насморочно бормочущие двигатели вынесли катер на взблескивающий, очерченный рябью широкий плес. Катер гнал "усы" по обе стороны форштевня. Разорванные клочья белой пены цеплялись за борт и плыли по воде. Парс уже различал жалюзные окошки надстройки катера и не зачехленную пулеметную спарку на носу. Некоторое время катер шел малым ходом, а Парс не мог избавиться от мысли что упустил некую важную деталь.

Десантник обернулся к старику и с нескрываемой угрозой в голосе прошептал:

— Веди себя тихо, дед, иначе положишь своего внука в этот мешок, — и для убедительности постучал рукой с дробовиком по оттопырившейся груди.

Звук наплывал, заставляя сжиматься сердце.

Старик медленно убрал со лба седые космы и тихо опустил на топчан, став похожим на растение.

Две стрелы рассекали поверхность воды расходясь в разные стороны и направляя нос катера мимо пристани. На палубе слышалась шутовная болтовня и мелькал тигрово-полосатый камуфляж экипажа.

У Парса возникло противное чувство что он сделал что-то не так. Он перекинул хеклер за спину, стволом вниз и чуть отступил от двери.

Нос катера пошел вверх, а корма вдруг осела, вздымая огромный бурун.

Парс вдруг понял что насторожило, но не встревожило его с самого начала. Он не знал глубины в этих местах, но должен был обратить внимание, что крепления для удилиц стояли на пристани только по одну сторону.

Проклятье!

Катер круто развернулся, огибая мель, с клокотанием подняв брызги и белый пенящийся бурун, зарокотал на слиянии струй стремнины и затишья, и застопорил ход. Двигаясь по инерции прошел вдоль т-образного края, ткнулся носом в песчаную отмель и качнувшись, с шорохом привалившись бортом, пристал к пристани.

Парс оказался не прав. Подросток был старику не внуком, а сыном. Наследником. Дэнис Грациан утонул в этих местах четыре года назад. Тело главы города долго искали и,

на счастье, нашли. Благодаря Боговспоможению его душа обрела не лучшее тело скончавшегося от старости дяди по отцовской линии, некоего Бодье. Дэниса Бодье Грациана избрали на следующий срок, но силы были уже не те.

Быть молодым душой и дряхлым телом на Фракене являлось не просто красивой метафорой, а обстоятельством житейским и не всегда приятным.

"Христос воскрес и нам велел". Но Христос воскрес, согласно библейской истории, в своем обличии. На Фракене подобное было не возможно.

Дареному чуду продления жизни в зубы не заглянешь и избирательность Всевышнего молитвами да жертвенными подношениями в святом храме умамливать только и остается.

Сколько не живи так, а немощное тело твоей душе наперекор. Ощущая подступающие приступы болезненной слабости Дэнис Бодье Грациан, будучи лицом публичным, предпочитал отлеживаться в рыбацком домике, подальше от любопытных глаз и любителей совать нос в чужие дела. Единственную свою отраду, сынишку Аленсе он брал с собой для утешения страданий.

Сестра Дэниса выходила замуж два раза. От первого брака у нее родился сын, которому теперь исполнилось двадцать семь лет. Он стал военным и вот уже шестой год Трайбер ходил на малых речных катерах дослужившись до помощника капитана. Патрулируя "Крикливую Грэтту" он два раза в день проводывал Грациана, справляясь о здоровье и привозя необходимые медикаменты и продукты питания.

Ничего этого Парс знать не мог. И когда дюжий воин перепрыгнул через борт на пристань, он посчитал это досадной случайностью, которая всегда поджидает в засаде и ставит тебе подножку в самый неподходящий момент.

Армейские ботинки на резиновой подошве застучали по настилу пристани. Быстрый и веселый Трайбер высыпал в подставленные ладошки Аленсе горсть конфет и поправив лихо надвинутый на ухо берет зашагал к рыбацкому домику. Спереди на поясе подпрыгивала кобура из которой торчала ручка "смит-вессона" тридцать восьмого калибра.

Беда неслась как на крыльях.

Перво землянин не знал куда деть занимающий руки дробовик. И когда Трайберу оставалось пройти до крыльца всего каких-то несколько шагов, он решился и сунул его на ту же полку, подальше от старика, откуда взял скрученный мешок. Туловище его выражало стремительную готовность и чуть подалось вперед, пружинисто осев в стойке.

Без стука Трайбер отворил дверь, наклонился и вошел внутрь. Парс нанес удар прямо в болевую зону носа и по траектории, пользуясь широким радиусом, с разворота, верхней частью стопы, снес Трайбера в угол комнаты, освобождая дверной проем.

Пока никто ничего не понял для Парса было главным увеличить разрыв между ним и еще не осознавшими свою заботу преследователями. Космодесантник выбежал на крыльцо. На пристани, вокруг подростка сгрудилось несколько разминающих ноги солдат. Парса окликнули. Он приветливо помахал рукой и обогнув угол дома легкими прыжками побежал вдоль стены. Окрики стали более настойчивыми, но стрелять никто не решался, до конца не понимая кто он.

Парс бил так, чтобы воин на время отключился. Старик, оберегая ребенка, тоже не торопился поднимать тревогу. Миновав стену Парс резко ушел влево, прикрыв спину рыбацким домиком и тут же, падая на живот и разворачиваясь на сто восемьдесят градусов, перекинул хеклер на изготовку к стрельбе. Домик стоял на сваях и перед Парсом предстала узкая щель упирающаяся в пристань. Явственно слышался топот мелькающих ног. Парс

выстрелил дважды, используя в каждой очереди по три патрона. Ступив на простреленную ногу солдат, теряя равновесие, упал под крутой откос, прямо в воду. Второй подломился с раздробленной коленной чашечкой и перегородил узкие мостки. Загремели выстрелы перекрываемые стонами раненых.

В следующее мгновение Парс уже мчался так быстро, что издали казалось — летит над землей. Высокая метельчатая трава цеплялась за одежду тысячами когтистых пальцев. Берег расплылся в шелесте разбегающихся очередей. Рой пуль срезал головки чубатой травы. Стрекот автоматов правел, открывая забегающим по берегу солдатам, до того прикрытого зданием, рвущегося к лесу Парса. Одна пуля обдала ему щеку холодным ветром и Парс невольно втянул голову в плечи. Не оборачиваясь, вкладывая все силы в бег, он повернул хеклер назад и всю, до последнего патрона, выпустил обойму вдоль берега. Пустые латунные гильзы вращаясь и сверкая отлетали куда-то прочь. Ощущение опасности и близости смерти обостряло его восприятие настолько, что страх струящийся по жилам, казалось, лишал его кожи. Все мелькало, несло и стебли хлестали по опущенному лицу. Наливаясь свинцово-стальным пением воздух звенел от пуль. Утробный, издевательский хохот разлетающихся птиц бежал от него по сучьям, по веткам, забираясь на самый верх и уступая дорогу преследующей человека смерти.

Массированный огонь включившейся в бой пулеметной спарки на носу катера заставил лес дрожать от грохота выстрелов.

Деревья пригибаться не умеют, они живут и умирают стоя, доверяя последствиям прямых решений.

Тяжелые, густо лежащиеся пули осыпали голову Парса целым ворохом веток и листьев. Слобно сорвавшиеся с тетивы стрелы пронзали барабанные перепонки в оба конца. Кора трещала, отлетая широкими лохматыми пластами, как запекшаяся короста. Сырая древесина гасила удары вязнувших пуль и расщепившиеся стволы падали, словно перекусанные пополам.

Парс кубарем скатился за выступающие корни огромного дерева и бросился навзничь, бегло озираясь. Он миновал подлесок спрятавшись за неохватными стволами. Наскоро проморгавшись, он отстегнул пустой магазин и достав из нагрудника полный, защелкнул его в узкой прорези снизу. Космодесантник вдавил клешь приклада в плече и затаив на миг дыхание выпустил три длинные очереди, приземляя бойкую прыть особо ретивых преследователей. Двое повалились в траву замертво. Третьего он, кажется, только ранил.

Пулеметная спарка захлебнулась. Парс не сомневался что это Иллари, прикрывающий его справа, снял стрелка. Солдаты заметались рассредотачивая огонь.

Двое, пригибаясь, продолжали бежать прямо на Парса, петляя и делая зигзаги, чтобы сбить с прицела невидимого им стреляющего. Сквозь густую щетину молодых стволов в них попасть было чрезвычайно сложно. Парс не посчитал нужным рисковать, тихо встал и крадучись, короткими бросками, припадая после каждой перебежки к земле, стал удаляться влево. Туда, где темнели огромные замшелые валуны. Разносящийся отрывистыми очередями визг пуль не позволял ему бежать открыто. Кого-то он мог и проглядеть, поэтому решил устроить засаду за каменной грядой. Парс продолжал двигаться в рваном ритме, ныряя под низкие ветви и перепрыгивая через поваленные стволы в чуть подрагивающем решете солнечных пятен. В плетеном сумраке и отсвете восходящего светила, в неуловимых для глаза подробностях, просто прижавшийся к стволу человек был бы менее заметен. Кувырок тени, пытавшийся быть незаметнее других, опережал неспешное колыхание леса и

выдал нападавшего с головой. Парс встретил удар в солнечное сплетение резко отклонив корпус и отведя кулак подставленным запястьем. Тут же пнул нападавшего в пах, едва не угодив ногой в дерево. Он был несколько смущен быстротой с которой ретировался соперник. Удары руками и ногами последовали один за другим. Противник владел техникой ближнего спарринга в идеале и быстро прибавлял, вынуждая космодесантника перейти к глухой обороне. Тренировка, четко отработанные рефлексy ставшие привычкой — все было ему нипочем. Парс стал пропускать удары.

"... это серьезно..."

Остриженный рыжий затылок, ледяные глаза и светлoлoбое очень скуластое лицо. Бугристые мышцы противника были так тверды, что на них можно было натирать пармезан как на терке. Рыжий все чаще подлавливал открытые части тела и наносил удары так четко и удачно, что темнело в глазах. Парс попытался выхватить десантный нож, но рыжий ткнул его пальцем под мышку и рука повисла плетью, словно ее отлежали во сне. За временное увечье Парс платил сторицей и развернувшись инерционным броском впервые пробил рыжего головой в живот.

Те, кто видели их барахтающуюся парочку, могли соревноваться в остроумии до бесконечности или застрелить из под тишка. Вошкающегося сверху Парса царапнули жесткие искорки глаз и рыжий, умело вырвавшись, спихнул его на голые корни, коварно ударив промеж лопаток.

Ствол упирался в поясницу. Парс поднял голову, сплевывая прилипшую к губам землю. Это был его же хеклер передвинутый во время рукопашного боя за спину.

Ему не стоило переоценивать противника. Уклониться от инициативно начатого поединка, всеравно что соврать самому себе. Унизиться без объяснений.

Рыжего и след простыл.

" Куда он делся?!"

Парс шарил глазами. Правее, осторожно выглядывая из за стволов, крались двое.

" Те самые? "

Пальцы сами собой стиснули прохладный метал, усмиряя колючее покалывание ладони. Правой руке возвращалась подвижность. Пахло прелыми листьями и сизоватые россыпи незамеченных прежде ягод выглядывали из за костистых выступов корней. Парс выстрелил, вздергивая жалящими фонтанами лопающуюся от разрывов землю.

"Досада! Он не попал ни разу, бездарно открыв себя. Понадеялся на руку от которой еще было мало толку."

Шатко поднявшись Парс побежал к уже близким валунам, не очень надеясь на взаимность в умении мазать. Камни, казалось, сгрудились теснее, спасаясь от темноты и одиночества. Преследующие солдаты чуть запоздало открыли огонь и пули пропели так близко, что космодесантнику пришлось вновь упасть. Вскочив, он стремглав перемахнул через мшистый осколок скалы. Пуля чиркнула с искрой и, изменив направление в выщербке камня, ушла в сторону. Парс выстрелил вверх, чтобы еще притушить порыв преследователей. Углубляясь в петляющий лабиринт валунов он, то дело, оборачивался проверяя, но следов на камне не оставалось.

Каменная гряда кончилась внезапно. Ему не доставало только этого! Путь преграждала протока с высокими травяными кочками по краям. Всего несколько метров, но и этого могло оказаться достаточно чтобы получить пулю и остаться тут навсегда.

С тоской окинув взглядом противоположный берег Парс прыгнул взметая брызги и

порадовался что вода дошла ему только до плеч, напоминая об условности любого комфорта.

Лучи восходящего светила скользнули по водной глади превращая в серебро проточную воду.

Дешево и нелепо.

Он поплыл, мощно рассекая воду руками и страшась признать что остается на месте. Будь струящаяся преграда шире, Парс бы понял это не сразу, запоздав с ощущением собственной беспомощности. Но вода была холодна к его невнятным попыткам вырваться, не признавая за собой обязательств доставить пловца на другой берег. Быстро без вдоха нырнув, Парс ощупал застрявшую ногу. Нечто скользкое, точно смазанное рыбьим жиром, извивающееся и гибкое как речная змея, стянуло икру и не просто сдавливало ее, а впивалась, как казалось, до самой кости. Парс раскравил пальцы пытаясь высвободиться. Прозрачная, от чего и невидимая, как подводная наледь, петля на ноге была покрыта короткозубыми бляшками и драла одежду вместе с кожей.

" Во что он влип?! "

Оттолкнувшись от поросшего водорослями дна Парс торопливо выпрямился и жадно заглатывая ртом воздух тут же погрузился вновь в оседающую воронку брызг. Не успокаивающийся блеск поверхности забивал кристально-синюю глубину. Очень странно растянутая прозрачная сеть не стояла а лежала, стелясь вдоль русла, располагаясь ближе к дну, напоминая рисунком ячеек паутину. Кипящая ртуть трепещущего водного покрывала беспокойно дрожала овеивая глубиной страх. Парс завертел головой, срывая с одежды пузыри. Бесцветно-лаковые канаты паутины забились под костистые полудужья в жаберную губку разевающих рты рыбин, которые таранились на Парса живыми выпуклыми глазами. Парс почти физически ощущал угрозу выныривая и снимая через голову жёсткую лямку ремня хеклера.

Мир стал узким и двухмерным. Размером с протоку в которой кричали обезумевшие от страха рыбы.

Гибкая тень скользнула в воде. Парс стряхнул с себя одурь и поднял ствол, целясь в облако водной пыли. При оружии в нем самонадеянно пробудился любопытный мальчишка и он сделался не солдатом а охотником. И пытался получше разглядеть и запомнить аспидно-черные бока существа, пока очередь не сразила его, укладывая на дно засыпающей торпедой скользкого мяса.

Дьявольски опасный мир потерпит в себе лишь дьявола.

Парс рухнул как подрубленный, со всего маху шлепнувшись в воду, словно и не стоял в ней по самую шею. Он только почувствовав понял, что петля вокруг ноги резко натянулась, дернув и оттащив его на пару метров в сторону. Хеклер упал на дно и лежал, припорошенный илом, впереди.

Уродливая, громадная тень стремительно рассекла воду. Бугристое чудовище с голыми извивающимися конечностями скользило под водой как призрак, неторопливо но решительно. Огненные иглы наполняли распяленную от уха до уха пасть, водовороты и встречные потоки теребили надгубья бесформенного рта. Свивающиеся черные спирали щупалец бешено пенили воду. Нелепые складные века прикрывали два десятка глаз наполненных черной злобой. " Водный Плетун " внезапно повернул к берегу, развернулся, взбаламучивая быстрыми движениями грязь, и поплыл в противоположную сторону, точно наматывая круги. И так повторилось несколько раз.

Петля на ноге то ослабевала, оставаясь цепкой, то натягивалась вновь. Парс вынырнул,

вздымая водяную пыль, глотнул воздуха и спружинив о дно нырнул к хеклеру, вихря растопыренными пальцами придонную грязь.

Оружие допускало стрельбу с попаданием воды и грязи в канал ствола. Он толкался руками, выгибался всем телом, но так и не достал хеклер.

" Ему потребуется вся жизнь, чтобы дотянуться до него! "

Путы тут же потянули Парса обратно и ему пришлось вынырнуть. Парс рубил, сек десантным ножом, пытаясь перерезать натянувшуюся до предела нить. Лезвие скользило как по стяжному тросу подвесного моста даже не оцарапав его. Натянутая нить ловчей паутины неразрывно соединяла охотника и его жертву, словно и не было на свете прочнее связи, кроме страха и ненависти.

Его взбешенный пронзительный вскрик придушила подушка листвы. Он был готов к худшему.

Паукообразный спрут убивал свою жертву болевым шоком если считал ее чересчур крупной. Зубья бляшек терли, перепиливая ногу острыми кромками. " Водный Плетун " не питался утопленниками и всякой падалью. Его аппетит возбуждала трепыхающаяся добыча, полная сил и стремящаяся выжить. Словно сама жизненная сила питала это порождение тьмы.

" Водный Плетун " оставался тьмой вылупившейся из потустороннего мира. Густая тушь выдавливаемая из незаживших вспухших проколов ужасающего рисунка, напитавшаяся страхом и болью многочисленных, помеченных наколкой, жертв. Слюна сатаны капнувшая в текучую чистоту обеззараживающего серебра и сохранившая клыкастую усмешку хозяина. Черный кофе бессоницы с молоком не выкормленных убиенных младенцев. Выродок безумия, знающий как мучить и убивать.

Неспешная вода приговаривала к непротивлению, становясь пособником приближающегося чудовища. Косматый микрокосм потушивший в себе все звезды надежды. Монстр, которого можно благодарить за быструю смерть без мучений, но не за помилование не допускаемое палачем.

Теперь, со всем очевидным ужасом, Парс понял как будет перетерта, передавлена, перерезана его застрявшая в эти сети, нога. Угрожающе, зачернело надвигалась расширяющаяся пасть.

Стремительно бледнея Парс отпрянул, стараясь попасть не запутавшейся ногой в страшную харю.

Лишь единственный этот звук мог заставить в роковую минуту Парса посмотреть за спину. Зов товарища, пришедшего ему на помощь.

— К бою! — крикнул летящий со всех ног Рон.

Сноровисто и метко Рон швырнул свой хеклер Парсу. Внезапность была полной. Понять-означало решиться. В облаке брызг Парс схватил летящий в него хеклер... Рождаясь заново! Он поджал ноги, оседая на дно и оставляя речного паука чуть впереди и выше себя. " Водный Плетун " резко и агрессивно растопырил щупальца, гася скорость о течение, заподозрив неладное. Громкий, трескучий голос хеклера в жидкости осип и походил на почихивание. Трубочатые струи пуль напоминали инверсионные реактивные следы в густо-синем небе, только жили они лишь пару мгновений, не рыхлясь, а лопаясь и распадаясь в движении на крохотные пузырьки.

Педипальпы жгутиковых усов, покрывающие брюшину чудовища касались глазури жемчужной слюды ново образующейся нити, вылетающей и застывающей от прикосновения

с водой. Выпущенные пули разорвали рудиментарный отросток паутинной железы и тряхнув ногой Парс высвободил пораненную конечность из распутившейся петли. Тут же вытолкнув тело наверх он, в несколько гребков, как можно быстрее, выбрался на берег. И уйдя из под огня дал возможность стрелять Рону.

" Водный Плетун " кинулся следом цепляясь извивающимися щупальцами за травяные кочки. Спасая товарища Рон выстрелил из "люгерта" шесть раз подряд, целясь по складным векам чудища. Последние четыре пули пробили специальные замыкающие слуховые отверстия мышцы. И мозг " Водного Плетуна " умер.

Существо, теперь похожее на намокший парик великана, соскользнув перекрученными буклями щупалец, плюхнулось обратно в воду. Темно-коричневое пятно с белыми разводами, как черная отлетающая душа, расплылось по поверхности протоки, загустело и неприглядно.

Отбежав от края леса космодекантики упали в траву. Уединенное место, дорог нет. Километрах в трех рокотал затухающий бой. Опасности словно не было или она была со всех сторон. Парс постанывал, то хватаясь за больную ногу, то брезгливо отдергивая руку от раны.

Втихомолку, прогоняя тени ночи, всю занималась заря. Растревоженные птицы хлопали крыльями и надрывисто крича стаяй перелетали в глубь чащи. В клубках и скрученных в ростках сплетенных вместе лиан и провисших от тяжести шарообразных плодов и радужном разноцветье распускались каскады цветочных бутонов. Пахло нежно-прохладным и живым, томя измученный разум несовпадением пережитого и видимого теперь.

Рон бережно закатал изодранную штанину Парса, жалостливо и странно поглядел и плюнул от омерзения. Лимонно-желтые пиявки облепили сочащуюся кровью рану опоясывающую посиневшую ногу. Чудовищные кровососы шевелились, толстые и членистые, отблескивая мокрой кожей. Осовелый Парс попросил непослушными, запластелыми губами:

— Рви.

— Ты знаешь что делаешь, — ровно и нехотя ответил Рон. Схватил шевелящуюся жирную пиявку и осторожно крутя, и подогнув сопротивляющиеся тельце, резко рванул её.

В голове Парса взорвались красные лохматые цветы и он задрал голову тужась от боли.

В вершинах деревьев чуть слышно посвистывал идущий поверху ветер. Оставшийся внутри крик был достойнее любых причитаний по поводу резкой, пронзившей ногу боли. Скрывая дрожь в голосе он иронично произнес:

— Цепкая штука жизнь, оказывается.

Рон с полным одобрением посмотрел на товарища:

— Горсть бы соли любого помола и они отвалились бы у меня как миленькие, но где ее раздобыть. Хотя... — Рон порылся в карманах и достал банку с "индийской смесью" взятую у убитого снайпера. — Ей присыпают собственный след, чтобы сбить нюх собакам, — пояснил Рон:—Зачем она нужна была снайперу я понять не мог, ведь погони с идущими по следу псами он бояться не должен, но теперь, кажется, и я догадался. Мокнуть по речкам ему приходилось не меньше нашего. — Рон приоткрыл крышку и "попудрил" смесью махорки с крупинками молотого перца прожорливых вздувшихся вампиров, особо щедро перца упругие присоски. Пиявки стали отпадать, извиваясь в агонии, оставив на коже точечные следы от укусов. Парс давил их каблуком, смешивая с землей и тревожно глядел

Рону за спину, стараясь изобличить этот лес в чем то еще. Рон перехватил его взгляд и тут же успокоил:

— Не смотри. Тем двоим тебя уже не достать. Они там... в валунах под камушком лежат. Не торопливо за тобой крались, поэтому замешкал я, почему и подоспел к тебе только в самую последнюю минуту.

Отчаяние-предательство воли. Запыхавшееся заблуждение что ты можешь рассчитывать только на себя и не веря, что кто-то еще ради тебя рискнет своей жизнью и все получится. Это было, имеющее свой нравоучительный смысл, кучее, эгоистичное, местечковое счастье выжившего в поединке солдата.

И не более того. Но и не менее!

Принимая бой ты вступаешь в борьбу не только с чужой волей, но и со своей собственной. Пока здешний кайман мокрый-порох стоит держать сухим, а ум ясным и невозмутимым.

Ослепительно белая звезда поднялась над краем леса. По перелескам наступал день, тени упали на землю покорно признав власть света. В прогалинах и кустистых зарослях в разброс медленно бродили егеря "коммандос". Они искали свежий суточный след, обнюхивая каждую травинку и порой перекликаясь. Прибегать к помощи металлоискателя необходимости не было. Определение марки оружия используемого разыскиваемой группой не составляло труда. Весь берег был усеян медными гильзами. Там же виднелись следы поставленного на сошки хеклера. Пехот-командер подобрал одну такую гильзу и поднес к кончику носа. Пахло окалиной и прошибающей сознание взорвавшейся пороховой смесью в узости канала ствола.

Место, наполненное событиями и обстоятельствами вызывало живой интерес Валерия Самородова и требовало своей расшифровки. Пехот-командер не торопил егерей, но ожидал от них максимально энергичных действий, которые разбрелись и вели тщательный осмотр по обеим берегам выше и ниже по течению "Крикливой Грэтты". Найти, понять и зафиксировать отдельные фрагменты следа, соединить вместе, определившись с самым любопытным.

Замеченные детали характеризующие противника-нотная грамота розыскника.

На каждое, доставленное очередным егерем сообщение о найденном следе и высказываемым по этому поводу соображениям Самородов отвечал одно и тоже:

— Возможно. Вполне возможно.

"Коммандос" приходили и уходили, а пехот-командер рисовал для себя в уме психологический портрет группы. Самородов определил их как парней последовательных и в тактическом плане рачительно-расчетливых, осторожных, но не испуганных. Умеющих решать быстро и верно.

Просеять предгорный лесной массив через частое сито не под силу даже целой армии. Патрули, засады и даже прочесывание местности силами воинских частей среди густолесья и изрезанных протоками болотистых равнин могут не дать результата, если не определиться с моделью поведения врага. Не предугадать их способности и потенциал.

Сразу после высадки Самородов разослал несколько лучших разведчиков в одиночный глубокий рейд по самым перспективным направлениям. Он ждал результата.

По ориентировке разыскиваемых было трое. Группа, предположительно, не была разрозненной и не имела склонности к разделению. Принадлежность отряда к Перво

землянам сомнений не вызывало. Перед офицером безопасности был сильный, обученный, хорошо вооруженный и активно сопротивляющийся противник. Действующий с элементами авантюризма, как в случае с ликвидацией Драккера. Имеющий прекрасную физическую подготовку. Несколько раз за относительно короткий промежуток времени форсировать в бурном месте "Крикливую Грэтту", это по силам только отменно подготовленным бойцам.

Самородов пытался построить мостик между собой и заброшенной группой, через личные ощущения оценивая особенные черты врага. Авантюрный характер поведения говорил либо о не четкой субординации внутри отряда, либо об отсутствии диверсионного или иного задания имеющего конкретные сроки исполнения.

У них есть, должно быть, — говорил он себе, — что-то вроде контрольного срока выполнения операции. Узость поведенческого стереотипа ограниченная временными рамками проявленного решения. Им нужно было так суметь воспользоваться условиями чужой планеты, чтобы не расшифровать себя понапрасну. Но на момент принятия последующих решений, подытоживая то малое что он узнал, Самородов безоговорочно признавал, что статус группы оставался ему неизвестен.

По кодертайпу связи пехот-командер отдал приказ усилить охрану и ввести пассивное наблюдение за объектами стратегического характера. Круглосуточно прочесывать силами ополчения рокадные коммуникации, отпугивая от них диверсантов, создав видимость активности вокруг узловых объектов. Под понятие объектов стратегического характера попадали топливно-перегонный завод, защитные материковые станции, элеваторные эстакады, резервно — энергетический комплекс, селургивные цеха литейного производства, штампо прокатные объединения и предприятия полетно-наземного машиностроения. Макаронная фабрика по совместительству выпускающая горнопроходческую взрывчатку и пороховые смеси. Сборочные верфи надпространственных кораблей и еще, по мелочи, три десятка объектов, в которые входят и очистные канализационные сооружения, военная академия и завод по производству гладкоствольного и нарезного оружия.

И прочее, прочее, прочее-до чего враги очень охочие.

Объять необъятное и опередить на контр ходах засланных казачков, победив в противоборстве ошибок.

С тех пор как вражеский корабль коснулся поверхности Фракены, Самородова охватило беспокойное чувство что ни быстрой развязки, ни счастливых случайностей в этом деле не будет.

Потребовалось не мение получаса, чтобы Парс почувствовал себя если не в полном порядке, то значительно лучше. Рон сходил к протоке и не выпуская перезаряженный "люгерт" достал со дна обраненый хеклер. Он набрал в фляжку воды и обмыл рану на ноге товарища. Затем обработал ее из обеззараживающего баллончика вынутого из спец пакета, покрыв тонким, прозрачным, дышащим слоем. Раны на пальцах рук оказались незначительными, но их, для надежности, тоже обработали. Убедившись что с Парсом все в порядке Рон сбегал в низинку, пошурудил в кустах и вернулся толкая планирующие носилки. Крейга запаковали в термо поляризованный мешок и вновь пристегнули ремнями.

Глупые птахи пели радостно и самозабвенно, щедро одаривая трелью теплый струящийся свет, добирающийся до подножия деревьев желтоватыми вялыми пятнами, точно за время пути немного устав и поистрепавшись.

До окончания назначенного времени сбора оставалось восемь минут без малого.

Космодесантники ловили каждый шорох, устроившись меж мощными корнями, схожими с танцующими брачные танцы питонами.

Ожидание-самая примитивная из доступных человеку физических пыток.

Что такое подстраховка оба знали хорошо. Но в нарушение приказа помощь могла сыграть медвежью услугу. Кинувшись искать и прикрывать Иллари они могли навредить. Заставить волноваться, отвлечь и тем подставить своим незапланированным присутствием. Но пустота бездействия намного хуже ада ожидания. И они заполняли эту пустоту словами, становясь еще тревожнее, когда стрельба прекращалась.

Растянутая в смертельную паузу тишина пряталась в спокойной и не взволнованной пустоте, делая лица еще мрачнее.

— В четвертый раз, — чуть дернувшись в слух сосчитал Рон, ломая в руках пополам невинную веточку.

Они проживали свои жизни под чужими именами и легендами, на чужих планетах, шурясь от чужого солнца. И все что было твоим хоть на время, тоже претендовало на свою толику слабости, обременя смирением ожидания.

Собственный голос в сравнении со звонкой трелью птиц казался Парсу хриплым и напряженным:

— Никак не выходит у меня из головы мой спарринг-партнер. Ведь он не дрался в полный контакт, а так, только щупал меня, ускоряя темп.

— Думаешь разведка? — Тут же верно оценил предположение товарища Рон.

— Почти уверен, — вытянув руки и положив на согнутые колени ответил Парс. — Меня он пробовал на прочность и чужих глаз боялся не меньше моего. Поэтому и рванул, когда заметил приближение тех двоих, которых ты уложил в каменном лабиринте.

— Почему тогда не позвал их на помощь?

— Опытный, вот и не стал ломать игру своего командования. Не забывай, армия и разведка-структуры алчущие славы порознь. Медали в основном дают за храбрость, а не за сообразительность. Храбрецом будет признан тот, кто нас с тобой поймает.

Рон, вместо ответа, характерным жестом потрепал мочку уха, намекая что Фракам не видать космических десантников как своих ушей. Он увидел Иллари первым. Тот вышел из за дерева, держась тени. Иллари еще дышал боем, который сорвал с него все наносное, за чем проступила общая сущность разведчика и диверсанта. Его движения обрели хищную угловатость. Он напоминал довольного собой, ушедшего от гончих травленого волка, символизируя всевластие удачи. Глаза задиристо горели, словно их вынули из раскаленной печи, подозрительные, усталые, но не таящие в себе и тени поражения. Горячее дыхание разогревшегося металла хеклера опаляло его ладонь.

— Мы уже и не чаяли увидеть тебя живым, — не скрывая своего облегчения и радости встретил командира Рон.

Весь еще возбужденный и тугой Иллари продолжал ступать мягко, расслабляясь словно по частям, начав с улыбки:

— Умереть достойно с разбитым сердцем-это по мне. Но у них, как на беду, от чего-то у всех были такие косматые, небритые рожи, что ни один не запал ко мне в душу как вы.

— И стоило тогда из за этого открывать пальбу? — С откровенной укоризненной фальшью в голосе отчитал его Парс.

— А как иначе отбиться от назойливых поклонников, — в сердцах пренебрежительно посетовал Иллари, приседая рядом с товарищами.

И боль никнет и по особенному хочется жить, когда выходишь из подобной передрыги с минимальными потерями.

Неуютная радость сопережитого отдающая солдатским потом.

Некому было пожелать им удачи. Они же рисковали всем.

ДВА СОВЕТА

Блестящий бугор воды вздувался над топляком перескакивая через толстые стволы, образуя перекат. Пена срывалась с гребня и широкой полосой стекала под тень переброшенного через реку двухуровневого моста, устаиваясь и как бы отдыхая на плесе, отплескавшись в крутых поворотах русла. Истрескавшийся парус скалы оторочила дорога из белого песка, зажатая между "Крикливой Грэттой" и опадающим выступом скалистых гор. На малоглубье окатые мохнатые валуны жирно блестели как лоск на хорошей коже, окутанные злой, кипучей пеной.

Река холодила взгляд. Берег на той стороне задрался и неприступно оскалился утесами. Речные скалистые теснины рвали берега, перекусывая зеленую накипь листвы, прибранную ветрящейся травой до самого приплеска. Пенные холки процеживались через притопленные осыпи камней и прогретую воду мелководья. Журча змеиными клубками сплетались и вновь секлись на каменистых ершащихся омелках.

Леса вокруг стояли глухие, словно совсем нехоженые человеком. Но это было не так: зверь был распуган и лес молчал. Иллари никого не увидел, но ощутил чужое присутствие. Они бросились в траву и затаились. Наперерез, почти навстречу шли, стараясь не показывать себя шумом, солдаты. У каждого был вороненый, ухоженный автомат с рожковым магазином.

Борный лес чист, выжимая сорный подлесок за свои пределы. Деревце к деревцу, как мачтовый сосняк, рослый и прямой с малых веток начинался и переходил у вершины в разлапистую остроугольную крону. Редкими просветами от макушек продираясь сквозь разлетистую путанку ветвей.

Солдаты прошли верхом, по взгорку над трухлявым повалком. И три десантных ножа вернулись в ножны. Зачехлились, не обмокнув в свежей крови.

Сытые, не уставшие, точно от полковой кухни только отошли, а беспечности ни в едином шаге не было. И виною не выправка, а знание о близком присутствии противника.

— По наши души, — вывел за всех Иллари и дал команду обходить низинку правее.

Пологое плато плавно подбиралось к скалам, точно подманивая. Все трое держались настороже и каждое мгновение ожидали выстрела в спину. Сухой лог они выбрали не случайно. Он, как рана на гладком натянутом теле неряшливо оброс кустами, как волосня из ноздри торчала.

Прямая трава по-иному отражает падающий свет и стебельки пригибаются в ту сторону, куда направлялся носок человеческой ноги. По этим едва заметным приметам Рон

обнаружил у хворостяного завала первую растяжку противопехотной гранаты. Космодесантники даже обрадовались этой находке. Они, очень дотошно, сняв амуницию облазили на карачках за час с лишним весь лог, и глядя во все глаза обезвредили еще несколько сигнальных и осколочно-разрывных гранат. Взрыватели натяжного действия были не простыми, а со всякими сюрпризами.

Космодесантники обрели место для отсидки, куда не сунется ознакомленный с картой минных полей солдат, а шнырям как и дуракам закон не придуман.

Ступая осмысленно осторожно, с носка, ища замаскированные мины и растяжки они покинули сухой лог, отключив планирующие носилки и втиснув их под куст, густую листву которого лениво ворошил беспалый ветерок.

Позавтракали витаминизатором на фенаминовой основе и протеиновой взболткой, стараясь не морщиться и глотать по честному. Силы необходимо было восстанавливать. Назрела необходимость тщательной разведки местности. Если власти Фракены взялись за них всерьез, а это было на то и похоже, у них почти не остается шансов.

Но разве это было чем-то новым?

Объявленный розыск шел своим чередом. Постепенное нагнетание действием гораздо эффективнее стрельбы по разлетающимся воробьям. Под лиственным пологом, уйдя под сень бескрайнего леса, стоял шатер. Серым размывом в густой зелени с присыпанным листвой навесом возле прогоревшего костровища. Крылья шатра были закатаны на верх и лишь в углу, где они кольшками плотно прижимались к земле, собрались люди бывалые, обступив кружком подсвеченную верхним светом карту. Старшие офицеры управления тайной службы, командиры горной стражи и охраны железных дорог, ранговые капитаны военно-речного флота и первые помощники эскадр-командера. Обстановка на военном совете была походная и не отягощенная ненужными солдатам излишествами.

Самородов говорил отрывисто, будто прикусывая зубами окончания слов, чуть склонившись над разложенной картой километровкой:

— Мало искать случая, надо создавать условия для его благополучного само возникновения, — и растопырив пальцы ставшей похожей на нетопыря рукой прикрыл интересующее место на карте. — Преследующий крадется по следам улики. Как бы не был человек аккуратен, этих следов не спрятать. Но след идеи и мотив в сто крат ценнее. Он ориентирует пустые предположения ловца, выставляя азимут поиска и делая возможным забегание вперед преследуемой группы. Действуя на опережение и предвидя момент встречи. Примем как данность что разыскиваемые десантеры не минуют это узкое место иным путем. Возражения? — И пехот-командер хищно скользнул взглядом по напряженным лицам. Его голова изящно посаженная на крепкую мускулистую шею трижды описала полукруг и замерла на заговорившем офицере.

— Любая атака таким числом никак себя не оправдывает. Они не штурмовики и станут искать обходной путь. Почему бы им не попытаться пройти через горы?

Самородов одобрительно качнул головой и ответил с задержкой, сосредоточенно задумавшись, в то же самое время продолжая как бы размышлять в слух:

— Миновать плече скалистых гор без опытного тропника-горнолаза дело долгое и медленное, сколько бы мастерства в тебе не было. А обнаружат если, в крепеже на отвесе, уходить будет некуда, трос паласнуть и только в пропасть камнем, — рука егеря угрюмым ангелом пронеслась над картой. — Дороги всего две, и те берут начало на перепутье единого

тракта, разветвляющегося поворотом на мост и грунтовой дорогой вдоль русла. Монорельсовая железная дорога объект повышенного охранения и каждый пост находится на расстоянии прямой видимости. Досмотр грузовых поездов производится нарядами перед мостом в обязательном порядке. В состав которых включены кроме военных работники железной дороги и инструктор со служебной собакой. Движение пассажирских поездов на данном участке приостановлено полностью. Верхне ярусная автотранспортная магистраль ведущая через тот же мост оборудована четырьмя постоянными блокпостами, уже сутки работающими в режиме "таможня". Тень руки прошла по ломаным линиям в точности изображающим перепады горных высот. Баритон Валерия Самородова стал густым как поросшее вереском болото: - Все шесть относительно полого спускающихся горных троп разбиты на высоты, пристреляны и там круглосуточно находятся наши люди. Ваша задача стать недремлющим оком на пути преследуемых.

По сути, опекая большое пространство, контролируя обширный ареал, Самородову всюду приходилось прикладывать свою строгую руку. И его настрой, он был убежден в этом, передавался всем подчиняющимся ему подразделениям, от спецвойск до ополченцев. Целеустремленность и уверенность командира придает порядок хаосу предположений.

Несколько человек в форме военно-речного флота расступились, дав место попросившему слова Армалю Боргу: руководителю службы поддержания общественного порядка. Он был невысок и плотен, с огромным красивым лбом окаймленным глубокими залысинами. Когда он говорил, мышцам поддерживающим нижнюю челюсть приходилось так много напрягаться, что шевелились маленькие аккуратные ушки, гармонирующие со столь же маленькими лукавыми глазками, разделенными хищным орлиным носом. Армаль Борг взял слово:

— Вы рассказали о практически осуществленном оперативном плане проведения операции. Все выглядит в высшей степени предусмотрительно. А не кажется ли вам, — на этих словах их взгляды скрестились, — что исходя из услышанного нами ранее мы, своей плотной опекой, переусердствовав, отпугнем вражеский десант, окончательно вынудив их искать обходной путь в тех местах, где им не подготовлен столь непреодолимый заслон. Идти напролом для них все равно что совать голову в пасть зевнувшему багриду.

Каждый новый человек меняет составляющую разговора, но мастерство настоящего лидера в умении не мешать развиваться спонтанно складывающемуся диалогу, а умело направлять его в полезном тебе и делу направлении. Самородов заговорил чуть мягче, тратя на каждое слово на треть больше времени чем прежде, придав беседе некий доверительный оттенок:

— Именно поэтому, чтобы не возникло сомнений по поводу целесообразности самой операции, я, в начале, так подробно изложил нашу диспозицию. Если бы мы ограничились обычным режимом проверки, они бы обвели нас вокруг пальца как салага и я не стыжусь этого признать. Они обучены выживать планируя сразу несколько операций отхода и способов обрыва следа. Исключительно осторожны в вопросах маскировки. Я не хочу вас накручивать завышая их способности, но анализируя предыдущие шаги разыскиваемой группы могу говорить об редчайшем сочетании в них настойчивого упорства и авантюризма везунчиков. При всей ее малочисленности группа обладает исключительной боеспособностью, — голос Самородова приобрел чуть заметный снисходительный оттенок: - Мы здорово облегчим друг-другу жизнь, если перестанем воспринимать их как потерпевших на чужой планете крушение пилотов и просто пытающихся выжить в незнакомой жизненной

среде. Лучше думайте о них как о стае инопланетной саранчи, съедающей покой добропорядочных граждан. Взяв на себя ответственность я смею утверждать, что нащупал их болевую точку. — По рядам командиров пронесся невольный шепоток роптания. — Считаю себя, как впрочем всякие талантливые бойцы, личностями выдающимися, они оказываются честолюбиво уязвимы. Действуя до настоящего момента вполне успешно, десантеры уверовали в собственную неуязвимость. Им кажется что переносимые ими страдания оправдывают их исключительность. Они свыклись с сопутствующим им состоянием победы, но принимать решения и осуществлять выполнение задач с исключительной результативностью они могут только в экстремальных условиях и в состоянии острейшего стресса. Они действуют на пределе возможностей. И любой сбой может разрушить их внутреннюю собранность, нарушив хрупкое равновесие внутри команды. Поэтому к нам уважения ни на грош, а себя наверняка до небес чтят. И это происходит не потому что они как-то по особенному недалеко. Такое свойственно каждой обособленной не расслабляющейся группе успешно действующей продолжительное время в экстремальных условиях. Как бы они не были хороши, усталость берет свое. Ни отдыха нормального, ни сна при постоянном поиске опасности. Спасти их может только некий смелый ход. Выработываемый в организме адреналин требует новых вливаний, создавая ощущение неконтролируемой эйфории. Им постоянно нужны сильные, яркие движения. Непрерывно находясь в таком напряжении — это единственный способ восстановления. Теперь представте насколько тяжело, на фоне накопленного успеха, им дается каждое решение. Как сами себе предусмотрели, так в точности никогда не выходит. Хоть что-то, да не так. В этом и заключается некий момент шантажа с моей стороны. Мы, построив перед ними непреодолимую преграду, со всей крикливой очевидностью указываем десантерам на невыполнимость поставленной задачи. Как поступят они? — И не пытаюсь перекрыть поднявшийся гвалт мнений, Самородов дождался пока страсти не улеглись сами собой. Затем подал сигнал себе за спину и мимо него, едва шевельнув могучими плечами, протиснулся рыжий Ульрих. Он бросил по сторонам опасный с вызовом взгляд бывалого солдата, который привык босыми ступнями бегать по острой кромке. Ульрих вытянулся и замер, глядя поверх голов старших офицеров, редкий из которых доходил ему до плеча.

— Мой разведчик поведает вам о встрече с одним из них, — отрекомендовал вышедшего следопыта Валерий Самородов.

Рыжий Ульрих подхватил разговор так же быстро, как мог бы положить себе под колено большинство стоящих здесь офицеров:

— Боевой контакт я имел только с одним диверсантом, другого слышал, но видеть не видел. Он бой за собой уводил. О бойце вступившим со мной в спарринг могу сказать следующее. Возраст от двадцати трех до двадцати пяти. Рост сто восемьдесят, сто восемьдесят три. Излишне худой. Жилы на костях. Миловиден, с неразвитой растительностью на лице. Глаза приторные, умные, а взгляд цепкий, даже жадный. Кожа на лице не чистая в прыщавых оспинах. Правый висок асимметрично выбрит. В нашем лесу ориентируется как у себя дома, — тут челюсти Ульриха сжались а глаза посуровели: — Двигается как зверь, чутьем, не замечая лишнего. Дыхание по пересеченке держит как марафонец. Реакция мгновенная. На вид доходяга, а бьет, как гвозди по рубленую шляпку в плаху пятерней заколачивает. (Ульрих прекрасно знал что Самородов приветствует, для точности восприятия, образное описание объектов розыска и поэтому пользовался этим приемом свободно)... хорошо растянут и поединок ведет искушено, без запальчивых усилий

в лево и правосторонней стойке. Удар поставлен как на рауш, так и на смертный бой. Более детальный отчет по запросу с допуском в разветотделе егерей "коммандос".

Доклад Ульриха, бесспорно, впечатлил, это читалось на лицах присутствующих и служило оправданием всему из того, что в начале рассказал Самородов.

Рыжий Ульрих ответил на несколько вопросов, которые никак не расширили представления по делу. Начальники разных служб требовали от него слишком уж многого. Пока не прозвучал вопрос от Фрайна Сандлера, силовика береговой охраны.

— Воин... наш, чужой, значения не имеет, всегда существует между двумя полосами геройства и паники, — соединив кончики пальцев обеих рук Сандлер закончил свою мысль: — Из ваших слов я уяснил, что запас прочности у разыскиваемых лазутчиков достаточно велик. Боюсь, в этих условиях, судя по тому, как они держаться, рассчитывать на паническую ошибку с их стороны затея... не серьезная и лишает нас возможности даже надеяться на нечто подобное. Разве нет?

Ульрих открыл было рот, но Самородов прервал его, заговорив сам. (Рассуждения подобного рода не были им оговорены с Ульрихом заранее, а экспромт мог завести беседу в совершенно ненужное направление.) Поэтому пехот-командер поспешил прервать своего подчиненного:

— Вы, Фрайн, поступаете не по правилам и пытаетесь переложить работу аналитика на розыскника задержания. Мои люди подготовлены для решения более узких и жестких задач и слабы в распрах и дискуссиях. Это за них обычно продельваю я. — Самородов озлился и ямочки в уголках губ стали чуть тверже и тревожнее, а Ульрих отошел в тень, словно отвернувшись от разговора. — Давайте поговорим начистоту. Пока десантеры ощущают себя лучшими, им нет дела до мыслей как поменять отношение к ситуации. Их заблуждение столь честолобиво, что они и не задумываются над тем, что кто-то, умышленно повышает цену их изворотливости. Обещаю, преодолевая наш заслон у них будет проблем не меньше чем у русалки обучающейся езде на велосипеде. И сознавая это они все равно поведут дело до конца. Остановка для них означает смерть.

— Не считая русалки, этот метод называется активным реконструированием образа объекта поиска. — Седина обметала виски главы управления тайной службы. Прямой птичий нос с глубокой переносицей окрыляли прищуренные глаза излучающие мудрость и обаяние. Тонкие брови отделяли высокий с живописными морщинами лоб принадлежащий человеку решительному и умному. Скуластое лицо подчеркивали прямые, натянутые природной худобой щеки, короткая стрижка опушила обширную лысину и крупный затылок словно вырастающий из мускулистых плеч. Грау Альвес Пешеван излучал положительную надежность и чарующее мужское обаяние. Он был самым опытным из разведчиков и, пожалуй, весь монолог Самородова в первую очередь предназначался только этому зубру управления тайной службы. — Крупномасштабность поиска обусловлена еще и той информацией, с которой здесь присутствующие будут ознакомлены впервые. Завершено предварительное обследование выгоревших останков космического аппарата на котором к нам прибыл вражеский десант. Звездный корабль был машиной последнего поколения и оснащался маршевым двигателем работающим на сверх агрессивном само размножающемся топливе. Попадание одного грамма этого вещества на поверхность Фракены за шесть недель неконтролируемого роста могло привести к полному поглощению материковой части континента.

Жарко лучился полдень. Ужаснувшиеся от услышанного военные невольно озирались

по сторонам до конца не веря в возможность подобного катаклизма. На какое-то мгновение выдержка изменила им и они загалдели перебивая друг-друга.

Грау Альвес Пешеван поднял в верх ладонь призывая всех замолчать и продолжил еще более суровым тоном:

— Теперь и вы разделяете ту тревогу, которую носил в себе я с момента получения новых данных. Вы, офицеры высшего звена секретных служб разных родов войск, приглашены на этот разговор в первую очередь с целью уяснить широту и силу возможностей нашего врага. Просочись эта информация за пределы узкого круга лиц и вы понимаете какая может начаться паника. Поэтому все должно оставаться в секрете вплоть до особого распоряжения на право обнародования данной информации.

Все понимали что речь могла идти как о неделях, так и о десятилетиях. Неизвестно как все может усложниться.

Переполненный тревогой Самородов упразднял личное отношение к этому человеку и все же был не в силах сдержать восхищение от выдержки Пешевана, невольно ища и различая черты отца и сына.

Грау Пешеван одиннадцать лет возглавлял аналитический отдел секретной службы, а погиб случайно, консультируя на месте совершенного преступления местную полицию. Когда, на беду, затаившегося в здании одного из преступников спугнули прочесывающие дом служители закона. Преступник открыл пальбу и случайно застрелил отца Альвеса. Сын пошел по стопам родителя, но больше тяготел к оперативной работе. Где стал одним из лучших розыскников. Но так же был убит на взлете карьеры в перестрелке получив, на первый взгляд, незначительную рану в бедро, в итоге оказавшуюся смертельной. Две этих смерти разделило шестнадцать лет. И после столь продолжительного перерыва душа младшего Альвеса вселилась в тело его отца Грау Пешевана. Боговспоможение давало порой результат, на который и не рассчитывала гениальная инженерия создавая свой генетический джек-пот. Имея острый ум и не тормозя оперативные решения Грау Альвес Пешеван занял пост главы управления тайной службы и теперь был тем человеком, которого так внимательно слушали все собравшиеся.

Пешеван продолжал:

— Диверсанты пренебрегли таким мощным оружием устрашения, которое могло бы отвлечь от них всякое наше внимание и загрузить нас, что называется, по полной, допустить они попадание капли этого вещества за пределы очага возгорания. Но они этого не сделали, — его указательный палец предостерегающе повис в воздухе. Четкие жесты Грау выдавали в нем опытного и уверенного оратора. — Калибр патронов взятых ими на задание хеклеров универсален. К их автоматам подходят патроны самой массовой серии находящиеся у нас на вооружении, что делает их боезапас фактически безграничным. Насколько широк диапазон их возможностей, если они смогли предусмотреть столь важную деталь пополнения боезапаса и намеренно отказались от протечки биологически опасного вещества. Кто они и каковы их цели?! Прошивающие космическое пространство в обход всех наших флотилий. Унифицирующие патроны по месту боя и забывающие нанести главный удар, когда у них для этого все было прямо под руками. С каких это пор умышленно проигрывающие битву намереваются выиграть войну? Признаюсь я, на самом деле, напуган. Чем больше я думаю о них, тем меньше понимаю. Если быть совершенно точным, подтвержденной информации о них настолько мало, что в этом уже не правильного больше, чем в состоянии отделить правду от домыслов аналитический подход лучшего в этом деле

спеца. Просто поверьте в то, что я вам скажу. Давайте не станем отделять вымысел от правды, а оставим все как оно есть, без выявления обратной связи. Их операция не должна иметь развития в виду особой опасности группы. Если попытка захвата на любой из стадий потерпит неудачу, никто из них не должен уйти на новый вариант, — сейчас Пешеван был олицетворением жестких решений. — Диверсантов следует зачистить всех скопом и одновременно. Поэтому в операции и задействовано такое количество войск. Нельзя им позволить и легализоваться осев на Фракене или попросту раствориться в лесах. Призываю всех, хотите яростью, хотите добром увещевайте, а чтобы все до единого солдата у вас в чувстве постоянном пребывали, что враг на них тарашится неустанно и только и ждет секунду беспечности уловить, чтобы наброситься сзади и шею от уха до уха располосовать. Пусть они от страха по нужде в одиночку ходить перестанут, но дело высидят как я того требую, ни оставив лазутчикам ни единой брешки в которую мог бы протиснуться враг. А самым раздумчивым совет даю: кому мои доводы показались легковесными и кто больше радеет за опрятность ведомственного мундира с тем я готов провести личную беседу. Смею вас заверить, я найду слова способные склонить вас к моему мнению, убедительные по сути и возможно не всегда благозвучные на слух, — и уже мягче, сгоняя с лица свирепый оскал, обратился прямо к Самородову. — Я знаю что моя поддержка вам не более чем приятна, но оперативник обладающий хваткой бульдога, которому во имя дела ничто другое не свято, любые осложнения обратит в дело выгодное. Я в вас верю, Валера, и план ваш хорош. То, что совершается по совести никогда не оказывается делом безрезультатным, — и Пешеван поприятельски похлопал Самородова по плечу.

И все как-то сразу пришли в движение поняв что военный совет завершен, но еще не расходились и ожидали на то приказа пехот-командера. Многие отмолчались: Пешеван частенько придавал делу сумевшему произвести на него впечатление слишком личный характер.

Совещание силовиков проходило в притирку к расчетному ходу космодесантников. Их разделяло два с половиной часа, когда Иллари, Рон и Парс повстречали лесной патруль. На руках у старших офицеров остались карты с пометками всех заградительных линий охвата, которые теперь космодесантникам предстояло нащупать самим и не сгинуть.

Будто неба налили, да ветром разбавили. Шелком дрожал под ветром синий просторный луг. Блескучий свет простегивал речные волны. Вода зеркалилась, точно зиму вспоминала. И вода в реке была памяти той подстать, никак прогреться не могла. Снежные короны венчали открывшиеся дальние вершины скалистых гор, словно коптящийся дымный след от падающего лайнера туманной завесой коснулся земли и в миг волнисто окаменел ломаной линией горных утесов, чуть не дотянув до береговой кромки. Горы так долго забирающие вправо наконец уткнулись предгорьем в берег "Крикливой Грэтты". Перед грядой горных склонов пролежала лесистая долина, само приближение к которой таило для космодесантников смертельную опасность. Естественная преграда быстротечной реки весь сегодняшний день так, бесстыдной бабой, раздвигала свои берега, что переправиться в плавь стало делом немыслимым и невозможным. Под куртинами, возле самого уреза воды, пробираясь через кустарники, скользкой ящерицей Иллари полз под низко нависающими ветвями деревьев. Хеклер не имел зацепистых деталей и легко скользил в сжатой руке по мягкому войлоку мха. Десантник вжался в самое корневище и замер охлаждая стучащую в висках кровь о холодный камень оказавшийся под щекой. Солдат в пятнистой форме

внимательно осмотрел берег, постоял, мучительно медленно переминаясь с ноги на ногу, и пошагал дальше, едва слышно бряцая подсумком с магазинами, поспешив следом за ушедшим вперед нарядом. Пахло сыростью и рыбой, и нестерпимо хотелось убраться отсюда.

Третий патруль за четверть часа и ни разу Иллари не удалось пройти в полный рост.

Их тут ждали основательно. Кругом косматился лесной сумрак, но то тут, то там вдруг лесными духами вырастали солдаты. В глубине леса и вдоль берега у самой воды были расставлены засады, как "туристами", то есть беспечно курящими и разговаривающими возле открытого костра, так и совершенно тайные, на подстилке лапника в лежанках, рассчитанные на абсолютную бдительность и острый глаз и слух космодезанта. Прием отработанный и оправданный, дающий психике противника подспудное ощущение относительной безопасности и, в то же время, подстерегающей со всех сторон неразличимой беды. Низенький, мятый берег поверху прикрывали свисающие густые лапы ветвей. Прилизано тянулись намытые волной ленты водорослей, горбыля и всякого выброшенного на берег древесного мусора. Зарыв каменные когти плоских скал под галечные отмели, торчали лезвия перистых скал, оттачиваясь об оселок реки и замышляя новую брань. Кручи до самых уступистых надбровий поросли щетиной лишайника. В каменный пласт полорото раззявивший пасть под скалой бился и урчал накат, кидаясь кипящим молоком в окатый рубец скалы. Обляпанный с северной стороны бурыми лишаями утес, схожий с отсеченной мордатой головой былинного великана, прокатившись с плахи горных отлогов, прошиб берег и уткнулся каменным подбородком в самое дно, щекоча жесткими усищами кустов пытающуюся извернуться гибкую шею реки. Хвосты пены обмахивали отполированный камень, подтыкая шепелявым белопенным сугробом слезящиеся валуны. Мохнато пушился уютящийся на выступах подлесок, с завистью глядя на провисающий на отрогах лощинами да распадками лес.

Любой звук обманчив, но он же, порой, спасает тебя. Над распластанным Иллари, рванув шорохом воздух, тряхнув зеленую пену крон, повалил и посыпался, скользя в распадок хрустким крошевом и шелестом выламывая молодые, едва оперившиеся листвой, гибкие деревца, каменный вал. Над кручей по стесанному обрыву, словно из трухлявого дупла полного окаменевших орехов, посыпался камень. Разлетаясь в стороны и отскакивая, неокатанные глыбы натыкались друг на друга, засоряя сошедшим камнепадом рыхлый оплесок реки. Камнепад спугнул с мелководья серебряные иглы мальков и те прыснули, ища спасения на глубине.

Темно-сизая грязь вздувшись приподнялась горбатым пузырем нароста и встала на четвереньки. Совершенно неразличимый в своем маскировочном костюме человек отполз в сторону, вновь неподвижно замерев среди обломков коры и скрученной пряжи гниющих водорослей. Засадник исчез также бесшумно как и возник, втираясь и вращаясь в то, на чем он лежал. Иллари едва не потерял контроль над собой. Минутная, бездумная слабость неумолкающим зовом может сорвать солдата с места и увлечь его к гибели. Мастерство бойца в умении сдерживать собственные порывы. Холодок страха покалывал и ныл в мускулах, возвращая посыл преисполненного усилия. Едва не случившееся все равно происходит в нашем сознании и еще, и еще раз идет на повтор, вымучивая из нас приобретенный опыт не пережитого. Иллари едва не попался и понимая как близко он был к провалу, вновь проверил все вокруг и тихо про себя матерясь пополз обратно.

Пробраться берегом было невозможно.

Отстраняя ладонью растрепанные нити вьющихся стеблей Иллари скользнул по дну сухого лога. Рон почуял его, услышав прерывистое сопение. Справившись с одышкой Иллари нырнул в обрамленную кустами проплетину, угнездившую их временное пристанище. Люди объединенные одним рискованным интересом неприменно испытывают облегчение при встрече, даже если не виделись короткое время. Но их улыбки все равно не сошли бы за лучезарные, будь в тени кустов побольше света. Скрывая под маской затуманенных усталостью лиц тщательно скрываемый стыд и стараясь не встречаться глазами по пустякам, троица уселась кружком на совет. Каждый надеялся, нарекая себя баловнем судьбы, что на него снизойдет откровение. И когда такого не произошло, отказав досадной промашкой озарения осветить им чело, престиж космодезантиков начал страдать, ущемленный в самолюбии и опутанный нетерпимостью к самому себе.

Если бы Валерий Самородов мог видеть их сейчас, он бы мысленно купал себя в овациях. Замыслы и поступки важнее любых обвинений, которые высокий профессионал выносит тебе заочно.

Стараясь предоставить товарищам возможность отыскать скрытый смысл в собственных знаниях они стали делиться увиденным. Пока острота мнения не притупилась повторяемой схожестью ощущений и не заткалась словесами самоиронии.

— Вы верите в совпадения, — в некотором разъяренном замешательстве начал Рон. — Я совершенно безобидно лежу на выске и недоумеваю. Откуда что взялось. Поперек реки двадцать шесть оскулых катера готовы повесится на якорных цепях. Прожекторы на носу пробивают воду до дна. Так что займись мы дайвенгом, можем и схлопотать. Мост двух уровневый, но движения почти никакого нет. Овальные сваи имеют балконы с двух сторон, на которых дежурят по трое, один из которых неразлучен в обнимку со служебно розыскной собакой. Подступы к мосту укреплены блок дотами, с такими узкими и мрачными бойницами, как глаза не опохмелившегося азиата. Съезды с моста на автомагистраль перегорожены бронемашинами и лендрровергами в которых полно ребят в униформе с взведенным скорострельным оружием. Возле каждой дренажной трубы проложенной под насыпью монорельсовой железки находится пост охраны и ни одного швейцара собирающегося любезно отворить нам двери. Они довольно быстро учатся на своих ошибках. Меня не покидает чувство, что нас решили порвать как рулон туалетной бумаги во время пищевого отравления целой армии. Но право, мне будет стыдно подохнуть от таких пустяков.

— Перестань, Рон, — зрачки Иллари съежились как язычки задыхающейся свечи. — Бог его знает как это еще истолковать, мне приходит на ум, что по нашим радикалитам решили проехаться гусеницами полноценной войсковой операции. — Он несколько секунд посидел с отсутствующим видом и затем произнес: — Нам объявили войну.

— Никто и не надеялся что это будет нечто вроде пикника на лужайке. А хотелось бы, — и Рон обыденно и как-то по особенному бесхитростно улыбнулся товарищам.

Ища, нащупывая безошибочное путеводное чувство, не торопясь, но и не пренебрегая обстоятельствами, не открывая лик идея предчувствием витала в воздухе, примеряясь к пиршеству трактовок. Теснясь шелестели листья как шопот подсказок. В медленном запахе расточалась грусть. И до них что-то стало доходить.

— Твой скрадок был на мыске, балабол, а мне пришлось больше прыгать по кюветам и залегать у обочин дорог, — звонко с обидой заявил Парс, смахивая с бровей бисеринки пота. — Тракт охраняет стрелковый полк. Там без шума не пронырнешь, у них прекрасный

навык затаивания. Кругом группы досмотра. Переворачивают в верх дном любой подозрительный груз или багаж. Могут по несколько раз проверять. Везде заглядывают и все ощупывают. Гужевого транспорт, пролетки, кареты, фургоны, омнибусы, автобусы, электробаги, монотроллеры, легковые и грузовые машины обыскивают соблюдая максимальную собранность и все примечая. По окрестностям рыскают спец войска. Движение по основной магистрали застопорилось на несколько километров. Повсюду полно вышколенных, решительно настроенных ребят, не слишком уютно чувствующих себя в штатском, слоняющихся без дела и при этом притворяющихся очень занятыми. Я был вынужден ретироваться, когда на меня густой струей помочилось сверху лохматое чудовище запряженное в похоронную повозку и опуская ногу поскребла когтями разбрасывая помет. Думал от радости скончаюсь. Уставший и провонявший вернулся сюда не добыв никаких облегчительных новостей.

Иллари хмуро оглядел товарищей. Взгляд затлел ярким злым огоньком. Разведданные были неумолимо исчерпывающими. Прямой и наиболее явный путь оказался, к тому же, и единственным. Космодесантники прекрасно осознавали очевидность ловушки, поэтому решили отступить.

Для продвижения вперед большой остаток дня был потерян.

ПРАВОВЕРЖЕЦ

Чистый как роса обертон звонницы просторным током омахивал редисовый купол храма, оповещая о вечернем молебне. Дома жались гребницей к площади возле храма, тесно лепились не желая уступать друг-другу намоленного места, отгородив окраины от почетного центра Норингрима. Белое кипящее светило подтесало доньшко об косые, резаные края крышь, напоминая те чуть примятые цветы, которые бережно нес пехоткомандер. Стекла домов залила розовая глазурь. Тон неба стал голубовато сочным, мутновато мягким и чуть прохладно свежим, быстро темнея у самого края.

— Будет гроза, — спрогнозировал Ульрих идущий чуть поодаль от Самородова. Он уже был готов лететь отсюда и его волновала лишь метеосводка.

Что для него эта улица, принявшая их в себя, зачерпнув широкими краями из опаленного войной бурлящего солдатского котелка в текучее, устоявшееся, гармоничное, живое и целое, излучающее идущий из детства незыблительный порядок вещей. Набежавший из переулка ветер обнюхал их, как огромный, потерявший хозяина пес, почуявший что-то знакомое и притих, затосковав от своей ошибки.

Самородов обернулся не убавляя шаги и переложил букет в другую руку. Ульрих осанисто вышагивал, перебирая взглядом выступающие фронтоны и островерхие крыши как возможные огневые точки. Он не ощущал сладостного, ошеломляющего вихря воспоминаний. Предположительной тонкости навеваемых улицей грез.

" Но весну-то он должен видеть и понимать, как нечто большее, чем просто явление

природы?", — недоумевал командер.

Охраняющий его рыжий атлет был спокоен и от скуки едва заметно поигрывал мышцами, не понимая ни чувств пехот-командера, не помышляя о самой их возможности и недовольно поглядывал на букет.

Вновь всплывали позабытые, невыветрившиеся намеки юности. Вдруг стали проявляться стропила флигелей, знакомые до облупившихся трещин фасады домов. Прогретые светом дощатые ограды палисадников, словно и улица тоже стала узнавать его своими отдельными предметами. И верилось, что в колебаниях и переливах вечности Валеркин звонкий мальчишеский голос еще живет в самых далеких, запечатанных закоулках этих улиц и теряясь, шепотом доносит, тише легчайшего ветерка, ощущение дома. Вот уже в дали, узкой, казавшейся когда-то такой широкой, улочки, завиделась школа. Ее высокий силуэт каронованный зубчатым фронтоном крыши был украшен по углам башенками соединяющими внешний коридор второго этажа. Две широкие белокаменные колонны указывали на вход в здание на первом этаже. Большие, кованные под карту звездного неба ворота были распахнуты, а в школьном дворе, вечным праздником жизни, бегали дети.

Услужливая память как правило возвращала его воспоминаниям именно к этой отправной точке.

Утро. Самая рань. Он наконец стряхнул с себя сладкий сон. Пахучим ворохом красноплодный налив гнет ветви в распаханное окно. Незрелый. Валерка переползает через вздрагивающую от храпа кровать. Еще влажный от росы подоконник едва не опрокидывает его на вскопанные матерью грядки прямо под окном. Чтобы не разбудить вернувшегося поздно подвыпившего отца он вытирает грудью мокрый край и кончиками ботинок нащупывает землю. След на рыхлом грунте ему кажется провалом. И эта игра в самого себя позволяет все сделать незаметно. У Валерки нынче столько дел за которые стоит поквитаться. Отстранив живую доску в заборе он выбирается на улицу. Свобода в оба конца, где исповедальня только за краями еще непробованной жизни.

Крапинками в глазах щурилось начисто выплаканное небо и хотелось идти на руках, чтобы из озорства замазать подошвами высь его и голуболикую глубину. Но когда Валерка пригляделся, то увидел на небе радугу и подпернув штаны, козля головой, пошагал вперед.

Когда папашу причисляют при жизни к пантеону святых, к его сыночку отношение особое. Не сомневайтесь. На проступки Астрела смотрели поверхностно и не заостряя замечали во всяком деле, где и пользы от него ни на грошь, а приобщали к самым вдохновителям. Валерка терпеть не мог расчетливую стройность несправедливых оценок и решений. Но это он теперь, спустя много лет, так научился думать о нем. А тогда Валерка просто считал Астрела харчком, оплешком, чухой и вообще рохлей цыпланогой.

Учитель чистописания Мористэр, похожий на чванливого ворона, прохаживался, заложив руки за спину и покручивал длинную металлическую линейку, гремя диковатым басом:

— Будете у меня языком доску скаблить, занозами закусывать, олухи креста не ждущие. На три раза краской лакировать и за попки вспухшие хвататься пока не сознаетесь кто классную доску стеарином натер!

Класс затих и втянув головы в плечи ждал продолжения. Покрошившаяся, на половину вышерканая о черную доску свеча лежала в парте, запрятанная под стопку учебников. Валерка выпросил ее у храмового причетника и притащил в школу, загодя извозюкав скользким брусом всю классную доску.

Мел осыпался но не писал, скользя по вощенной поверхности. Пока Мористэр соображал в чем причина, скрипел мелом что-то недоуменно бормоча себе под нос, класс не сдержался. В начале пискнул кто-то, как мышь под веником, и предательски ехидно захихикали остальные, заставляя Валерку Самородова чувствовать себя на вершине самой что ни на есть геройской славы.

Вдруг нервно мечущийся по классу Мористэр остановился и оттопырив заячью губу потребовал:

— Ну-ка всем руки задрать. Я вас, членистомозгие кровососы, на чистую то воду выведу. Что ты мне суешь! Ладони показывай давай, — и без проволоочки быстро пошел между рядами.

Цыплячья грудь Астрела похерила все заслуги Валерки, перегородив проход перед Мористэром:

— Это я доску натер, — и он предъявил испачканные стеарином руки.

Они с Валеркой сидели за одной партой и Астрел выгащил огрызок свечи, для пущей убедительности, как подарок любимому учителю на день знаний.

Мористэр замер чуть отогнувшись назад, точно налетев на преграду. Свекольные жилки проступили на дряблых щеках педагога. Он недоумевая пощупал нижней губой пшеничные усики у себя под носом и сокрушенно изрек:

— Так, так, неожиданная тракторочка, но жаргон поступков наказуем будет всегда. Невзирая! — Его рука смяла ухо Астрела и поволокла к входной двери, не слишком заботясь поспекает ли весь остальной Астрел за своим ухом.

Класс провожал их одним протяжно томительным взглядом, а самозванец Астрел примерял ореол мученика.

На перемене Астрел казался удивительно спокойным, тогда как Валерка сторал от желания услышать объяснение жертвенного поступка. Не допуская попытки бегства Валерка зажал Астрела в углу рекреации, как следует для начала врезав тому поддых.

— Как, не сладко, урод?!

Находя силы для игры и озорства Валерка уже тогда ощущал, что в Астреле была костяная жилка о которую он Самородов отбивал руку.

И нифига!

Вершить или умирать этот заморышь уже с тех пор предпочитал решать сам, сознавая тайную власть над событиями и людьми, выбирая, подгадывая такие вот моменты. Он мог сказать когда они еще оставались одни, только ему, но Астрел упрямо молчал, закрываясь от ударов руками, дождавшись пока не собралась целая толпа. Что творилось в его голове, когда он вот так запросто начинал говорить и остановить Астрела было невозможно. Словно отблеск высшего света падал на него вечно:

— Ты же знаешь своего отца, — из под рук щемясь сетовал Астрел, не имея права наставлять будучи битым. — Твой папаша выпьет, пойдет в школу, наслушается про твои подвиги, вернется и напившись окончательно с нелепой злостью излущует тебя. А ты, стыдясь синяков, на занятия ходить перестанешь. Подчиняться последствиям этих правил глупо и тебе я дурить не дам.

Эти особого свойства слова поглотили и уняли агрессивный смысл происходящего.

Советчики и подпевалы собравшиеся за спиной Валерки притихли от таких слов. После этой унижительной во всех отношениях говорильни Валерка окончательно растерял инициативу. Угрюмым выпадом он бросился на Астрела попирая здравый смысл, но тот

прямо и бесстрашно сам двинул ему с такой сокрушительной силой, что ухнувшая от недоумения подушка из стоящих позади ребят приняла падающего Валерку. И стиснув поволокла куда-то в сторону, прекратив драку своим коллективно безответственным решением.

Астрела послали за родителями и в тот день они больше не встречались. Но на память пришел день следующий. Его вакуум всасывал в себя принципиально непознаваемые моменты судьбы.

Белое маревое солнце пригревало деревянную ограду, а Валерку бил легкий озноб и сползал мурашками по позвоночнику. Валерка тупел от нежности приближаясь к дому Эмили. Понукая некую склонность души, поперечиной во всей будущей биографии на вытопанном месте, облокотившись на калитку, стоял Астрел и пялился на пестро изузоренные наличники ее окон.

Под ложечкой у Валерки возник зловещий холодок.

Припрятанное тенями палисадника, легко ступая, шло спасение цыпаногого уroda. Смешивая дела земные с вечностью, как начало красоты, Эмили двигалась им навстречу. Она носила тогда легкую лесинку волос, уже качаясь шпильками на пороге превращения в эффектную девушку. Сохраняя подростковую угловатость от которой осталось так мало, что Эмили едва научилась воплощать щедро подаренное ей природой в гипнотическое замирание со стороны ухажеров.

Адамово яблоко судорожно подергивалось на тощей шее Валерки. Они жили в мире укоренившихся привычек и одним из правил в кодексе чести было не бить друг-другу морду на глазах у Эмили.

Вы спросите почему они тогда сидели за одной партой? Чтобы ответить на этот вопрос нужно вспомнить поговорку о том, что врага стоит держать к себе ближе самого лучшего друга.

Эмили вскинула брови, чуть повернула свою изумительно красивую голову, словно не ожидала их застать здесь и счастливо улыбнулась:

— Доброе утро, мальчики.

Что такое повод? Все намек и шанс что кажется чем-то еще и, в то же время, невинно как пожелание доброго дня. Каким-то непостижимым образом Валерий всю свою жизнь пытался вырваться из под влияния этой женщины и она неизменно, без малейших усилий со своей стороны, притягивала его обратно к себе.

Дорога до школы превращалась в ритуал ухаживания, где оба претендента соревновались в препирательствах. Стоило Эмили обратиться по имени к любому из них, как второй тут же едко бросал сопернику:

— Вот уж не думал что Эмили запомнила твое имя.

— Тебе беспокойно? Я бы на твоём месте старался носить такие брюки, чтобы собаки не путали их с забором.

— А на тебе природа не просто отдохнула, а постаралась замаскировать следы своих генетических экспериментов.

— Полегче, паренек, твоя жизнестойкость-это единственная стойкость, которую ты испытал в жизни?

— Позволь тебя спросить, это правда что твоя правая рука единственная девушка ответившая тебе взаимностью?

— Я этого не слышала, грубияны, — прыснув и умоляя пощадить ее уши, Эмили спешно

устремлялась вперед, пробегая в ворота школы.

В этой своей перебранке им хотелось казаться старше и опытнее в глазах Эмили. И они не сознавали, что подобная напускная хамовитая грубость лишь подчеркивала какие они в сущности еще были дети.

Проемы меж домами были вымыты закатными лучами. Кромки дрожали в мареве отдающих тепло крыш. Каждый здешний закоулок был знаком и лично приятен. Улица долгожданным, спокойным и радостным началом вела Самородова к дому Эмили. Легкий озноб воспоминаний стронул требовательный окрик:

— Ану стоять! Вы куда?!

Крепкий старик, в грозно надвинутой на глаза кепи, держал дробовик, направив его прямо в живот пехот-командеру. Когда он разглядел военных и кто они, его любопытство умерло. Старик отошел в тень покосившегося забора, беря оружие на плече.

Из ополченцев. Самородов его не помнил и пехот-командеру казалось что это неправильно. Вспомнив многое он должен был узнать и его.

Воспоминания вновь стали прорываться между камнями мостовой, но Самородов переступал через них не забывая о службе:

— Всякое ты, Ульрих, видишь, а неожиданности и у тебя, как видно, бывают. Недоглядел, — пехот-командер сказал телохранителю намного мягче чем планировал и поняв это, на общем спокойном тоне, прибавив жесткости, добавил: -Едва полный живот дрови не схлопотал, а ты и не почесался.

Ульрих понимал свою вину заразившись в какой-то момент беспечной задумчивостью командира. Он мог обезаружить ополченца и оставить ни с чем, но это было бы запоздалым проявлением не бдительности, а скорее мести за собственное ротозейство. Оправдался Ульрих не раньше чем возникла прямая необходимость, удалившись от старика-ополченца на значительное расстояние:

— Курки дробовика не на взводе были, а пока бы он их взвел, я бы ему оба ствола в морской узел завязал, а самого бы на цытаты разобрал.

— Если бы, да кабы, — передразнил Ульриха Самородов, пряча под видом одного, совсем другое. Путаное, тревожное, почти суеверное чувство навевало настроение и незаметно свербило мысли, словно знало короткий путь, тем временем, добралось до самых постыдных, ему Самородову, и по сей день воспоминаний.

Пехот-командер вышел на широкую, очерченную арками площадь и остановился, не в силах унять восхищения. Главный неф храма украшали мебиусовые колонны, полые внутри и насквозь проточенные искусным рисунком, символизирующим крикливую разноголосицу душ устремленных в верхние пределы, поближе к Создателю. В надежде на повторное обретение жизни. Медовая желтизна заката высекала из стекол цветных мозаичных витражей каскады бликов и устремлялась сквозь узорное стекло к акапелле. Расходясь по трансептам терялась во мраке аркад и освещала невидимый отсюда престол двуликого креста. На боковых алтарях горели свечи и гладкий расписной камень словно оживал от мерцающего трепетания крохотных язычков.

Певчие пели в отдалении, но их голоса доносились и сюда через все залы храма. Их тонкоголосое пение резонировало меж контрфорсами и плоские тисненные кирпичи стен храма казались цвета розового гранита. Некая кисея миража полыхала над скатами золоченой кровли. А рельефные лагуны портиков затеняли этот блеск и подчеркивали сложную четкость линий. Храм словно окутывал и драпировал притягательный сон, и

занесенные холодом проулки тянулись к этому сверкающему бивню, рвущему тугую струну горизонта и цепляя на себя все невиданное, отданное на откуп вере.

Звон колоколов грянул в последний раз и обрывисто затих. Все окрест как-то оглохло и отзвенело. И лишь печальные тени его ошибок липко оплетали храмовую площадь, ложась и растягиваясь ночевать на гладких прогретых плитах.

А тогда, в тот день, небо не отдыхало а маялось. Сырые с прозеленью потеки рвали водосточные трубы, фыркая в жестяной штольне и образуя маленький водопад. Опухший тучами горизонт изрыгал такую пропасть воды, что до того пахучие кусты обнесшие беседку стеной утратили всякий запах, смылись и трясущимися коротко подрезанными ветвями кляли непогоду. Проходы между домами затопило, повергая в ощущение потопа неразлучную троицу молодых людей. Переполненная грозowymi разрядами тьма сверкающими остриями молний порола громобойным рыком тучный завороток слипшихся облаков. Наводя страх перед громяющей беспредельностью, в которой нет и не может быть надежды. Згорбленные крыши домов не знали куда деваться от этого неистовства и словно из жалости небо устраивало продых и грохотало стороной. В одну из таких пауз Эмили не подумав, под настроение конца света, пообещала им невозможное.

" Победитель получит все!"

Слова сорвались и перевести их на шутку уже не было никакой возможности. Она было попыталась, но плотный ком темноты внутри, в середине беседки где они прятались от ненастья лишь хищно ухмыльнулся, в одночасье выталкивая их во взрослую жизнь. Смысл обещаного остался стоять немым свидетелем сказанного, кутаясь в плотный ком страха.

Пообещав-она обезопасила себя от исполнения, уверенная что двум обожающим ее мальчишкам совершить такое не по силам.

Прорези высоких окон храма были заплаканы. Стеклянная мозаика пряталась под зубцы и каменное кружево подзоров по которым безостановочно, лавинообразно стекала вода. Храм походил на каменный утес, который она, еще неопытная в женских повадках, одним неловким словом, принудила их штурмовать. Увидев, словив узкие бойницы сощуренных глаз Эмили встала между Астрелом и Валерой испугавшись за все сразу. Лики святых взирали на свет алтаря сострадавая человеческой глупости. Они отстранили ее и разом шагнули на вспучившийся от сырости деревянный настил, который вскоре кончился. Трава как волосы тысяч утопленников цеплялись за ноги и воды было так много, будто они шли по дну канавы. Они вымокли до нитки не пройдя и десяти шагов. Теперь это было не важно.

Достигнув стены храма соперники одиноко прижались к ней, желая без обмана, одновременно начать восхождение и видеть друг-друга в этот момент. На их поблескивающих от льющей воды лицах была написана суровая решимость. Больше не здерживаемые никакими прилюдиями юноши стали карабкаться по аквамаринам каменных рифов. Пальцы искали изъяны в кладке, толкали тело вверх сквозь всплески срывающихся с карнизов струй. Проворство и цепкость молодости позволяли двигаться навстречу широкой сверкающей секире воды. Две встречные вертикали карали их нестабильностью и возможность упасть становилась неотвратимой, но они и не думали распускать нюни. Наоборот, они испытывали ликование от которого захватывало дух. Их юный пытливый ум искал путь и находил его, а гнетущая сень исповедников, мучеников и святых наблюдала за ними с полнорослых изразцовых изображений. В ушах гудело от грохота грома и растрепно сверкали молнии. Прибитые к небу тучи казались куда надежнее нависающих скользких лепнин. Напрягая все сухожилия, мышцы ног и спины Валерий забросил ногу, цепляясь за

стык кровельного железа, и взобрался на парапет. Лимонная позолота казалась лакированным барабаном о который расшибались миллионы ослепших, обпившихся воды насекомых. Когда Валерка встал и попробовал отойти от края, ветер набросился на него, налетая тяжелыми порывами. Капли били в лицо как град. Казалось дождевые вихри кругом оплетались вокруг купола. Он заслонил рукой подветренный висок и осмотрелся с тайным радостным мучением обрадовавшись тому, что Астрела нигде не было видно.

Если он упал, то это совпадало с его самооценкой.

Этот неудачник остался вне победного пространства. Пламенный, светлый, всеподчиняющий купол непреодолимо венчал его честолюбивые усилия. Дождь подпрыгивал и его было так много, что казалось будто вода шерстясь вставала дыбом. Багрово-красный цвет кладки бросал вызов торжественной и громогласной белизне золоченого купола. Дождь умерил яркость красок, но потребовавший короткого разбега победный прыжок вознес Валерку Самородова на вершину мира. Ему мерещилось что расталкивая дождь он летит над землей.

Пройдя по узкой закраине, еще на кураже он спустился вниз по пожарной лестнице. Верхушка купола вновь терялась далеко в небе.

Эмили была большой девочкой и все прекрасно понимала. Когда извивавшийся и сильно хромающий Астрел вернулся в беседку опустошенный и удивленно тихий, она почти никак это не восприняла.

— Сорвался, — честно признался юноша, а в глазах промелькнуло что-то мучительное, от чего бороздки дождевых потеков совсем напомнили слезы. Эмили достала носовой платок и обтерла ему лицо. И теперь, исхитряясь побороть подступающую тревогу, попросила того, кто должен был остаться другом:

— Останься. Не уходи.

Астрел сделал вид что понял ровно столько, сколько она сказала. Будто она не просила у него защиты и сразу ответил:

— Я побуду рядом сколько ты захочешь.

По крыше беседки попрежнему колотил дождь и тянуло холодом. Эмили даже вздрогнула, когда из сизой, стегающей дождем темноты как сквозь занавес прорвался горячий, разомлевший Валерка. Хватка и воля, так нравившиеся ей в Валере, теперь вспугивали в ней большую бархатистую бабочку запрятанную глубоко в груди и ждущую достойного и сильного как ветер, на которого можно опереться и не боясь разбиться о небо... взлететь.

Утерев лицо и возбужденно откинув липкие волосы со лба он весь был как на ладони, ожидая заслуженной награды, зарание лишив тайны все, чему мог придать совсем другой смысл один его верный поступок.

Все подсказки читались на ее лице как в раскрытой книге и Валера поступил нежнее и тоньше, каснувшись ее чуть поджатых губ своими мокрыми посиневшими губами. Рот Эмили ответил ему робко и возможно чуть покорней, чем следовало. Валера взял паузу и многозначительно повел бровью в сторону Астрела, который отвернувшись в струящуюся захлебывающую морось брел кругами Дантова ада.

Словно прощаясь с чем-то одним и начиная с чего-то другого Эмили собралась с силами и попросила не живо, с трелью в голосе, а несколько отчужденно:

— Ты собирался идти куда-то, неправда ли, Астрел. Теперь можешь... если хочешь конечно, — торопливо сболтнула она в конце.

Сердце девушки сладко замирало, не соотносясь и не совладея с неким внешним ходом вещей. Внутренний восход поднимающийся снизу живота тепло грел ее, открывая нечто совершенно новое и оправданно выстраданное всеми ее предыдущими запретами.

Астрел уставился на нее так, словно его легко кантузило.

Качнуло.

Негодование-оно похоже на забытье разума.

Разочаровавшись и ничего больше не видя и не соображая Астрел перекинул тело через скрипучие перила беседки и с плеском побрел прочь. Словно погрязший в их скором грехе, он продирался сквозь запруженную ручьями улицу. Холодные брызги пытались выклевать ему глаза. Все его тело пылало и он жалел что для сердца, для этого содрогающегося пламенного шара небо не придумало водяной купели.

Пальцы Валеры играли с планкой ее кофточки, скользя то вверх, то вниз. На костистой скуле напрягся розоватый желвак. Глаза присладились и легкий небритый пушок обезоруживал ее последние попытки одуматься.

Бьющий жесткими тягучими каплями дождь затерал удаляющийся контур, размочив белеющую осанку Астрела как уходящий на дно выщепнутый из теплой середки клейкий мякишь батона.

Мягко дотрагиваясь Валеркина ладонь забралась под полурасстегнутую, встопорщеную одежду.

Неужели все всерьез!

По чуть-чуть, не дразнясь а обладая ими он уже водил там, где твердели ее соски.

Так он себя помнил.

Волнение горячим лихорадочным комком подпирало горло. Ему только так показалось или в уголке ее огромных глаз он разлечил маленькую слезинку?

Пусть так, только бы не иначе.

Его пальцы упорно тянулись к чуду через отчаяние юношеской неопытности. Нахлынувшая нестерпимая нежность и желание осторожного почти пугливого обожания переросли в уверенность и он больше не утихомиривал себя. Удобно запустив руку в теплый распахнутый вырез он откровенно мял ее острые короткие грудки.

Эмили точно сковало глубоким трансом. Ее тело не подергивалось а дрожало, будто тряслось от ужаса. Его сильная ласкающая рука обволакивала, отталкивала полотно ткани как препятствие. Ей хотелось всего того же что и ему, но не так. И если все мысли были в голове, те, которые почему-то приходят только потом, Валеркины жадные губы перебивали их, словно перекусывали магистрали вен по которым те мысли и неслись. А вторая его рука придерживала ей затылок не позволяя Эмили очнуться и отстранившись совершить шаг назад, до перекрещенного штакетника беседки, и упереться спиной в охлаждающий дождь.

Хотя бы осмотреться. Хотя бы понять, хочет ли она этого. И если не хочет, как остановить?!

Ознобиться и очнуться от напирającego, дышащего в лицо терпким сурогатом желания, Валерки.

Ну не сбылось. Не проявило себя то единственное чувство от которого не откреститься. Не повлекло. Забродив не вызрело, нарушив казавшуюся неизбежной справедливость ее выбора.

Завороженная этим разрешенным насилием она молила его заглянуть ей в глаза.

Там где должна литься музыка все в одночасье расстраивается.

Трень-брень.

Валерочка!

Он всегда чувствовал что в чем-то уступает ей или может быть во всем сразу и по чуть-чуть. Он хотел увидеть ее одобрение. Поощряющий полунамек.

Нелепость.

У самой черты умопомрочения он вдруг увидел в ее глазах острый, как резь в животе, страх. Было во всем этом непостижимое раболепие блажного влечения и зудящая в глазах тоска, да дрож неумело зацелованных губ. Еще не веря, не сознаваясь его жадные руки бесновались под ее одеждой. Но Эмили оставалась бесстрастной, неподвижной, неоткликающейся, словно бы уже навеки недоступной. Ее взгляд кричал ему в лицо пронзительным нечеловеческим голосом.

Внутри будто стужей промело. Высквозило.

Не боясь высоты и не замечая ветра он точно соскальзывал в пустоту.

С вершины храма.

Сам отнимая у себя то право, которое он никому бы не дал отнять у себя. Он отстранился, почти брезгливо отдернув руки и не зная куда их деть.

Потеря без обладания. Возвращение без разлуки.

И преодолев болевой порог совести он заставил себя устыдиться и отступить.

Кто щадит — уже любит.

Без кровинки в лице отпущенная им Эмили еще умоляла его остановиться и это показалось Валерке самой невыносимой несправедливостью.

Боль тогдашней обиды и мучительное непонимание навсегда остались для него загадкой особого толка. И недоступная, не понятая Эмили словно глаза его навеки на себе остановила.

Самородов нашел единственный способ выбраться из подполья душевной муки и на следующий же день уехал поступать в корпус новобранцев при военной академии сухопутных войск, остановив для себя виток юношеской беспечности. Его зачислили, отдав должное не столько полученным в школе знаниям, сколько завидному здоровью. Остальное, курсанту первого года службы Валерию Самородову, приходилось схватывать налету.

Ползком и раком, бегом пятнадцать километров с гаком.

Его брали за шиворот и заснувшего над лекцией выбрасывали на скрипучий мороз. Ему удавалось спокойно полежать только на стрелковом рубеже, а драгоценный сон урезали со всех сторон все кому не лень. Он оставался никем до тех пор пока не отсеялась половина из зачисленных с ним новобранцев. Тогда они были удостоены присяги и с ними стали обращаться ни как с грязью на подошве, а как с тараканами за которыми еще нужно погоняться, потому что они уже кой чему научились. Он уже осознано привыкал жить без выбора, подчиняясь приказам, когда получил сообщение из Норингрима, оказавшимся запоздалым приглашением на свадьбу Астрела и Эмили.

Со всем уважением.

Его бы все равно никто не отпустил ни на какую свадьбу.

Он так уставал в ту пору, что ему не хватало ни сил для безумного поступка, ни воображения чтобы как следует разозлиться или растравить самолюбие. Эта неразрешимость неким серым затемняющим комком висела, маячила над его душевным покоем. И потихоньку, по шерстинке развеивалась сама собой, превращая обиду в досаду по поводу, а потом уже и без повода. Утрачивая ранящие, колкие края и становясь чем-то

обременительным, но вполне выносимым.

Ускоренная, всегда набегу жизнь курсанта требовала упрощения чувств и отказа от туманных расстройств. Срывая скоростью давящих принудительных событий все поверхностное, мешающее оптекаемой дубеющей коже формировать характер будущего командира.

Он отказал себе в праве на гнев.

Валерий Самородов был занят делом, которому собирался посвятить жизнь. И поставить под угрозу все чего он добивался с таким трудом одной нелепой, дисциплинарно наказуемой провинностью курсант Самородов не желал.

Несмотря на сильную натуру сердце нет-нет, да щемило.

Оправдавшись он решил для себя так, что Эмили обезопасила себя этим браком от него самого, найдя в этом досадное противоядие его страсти.

Пехот-командер утер лицо, сгоняя оторопь. Он всякий раз проходил через это снова. По всей видимости он больше топтался чем шел, но подобная нерасторопность не помешала ему преодолеть весь путь.

Это очень серьезно-разглядывать семейное гнездышко своей несостоявшейся радости. Чуть нарочито угрюмый дом стоял не сходя с места, как и положено дому. А Самородов все равно словно крался, точно дом осторожно подпускал его к себе, готовый всем своим весом рвануться и убежать, шоркаясь о стены узкой улицы.

Две тихие женщины вежливо поздоровались с военными и поспешили в сторону храма.

По сути это был дом чучельника, но Самородов понимал как много теперь зависит от Эмили. Смягчая строгость архитектурных линий междуузлея цепких вьющихся побегов прихотливо оплетали выступающие углы. Ранние лопнувшие соцветиями бутоны напоминали свисающую вниз гирлянду из ярких погремущек. Тонконогий стол и скамья прекрывали выстелленный сланцевыми плитами пол открытой террасы. Лампы из полированной бронзы уже зажглись и освещали распашные двери украшенные узорчатым стеклом. Контровой свет высоких окон пробивался сквозь плотные кусты осыпанные листвой более высоких деревьев. Листья лежали на тонконогой скамье, на плитах, на столе. Ее молчаливое присутствие придавало смысл каждому предмету вокруг этого дома.

Огромный, плотно наполненный переживаниями день, казалось отступил в далекое прошлое. Его полумифические воспоминания почти уже превратились в безнадежную мечту. Валерий Самородов шел по мощеному плитам тротуару, приближаясь к неминуемому искушению всей своей жизни. Освещенная площадь лежала слева от него четко очерченная храмовыми постройками. Окна света врезанные в сгущающуюся тьму казались глазами без век, глядящими предвзято и страстно. Дневная усталость придавала его решимости особое вечернее настроение с мягкой взволнованностью ожидания. Тая возбужденное дыхание он, как лицом в ручей, вошел в дом.

Его ожидали тоже.

Господь Всемогущий.

Дарующий и берущий. Любящий нас всех в своей радости.

Да светится имя твое. Да придет царствие твое...

Старательность дочки Астрела и Эмили, при всем умении выговаривать Сати каждое слово, была насилием над здравым смыслом. Те же самые слова, которые звучат из уст девочки становятся не тем же самым, если их произносит юноша. Они грубеют, становясь весомее. Сам звук густеет как набатный колокол и молитва преобразается в гармоничное продолжение веры.

Сати нелепо пискнула на середине предложения. Хавада тут же дала своему сорванцу подзатыльник. У нее была тяжелая рука. И Юджин отдернул худую кисть от накрахмаленного платья, перестав щипаться.

Все невольно заулыбались, исцеляя тревожное напряжение царящее в трапезной.

На полу лежал ковер, судя по сложности рисунка и естественности оттенков, весьма дорогой.

В полевой камуфлированной форме Валерий Самородов выглядел за столом накрытым бронзово-красной скатертью, украшенной утяжеляющими, витыми кистями, как рябое перепелиное яйцо на пурпурной сутане его преподобия.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

... очисти грехи наши. Прости нам вся согрешения,

вольные и невольные. Господи, не оставь нас,

вдохни дух в прах твой в утробе твоей.

Не отыми от меня дух свой. Прояви милость ко мне.

К чадам и домочадцам. Преди и очисти от скверны

души наши и тело наше в скорби исправляй.

Врачующую силу твою и всякую немощ таящуюся

вспоможествуй.

Господь, просвещение наше и утешение наше,

помоги нам беззащитным.

Ныне и присна и во веки веков. Аминь.

Девочка перевела дух и не без изящества завершила молитву глубоким реверансом, решив что так оно будет совсем хорошо.

Его преподобие отец Аквитин с большим мясистым носом и глазами с вечным голубым рассветом внутри сделал вид будто не заметил подобной волности ребенка и смиренно закатив глаза к паталочному ригелю от себя добавил:

— Молитвой мы перед Богом себя проявляем. Господи, благослови нежные уста ребенка источавшие тебе хвалу и пищу которую ты послал нам. Принеси счастье дому приютившему нас и хозяевам его хлеб с путниками приломившим.

Сытный запах роился над столом.

Самородов испытал непреодолимое желание пошевелиться и призвав деликатный консерватизм потянулся налить себе чегонибудь в бокал.

У жареной рыбы была кожица цвета золотого топаза. Искрясь, росинки на запотевших бокалах извивающимися запятыми скатывались вниз. С мареным деревом подносов удивительно хорошо смотрелся бардовый цвет узора. Легкие плетеные стулья не поскрипывали а как бы шуршали. Тушеный картофель со сладким перцем и бобами был дополнен нарезанным широкими ломтиками мясом. Красное вино "Мэдирос" и "Тассадэра" размещались в низкой, украшенной стружкой карзине и их заштопоренные горлышки смотрели в разные стороны.

Уведя детей в соседнюю комнату Хавада стала прислуживать за столом. Быстрые, ловкие руки привыкшие к крестьянскому труду успевали угодить всем сразу, пододвигая и перекладывая куски с тарелки на тарелку. Пушисто-снежный, наполненный кислородом лаймаровый сок струей ударил в наклоненный бокал Самородова и несколько белых капель упало ему на руку. Самородов зыркнул на Астрела и их глаза встретились.

Астрел сидел во главе стола и смотрел на Самородова таким взглядом, будто тот убийца которого много лет тянуло на место преступления и вот, наконец, он решился и вернулся.

Или ему хотелось так думать?

Каждый наблюдал за другим еще раньше, возможно с самого начала, из передней, из коридора с прозрачной верандой, через молдинги в рамках удерживающие оборону стеклянных стен.

Астрел был приложением к чуду помогая ему существовать. Знает ли он какая охапка счастья ему досталась, если счастье можно мерить охапками? Эта мысль обрела самостоятельность и больше не подчинялась ему, когда он только издали, мельком увидел Эмили. Перестала подчиняться в первый же миг своего возникновения, переняв завистливые угрозы ревности.

Пришел момент разыграть маску искренности.

Прямым, без многоэтажных подтекстов, Астрел протянул белофарфоровую ладонь, подавая ее Валерию:

— Можешь поздороваться со мной за руку, я не инфицирован.

Факельное шествие непримеримых маршеровало в глазах Самородова, но он был благодарен и подавая руку ответил:

— Я не знаю более незапятнанных рук на тысячу километров в круг.

Жесткий, сверлящий взгляд касался, как ему казалось, самой сути.

— Теперь ты на такой должности, что в твоей власти сажать людей за решетку и за меньший проступок.

— Тогда сразу под трибунал. Чего уж там.

Они разорвали рукопожатие и с нескрываемым облегчением опустили на плетеные стулья. Властная щемящая боль неутраченного чувства со злой искренностью парализовала им лица. В них жила разная мера вещей и поступков, и от этого их немного перекашивало. Кривило.

Торопливо, скороговоркой что-то весело говоря, Хавада, глубоко и рискованно, чересчур суетливо и заботливо потянулась в середину стола. Взяла в руки обе бутылки с вином и осыпая мужчин стружкой попросила Астрела и Валерия их откупорить. Оказавшись в такой ситуации мужчины дали слабину и завозились со штопором.

В этот момент в трапезную вошла хозяйка, провожая к столу гостя прибывшего последним. Дэнис Бодье Грациан шел операясь на трость. На лице лежали желтые старческие пятна, словно нерастаившие остатки принесенного с улицы света. Мелкие, тусклые, без выражения глаза, стиснутые в шрамик губы сохраняли болезненную припухлость. Седые космы были завязаны в чахлое подобие хвостика. Темный деловой костюм скрывал излишнюю худобу главы города. Пенящийся фреволный шарфик прекрывал выскобленную до синевы шею. Жатую ткань прешпиливала брошь с огромным переливающимся камнем изумительной огранки. Морщинистое лицо старика оставалось восково-бледным и камень необычайного размера и чистоты подпитывал свежесть увядающей в лике жизни. Продолжая приятный разговор Дэнис Бодье Грациан говорил хозяйке:

— Надобность в моем присутствии необходима не только другим, но и мне самому, прелестная Эмили. Пока я кому-то нужен, я жив, — с эдакой стариковской бровадой отвечал любезностью на любезность городской голова на оставшуюся за порогом фразу хозяйки.

Свет трапезной рисовал по шелку ее кожи родные и такие притягательные приметы красоты. Богатое женственностью от природы ее горделивое, тонкое лицо начиналось со скул. С той постановки шеи которая подчеркивала приподнятый затылок головы. Мягкий контур подбородка обрамляли чуть заостренные косточки скул, в которых чувствовалось

непреклонное упорство и отходчивый нрав. Необычные, даже несколько разлетисто-смелые бугорки щек настолько изящно сходились к переносице и плавной линии ушей, что казалось буд-то Эмили вот только что произнесла нечто необычайно разумное и представляла собеседнику время "переварить" услышанное, не настаивая и не торопя с ответом. Ее удивительно большие как у ночного животного глаза содержали частичку бешеного черта, застрявшего в холодной проруби голубой протоки. От чего взгляд становился живым и искрометным, до игривого блеска у самых ресниц его обладательницы.

Широкие окна светились последними розами заката, срезаемыми подступающей без бликов темнотой. Просторно освещенные большие окна веранды так же отбрасывали контровой сполох, процеживая сквозь Эмили рикошеты уходящего за горизонт света. Сквозь мельчайшую сеть замысловатых кружев проступала яркая драгоценность теплой атласной кожи. Бедро плавно сужалось в тонкую талию и стоило Эмили повести плечем, как открывалась слегка загорелая безукоризненно гладкая спина.

Самородову не хотелось думать безутешна его печаль или нет. Он смотрел на Эмили словно оплетенную ясным сном и понимал что Бог перестарался создавая ее такой.

Эмили легко потянулась, выгнулась и расстегнула закатку.

Она вытворяла невообразимое. Хотя, что в этом было такого?!

Щелчек и туго стянутые волосы рассыпались полукольцом.

Взрыв! Фейерверк!

Ее локоны вспенились как шампанское. Фисташковое половодье волос! Они переливались точно рухлящийся отрез шелковой ткани.

Она научилась быть для него неоправданой мечтой, неправдой, каждое движение которой являлось неопровержимой истиной.

Какая-то мысль, возможно взгляд, спугнули ее плечи, говоря о многом тому, кто хотел это видеть. Оправляя складки платья Эмили отпархнула к окну. Ее недостижимость придавала Эмили выдуманные свойства. Ему мерещилось что даже ноги ее не всякий раз касаются пола.

Сквозь высокое окно виднелась свежая зелень прихрамового сада. На редисах возвышающегося храма поблескивали распятья, уже тускло но опаляюще жарко.

Эмили отвела рукой край набивных штор, поправила стоящую на подоконнике вазу и тронула бархатистые диски на величественных стеблях. В ней не было никакой позы. Она существовала в реальности достатка своего дома и растягивала волочащийся за ней шлейф его фантазий, цепляясь ими за изумительный вид из окна. За крайний волосок ресницы непоймавшего взгляда. За стекающую по бокалу каплю не ставшую слезой раскаяния. За качнувшиеся цветы в вазе, самонадеянно утверждающие расположение хозяйки к их дарителю. За каждое ее прикосновение к упругим, шероховатым лепесткам, словно она через них касалась его пылающих щек не тревожась, что кто-то узнает о тайных значениях ее прикосновений.

Когда Эмили вдруг отщепнула увядший листок, Валерий испытал реальную жгучую боль.

Распоряжающаяся за столом Хавада со всеми любезностями усадила городского голову и принялась накладывать в тарелку отнекивающемуся старику всевозможные вкусности. Кружевные манжеты норовили залезть в блюдо и легкая суэта свойственная всякому застолью придавала ему антураж семейного праздника, тому что на самом деле являлось встречей официального характера. Дом чучельника после согласования был выбран и

одобрен как место удовлетворяющее все стороны соопределяющие решение вопросов разной степени сложности. Здесь, за ужином, сегодня сошлось несколько разговоров, имеющих отношение один к другому и преобретавших новое толкование в изложении участников застолья. На ходу рождалось то, чего могло и не быть, сложись их беседа иначе.

Разгоняя вздохом сонливость замлевшего от сытости тела глава города кончиком ножа постучал по фужеру привлекая общее внимание. И меньших усилий было довольно чтобы все ощутили важность момента. Дэнис Бодье Грациан полагал что его преподобие отец Акветин, согласно сану, довольно обстоятельно владеет вопросом. Но насколько глубоко ориентируется в перепетиях юриспруденции Астрел и его прелестная жена он не знал. Поскольку предстоящий разговор имел непосредственное отношение к хозяину дома и от его понимания зависел необходимый положительный исход, глава города решил во всех подробностях развить затрагиваемую тему, попутно блеснув собственной эрудицией.

Старый партикулярный конь борозды в строчке закона не испортит.

Торжественно лакируя фразу и несколько форсируя ослабший голос городской голова заявил:

— Магерат Правительственного Национального Союза и Попечителей городов Фракены определил меня глашатый лицом оповестить Астрела Сатерлана, потомка Эббата Сатерлана, отца Остина Сатерлана являющегося его родным дедом и отцом родителя Астрела, Райкмера Сатерлана, хомодермиков основателей божественного провидения и обретения Боговспоможения силой святых отцов храма нашего "Встречи отсроченной", — старику едва хватило дыхания и взгляд его поник в уважительном поклоне, адресуемый отцу Акветину, в ответ так же склонившему голову и подтверждающему возложенные на Дэниса Бодье Грациана полномочия Верховного Магерата.

Хрусталь сиял от гордости наполняясь коллекционными винами.

Рот старика высох и ему пришлось сделать несколько глотков, и затем он продолжил:

— Астрел Сатерлан рекомендован как соискатель, согласно закону о "блуждающем праве" на единовременно избираемую почетную должность "Правовержца".

Голос прозвучал неожиданно раскатисто, словно фразы пытались совершить массовый побег и натыкались друг на друга, ища выход из трапезной.

Хавада уронила тарелку и запричетав полезла под стол собирать разлетевшиеся осколки.

В наступившей наверху тишине Самородов взял со стола салфетку и небрежно вытер губы, скрывая гримасу недовольного смущения, вызванную серьезностью услышенной им весьма диковиной новости.

Астрел, удивленный и ошеломленный не меньше других, поднял взгляд словно ища поддержки на украшающие стены светские портреты своего прадеда, деда и отца, усопшего девять лет назад, незадолго до того, как с наследником Карэлом случилось это несчастье.

Двойной удар постигший его семью, скорбь от которого не утихла и по сей день.

Астрел был настроен на отказ, но чинить обиду таким гостям, да еще в своем доме, он не желал.

Слова не находились и неловкую паузу перемежающуюся скребучим шуршанием собираемых осколков пришлось прекрыть первым что пришло на ум:

— Мне так часто приходится смотреть внутрь человека, что дела внешние и мирские порой оказываются для меня упущенными. Я не уверен что стану именно тем, кто наиболее объективно вынесет решение адекватно истолковав идею "блуждающего права".

Из подернутого поволокой лоснящегося глубиной старческого взгляда на Астрела смотрели полные понимания глаза:

— Ежедневно мы принимаем неисчерпаемое число решений и не мучаемся верностью нашего выбора. Ваши сомнения мне ясны и близки. Всякий мало-мальски осторожный и основательный, на кого сваливается тяжкое бремя такой небывалой ответственности, в первую минуту пасует, стремясь уклониться, уйти из под тяжести предстоящего выбора. Добровольный и случайный характер решающей силы закона является его как слабой, так и сильной стороной. Карающей и милосердно амнистирующей одновременно. Присяжный в одном лице ничем не хуже дюжины толкователей буквы закона. И не надо этого опасаться или видеть в том порочную безысходность. Одна единственная капля хранит в себе информацию за целый океан.

Наконец собрав последние осколки битой тарелки Хавада понесла их на кухню переливая бедрами крепкий высокий зад.

Астрел отвернулся и задумавшись посмотрел на улицу. Однообразное касание мрака каменных стен за окнами широкой ладонью прекрывало газон и пестрые цветочные клумбы кустисто встопорщенные яркими белоснежно-белыми бутонами, заглядывающими в стрельчатые остекленные проемы. В иной, блзоруко недосмотренный мир. Имеющий место быть и бывший на своем месте.

Неспеша с ответом Астрел перевел взгляд на жену, но Эмили, едва заметно качнув расслабленной кистью от себя, предоставила мужу решать самому. Как бы махнув на него рукой и спрятав тревожные руки в рыхлые клинья юбки.

Сам.

Прозрачные кружева с тончайшим веерным рисунком как и все платье из вентажной, лиловатого оттенка вуали благородным сумраком прятали ее нереализованные желания за состоянием вечного ожидания, присущего любой женщине.

Ожидании, в отношении себя, мужского поступка.

Усталые, много повидавшие и пережившие глаза главы города наблюдали за этим немым диалогом супругов. Его толкало смутное, но вполне определенное ощущение, что концентрация на предмете дела победит мативы уже заготовленного отказа.

— Вы знакомы с "идеей обрушения"? — Обратился он к Астрелу и не утруждая себя ожиданием ответа продолжил. — Военно-стратегические концепции очень быстро ветшают, природа остается без изменений. Толпа чиновников бессовестна потому что безлика, вrostая в свое кресло как в наследуемый трон. Изменить ведущие к коррупции правила невозможно. Коллективная порочная бессознательность предрекает крушение всему столпу государственного устройства. Неудачи кружат где-то совсем рядом и важно чтоб они не позвали себе на помощ торнадо, поднятый в небо океан, оцщающий от всех обязательств. Пристрастившись к хаосу легче ловить рыбку в мутной воде, но им невозможно управлять. Подсев на собственные несчастья и вина в них кого угодно, только не тех кто в них виновен, целые государства исчезают с лица планеты подтверждая "идею обрушения".

Морщины-маленькие истерические коготки расцарапали усталое лицо старика, делая его ожесточенным:

— Любой открытый пост рассчитан на доверчивых и, рано или поздно, будет обласкан. Власть разлагает и влечет продажных в свои ряды. Система сдержек и противовесов слишком латентна и не служит реальной преградой для умельцев обойти закон. Для преодоления этого и была создана новая система выборности решающего голоса.

Персонифицируя его ответственность за принимаемое решение, и выводя из под давления свирепо озирающихся лоббистов не успевающее среагировать, слабое человеческое естество. Сила "блуждающего права", главная скрепа государственности, как бы высокопарно это не звучало. Она позволяет вершить суд и принимать решения по совести, воплощая самое непредвзятое правосудие. Делегируя полномочия верховной законодательной власти "Правовержцу". Какую бы должность он не занимал, мы выделяем его из круговой поруки толпы. Ставя над всеми и обостряя силу закона.

Астрел смотрел в мудрые, утомленные глаза Дэниса Бодье Грациана и не находил повода для отказа. Он не готов был состязаться в столь серьезных правовых вопросах бледной риторикой, но расторопность сделки его беспокоила всерьез. И поэтому он сказал следующее:

— Не припоминаю когда это система добивалась могущества без порочности. Выходит что вся правда только в том и заключается, что вы на самом деле признаете за кем-то это право?

Старик был серьезен как никогда:

— Политическая воля-это порой самое жестокое проявление гражданской позиции. Это умение держать удар и сохранять курс в русле предпринимаемых в интересах большинства усилий. Это самый замечательный тест на внутреннюю порядочность, — и глава города добавил с той же спокойной, повествовательной интонацией:-Разве справедливо что жизнь на которую ты рассчитываешь определяется кем угодно, только не тобой? Нельзя потеряться в истории, можно потеряться без нее, не проявив участие там, где ты являлся ключевым вероятностным фактором и упустил свой шанс. Опомившись, почувствовав и пожалев только потом, когда твое мнение уже никого не будет интересовать.

Не зря старик занимал свою должность. Ох, не зря. Он умело подвел вертящийся на языке отказ Астрела к проявлению трусости, если не произносить много других похожих по значению слов, но ничем не обогащая смысл по сути, это так и было.

Давний соперник если не твой враг и не приятель, то в свидетели своей слабости ты возводишь его сам. В присутствии Самородова, Астрел, по целому ряду причин, хотя хватило бы и этой единственной причины, уже не мог отказаться и пойти на попятную.

Собственно, чего-то подобного ему и следовало ожидать, когда он дал согласие на эту встречу в своем доме.

Положив на скатерть равнодушные старческие руки Дэнис Бодье Грациан уже знал о своей победе, видел ее, но спросил для верности утяжеляя каждое слово:

— Сам ненавижу себя за это, но боюсь ответ мне надобен прямо сейчас, — и выжидательно замолчал.

То, каким тоном он это сказал положило конец любым колебаниям.

Проглатывая внезапную горячую сухость во рту и цепко глядя на старика Астрел озвучил свою мысль:

— Если вдуматься, вся наша жизнь одни обязательства и одолжения другим людям. Это мой дебют в подобных делах, но я думаю справиться с ним не хуже других. Безумие хранит любые ответы, поэтому я соглашусь.

Вот-вот должны были грянуть фанфары поздравлений, но скрипучий басок пехот-командера испортил наметившееся веселое продолжение:

— Предпочитаю чтобы мне в начале все высказали начистоту, прежде чем начинали водить за нос, — он со звоном отодвинул от себя тарелку и бросил в нее скатанную в комок

использованную салфетку. — Если с выбором единовременного "Правовержца" покончено, я бы хотел перейти к делу не менее безотложному и важному, — Самородов дал понять что больше не уступит инициативу никому. Жесткая, рубцеватая складка освоившая уголки рта пехот-командера подчеркивала неукротимый дух зрелого, привыкшего повелевать мужчины.

— Вам не терпится задать какие-то вопросы? — С заученным дружелюбием поинтересовался глава города, про себя продолжая размышлять об избранности и амбициозности выбора.

Самородов натянуто кивнул:

— По роду службы в некоторых вопросах мне приходится быть более щепетильным. Ничто так не притягивает к человеку как тайна живущая в нем.

— И кто же ее носитель? — глава города понял, что без наводящего вопроса им дальше не двинуться.

— Вы.

Редящие брови старца от удивления распахнулись в разлет и вилка с ломтиком мяса замерла на пол пути ко рту.

— От вас добра не жди, — предначертал свое будущее Дэнис Бодье Грациан и расхотел есть.

С холодной неприклонностью Самородов изрек:

— Умея так своевременно остеречь моралью и дать совет другим вы запросто пренебрегли если не своими, то моими обязанностями.

— Когда же я успел и коем образом...

Чувствовалось что старик уже немного навеселе.

Самородов присек шутливую фамильярность его тона:

— Вы не сочли нужным явиться по моему приглашению, когда вас вызвали свидетельствовать и оказать помощь в широкомасштабном розыске.

— Позвольте, но я весьма занятой человек.

— Нельзя быть тем послушником, который возделывает только собственный сад.

Увядший рот старика округлился от изумления:

— Вы цитируете книгу-книг с такой легкостью и к месту, что я могу только порадоваться за наши карающие органы.

Лесть смазывает даже самых заскорузлых ревнителй службы и Самородов не выудивший еще и понюшки полезной информации решил подыграть старику.

— Я воспитан на секретах. Мастера развращать истину для меня хуже всякого предателя. Нужно обладать завидной выдержкой и не тревожным духом, чтобы вот-так, встретившись с вражеским десантером, один на один сохранить хладнокровие и остаться в живых.

Печать уважения и достатка отразилась на бледном старческом лице главы города. Ему польстили последние слова пехот-командера и он ощутил что-то вроде легкой эйфории и ему захотелось ответить любезностью на любезность.

Он немного трусил, к тому же.

— Там на берегу в рыбацком домике вы же с ним обмолвились парой фраз. Постарайтесь припомнить о чем вы говорили? — На костистой скуле пехот-командера заиграл едва заметный желвак.

— Со своей стороны я старался его не провоцировать, — заверил Самородова глава города:— Я пытался обезопасить себя и прекратить сына, зная что вот-вот должен подойти

патрульный катер.

— Вы были вооружены? — заострил вопрос Самородов.

По столу прошел легкий шепоток роптанья.

Голова Дэниса Бодье Грациана приопустилась и глаза едва заметно сверкнули из под бровей:

— Ведомый долгом я пытался воспользоваться дробовиком и остановить злоумышленника, но мое самочувствие не позволило мне зарядить ружье без всякого шума. Он обезоружил меня, грозя порешить сына если я позову на помощь. — Глаза под тяжелыми, набрякшими усталостью веками потухли. — Мне трудно об этом вспоминать, говоря об этом я вновь испытываю неловкость и унижение, которое пережил тогда.

Ни в коем случае старику нельзя было дать расслабиться и Самородов принялся наверстывать почти упущенную возможность получить хоть что-то. Пехот-командер торопливо забубнил:

— Что он сказал? Как держался? Может быть называл имена? Он чтонибудь взял кроме дробовика?

— Да... — едва слышно пробормотал быстро захмелевший старик. — Он забрал мешок-холодильник. Много взял, целый рулон. Все что лежало на полке, — и глава города поднял вздрагивающую руку указывая на воображаемое место.

— Теперь слушайте меня очень внимательно, — Самородов подался вперед. — От впечатлений зафиксированных в панике нельзя требовать полной объективности. Постарайтесь припомнить, он просто наткнулся на рулон, повертел, подумал и только потом решил взять или искал его?

Старик затряс головой:

— Искал конечно. Знаете, — старик задумавшись каснулся пальцем бледной щеки, — он даже переменялся в лице от радости что нашел то, что хотел. Нет, он бережно так засунул его за пазуху. Точно говорю. Это я хорошо помню, — уверенно ответствовал старик.

Люминесцирующее жидкое пламя светильников уменьшало пространство, соударя взгляды притихшего застолья. Кристаллические вкрапления зрачков в застывшие глазницы лишь подтверждали наступившее напряжение.

— У них на руках мертвый груз, — безошибочно догадался Самородов, прорвав тишину короткой неприветливой паузы. Соединенные теперь вместе эти факты не допускали другого толкования. — Жаль что вы поведали мне об этом пустяке только теперь. — Бледная гневность их лиц была неотличима. — Как вы не поймете, искать даму с собачкой-одно, разрознено бродящих под видом гриборезов-другое, а трех воинов с упакованным в термополяризованный мешок мертвецом-третье. Вы для себя разницу понимаете?!

— Не понимаю и понимать, представте, не обязан! — нахлынувший гнев вернул главе города ясность мысли. — Иначе бы с этим делом мог справиться всякий, не посвящая тайной службе всю свою жизнь без остатка. Вам на интуицию операться приходится, а она не зарекалась никогда вас не подводить. Вот штука какая!

Размолвка намеревалась перерости в ссору. Астрел, по праву хозяина дома, решил приструнить спорщиков, но Эмили, так и не присевшая за стол, неожиданно оказалась позади, положила руки ему на плечи и погладила, слегка сжимая ладони, точно сметая отрицательную энергетику и одновременно опираясь на плечи мужа.

Черные, как тропическая ночь, зрачки Самородова копили грозную бурю. Он как загипнотизированный смотрел на ее руки, которые еще не выдавали возраст, оставаясь

прекрасными. Но твердая преданность наиглавнейшей, запущенной в работу мысли заставила его вернуться к главному, ради чего он и посетил этот дом. Самородов едва сдерживая ярость смял скатерть под столом, от чего тоненьким причитанием забрякали, задрезжали хрупкие столовые приборы:

— Бросьте дешовый атракцион, Грациан. Правду видно говорят, что в новом теле вы, за дряхлостью, многим гайкам в голове слабинку дали.

— Господь непосильного тела не дает, — вдруг вступился за старика его преподобие отец Акветин. — Создатель не выбирает, он жалуется либо корит по делам твоим. Ибо сказано в книге-книг "наука ведет, Бог хранит, а ратное ремесло укореняет волю", — Полные певучей стройности слова отца Акветина межой пролегли между спорщиками, не позволяя им распаляться и входить в раж. — Пока жизнь не отнята-живи в том образе который дан. А как придет пора душе иное тело искать, уповай на волю Господа. И в выборе новом себя не теряй. Будь хоть дева ты, хоть старец, хоть малец, хоть удалец. И гладкая кожа и морщины на роже-все одно, Богом поменяно, а судьбою выбрано. — Румяное лицо его преподобия лукаво шурилось и всем видом своим призывало к миру.

Роскошь быть злым и добрым, скупым и щедрым, по всякому разным, закоснев в своих представлениях что можно, а чего нельзя глава города и пехот-командер оба считали, что их поведение не противоречит представлению о праве и справедливости.

Остановитесь оба. Дальше ехать некуда. А их уже понесло друг на друга.

Глаза старика тонули в глубоких темных впадинах, а вылетавшие из сузившегося, посиневшего рта слова напоминали яростный плевков ствола. Он мало что воспринял из того, что сказал его преподобие. Он жаждал отыграться и закусил удила, строго со злинкой крикнув:

— Как вы посмели говорить со мной в столь дерзком, издевательском тоне?!

— Помилуйте, о манерах ли сейчас речь, — тем же злым, возбужденным тоном взревел Самородов. — Вы так пылко и убедительно объясняли Астрелу суть обязанностей гражданина перед государством, что, для наглядности, позабыли упомянуть о собственной безответственности. Доложи вы о термополяризованном мешке своевременно и весь розыск вражеских десантеров мог бы завершиться по горячим следам.

Глава города с таким неподражаемым всезнающим укором посмотрел на Самородова, на который способны только старики. Бесконечный танец света на геометрически выверенных гранях кичливого камня на шейном платке, казалось душил гневом иссиня-белое бескровное лицо. Его голос сделался скрипучим и опасно тонким:

— Это вы то говорите мне об ответственности перед обществом, — глава города приткнулся хилой грудью к краю стола и принялся безостановочно выкрикивать:- Хватке и методам костоломов вас даже учить не надо, сами до всего доходите! А тут вам подсказки да пророчества кликуш занадобились. Одержимые собственной значимостью вы больно ретиво забераете. Все под вас стелись и урона не йми, — старик шурился и не замечая того, чуть заваливался на левую сторону. — И беды не видать, а нужники на целую рать накопаны! Дорог вам мало, вы выпасы окопами перерыли и пахотную землю гусеницами перекатали да саляррой испоганили. Людям в лес ходить не велено, а у многих с лесного промысла вся семья кормится. Чуждые вы какие-то. Взболмошенные. Своих пуще недругов роптать заставляете. А потом диву даетесь от чего от людей помощи не видите!

Самородов только крепче стиснул челюсти и смотрел на старика с таким видом, словно ослышался, затем холодно и резко спросил:

— Так вы не по недомыслию, а из обид и убеждений своих розыску помогать отказывались?

Старик кинул мгновенный негодующий взгляд:

— А вот так подводить не надо. Не нагнетайте. Все вы прекрасно поняли, — тревожная, дребезжащая нотка в голосе все же выдала его испуг: — Что вы за человек такой... и не зря вас "валерьянкой" прозвали, — не удержался глава города, выпаливая все под чистую:- Не умеете вы с людьми разговаривать, Самородов, вот что я вам скажу. Маякам не верите, берегов не видите и брода не знаете. Все нахрапом норовите, а в итоге дулю зрите.

Теперь пехот-командер понял отчего глава города заваливался на один бок. Самородов был уверен что загляни он теперь под стол, то увидел бы направленную в свою сторону, сложенную из скрюченных старческих пальцев фигу.

Все выглядели смущенными и немного выбитыми из колеи. Прямо по коридору в проеме комнаты появились две детские головы Сати и Юджина. Взгляд исподтишка. Им интереснее всех, в благопорядочном доме не часто такое увидешь. Вне себя, прищелкивая языком, Хавада загнала их обратно.

Торжество жизненного опыта над искрометной непоседливостью чад.

Нерешаемое противоречие пытаться закруглить неокругляемое.

— Довольно. Выполняйте работу которую вы считаете своим долгом. О своей мы побеспокоимся сами, — Самородов встал, резко отодвинув стул, пронзительно скрипнув ножкой по полу. Его высокие, неуместные двигающиеся ботинки напоминали печные трубы.

— Я провожу тебя, — выигрышным движением гибкого тела Эмили отделилась от откровенно свирепо взирающего на Самородова Астрела и пошла с другой стороны стола, по направлению к прозрачной веранде.

Темнота ночных закоулков обнимала дом.

Они шли к выходу паралельно, не касаясь друг-друга. Как два засекреченных агента, которым за короткий отрезок пути, оставаясь на глазах, нужно успеть приватно сообщить самое главное.

Как безоговорочно решительно хлопает стеклянная дверь.

Позади.

Скользящая, играющая ткань. Круглая ключица под тонкой кожей. Из выреза выбивается светлая полоска кружевного лифчика.

Заостренный укол счастья.

— Если бы ты развелась с ним, мы бы сэкономили массу времени.

— Не дерзи, — Эмили встряхивает волосы.

Ему хочется как голодному досыта наглядеться на нее.

— Что в нем есть такого, чего не нашлось во мне?

Эмили не поворачивается и ему достается только упрямая ямочка на щеке:

— Он основателен как крепостная стена. В нем надежности на сотни осад.

Электрический разряд в голове. Все слишком оголено чтобы не ударить его. Не закоротить.

— А я? — он почти жалеет, так ничтожно прозвучал этот вопрос.

— Ты не замочная скважина, чтобы мне в тебя заглядывать, — словно не заметив двусмысленности вопроса отвечает Эмили. Она сердита и этим хороша еще больше.

— Боишься увидеть во мне нечто, от чего не сможешь отказаться?

— Совсем нет, — она выдерживает его долгий, как один сплошной намек, взгляд, но так

и не смотрит в его сторону. — Тебе интересны только победы. Ты ищешь сильные решения даже там, где можно достойно отсидеться и переждать. Сдерживать осаду для тебя позорно и муторно, а повседневная семейная жизнь почти целиком состоит из одного терпения.

— Замечательный предлог для самых сокрушительных заблуждений. Ты в образе который выбрала себе сама и он тебе льстит.

— А твои амбиции всегда нуждаются в авациях.

— Все шутишь, а я припоминаю, как же, ты с детства любила перечитывать сказки. Но я не предполагал, что героям из книг нет места в твоём сердце.

— Я их побаивалась, — не стала скрывать Эмили и это был самый долгий из её взглядов, которого он ждал для себя весь сегодняшний вечер. — Девушкам полезно и нужно бояться отважных забияк, чтобы потом локти себе не кусать.

Самородов поморщился:

— Не пытайся меня одурачить.

Эмили промолчала.

Её улыбка была вежливой, хозяйской и выпроваживающей одновременно.

Когда он совсем уже собрался уходить она вдруг сказала, как бы стороной:

— Не обижайся.

— Пустяки какие, — Самородов толкнул входную дверь и следом выпихнул себя, невнятно попрощавшись.

Погруженные в непроглядную темноту кусты плетеными пустотами сторожили крыльцо. В мелких выщербленах ступенька запавшей клавишей держала самую печальную ноту на свете. Неразличимую в своём одиночестве.

Десонанс сред.

Ульрих, сидящий привратником у входа, вскочил со скамьи, оживив тени уличных фонарей. Он что-то спросил у Самородова, но тот не услышал его. В голове улей, а под ложечкой подсасывало неумное чувство досады.

Все та же одинокая нота. Её молчание доносится издалека, отдаваясь в голове с задержкой. Протяжным эхом.

Не оно ли попридержало так и не начавшийся дождь?

И уже пересекая дорожку света на блестящих плитах храмовой площади, подходя к автомобилю с бессмысленно выпученными глазами фар, пехот-командер отдал прорвавшийся в сознание приказ:

— Немедленно, по разыскиваемой группе, разослать новую ориентировку...

ГОРЯЧИЙ СКОЛЬЗ

Закат оталел. День быстро сходил на "нет". Застрявший в сырых ущельях туман разбухал выползая на опустевшую к ночи дорогу. Прошли бесконечные минуты после заката, затем медленно навалилась тьма. Отполированный кварц ночи отблескивал вкраплениями

пиритовых звезд. Совсем как на Земле. На Перво земле. Вытарашенные, ожерелье чужесветные звезды. Пахло чужбиной и было не страшно от того, что все происходило не в отчем доме. Словно не с ними и не за их счет.

Постоялый двор расположился на проселочной дороге, которая пролегла параллельно тракту, но несколько западнее. Весь вечер занимались наблюдением. То из за дровяного сарая с односкатной крышей, то хоронясь за скотным обнесенным жердями выгоном. Присмотревшись к поведению возницы космодекантики решили что он не соглядатай. Не из тех. Слишком много сил, времени и нервов уходило у него на ругань со спутницей, приходящейся, по всей видимости, ему благоверной.

Опрокинулся, перевернулся за горизонт умирающий день, стало так темно, что они могли лежать почти не скрываясь. Яростно лаял и рвался на цепи пес. Чуял. Ложа на траву глубокий след света через приоткрывшуюся дверь с кухни постоянного двора вышла бабенка в переднике. Цыкнула на пса и опростав деревянное ведро направилась к бетонному кольцу колодца. Заскрежетал цепной ворот и белые пухлые руки нырнули под дощатую кровлю, слегка расплескивая ледяную колодезную воду. За выгородкой в стойле шевелилось что-то теплое.

Потемнелый тес перестроенного скотного двора прекрывала двускатная кровля. Между балок возле потолочной плахи располагалось духовое оконце. Вместо звезд в него заглянул Парс и перекинувшись с помощью подсадивших его Иллари и Рона изнутри отодвинул заложенный на ночь засов. Сиплый клокочущий лай надпарывал полусонную тишину.

Сумрак лежал по углам как прибитая дождем пыль. Одомашненная чужой рукой темнота. Густой, пахучий запах живности. За щелями перегородки тревожно зашевелилась матка с телятами, сердито царапая мшистыми рогами скрипучие доски. Неошкуреные бревна потолочного перекрытия бахрамились отслоившейся корой.

Они старались не выдать себя ничем, говоря по одному и только шепотом.

— Ты когда нибудь доил корову?

— Это очень просто. В начале двумя пальцами берешь за то, что кажется тебе соском и остальными начинаешь жать на него слегка оттягивая вниз. Потом бык легнет тебя в грудь вышибая дух и можешь расслабиться.

— В этом деле тебе равных нет.

— Вышибать дух?

— Нет, ласкать быка.

Почесав языки космодекантики забрались на сеновал. Трава прела отдавая свой ровный жар измотанным человеческим телам, порошила лица. Теплое шуршащее сено пронизывал сладкий аромат абрикосов, нарцисов и миндаля. Там же блуждал вересковый флер, дикая горечь полыни, терпкий дербящий горло запах коньяка, напоминающий аромат можжевельника и свежеразломанного хлеба. От стен примешивалась пахучесть лесных смол. Соломенная подстилка разносила отдушку степной резеды и перечной мяты.

Испытывая невыносимую легкость бытия троица начинала одуревать от такого букета как от макового отвара. Реакция растекалась ароматным ветром в голове, но, возможно, это был просто голод.

Удел того кто разучился спать-превращать явь в свои сны. Совершенно осовелый Рон скатился с сеновала, отряхнулся и пошел вдоль пустых выгородок. Большие круглые пылающие зрачки, как пара сиамских лун, выплыли из темноты и уставились на Рона. В тесном загоне в воздухе, как будто за секунду что-то сдвинулось, прояснилась точно такая

же вторая пара удивительно круглых горящих глаз.

Озноб нахотил затылок космодесантника. Уроливо кособочась Рон смахнул спиной со стены сохлые разрывы коры. Огромные косматые звери балуясь и нежась урчали наивно вытянув гордые шеи в сторону человека. Ноздри наполнились острой мускусной вонью их помета.

Ни одной самостоятельной мысли не просматривалось сквозь пелену усталости кроме скорых по горячке оскарблений.

"Ну матюха,"- выругал себя Рон: "Ездовых кошек перепугался точно пылкая гимназистка". Зато сонливый ступор как рукой сняло. Бодренко так себя почувствовал и ухмыльнувшись на собственный счет двинулся через вторую дверь на улицу в доносящийся прихотливый хор голосов ночных насекомых.

Постоялый двор погрузился в сон. Рон вернулся сияющий, неся глубокую миску где схватились жиром мясо, картофель и капуста с размоченным в них хлебом. Им казалось что они никогда не едали ничего вкуснее. Когда животы придавило сытое мленье Иллари повертел мятую облупившуюся миску и недовольно прошептал:

— Тарелочку на стол можно было выбрать и познатнее.

Рон заторопился объяснив спешку тем, что не хочет на ночь глядя портить отношения с хозяйским псом, у которого он стянул полагающийся собаке ужин. Иллари и Парс так и не поняли шутит Рон или говорит правду.

Не все ли равно.

Иллари ленивым шепотом послал Рона к такой-то матери и с ожесточением попросил добавки.

На этот раз Рон вернулся еще быстрее и подал знак затаиться. Они зарылись в копну поглубже, приготовив ножи.

Распахнув скрипнувшую ржавыми петлями дверь (у Рона такого не было, он с этим как-то боролся, наверное приподнимал), ослепляя ночь выставленным вперед фонарем вошел мужчина. Притолока оказалась низкой и, переступая порог, вознице пришлось пригнуться. Капюшон плаща был откинут и лежал складками вокруг его шеи. Скошенный свет большого конюшенного фонаря серебром пламенил заканапаченные мхом щели меж бревнами. Кошачьи зрачки сузились, трапиевидные морды кошек потянулись к вознице. Полосатые тени перегороженного стойла дрожали в неверном двигающемся свете высоко поднятого фонаря.

Будучи начеку и следя за каждым даже самым неприметным движением мужчины Парс машинально отметил как рифленая подошва ботинка возницы оставила в жидкой лепешке навоза четкий рисунок в виде начисто обглоданного рыбьего скелета. Огромные подпиленные клыки кошек сверкали устрашающей белизной. Пасти заблестели обнажившимися костяшками зубов. По плотно вьющейся шерсти при каждом вздохе пробегала волна радужного света. Раздувая шею и раскрывая пасти усаженные острыми пластинами, косматые кошки потянулись бархатистыми носами к поилке. Возница повесил фонарь на крюк и стал, придерживая круглое дно, выливать в крын полное молока ведро. Он очень ласково по домашнему называл их "кисами". Раздирая когтистыми лапами подстилку массивные коренастые звери как шаловливые котята мило жмурились и локали из поилки теплое, желтоватое от жирности, молоко.

— Отучи кису сметану жрать. Отучи бабу мужем не понукать, — о чем-то о своем беззлобно бубнил возница, почесывая за ушами урчащих кошек.

В духе местных традиций полный сельского очарования быт.

Было в том что космодесантники придумали сделать что-то поразительно ветренное. Проскочить на дурака входило в их планы, но не имело серьезной состоятельности военной операции. Перепроверяя почти неисполнимый, похожий на трюк, план завтрашней задумки Иллари успокаивал себя одним: " Тот кто все время бабу на уме держит в гроб доглядываться не станет".

Реши спецназовцы что возница подошел к их тайному убежищу опасно близко и человек был бы убит. Напряженные ладони космодесантников прекрывали возможный отблеск обнаженных десантных ножей. Большая флегматичная корова с широкими винтовыми рогами повела острыми ушами-раструбами и настороженно и печально посмотрела огромными талыми глазами на разворошенный сеновал.

Отвернись, дура.

Но корова была не дура, потому не в ущерб пищеварению тщательно и долго пережевывала подхваченный из клетки пучек травы. Презирая их как с брезгливым раздражением презираем мы сами шебуршащихся в нашей еде... предположим мух. Ее толстые коровьи ноги напоминали стебли сушеного табака и на них жгутами проступали вздувшиеся жилы.

На столь близком расстоянии трансляторы маскировки одежды были бесполезны и даже вредны, телекомная ткань могла бликовать. Свет конюшенного фонаря позволял разглядеть так много, что космодесантники казались себе выпирающим кадыком среди всклокоченной соломенной седой бороды, как все чего касался свет фонаря.

Поддавшись их немым уговорам возница оправдал надежды и сохранил себе жизнь убравшись восвояси и ни разу, обозначив в отношении позицию, не оглянувшись туда, куда не следовало смотреть.

Дверь затворилась и ночь вернулась внутрь, защитив не хуже любого иного пространства. Все переживаемое и пережитое звучит просто и как бы само начинает истекать из тебя удаляя из души ложь. Приходит время и каждый мужчина принимает решение за что стоит бороться в этой жизни. И чем серьезней твое уважение к себе, тем выше цена за выбранный тобой путь. Но все начинается с чего-то и это что-то просится в разговор, словно перепроверя чистоту собственного, однажды принятого решения.

Куда-то испарилась непомерная усталость и захотелось поговорить, возвращая смысл почти позабытому. Вспомнилось. Прошлое выходило из глубины словами несущими на себе отпечаток памяти, как недостижимый жар звезд кучно застывших в слуховом окне, как дырочки в мишени.

— Знаете как говорят о планете: "больше ее все равно не становится". Мой отец по вахтовому графику работал в горах Лейбница рудокопом, пока не случился взрыв в буровой скважине. Отца зашвырнуло на канатный транспортер и там разорвало пополам. — Голос Парса прерывистым бормотанием дрожал меж прекрывающих рот пальцев: - Горнодобывающая компания отказала в отправке тела на Перво землю и похоронила отца в шпольнях на общем кладбище в близи лунной колонии. Пайщики лунных разработок умели считать деньги и назначенной по потере кормильца пенсии едва хватало на опрятную бедность на Перво земле. Мать принялась искать место чтоб позволить нам хоть о чем-то мечтать.

Иллари маятно посмотрел на товарища и убрал сухую травинку с его лица. Парс продолжал:

— Где земля дешовая-там пахнет чем угодно только не работой, а где дорогая-там ради заработка приходится жить где придется. Знаете какой домашний адрес был у нас с мамой?

Рон лежал с открытыми глазами и нехотя, показав что все слышет, изрек:

— Пентхаус на конгломерированном небоскребе с отдельным ассенизаторным коллектором.

— Паб и маленький консервный заводик в зоне океанического прибоа. Спросить Парса. — Иллари хотел сказать нечто другое, но поддался искушению затеяной Роном игры.

Парс не обиделся, он понимал что эти "реплики с мест" попытка с оглядкой взбунтоваться против их собственных воспоминаний. Не многим отличающихся и многому научивших.

— Угу, мы проживали по адресу ул. Добровольца Колева 8011. Мегаярус 4, пролет 18–19. Если вы подумали что у нас была двух уровневая квартира-то вы горько ошибались. Лестничный пролет между этажами небоскреба. Мне приходилось играть на ступеньках. Работа отбраковщиком синтезированных и модифицированных продуктов не позволяла маме снимать что-то более достойное. Проходное место на пожарной лестнице где свои вещи мы закрывали в специальные кабинки на стене. Все детство меня окружала такая суতোлока буд-то я жил в супермаркете во время сезонной распродажи. Очереди длиннее желания в них стоять. Не видя ни одного знакомого лица я ощущал себя потерянным и одиноким. Гулкий рокот механизмов и пришептывающие вздохи пневматики. И запашок стоял... резковатый. Абсорбаторы пыли в воздухоочистителях справлялись плохо и всегда воняло из накопителя. Лифты с утра до вечера вверх и вниз, шевеля бурый пух вентеляционных решеток волокни за собой толстые кабеля. Громяхая и подтрясываясь, словно размышляя не забросить ли всех к чертям в выпирающую пружинами преисподнюю шахты. — По солдатской привычке организовывать уют из того что под рукой Парс закопался поглубже в мягкий ворох, взбил травяную пирину и сказал:- В моем детстве было так много этих вверх и вниз, и никогда влево и вправо. Правда. Когда подлый безжизненный голос радиодиктора объявлял пожарную тревогу, нам и сотням других таких же подселенных семей приходилось срываться с ночевочных лестничных площадок и эвакуироваться со всем своим добром на улицу. И сидеть на узлах возле офисной высотки под открытым небом как погорельцам. — Парс дернул щекой и ухмыльнулся, словно пытался збросить с губ невидимый зацеп. Еще отягощенный, не вывалившийся из этих воспоминаний Парс беззлобно, на выдохе ощущений добавил:- Сиротство переполненного мегаполиса. Когда не знаешь другой жизни, то кажется что и это жизнь.

Застыв в сочащемся скудном свете повисла пауза перехлестнувшая некий наметившийся покой. Иллари вдруг приподнялся и отстегнул с пояса фляжку. Тысячи когда-то крепких тыкающихся в небо травинок перерубленных в корне, обезвоженных и потому засохших казалось вытягивали из него влагу через одежду, сушили кожу. Иллари отвернул пискнувший колпачек и пил, пил, пил из своей фляжки большими жадными глотками, задирая ее все выше и выше, пока не осушил досуха. Потом облизнул черную щербинку на горлышке и застыл памятником удовлетворенному человеку, перестав щуриться и шевелиться. Его голос был мягким и певучим, без сердитого командирского надрыва. Он набирался сил даже когда говорил:

— В твоих словах не так много нового. Планету на которой мы все живем почему-то никто никогда не рассматривал за серьезного партнера. Человек то, что он видит и что чувствует, чем дышет и питается. Но достучатся до него труднее всего той, что его

повседневно окружает и за чей счет он живет. Неблагодарность к самому насущному—одна из самых ужасных и необъяснимых из человеческих черт. Наша самая большая и непутевая слабость. Планета непритязательна, но месть ее может длиться века. Я точно так же с детства маялся под чуть теплым душем, то и дело бросал взгляд на стремительно падающую шкалу нормаводы. Тонюсенькая струйка под звуки гимна дико гудящих труб прекращала литься значительно раньше, чем стрелка опускалась на последнее деление. Подогретая вода оставшаяся в трубах и шлангах считалась использованной полностью. Я не боялся открывать глаза представляя что плыву в какой-то невероятной глубине, совершенно один далеко от всех. И одиночество, как и тебе, казалось мне чудом. Главное чтобы вода не попадала в рот, а от кожных бактерий она была дезинфицирована полностью. Уже тогда поговаривали что способности провидца это результат мутации, приобретенной в результате попадания в пищевод мутагена из технической банно прачечной воды. Чушь, но я купился. Уже обучаясь в академии и желая открыть в себе способности оперативного провидца я, как распоследний идиот, напился такой водицы. Потом меня рвало и я отвалился с дизентерией в лазарете больше недели едва не вылетев из академии. А предсказателем стать так и не смог.

Зерненное репейниками звезд небо сквозило своей глубиной, не приближаясь и не удаляясь. Оставаясь в состоянии покоя и не зная каково это. Они лежали рядом. Праздно. Ощущая родство. Смотрели в даль через слуховое окно. Парс заговорил о том же самом но по другому:

— Воля нескончаемая. Хоть туда иди, хоть сюда. Ширь то какая. Земля на которой хочется раскинуть руки и никого при этом не оттолкнуть. Нереальный простор благоденствующей свободы. Хоть криком изойдись, а хочешь в исподнем бегай. Если бы меня не трогали-шагал бы до одури. Только в таком хранически бескрайнем мире можно понастоящему испытать как одиночество выглядит на самом деле. Горы, равнины, леса, пространства. Сколько места. О Господи!

Рон прекрыл ему рот но не перебивал. Парс благодарно зашептал ему в самое ухо:

— Сколько за зря пустующей территории, — теперь он говорил тихо и так от себя:—До четырнадцати лет детей каждое утро выводили на крепкий ветер. Прогулка по крыше небоскреба чистила легкие от всяких... — Парс болезненно и брезгливо морщился припоминая, словно беря в рот каждое слово вместе с его значением. — Диоксид серы всякий, ртутные пары, свинцово-кобальтовый осадок. Профилактически и оздоровительно, так сказать... переживая за здоровье нации. Задыхаясь от разложения мусорных карьеров и излучения полураспада реакторных захоронений и втористо-урановых шахт. Проведенная наспех эвакуация тяжелой промышленности в полярно-промышленные зоны оказалось делом дрянным и запоздалым... впрочем, что я вам... вы и сами не хуже меня...

Копна в ответ колыхнулась и просыпала клочки соломы.

— Технологическая порча планеты привысила восстановительный период заповедных зон. Так нам тогда объясняли с какого конца эту мысль думать надо, — особая резкость голоса Иллари неуклонно попахивала запретным:— Наше общество слишком долго жило по правилам где успех неосуждаем, если даже достигнут за счет экологического изнурения среды обитания. Преуспевание за счет выживаемости. Геополитика такая, фигня ядреная.

Одетые шелковыми тенями ездовые кошки игрались в загоне требуша соломенную подстилку и пугая матку с телятами. Рон лежал в задумчивости, словно дремал с открытыми глазами. Его мысли витали так далеко, что начав говорить по необходимости тихо, он едва понимал смысл собственных слов:

— Мы устроены так, всегда переоцениваем состояние технологического оптимизма и собственные возможности управлять последствиями прогресса. Охотно расплачиваемся экологией, переплачивая за право обрести могущество, хотя обычно довольствуемся куда меньшим. Это проблема выживаемости-достаточно точно определить возможный предел урбанизации. И когда просчет очевиден, посылают нас разгрести все это дерьмо, — эта мысль с такой безжалостной ясностью определяла их собственную значимость как воинов и граждан своего мира по степени исключительной полезности, что на лицах космодесантников стала читаться редкая для этих ребят эмоция мечтательной гордости.

— А та, новая планета "Салюта Млечная", говорят даже лучше этой, — горячился Парс:- Люди. Меня всегда окружали люди. Много людей и много лиц. Клубок облепивших планету человеческих тел. Если бы пообещали, поклялись и никто в меня не стрелял, ни один человек, совсем никогда, — судя по безумным веселым глазам он сам не верил в то, что говорил:- Я бы так шел и шел, если бы сказали что все что я пройду без остановки за раз отдадут под расселение поселенцев с Перво земли. Под вольницу. Потом, много часов спустя, я бы упал и все равно бы полз, жадничая этим свободным незаселенным пространством.

Вольный медвяный хмель сена служил лучшими декорациями к мечтам Парса.

Небо полное колдовского мерцания упивалось его сказками. И теперь в этом стогу, тесно прижимаясь к друг-другу, они поверили что им это удачи.

Рон, слегка зевнув, постоянно невольно прислушивался к звукам за стеной и, уже не различая глаза остальных, слышал лишь дыхание товарищей.

— Все мы такие. Точно. Живем в долг и подпитываемся иллюзиями. Композиты лунных поселений, гидропонные фермы, регенеративная система питания, добавки в пищевом рационе возбуждающие аппетит. Мы готовы пожертвовать здоровьем и жизнью лишь бы не менять своих пагубных привычек. Знаете чем мы сейчас вместо сна занимаемся. Ищем смысл в этой войне как в каждой другой. Иначе ведь и победить нельзя. Все что связывает нас с родной землей и начинается и кончается в тебе самом, замыкая цельность души.

Ему никто не возразил. В эту ночь спальные мешки остались свернутыми. Только круторогая корова тревожно прядала ушами. Эмиссары другого мира тихо и сладко спали. Любые самые великие мысли показались Рону настолько крошечными, что перестали застревать меж смеженных ресниц. Он последним провалился в сон как якорь на дно.

И еще долго, неумолкая, бесновался натянувший в струну цепь, хозяйский пес.

Светило решило отыгаться за все ненастные дни весны и жгло нещадно. Дырой в горнило с откинутой заслонкой в адскую топку. Воздух был как горячая безвкусная вата и волокнами прилипал к легким и залеплял гортань.

Шерстокрылые падальщики ангелами смерти кружили в вышине, облетая друг-друга. Без крика. Когтистые лапы скал потащили за собой лопнувший берег реки и дороге пришлось петлять по оплывшим берегам, по косогорам, огибая каждый выступ по несколько раз. Лес логами убежал в подгорья. Наискось исхлестанные рубцами утесы как отведавшие плетей каторжники угрюмо нависали над извивающемся полотном дороги. Пригоршни бурого как прошлогодняя стерня мха прекрывали незаживающие раны трещин. И затягивающий щебневые осыпи драный подлесок походил на ветхие одежды невольников охраняющих стремнину. Зеленоватый мармелад реки лениво полз по щебню.

Гибкий, заужающийся плетью к низу арапник едва касался мохнатых задниц. Кошек

арапником ожегать не стоит, легонько тронул и сами бегут. Да как бегут. Заглядишься. Упругие мускулистые тела выбивали мощными лапами облачка пыли. Каретный катафалк, который с таким же успехом можно было назвать склепом на колесах, катился, казалось, без усталости. Плотная, шелковистая, непромокаемая шерсть ездовых кошек при каждом шаге мягко колыхалась. Мясистые чувствительные усики встопорщились на высоко задранных мордах, спасая узкие покрытые свалевшимся пушком ноздри от дорожной пыли. Свободная пристяжная на длинных поводьях кошка баловалась, пыталась бежать боком, но щелчок арапника заставлял ее боязливо прижимать уши и выравниваться. Черно-серебряный мех на груди и поверх массивной головы встряхивался, демонстрируя великолепную гриву. Плотный подшерсток и густой покровный волос ездовых кошек шел волной, словно шевеля клубки дерущихся под кожей змей. Кошка в упряжи начинала уставать, ее рельефные мышцы все чаще вздрагивали. Поворотясь мордой она точно спрашивала у хозяина когда тот даст ей передохнуть. И не получив ответа с досадой шурила вертикально узкий зрачок, где даже по икринке зеленого глаза проходила полоска золотистого цвета, обметавшая подпалинами бока могучего звериного торса. Ее ощеренная пасть неистово грызла трензелей под клыками.

Возница сидел свесив одну ногу за облучок. Терпеливая ухмылочка на его лице разошлась по знакомым морщинкам, припрятав почитаемое хозяином философическое отношение к жизни. Румяная, кареглазая жена сидящая рядышком перевязала платок и облокотившись на снятую с брички мягкую спинку продолжала его ругать:

— Суть твоя мужицкая вся похотью кована. Едва подол завидишь-весь звенеть начинаешь...

Собираясь жить с любым из мужчин, женщина должна планировать маленькие драмы заранее.

— ... а баба, она ведь как магнит. Манит, да, если не дура, того не показывает. — От ее прежнего пыла осталось не больше половины. Завитые локоны мелкими упрямыми пружинками выбивались из под платка.

Возница разбирал вожжи и бестрепетно помалкивал, подразумевая женские упреки как вечный гвалт реки. После ее утренней хлесткой пощечины на щеке остался привкус ожога. Он негромко втягивал воздух и с сопением выдыхал его.

Дорога выправилась, песок искрил. Кошки тащили карету ровно и ходко. Плетеные уздечки с ввязанными в них чеканными бляшками то и дело позвякивали. С хлопотливым тархтением пошел на обгон и промчался мимо трехколесный мотороллер. Трава брызгала стрекочущей ватагой прозрачных кузнечиков. Только жара допекала не хуже сварливой бабы.

Воздух точно густой и вязкий, не продохнуть, внутри кареты казался спертый и застревал перекрывая глотку как пыж гильзу. Слушая их приглушенную скрипом перебранку, вернее монолог ревнивой женушки, Иллари сочувствовал вознице.

Что, брат, угадали тебя.

Наваливалось безволие, спина уставала на тряском дне. Прикрепленные к днищу кареты два тяжелых запасных колеса пришлось снять и закатить в лес еще на постоялом дворе. Иначе бы возница заметил прибавку в весе и стал доискиваться причины. С этим обошлось, а за шуры-муры с кухарочкой схлопотал по роже. Космодесантники к тому времени были уже внутри каретного катафалка и многое поняли на слух. Ближе к рассвету с одроформы сняли крышку и подменили тело положив внутрь гроба планирующие носилки с телом Крейга. Приласканная кухарочка заголосит и лишится чувств обнаружив в леднике между

мясных туш и кадушек завернутое в материну тело.

Все в нагряк. Без подстраховки, на дурака, горячим скользом, под самым носом у врага. Впрочем, они бы сильно удивились если бы хоть раз расклад перед боем был в их пользу.

В этом месте деревья совсем зажали дорогу. Тени тонких ветвей взбегали по одежде, лицам и каретному катафалку. Усыпальница на колесах слегка накренилась ложась в поворот.

Дозорной вышки не было, таковая могла до времени выдать пост. Линия прямой спутниковой связи с шифраторами для обеспечения секретности на обоих концах с вечера сообщила что вражеские десантники сопровождают труп.

Дороги-первые слуги государства. Мчащийся в клубах пыли мотороллер был слишком мал, низкий борт не смог бы спрятать трех экипированных бойцов и мертвое тело. Его пропустили без досмотра. Скала, горячая как духовка, загнала постовых в самую загустелую тень под деревьями. Обметавшие утес заросли пучились клочковатыми наростами кустов. Зеленый занавес леса открывал поворот дороги уже на выходе, так чтобы пост до самого последнего момента оставался в тайне. Полученная ориентировка серьезно обозначила появившийся из за поворота каретный катафалк, как вероятный транспорт способный уместить разыскиваемых диверсантов и выносимое ими неустановленное мертвое тело. Пехот-бригантир кордона вышел на дорогу перегордив путь каретному катафалку и скрестив руки на груди мрачно уставился перед собой. Внимательные строгие глаза, жестко очерченное лицо с узким прямым носом тревожно нюхавшим воздух выжидательно напряглись. Часовой не быстро выбираясь из тени встал чуть за его спиной. Локти его положенных на автомат рук оттопыривались.

Какой это был по счету траурный ковчег сегодня? Все спешили успеть в Норингрим. И всех нужно было досматривать. Бесплодный поиск утомлял, а жара лишь довершала притупившееся ощущение азарта ищейки. Волны по берегу "Крикливой Грэтты" перебрасывали камушки в какомнибудь километре. Хотелось сбегать и искупаться. Отпустить что ли вовсе, как того на трехколесном мотороллере?

— Прижаться к обочине и спешиться! — зло, не соглашаясь с самим собой, выкрикнул пехот-бригантир и бесконечно уверенной рукой указал место где следовало остановиться. Возница натянул поводья, ездовые кошки потеряли бег возбужденно хлеща хвостами по шелковистым бокам. Невозмутимые глаза горели желтым пламенем, ярко и надменно. Кончики языков заметались по ощеренным клыкастым мордам из которых вырывался угрожающий рыкающий звук. Спины выгнулись дугами и вздыбленные гривы точно искрились перемыкающимися электрическими разрядами. Ухватившись за поручень возница соскочил вниз.

Долгим пристальным взглядом пехот-бригантир пылливо обшарил карету, ни на мгновение не теряя из виду лицо возницы. Он отмечал про себя: " не затих, не затаился, а просто стоял, переживая по пустякам. Чем человек тише-тем он честнее".

Вся в мягких ямочках пухляночка оставшаяся наверху на высоком сиденье поджала ноги и затихла напоровшись на его подозрительный взгляд. Склонная к страстным выходкам она нервно мучила пальцами нитку бижутерии на шее. Немного оцепеневшая, но приобретенного житейского опыта явно хватало на то, чтобы ненадолго прикусить язычок. Женщина тревожно уставилась на военных. Яркий румянец поверхностным возмущением кожи залил щеки. Со всеми мужиками на свете ей все давно было ясно. Норов пухляночки мельчал, но не утихал совсем, словно бы запросто переводя семейный скандал в состояние

вынужденного простоя.

Пехот-бригантир сам был слишком опытен чтобы по его лицу можно было хоть что-то прочесть:

— Что перевозите? — как положено по форме допытывался кардоный.

— Сам видишь, тело перворожденного свекра новой души искать, — ответил возница. Он сказал это чуть вскинув голову, умышленно тыкая.

Любой вопрос от человека облеченного властью имеет цель вызвать неконтролируемое волнение у человека боящегося досмотра. Лицо возницы оставалось больше обиженным чем напряженным. Будто баба опохмелиться утром не дала или в чем другом отказала, предположил пехот-бригантир.

Когда запряженный двумя чудесными ездовыми кошками из за глыбистых лесокаменных теснин на выбеленном и сверкучем песке дороги появился колесный катафалк, зоркий и памятный кардоный пытался придышаться, ощутить волну исходящего от приближающегося транспорта напряжения.

Не почувствовал. Не ощутил. Все казалось естественным.

Устроить полный досмотр-означало облиться потом. Он воочию читал безразличие, но не страх за остекленелостью неподвижных глаз возницы. Тот словно чего-то ждал.

Опасливо?

Лабиринт из бетонных блоков покрывали пятна птичьего помета. Укрепленная пулеметная точка была плотно обложена мешками с песком. Часовой положил руку на цевье автомата. Все это читалось на лице возницы.

Куда не повернись- везде пуля.

Разный способ проживания этих мгновений жизни определил разницу их с возницей напряжений. Умение быть незаметным- это искусство, а способность все замечать- это все таки мастерство. Может и намек не было, а спокойствие пехот-бригантира улетучилось.

Теперь к каждому его движению были пристегнуты грузики пауз. Больше не довольствуясь ролью созерцателя кардоный расстегнул кобуру и проверил вытяжной ремешок пистолета.

Зрачки кошек сузились как наконечники арбалетных болтов, уши насторожились обостря напряжение.

Не теряя времени даром кардоный шагнул к карете. Сноровисто, без лишней щепетильности пехот-бригантир открыл глухую дверь траурного ковчега и плечом вклинился в образовавшийся темный проем. В душном сумраке резкий животный запах и еще синтетический, из искусственных цветов, обрызганных дешевыми ароматизаторами. Толстый слой траурных неувядаемых лепестков и бутонов устилал днище. Пехот-бригантир морщил узкий нос от омерзения, но поступивший неукоснительный приказ толкал его на отчаянные поступки. Одрформа или попросту гроб с холодильником внутри отблескивал черным лаковым глянецом. Пухляночка сидела на облучке тихо, почти обреченно, с нескрываемо ранимой обидчивостью внутри, наблюдая сверху вниз за оскотинившимся воякой не имеющим ничего святого. Он раздражал ее вызывая ощущение гадливости. Возница словно примлел от общей настороженности. С вынужденной по службе крамолой пехот-бригантир попробовал отжать крышку гроба, приподнял...

Ждет в стволе патрон, да так тихо, что слышно пересыпание крупинки пороха в гильзе.

До выстрела миг.

... кардоный сморщился будто опуская руку в нужник. Ощущение чужого взгляда

заставило его приостановиться.

Будучи начеку, он заметил Иллари только когда тот вынырнул из непроницаемого вороха искусственных цветов. Крышка оглушительно грохнула. Чудовищно несообразно с покоем передвижного склепа пехот-бригантир отпрянул как смог успеть. Пробивая застоялый зной изнутри метнулся человек. Выхваченный из тьмы Иллари дернул от локтя плечом, насаживая на лезвие пехот-бригантира. И пока тот падал с левой открывающейся руки дважды от бедра полыхнул из "люгерта", прострелив навывлет и разворотив с близкого расстояния всю грудь часовому с автоматом. Убитый упал навзничь.

Без крови нет солдатского дела.

Страхивая с ножа уже мягкого и безвольного кардоного, Иллари соскользнул по рассыпающимся пластиковым лепесткам на дорогу.

Пронзительно верещали птицы. Чавкая и урча, треща сучьями сквозь лес прочь ломился неведомый зверь. Иллари видел в амбразуре наджевавший ленту пулемет и часть головы угрожающе щурящегося в прицеле пулеметчика. Он рванулся вперед срываясь с мушки и открывая себе путь к прочим секторам обстрела. Кварцевый песок предательски скользил под ногами.

Парс кувырком полетел на землю. Пластиковые лепестки тут же запорошившие лицо мертвого бригантира больше походили на разросшиеся когти, отвалившиеся с многопалой скребущей руки смерти. Пронырнув под днищем каретного катафалка Парс трижды выстрелил в сторону пулеметной точки и прижался спиной к стене качающегося экипажа.

Еще надеясь жить, готовься умирать.

Рон вывалился из задней багажной двери, будто выскочил из преисподней, "скормил" лесу длинную автоматную очередь и грохнулся животом (вернее его отсутствием) в дорожную пыль.

Как гравий в пустое ведро простучала пулеметная очередь. Воздух рябил от снующих взад и вперед плаксиво кричащих птиц. Очередь в щепу разнесла переднюю стенку кареты. Растопыренная лучинами фанера прерванным сном жизни многоточила яркую белую блузку. Зацепившаяся юбкой за виньетку облучка пухляночка со всеми признаками насильственной смерти повисла головой вниз, застыв с румяным кукольным недоумением на лице. Ярко окрашенный рот был широко и некрасиво открыт, будто вызов оборванной жизни полыхая алел на стремительно бледнеющем лице. Мелкие букли завитков стряхнув с себя платок рассыпались и смотрелись живописно пугающе. С хабальским бесстыдством смерти оголив полотняную бледность наливных ляжек юбка рвалась и тело женщины медленно соскальзывало вниз.

Возница кинувшийся заслонить жену сползал цепляясь как чулок. Залоснившееся седалище было мокрым от хлещущей крови.

Все же он любил ее, крепко пряча в себе это чувство.

Парс сорвал чеку, освободив предохранительный рычаг гранаты, и вышагнув из за каретного катафалка широким взмахом метнул таймер убийства в обложенное мешками с песком укрытие. Пулеметная точка "чихнула" выбросив через стрелковые щели протуберанцы пламени и клубы дыма. Воздух жадно дыхнул во все стороны разом, столбом вздув огонь и встряхнув шипучие волны крон.

Ловя подошвами вздрогнувшую землю Иллари пробежал два десятка шагов и сиганул в эпицентр взрыва.

Взметнув в воздух целую тучу песка с писклявым рыком обезумевшие от страха кошки

сорвали с места каретный катафалк. Парс едва успел отскочить полетев в сторону словно отброшенный ураганом. Переднее и заднее колесо поочередно переехало мертвого возницу как свилеватое, выброшенное на дорогу полено. Из размыва тайной глубины леса определенно точно, сухо и коротко простучал автомат. Оскалившись как в хохоте от щекотки пристяжная кошка кувыркнулась визжа от боли. Рон не задумываясь добил ее и вновь обернулся к лесу. На новую яростную вспышку Рон ответил подавляющим огнем.

С кем расстанется удача?

Патроны центрально-капсульного боя подталкивала снизу лепестковая пружина. Предательский щелчок оборвал стрельбу. Площадка патроноподачи уперлась в пазухи фиксирующих скоб. Рон шарил пальцами по нагруднику ища сменный магазин и благодарил катафалк за поднятую завесу пыли. Его нацеленный взгляд жаждал крови, а клапан пришитый внахлест никак не хотел подниматься. Опасность брала измором зрение, которому пока не за что было уцепиться. Словно унюхав момент Рон прицелился в клубящийся разрыв оседающей пыли и выстрелил вверх ниспадающего края свешивающихся до земли ветвей.

Кто прятался — тот к удаче сватался, да получил отказ.

Автоматный треск дрогнул и застрял, а следом между веток упало одетое в леопардовый камуфляж тело и больше не двигалось.

Сыромятные построжки убитой ездовой кошки оборвались. С громким скрежетом склеп на колесах развернулся в сторону леса. Оставшаяся в хмутовище кошка пучила помутневшие от страха глаза и рвалась вперед испуганно подвывая на бегу. С хрустом и треском надломилась оглобля, угодив в глубокие складки поповшегося на пути дерева и расщепилась по вдоль. Плотно прижав уши ездовая кошка задохнувшись жалобно мяукнула и вонзая широченные лапы с крючьями когтей в толстый вздымающийся ствол, белкой резво вскарабкалась на могучую раскоряченную ветку. И там застряла, не в силах высвободить шею из хмутовища. Задравшиеся передние колеса вздернутого катафалка в ступицах продолжали вращаться. Через заднюю багажную дверь, как бросовая рухлядь, вывалился гроб, армейские ранцы, скрутки спальников, лопаты. Вьюгой разлетелись лепестки и бутоны. С одроформы отлетела крышка и среди этого хаоса и кошачьего визга непостижимым, совершенно невероятным образом, покачиваясь над травой, проплыли планирующие носилки с телом Крейга.

Оказавшаяся чрезвычайно крепкой ткань на юбке пухляночки разорвалась до края и истерзанное тело женщины сорвалось и покатилося сбивая зеленое пламя травы.

Затопленные светом и разогретые как шкварки бетонные блоки скрывали продолжение дороги.

Космодесантники были такими долгожданними гостями, после прибытия которых самое веселье только и начиналось.

Иллари спрыгнул в черную как тиатит воронку пепелища. Пулемет на круглом спиле ствола был опрокинут. Лак на деревянном прикладе горел еловым вздрагивающим пламенем. Стены от взрыва выперло наружу, горький пороховой дым заполнил пулеметную точку. Из под выгнувшихся треснувших досок сыпалась земля, холмиком засыпая укупорку с запасными пулеметными лентами. В три стороны тянулись окопы полного профиля. Виднелся ход сообщения уводящий еще куда то.

" Свежие отвалы. Неужели чтобы их встретить целый укреп. район копали? " - промелькнула в голове Иллари мысль удивления. Оседающий пороховой дым саднил горло.

Иллари наступил на что-то мягкое и присел. Смертное оцепенение испутившего последний вздох угадывалось под смявшейся тканью потной хамелеонки камуфляжа. Пузырящийся кровью рот пулеметчика был как бы перекошен, не по живому вывернут. Кудлатая голова привалилась к стене и едва повернув ее Иллари увидел вывалившуюся вишенку глаза болтающуюся на склизкой ниточке.

Солдаты свыкаются со смертью. Как товарищи спят вместе с ней у походного костра, породнившись тем безмянным, что находится за гранью бытия и страшно несерьезно легки к ее постоянному присутствию возле. Она напоминает им о ранах и погибших друзьях, оказывая тем неоценимую услугу человеческой воле. Солдаты относятся к смерти, как к соратнику по оружию, с легкомысленным и в то же время героическим пренебрежением к опасности. Помогая ей жить в звуке выстрела, в запахе пороха, в крике о помощи, за счет собственного продвижения к цели упрощая ей работу. Кормя с лезвия обгаренного теплой кровью и обеспечивая ее кровом свежих погостов.

И пока ощущаешь смерть где-то рядом, в шаге, в метре, в ветре, мазком пули проносящемся мимо скулы, во взрыве опрокидывающем тебя в горячий песок. Ты жив! Ее присутствие служит тебе неоспоримым подтверждением этому. И она, заноса костлявую ногу, вновь перешагивает через тебя, накрывая свинцовой тенью, и не подает руку помощи, потому что знает как ты к ней относишься на самом деле. И ты рад-радешенек этой взаимной неприязни. И ты встаешь и бежишь отодвигая, тесня плечом смерть и обгоняя ее. Потому что не хочешь видеть ее среди героев. Смерть среди них недопустима.

Рылом не вышла!

Броневи́к боевого охранения подъехал неожиданно. Глухо задраенные пластины делали его похожим на сердитого, насупленного носорога. Он явно намеревался внести поправки в некролог сегодняшнего дня. Цилиндрическая башня бликуя налитой злой силой повернулась на карусельной станине и уставилась неприятно ощупывая пространство.

Направленному в тебя стволу нет нужды брать уроки гипноза. Сам глаз не отведешь. Но жить-то хочется.

Опережая динамику боя Парс швырнул тело за близлежащий бетонный блок.

Сумрачным метеором, весь подставляясь со спины Рон побежал через простреливаемый участок. С дробным грохотом грома и каленым зноем пылающих жал очередь пронеслась над его головой, беспощадно срубая ветки, и раня оказавшиеся позади стволы. Устраивая армагеддон всяким древо точащим паразитам. Пытаясь удержать в поле зрения быструю цель башня броневика повернулась чуть дальше, с запасом, шевельнув безветренный раскаленный воздух. Добежав до прорезавших дорогу позиций Рон скатился за земляной вал. Увидев осторожно выглянувшего Парса он отвел в сторону дрогнувший запыленный ствол "хеклера". Верткий и злобный он весело принялся массажировать ушибленное при падении запястье:

— Ласковые, суки. Бьют-значит любят, — заверил Рон Иллари и тут же вскинул "хеклер" вверх. Одиночный выстрел угодил в заслонившую светило тень. Вскрик и стон. Рон гусиным шагом отшагнул по дну окопа в сторону. Перепрыгивающий через окоп солдат упал головой вперед и застыл. Карбоновая каска на его голове не спасла служивого от пули угодившей снизу в подбородок рядом с кожаным ремешком подшлемника. Он уранил руку перед лицом Рона, словно подставляя для поцелуя. Над свесившейся кистью звонко тикали "командирские" часы.

Какой солдат не мечтает стать...

— Он не мог нас заметить. Ни тебя ни меня, — сердито отчитал Рона Иллари. — Ты его завалил на самом пригорке, теперь он станет ориентиром для всей коды. В следующий раз держи себя в руках.

Рон был удивлен, но при этом нахально свеж:

— Каюсь, я склонен к садистским играм. Но, по просьбе родных и близких, все свое дерьмо стараюсь выплескивать на работе. И попрошу не путать всеу мой привычный стиль с подлинной ненавистью, — голосом праведника изрек Рон.

По ходам сообщения затрещал беспорядочный огонь. Среди автоматного треска вплетались гулкие пулеметные очереди броневика. Сгорбившись и вжав голову в плечи космодесантники нырнули в параллельный дороге окоп. Шальная пуля ударила в бруствер, когда они едва миновали поворот.

Парс ползком обогнул бетонный лабиринт блоков. Верткий и стремительный, он был уверен что остался незамеченным. Парс прополз в тени деревьев озираясь по сторонам и вжимаясь в траву при каждом показавшемся близким выстреле. Листва над головой дрожала будто в ознобе. Выкравшись он отыскал глазами броневик. Тот лупил почем зря, рискуя свинтить вращающуюся башню к чертовой матери.

Поозорует!

Попытаться скрыться от пуль было бы бесполезно. Пристроившись в "кильватер" броневика Парс несся вперед длинными прыжками, стараясь угодить в непопадаемость момента.

То, что мимо-то не в нас!

Его обдало горячим воздухом раскаленных пуль. Какофония битвы-музыка не для слабонервных. В проносящихся вжикающих совсем рядом пулях все злее напоминала о себе смерть. Сбоку броневика узкой скобой вывалилась ступенька люка и быстро завертелась брошенная граната. В этом броске была некоторая небрежность и даже страх. Увертливый как угорь Парс, в полной дерзкой вере в себя, падая на бегу и ловя на взмахе летящую в лицо гранату с силой отбросил ее. Безжалостно и необратимо, с исключительно острого угла, граната влетела обратно в броневик и забряцала в рикошетах. Стеганул пулемет и с быстротой судороги порохового погреба жажнул взрыв. Ветер шибанул горячей дыблящейся стеной.

Огонь из леса приутих. Парс полу оглохший, оказавшийся на четвереньках, с трудом расслышал окрик Иллари.

— Скорей сюда!

Черное от дыма железо броневика выбрасывало вверх клубы копоты накладывающиеся грязным пурпуром на могучие кроны. В шесть прыжков Парс финишным спуртом лихо соскочил в окоп и смакуя восхитительную дрожь пережитого заявил:

— Был злой как дюжина чертей, а теперь отлегло.

В ярком солнечном свете Парс казался ясноликим херувимом, а глаза оставались невеселыми, приземляя в реальность вместе с оседающей пылью. Сквозь тяжелое усталое дыхание пробивалась осмысленная речь элитного солдата:

— Сейчас у них сумятица, но, чует мое сердце, нужно рвать отсюда со всех ножек. Можем попасть как кур во фритюр. В лесу строятся густо и в несколько цепей. Атака не смахивает на паническую. Вот-вот перегруппируются и дадут нам жару. Пока здешний кайман мокрый...

Рон показал жестом "затихнуть" и плавно оперся на руку. По пальцам сухим жаром

потекли струйки осыпавшегося песка: белые речные песчинки забравшиеся так высоко. Цепенящим немигающим взглядом он уставился в проход. В соседнем окопе, как сигнал из другого мира, просыпалась задетая земля и послышалось движение. Рон с усилием растянул губы и по проходу соединяющему вместе оба окопа украдкой обогнул выступающий угол.

Рывок и жуткая боль в руке. Руку с "хеклером" перехватили и вытянули на излом. Палец Рона застрял в скобе нажав спусковой крючок. Погремушка смерти затрещала декорируя пулевыми отверстиями схваченные железными скобами доски. Куски древесины разлетались точно стая быстрых кедровок, норовящих выклевать тебе глаз. Руководствуясь не одержимостью гнева а выверенностью опыта Рон отдал руку и как бы вяло обвиснув прижался к ломающему ему руку противнику. Вспышки на срезе дульного компенсатора оборвались и Рон резко бросил локоть вниз срывая хват широкоплечего верзилы. Его кулак со всего размаха стремительно описал в воздухе полукруг, затмив все чудеса проворства и врезал прямо в корпус складывая бойца пополам. Рон отбил "хеклером" ответный прямой и нырнул под следующий удар, вынося широкоплечего на середину окопа. Сзади, с той стороны набегало еще двое и Рон со здоровяком сцепившись покатались прямо им в ноги. Треск частых выстрелов подоспевших на подмогу Парса и Иллари бил смертным боем насквозь. Одновременно оказавшись на линии огня солдаты, как два жука проколотые сразу несколькими булавками, повалились на дерущихся и накрыли собой перегородив узкий проход, изрядно затруднив всякое движение вниз. Широкоплечий верзила пытался задушить Рона сдавливая сонную артерию, но Рон, перемогая границы возможного, коротко ударил того в пах...

В мякоть.

В похоть.

Он знал как это больно. И отдирая чужие царапающие пальцы от своей шеи следующим ударом костяшек пальцев ломко смял дыхательное горло врага.

Хриплый вскрик, кровавые пузыри изо рта страшной клокотой залили искаженное ужасом боли лицо.

Убивая-переусердствовать невозможно, но даже убивая, человек старается убедить себя что он прав.

Отчего именно тот а не другой берет превосходство в бою? Впитывая очевидное, люди устают от подробностей смерти и самым естественным становится страх за себя. Еще продолжая пытаться убить, но уже готовясь уступить, ищут в себе повод для отступления. А способный на большее пользуется этим и побеждает.

Распираемый изнутри яростью Рон наконец выбрался наружу, прополз, отпихнул ногу в ботинке огромного размера и поднявшись свирепо обернулся к космодесантникам гневно искря глазами:

"Соответствуйте, братья по оружию."

Тотчас автоматная очередь прошла воздух над его головой. В разбивку и группами, тут и там горбясь крались серые тени, подтвердив самые тревожные опасения Парса. Под пеной ядовито-зеленых крон зачастил словно очнувшись притаившийся пулемет. Фонтаны посвистывающих очередей редкими хохолками проплясали по взгорку. Пригибаясь космодесантники обогнули поклеванный пулями холм и углубились в расширяющийся проход. Они оказались в центре "звездочки", куда сходились лучи нескольких окопов. Сминая рваный зеленый батист обметавших бруствер лопухов шарахнулись вырастая фигуры. Из за буферной зоны бруствера с насыпей по проходам-отовсюду хлынули солдаты.

Кто-то запрыгнул на Иллари слету, едва не повалив. Парсу угодили ногой в грудь и он, теряя "хеклер", отлетел в жесткую песочную пыль. У Рона двое повисли на руках, пытаясь опустить на колени.

Как хорошо, как фактически славно, что в их не сфокусированном иероглифе жизни "неожиданность" почти обезличивалась, потеряв всякое обозначаемое начало. Так часто менялось вокруг кажущееся монолитом постоянство в высшей степени подтверждая правило, что самой лакомой из мишеней является неподвижная. Принимая с первой попытки так, как военная хитрость пришлась на тот момент, они были вынуждены бить влет, не глядя, на одних рефлексах. Шампанить агрессией лишь бы сохранять свободу передвижения, не обретая уязвимость легкой добычи.

Под подушкой душного дня завязалась схватка.

Ткань адаптивного камуфляжа затрещала. Рон ударил ближнего головой в лицо и с увертливой ненавистью всадил выхваченный нож в корень носа второго.

Мутнеющие стекляшки глаз и назойливая алость крови.

Иллари шипел, тщетно пытаясь высвободиться от удушающего локтевого захвата под подбородком. Цепкий жилистый враг висел у него на спине выгибая космодесантника назад. Парс молниеносно вскочил на ноги оголяя острое жало десантного ножа. Следующим движением прыгнул сокращая расстояние до доступной дистанции и воткнул косым ударом лезвие в бок наезднику Иллари.

Кто искал бессмертия, тот сильно ошибался.

Парс испытал почти необъяснимый приступ безумного гнева по отношению к убитому им человеку за то, что он вынудил его это сделать. Но дальше не повелся. Осадил себя: "Ишь, нежности какие из мозгов лезут."

Переиграть удачей в ножевом бою можно только имея неукротимый ресурс ярости. Вколотый комплекс спец средств бациллонитетных препаратов и базовые вакцины введенные в организм перед началом операции от смерти спасти не могли.

Шея хрустнула возвращая позвоночному столбу едва не свернутое единство. Все кружилось. Сплевывая слюну и едва удерживаясь на ногах Иллари ощущал как сквозь него на бешеной скорости проносится вселенная, холодя пуговками звезд. Он не то трясся, не то стряхивал ужас и возбуждение момента погладившей затылок смерти.

Рон заслонил Иллари ударяя ножом наотмашь подскакивающих врагов. Рука была обагрена кровью по самый локоть.

Бой многим жесток и многим страшен. В солнечной кисее водоворотом неукротимой ярости шла кровавая рубка. Орудя с двух рук, своим и трофейным ножом, Парс ошпаренным псом вертелся в середке, уродуя и полосуюя навалившихся скопом озверевших от вида крови молодцов. Оставаясь всюду и нигде Парс точно всверливался в пучину побоища, резал и сек обагреными кровью ножами. Охлаждая взбесившуюся удаль разъяренной толпы. Делать броски и отражать удары быстрее могла бы только молния в грозное ненастье. Угрозы, стоны, мольбы и рычащий мат лились со всех сторон как брызжащая кровь по кровотокам лезвий.

Чистота неожиданных решений в ближнем бою превосходит все мыслимые и немыслимые пределы, но Парсу удавалось навязать схватке собственный ритм.

С визгом и уханьем работая короткими техниками они дали Иллари возможность отдышаться и придти в себя. Секунд шесть-это не так мало для того кто привык измерять темп ничтожными мигами попаданий и промахов.

Нужно отдать должное, некоторые из бойцов в этом кровавом месиве были увертливы как дикие кошки. Один такой, жилистый и сухой, стремительным финтом увернулся от мелькнувшего ножа и вцепился в Рона, как паковый лед в шаланду.

Начав с таких подвигов космодесантники в продолжении подлежали расстрелу на месте. Но видимо их намеревались взять живыми, пытаясь провести силовое задержание.

Найдя слегка двоящимся взглядом его голову Иллари огрел цепкого повыше уха, не пожалел "хеклер" и стекло волоконным прикладом разможил тому череп. Отбил направленный в живот нож и очередью в упор разодрал не успевшую отстраниться грудь в ключья.

От сих-до сих.

Не желая напрашиваться на ответный огонь Иллари прикрылся падающим мертвым телом и по высокой траектории, так чтобы увидели многие, швырнул вверх гранату. Он заорал. Полоумный, дерущий визг был надсажен ужасом. Иллари точно спалил голос на этом выкрике:

— Ло-о-жись!

Ражие ребята метнулись в разные стороны наступая на упавших. Кто-то в догонку промазал выстрелив выше головы. Отвалив от себя оседающее тело Иллари бульдожьей хваткой вцепился в Рона и Парса и увлек их за собой по лучу окопа. Сердце тошнотворно ткнулось к горлу и космодесантники припустили еще быстрее.

Их снесло взрывной волной. Оглушительный грохот, мрак и свет. Запах гари повис над окопами. И времени больше не существовало, его тоже разорвало взрывом гранаты. Растерло в песчинки, заявляя о бренности всего.

Лучший солдат перестает им быть, когда начинает лелеять надежду дожить до ста лет. Стены окопа еще продолжали осыпаться и ходить ходуном. Замыкающий отход Парс вскочил и кинулся вспять. В клубах порохового дыма и пыли он каким-то невероятным чутьем отыскал обраненный им же "хеклер" и выдернул его из под мертвого тела. Глаза ел просоленный пот вперемешку со слезами.

Неуклюжей черной глыбой встал контуженый фрак. Его качнуло и из за спины затрещал высунувшийся ствол автомата, озаряя резким светом разрывов густо просвистели пули, ослепляя горячим блеском.

Жужжащие. Жгучие. Живые.

Барабанная перепонка прогнулась, уступая место расталкивающему воздух заостренному литому ядрышку. По голове разлился болезненный звон и ушная раковина вздрогнула, едва не почувствовав чиркающего прикосновения вращающейся в полете пули.

Время собралось, слепилось, запеклось, вспоминая эпоху и место.

За мгновение до того как гремящая очередь изменила курс, Парс метнул трофейный нож и узкое лезвие на большую половину вонзилось в горло автоматчика. Из проколотой насквозь артерии фонтаном брызнула кровь. Стрелок рухнул как подрезанный парус.

Дюжий детина-фрак с по детски оттопыренными ушами, так и не решившись с ним тягаться, шарахнулся назад испуганно закричав. Присыпанный пеплом автоматчик еще дергался завалившись спиной на чьи-то вывалившиеся внутренности. Вены на лбу фрака вздулись а губы совсем побелели. Пятившийся лопоухий детина наконец сориентировался и со всех ног бросился убежать.

Мертвые сраму не имут, а живые имут. Парс опустил ствол высоко легированной стали:

— Куда же ты? А поговорить?!

С равнодушной пощадой Парс разрешил фраку бежать прочь. Все равно кому-то надо будет лечь, а другому, оставшемуся стоять, перешагнуть через это. Нужно иметь мужество, чтобы презреть опасность и сила духа для обоснования мотивированности своих поступков.

Пусть...

Только совершая неконтролируемые выплески милосердия мы, поступками подобного рода, удерживаем дьявола вдали от себя.

Парсу запали бесконечные как право на жизнь подернутые светлой печалью глаза фрака.

Солдаты то несут, что выше сил остальным нести. Добывая из злого дела доброе. Солдаты за целый мир, который они защищать присягой поставлены, кровавый грех на себя берут. И оттого памятников им на постаментах стоит не в пример больше чем всем остальным людям на свете, какими бы выдающимися и мастеровитыми они не были. Подвигом своим в право себя возводя.

Огромные белые черви пучили кольца разбухающих, тронутых ветерком молочных струй. Дым становился таким густым и плотным, что казалось за ним сгорает воздух. Возобновившаяся скороговорка автоматных очередей мало что разбирала.

Иллари с Роном забрасывали холмы дымовыми гранатами. Рон держался за руку но кидал далеко, чтобы стряхнуть вооруженный муравейник преследователей. С этих пор солнце только подразумевалось на небе. Едва космодесантники выскочили над окопами их встретил шквал автоматных очередей. Теряя верную добычу противник неистовствовал. Не перекопанный участок ведущий к лесу оказался узким и простреливался кинжальным огнем. Прикрытые дымом они бежали поперек расчесанной ветром травы уходя от все уплотняющегося огня. Прорывающиеся сквозь дымные шлейфы красноглазые зрачки прицелов напоминали лазерное шоу, отмеряя смерть точностью очередей. По неторной дороге, по краю чащи, в интонационную паузу запальчивых сполохов космодесантники проломились в лесную поросль. Дым цеплялся за обломки стеблей, оседал, буквально на пару минут окутав ослепительно холодный свет разрывов. Слоистый губчатый нарост на стволе дерева разлетелся на куски. И с досадой клыкасто взвизгнули застрявшие в сырой древесине пули. Троица растаяла в лесной чаще с быстротой брошенного в кипяток льда. Космодесантники с хрустом стремительно неслись сквозь пенный вихрь листвы, опьяненные усталостью и испытывающие эйфорию от того, что они по прежнему были в деле.

Как один!

Пушистая зеленая ветка ткалась с соседними, образуя полотно крон, и казалось уже ничто не могло помешать их спасению. Высоким темпом они удалялись из района активных боевых действий. Отрывистые слова команд, так долго слышавшиеся позади и репейником висевшие на хвосте, теперь отстали. Неверный расклад теней будоражил тревожный взгляд оборачивающихся десантников. Кроны омутом стерегли темноту от раскаленной бляшки нестерпимо ослепительного неба.

Спустя четверть часа лес неожиданно расступился, открыв неширокую каменную пустошь. В память о леднике проползавшем тут пару миллионов лет тому назад кувыркнувшиеся гранитные глыбы так окончательно и не закончив процесс сползания образовали каменную реку. Рассыпавшись отголосками оползня по выемке бульжными перекатами они пресекались на вземе гребня. С плато дуло горячим ветром доносящим запах газа, железа, опаленного бетона и серьезных технологий.

Точно великанский нож бульдозера размашисто срезал пупырышки валунов и оттолкнул

к краям облагороженной площадки. Углы и грани глыб кособоко окаймляли возвышенность, словно в раскате разбив об нее скалистые буруны волн и застыли лавой тысячелетий под образовавшейся платиной. Все дороги к этому сооружению, на половину естественному а на половину искусственному, вели с какой-то другой стороны, кроме просевшей седловиной узкоколейки уходящей под арку тоннеля с гранитными призмами по краям от входа.

Прихватывая губами чересчур громко вырывающееся из груди порывистое дыхание Рон лаконичной жестикуляцией приказал замереть на месте. Отогнув ветку он беззвучно, одними бровями указал куда следовало смотреть. Ящики с компостом опутанные проволочной сеткой безнаказанно облапили жизнелюбивые сорняки. Собранная из таких кирпичиков стрелковая бойница была бы великолепным укрытием для всякого часового. Они подглядывали не больше минуты. Этот часовой вел себя как сторож на автостоянке. Тихой сапой, обняв грозный в других руках автомат, он был совершенно не эквивалентен к агрессивному форс-мажору вокруг. Часовой сутулился, словно пол жизни знал что его застрелят в живот и прятал от всех это свое роковое место.

Он читал!

Парс смахнул с лица испарину и недоумевая покачал головой. Иллари достал из нагрудного кармана свой компакт бинокль и поднес к глазам. Видоискатель укрупнил руки часового. Доминанты показателей зашкаливали унося параболу биометрии как оборвавшийся бумажный змей в заоблачные дали. На мягкой облезлой обложке угадывался хлыщ в таинственно надвинутой на самые глаза шляпе и в отяжелевшей от колец руке квадратно выпячивался сверкающий пистолет неизвестной модели. Часовой погрузился в детектив с пиететом увлеченного книголюба, отгородившись им как вакуумом. (Ограниченно годный к воинской службе он, из бывших студентов, примирял то, что терпеть не мог, с тем, что ему беззаветно нравилось до полного распада бдительности.) Часовой не желал отвлекаться от своей книжечки ни под каким предлогом. Словно всем своим видом показывая: "я вам тут насторожу".

Он выглядел очень занятым этот смешной мальчишка.

На медленные танцы времени не было. Восстанавливая приоритеты Парс плавным, почти таинственным движением начал сокращать дистанцию, перерождаясь в усреднено общее пятно пейзажа. Загустелый зной кучерявил буйное гриволесье фортификационного изыска. Часовой сморгнул свое оупение и оторвался от книги в самую последнюю секунду.

Соитие темной рукоятки пистолета с головой часового произошла чуть пониже левого уха.

Расчетливо и без снисхождения.

Голова студента недоучки запрокинулась и он упал на дно укрытия.

Осточертевшая збываемость избыточного бытия.

Парс толкнул для верности обмякшую голову концом ствола. На роскошь оправдания времени не было. Подустан от партизанщины и снимая с себя ультиматум закрытости спецназовцы побежали через обожженную в пекле дня каменную реку. Они на бегу прикидывали дистанцию до удобных засадных мест и открывающихся зон обстрела, но все было тихо.

Распиллом в окаменелостях зияла узкоколейка. Опасаясь подвернуть ногу им приходилось скакать по мелким камням, отдавая все силы удержанию равновесия, балансируя и срываясь в следующий прыжок. Они хоть на шаг должны были оставаться впереди угрожающей им опасности. Канонада получасовой давности оттянула и вобрала в

себя значительные силы, не посягая на их свободу и жизнь теперь. Ослабив затягивающийся узел погони на неопределенный срок. Пока они приближались к плато по ним не произвели ни одного выстрела. Космодесантники достигли узкоколейки, вытянулись в линию, сужая оперативный простор, но, при этом, значительно прибавив в скорости.

Изгиб узкоколейки, не симметрично углублялся стрелами рельс в начинку плато, заканчиваясь. Мерцающие рельсы увлекали под арку тоннеля и деваться было некуда. Троица пока выигрывала в отрыве, но не в качестве. Спецназовцы застыли в нерешительности, мгновенно разбив пространство на три сектора обзора. Над выщербленными камнями арочного свода глыбы брандмауэром кренились с отрицательной неприступностью углов. Вывернутые камни напоминали вход в каменоломню. Космодесантники выглядели грешниками не желающими ступить за врата ада.

— Не ахти, — позволил немногословно заметить Иллари и достав из кармана позвякивающую скользкую горсть патронов не глядя принялся набивать ими пустой магазин.

— Нет простора для галопа если всюду только жопа, — процитировал кого-то не из классиков Парс, поглаживая пух наметившейся бородки.

Провал тоннеля чернел сосредотачивая угрюмость мыслей. Они медленно созревали до всего великолепия своего безвыходного положения.

— Смотря как на это посмотреть, — в слух забабашенно мыслил Рон: - Остаться торчать на жаре накрывшей полуденный простор или спрятаться в прохладе катакомб?

Осторожно, будто преодолевая первородный грех в направлении противоположном верному, Рон проколол темноту стволом выставленного вперед автомата.

Другого глобуса у них все равно не было.

Иллари и Парс толчком нырнули за ним. Тьма оказалась сырой и в меру прохладной. Лампы экономными продолговатыми искрами едва подсвечивали макушку свода, разбив коридор на независимые островные государства, которым не было дела до тех кто остался в темноте. Глаза привыкали к скудному освещению. Иллари следовавший по пятам за Роном вдруг ткнулся в его спину.

— Ты чего?

— Прикрой меня, — еле слышно, скрадывая голос за шорохом подошв, проронил Рон. — Не люблю когда в таком деле мою задницу овекает сквознячок.

И вправду немного дуло.

— В каком деле? Что ты мудришь, — начал заводится Иллари взглядом ища несуразицу. Никто не снимал с него обязанностей командира группы и он с той же строгой взыскательностью переспросил: — Проясни пока я бог знает чего не подумал.

Рон указал на противоположную стену и затем на выступ, узким барьером частично перекрывшим обозреваемую часть коридора.

— Вглядись, — требовательно прошептал Рон: - Камни в стене напротив изрешечены словно по ним жажнули шрапнелью. Там зона гибели, — глаза Рона злое блеснули.

Парс присел на одно колено и прицелился в темноту.

— Нет, твоя идея никуда не годится, — остановил его Рон. Памятуя о запасливости Иллари, Рон ткнул пальцем в одиноко торчащий у того из загашника баллончик "Криза" и выдернул его из брезентового кольца.

Бойся-не бойся, а надо.

Мягким стелющимся движением Рон скользнул за выступ и швырнул вскрытый шипящий баллончик с психотропным ослепляющим газом в просечку спрятанного в

углублении окна, и зажмурившись отпрянул обратно.

В угольном мешке потайной комнаты всхлипнул захлебывающийся слезами человек. Изнутри послышался треск опрокинутого стула и неистовый, наполненный подлинным страданием гневный крик.

Субординируя ситуацию Иллари первым преодолел барьер. В боевом гнезде на закрепленных в пазах сошках стоял пулемет. Стрелок драл глаза и слепо ползал по комнате не зная куда себя деть. словно проводив взглядом собственную давнюю вину Иллари выстрелил прекратив метания бойца и шурясь отошел на середину узкоколейки. Зеркало в хитром углублении под потолком позволяло стрелку рассмотреть любого вошедшего под арку. Скучный свет коридора был только на руку находящемуся в потайной комнате пулеметчику, скрывая его позицию глухим тамбуром. Не подавшего условный сигнал ждала участь быть нафаршированным пулями от мозжечка до копчика.

Настоящий капкан.

Космодесантники потрясенно стояли с тяжеловесной подтянутостью и молчали. Они немного застряли вдохнув ничтожные, неуловимые частицы "Криза". Накатившая каменная усталость тушила искры мыслей в мозгу. Сверху капала вода, скатывалась по щеке и затекала под теплое пропотевшее исподнее. Каждый день действуя на свой страх и риск они посылали смерть вдогонку за чужой жизнью и подставляли свою, не видясь на истерию запугивания. Эта мягкая слабость временно вывела их за скобки напластовывавшейся, забившейся в фильтры памяти истомы. У времени много разных избирательных требований к проистекающим в этом объеме вместе с ним людям. Обобщать щедростью оно не имеет желания. Экономить и мельчить, принуждая людей мельтешить, живя не ради пауз осмыслений, а дешифруя упреки чужих настроений. И не попадая впросак, неплохо ориентируясь в повадках и подглядках утонченной подлости. Борясь с неким наступающим рано или поздно чувством неприкаянности, с равной готовностью сражаться или тихо затаиться, рваться вперед или завалиться и спать. Усталое равнодушие ко всему.

Прошло время прежде чем опять что-то стало происходить и опознаваться. словно из наркоза Иллари всплыл на ватерлинию реальности. Он запрокинул голову, лицо отразилось в зеркале под потолком безобразным расплывающимся блином. Иллари захмелело заржал. Отчужденные лица не бывают довольными в принципе, потому как лишены мужской ненасытности.

Иллари первым оклемался от мозгодробильного действия "Криза". Тихая деморализация закончилась послевкусием, словно рот понуждаемый языком погулял возле ануса скунса. Он завертел головой разгоня образовавшуюся внутри паскудную темень. Адекватность вернулась. Зомбирующий яд разлагался в организме на безвредные составляющие.

Восстанавливая яростное жизнелюбие, борзость и оголтелый эгоизм бойца, сокрушительно выправляя простой недомогания, Иллари по братски вlepил подзатыльники Парсу и Рону.

"Пора, красавцы, просыпайтесь."

И сатисфакцией получил в ответ пару таких же хлестких затрещин. Возвращение в реальность произошло столь же стремительно как и уход из нее. Жемчужной дымкой блестящие распиленные на стыке рельсы упираясь в заднюю стену лифтовой площадки. Космодесантники вошли в лифт как в клетку в конце которой дремал огромный лев. Однозначно и диаметрально противоположно на щитке тлели две стрелки "вверх-вниз".

Иллари нажал на "вверх". Тонюсенько царапнув по нервам лифтовая платформа поползла протискиваясь сквозь шахту. Ровный стоялый гул запутываясь глож в пучках извивающихся кабелей. Железные тяги проскальзывали и уходили вниз провозая ржавые разводы стен. Сквозь проволочную сетку картиной в рамочке светился приближающийся последний этаж. Спецназовцы доразмораживались в лифте как в микроволновке. Металлические троса стонали накручиваясь на барабаны. Плато рожало лифт как пресловутая гора-мышь.

Платформа дернулась и оппонируя эхом вдоль открывшегося коридора замерла. Парс стоял на колене и прижав приклад к плечу настороженно водил стволом, готовый стрелять на звук. Эхо поблуждало, поблудило и затерялось меж круглобоких, плотно притертых колон-ракет поставленных на охватывающую каждую кольцом юбку стабилизаторов.

— Ничего себе живут, запасливо, — досадливо щурясь возмутился Парс.

Иллари повторно вдавил кнопку "вверх" и лифт потащило. Боливар мог вынести не то что двоих, по узкоколейке доставлялись ракеты запуска и складировались в шахто приемные жерла. Плато начиненное таким внушительным арсеналом служило базисом для надстройки противокосмической обороны Фракены. Космодесантники оказались в центре точечного ракетно-космического комплекса, являющегося частью целого архипелага подобных целевых объектов, охватывающих все материки планеты в единую систему отторжения внешней угрозы.

Последний толчок и лифтовая платформа, шипя и выпроваживая, с раздрающим скрипом распахнула проволочный каркас дверей перекрещенных ребрами жесткости. Посреди пустого, словно загодя обворованного помещения беспорядочно ползали взгляды лазерных прицелов и все тот же экономно тусклый азимут лампочек по потолку намекал на светлое пятно выхода. Космодесантники вышли один за другим на неподвижный пол и чуть подседая и озираясь опасливо разбрелись.

Им мерещились тени.

Вытянутому помещению не хватало не только света но и резкости. Глянцевый ледок стен и их пупырчатая облицовка юродствовали и выкривляли любое движение. Безнадежно удивительная тишина вокруг настораживала. Соломинками прицелов щекотало нервы. Молчание со стороны охраны объекта становилось просто неприличным. Было душно как в печи и хотелось света как воздуха. В искусственно подстроенной тишине каждый звук казался событием. Спецназовцы миновали большую часть коридора как вдруг оплеуха света стегнула по глазам. Они даже зажмурились загородившись ладонями и плотнее прижались к стенам. Рон спрятал лицо отвернувшись и тут же вскрикнул весь подобрившись:

— Проблемы!

Дальше несколько событий случилось одновременно. Четыре приведения в серой с прозеленью форме деликатно и осторожно, выдумав себя из пустоты, отсохли от стен. У них было одно на всех лицо: нервные кляксы щек, суженные губы, глаза и мысли. Иллари бросился к автоматически открывшейся двери, которая, не иначе, должна была отвлечь их внимание и заклинил ее подставив собственную ногу.

— И не таких под прикроватный коврик загоняли, — возвращая абсолют циничной правоте силы гневно заметил Парс.

Четверка ринулась на двух космодесантников. Замкнутая в тесном пространстве шестерка сомкнула распахнутые объятия гнева. Рон с холодной яростью, стремительным и грузным движением выброшенного вперед кулака, точно пушечным ядром, ударил в грудь нападавшего. Рука с собранными в рубило пальцами метнулась к Парсу. Тот перехватил руку

в захват и затем молниеносно ударил головой в лицо.

В бойком ритме прыгающих теней, не допуская в драке, как в своей работе, халтуры и не расходуя лишних сил, космодесантники стоически расчетливо и даже где-то рутинно выворачивали на излом суставы и вышибали из врагов дух. Всей натренированной, натасканной до мастерства полнотой власти разгоняя кровь по рылам.

Все же здесь на них набросились технари, ракетчики-зенитчики, а не выученные розыскники силового задержания.

Продолжая убийства и членовредительства они сейчас были самым скверным что может найти в себе человек, чтобы выстоять не надорвавшись презрением от собственной мясницкой работы.

Только один из четверки держался более-менее пристойно. Парсу даже пришлось закрываться дважды блоком от его удара ногами. Но затем он с мстительной жестокостью несколькими ударами вколотил ему в голову степень своего превосходства, отвадив от подобных глупостей.

— Совсем от рук отбились, — повторил заезженную шутку Парс и несколько раз интенсивно сжал и разжал пальцы.

Четыре расслабленных тела оцепенелым азартом остановленного возмездия остались лежать на полу и в беспомощности выглядели такими хорошими.

Теперь...

Иллари, стороживший дверь, решительно пихнул ее и топя голову между приподнятыми плечами выкрался наружу. Колыхая студень теней по пупырчатым стенам Парс с Роном помчались к выходу, спеша поймать автоматически захлопывающуюся дверь. Вывалившись в летящий навстречу свет космодесантники сощурились пряча глаза от буйства отглянцованного напалма. Раскаленно и горячо слепило небо. Ошеломленность проходила. С высоты плато каменная крупчатка реки выглядела немного пафосно: огненно-жгучее рассыпное мерцание уменьшившихся до скатного щебня валунов золоченой икрой заполнило распадок.

На обширном плато плацдармом укоренилась батарея. В этом сомнений больше не было. Косыми мысатыми носами многоугольные ротонды колоннообразных стволов поставленные на подземный барабан ракетного арсенала походили на гигантскую корону, зубцы которой украсило светило своим знойным сверкающим пламенем.

Не исключено, а скорее весьма вероятно, что именно этот ракетно-комический комплекс доставил столько неприятностей "Джордано".

Что касается технического персонала объекта повышенной секретности, то они попридержали объявление войны, хотя наверняка прекрасно просматривали вышедшую на поверхность трицу инопланетян.

Хорошее начало держит противника в напряжении и по факту вынуждает его ошибаться. Персонал был близок к пониманию настоящей наглости прорвавшихся к ним диверсантов и мог постоять за себя. Но не понимал что помешало защититься всем остальным кто, казалось, так качественно стоял у тех на пути, но не смог не остановить, не защитить себя.

Как это у космодесантников выходило? На деле ответ прост: невозможно оттоптать ноги тем кто тянется из последних сил и все время стоит на цыпочках.

Мощно, вдрызг разорвав на груди рубаху истлевших туч, сиял обезумевшим болванчиком день. Охотясь за тенями, вытравливал опаляя каждый закуток, обирал круговую

поруку леса и ошипывая капли невидимой росы. Копил дождь и сушил из лучемета берега "Крикливой Грэтты".

Война продолжалась.

Батарея хранила тревожное молчание пока приземистый крепыш новой заважкой не показался из траншеи. Он стал палить куда попало, с озлобленной обреченностью истеря дергающимся в руках автоматом. Десантники разбежались от конвульсирующих очередей, открыв ответный огонь. Рон обежал траншею по большому кругу и, весь напружинившись, изо всех сил прыгнул подхватив подошвами крупинки песка. Перелетая через траншею он ранил и сразил, пуля за пулей, притаившегося там крепыша и приземлившись на другую сторону от толчка потерял слетевшую с головы бандану. От чего его светлые слипшиеся от пота кудри странным узором открыли вспотевший лоб и затылок. Обвалявшись в тысячах каменных крупинок бандана потяжелевшей мокрой тряпкой скатилась на дно траншеи.

Можно научиться воевать, но полюбить войну невозможно ни при каких обстоятельствах.

Словно головешку бросили в костер вышибая искры боли. С натугой Рон поднялся и заскрипев зубами схватился за раненую руку. Ничего больше не хотелось, ни о чем не думалось, но он с неизъяснимым звоном выдрал себя из оцепенения и побежал. Рон стряхнул боль но не отринул ее. С замкнутым на этот замок лицом он блуждал в мучившей истерии сопротивлений. Храня спиной строгую вертикальную суровость он только стал ускорять свой бег.

Другого выхода он не видел хорошо сознавая свой путь.

Лезущий на гору лесной клин освещало наэлектризованное опасностью небо. Безотрадное и чужое. Протяженная дорога вела сквозь сгущающуюся плесень листвы.

Задребезжало пространство. В воздухе уже слышалось глухое бормотание далекого грома. Нельзя было медлить ни секунды. Рон взвинчивал до предела и без того нешуточный темп. Гнал товарищей без объяснений и видимых причин. Вдруг уловив впереди какое-то движение космодесантники парой очередей расстреляли перебегающих дорогу солдат. Вламываясь в лес спецназовцы продирались не жалея ни рук ни ног. Орущая, грозящая кутерьма, где каждая ветка в самое сердце целится.

Найдя расколотое молнией дерево Рон с радостью привалился к нему спиной. Любил он места раненые, уже открячавшие болью: погорелый завал на пепелище, воронку скопившую на дне мутную воду или такой вот словивший молнию ствол. Они были побратимами во всяком мире, потому что ведали о боли ее главную суть. Слепую калечность и убогость без справедливости и милосердия. Такие места не выдавали, прятали, становясь его союзниками. Мстя за собственное страдание чужой здоровой силе.

Замешкайся они хотя бы на несколько секунд и не успеть бы им. Не спрятаться. Белое от слабости лицо Рона было твердо повернуто вверх. Многоogie стволы деревьев качали мохнатыми шапками. Воздух вздрогнул ветерком. Проявившийся вертолет пульсировал как кровоподтек на бледной скуле неба. Звук турбин стал почти невыносимо резким. Серебряным звонким блеском прокатился по небу как изголодавшийся дракон "Соколарис", рванул вершины деревьев и взмыл, поганой визгливой ноткой содрогая слух.

— Щас развернется и заровняет нас как исчезающий вид, — сплевывая, зловеще процедил сквозь зубы Парс, ужимаясь за соседним стволом.

— В нашей профессии за сладкое умереть на работе, — явно по командирски хорохорясь проговорил Иллари выбирая дерево покрупнее.

Длинные поочередные слова предложений не укладывались в лязгающий ритм.

— Вера в идеальную смерть мешает вам добиваться реальных целей. Сегодня такая цель-выжить. Вы не против? Или у кого-то есть иные скрытые мотивы? — холодно одернул их Рон.

Стволы автоматов смутно поблескивали на свету. Глаза темнели комочками тоски. И это было честно. Добровольца не находилось. Тогда решился Иллари и прежде чем кинуться вверх по сопке отдал Парсу свой бинокль и душевно так попросил:

— Не подведите меня, кретины. Там я буду совершенно незащищен.

— Ты же фанатик и это не лечится, а такие не умеют проигрывать, — прокатил его Парс забирая себе оптику.

Иллари беспомощно погрозил в ответ кулаком и по бульдожьей оскалился. Это получилось страстно, но все равно как-то заискивающе.

Делай что должно и будь что будет.

Живым воплощением молодости и силы Иллари кинулся в новый марш бросок сквозь буреломное криволесье. В лесной мгле скакали адские тени преследователей. Пуля с мягким чпоком сорвала тонкую кору. Обомшелая хрупкая валежина рыжей трухой обдала ногу. Мрачно чернели однобокие, как вырванное перо, деревья. Иллари резко повернул влево. Замшелые, сырые трещины и каменные морщины ступенчато колыхались, будто от камней отлетали души. Шальные пули звонко шлепали потроша мох. Им не везло. Не прерывая движения в выбранном направлении Иллари продолжал неустанно вращать головой. Высокий камень наконечником заслонял подходящее дерево. Иллари присел у основания камня. Он подождал пока утихнет клокотание крови в ушах, вскинул приклад "хеклера", плавно поднял и выровнял ствол. Перебегая от ствола к стволу к нему приближалось человек шесть. Треск ломающихся сучьев ничем не уступал выстрелам. Единым мощным скольжением передергивающегося затвора Иллари прицельно точно укоротил расщепленный тропею подлесок и вместе с ним заставил упасть двух первых бегущих преследователей насквозь прошив тех очередью. Мгновенно начавшаяся спорадическая стрельба ничем ему не повредила. Перепрыгивая через коряво косые струпья корней и теряясь в бурьяне Иллари обогнул вздыбленную скалу и воспользовавшись выступом, что было сил, толкнулся не чувствуя земного тяготения совсем, пружинисто взмыл вверх. Внутренний крик страха стегал по летящим ногам. Коротко чиркнув по небу Иллари "Тарзаном" врезался в ажурное решето ветвей.

Пронесло...

От удара сердца до следующего напоминания что оно у тебя есть успеваешь подумать что ты уже умер.

Проламывая сучья Парс утоп накрытый зеленым валом. Ветка, залепив хлесткую пощечину, едва не сорвала его на щербатые зубы торчащих внизу камней.

Боль делала его бдительным и злым. Боль жалела, соударя дрожачие струи жизни. Он едва мог дышать от охватившей его темной ярости и перестал оползать, вцепившись в суковатые ветви и застряв, радостно иступленно застыл в мешанине сучьев. Огромное как облако дерево дробило свет будто прокачивая его сквозь пышущую зелень листвы. Парс нащупал подошвами упругую и прочную, растущую достаточно параллельно земле, ветку. Пыльца вязала оскоминой оседа в глотке и он едва сдержался чтобы не прочихаться. Парс скорей разгреб чем отодвинул густое шелестящее многолистье, насколько хватило длинны его немаленьких рук, и склонился вниз. Пристальный взгляд отделил незатронутые его

падением ветки и цветы от рыскающей по сторонам четверки уцелевших преследователей. Тропа под их ногами была так прихотливо ломка и коварно узка что им, в конце концов, пришлось двигаться гуськом. Попытка идти не только осторожно но и бесшумно в реве покрывающих все турбин выглядела неподобающе комично, свидетельствуя о растерянности потерявших объект преследования солдат.

Их минуты были сочтены.

Двигающийся с другой стороны каменной гряды Парс переждал пока четверка не подошла достаточно близко чтобы услышать его нахальное: "Эй!"

И пошла потеха.

"Соколарис" завершил боевой разворот. Пилоту удалось заметить очень коротко, в просвете между сплетенными ветвями крон, точно сквозь щелкнувшую диафрагму старинного фотоаппарата, бегущего одиночку и скачущую за ним по пятам группу из нескольких человек. Один поворот головы и подключенная к нашлемной системе целеуказания комплексная прицельно-навигационная система направила подвижно разворачиваемую счетверенную пушку на турели к групповой цели, отдав предпочтение численности. Пилот получил разрешение от эскадр-командера Роззела на ликвидацию вражеского отряда. Обзорно-прицельная система позволяла уничтожить малоразмерные цели в любых погодных условиях.

Очень компетентно, без пропусков, как шинкующий зелень нож по разделочной доске, застучала пушка. Сверкая блестящими лопастями под оглушительный рев турбин поворотливая машина с громыхающим стрекотом сосредоточила огонь прямо на бегущих. Многоствольная скоростная пушка укрепленная на носу "Соколариса" стреляла снарядами калибра 28 мм. Целые деревья исчезали в вихре расщепленных обломков. Они были помолоты, точно их пропустили через барабаны дробилки невероятного размера. Камни и почва как будто испарялись, кипя и вздымаясь в верх, и разлетались пыльным туманом. Орудийный огонь широкой полосой вспахал сопку, калеча и убивая всех подряд с умопомрачительной скоростью. Кое где выглядывали вцепившиеся в землю зазубренные пеньки. Чудовищную выемку обволакивало сизое струящееся полотенце дыма.

Хватаясь обеими руками с налитым кровью лицом и борясь с легкой дрожью в конечностях Иллари взобрался на верхушку облако подобного дерева утыкаясь макушкой в самое небо.

Схлынувший вихрь и временное очень короткое спокойствие запугивания. Вновь закричали кружащиеся в небе птицы рыдающими, изумленно тонкими голосами. Словно горячий искрящийся сгусток страха прокатился до самого ракетного бункера. В образовавшейся просеке курящийся смрад поыхивал вспышками в чернеющей пыли и ярчал тлеющими головешками. Рубильно-дробильная пустошь зачесом обглодала пологий склон сопки и бороздящийся одутловатый след заканчивался церемониальным танцем зависания летающего стрекочущего вандала на краю каменной реки.

Возможно его больше никто не прикрывал. Вполне такое могло быть. Но звездные десантники своих не бросают. Мертвых или живых. Все равно. Недоверие к своим-самая смертельная болезнь для солдата. Превыше всего унижать сомнения очеловечивая суть. И нет других путей кроме как сквозь себя.

Оставляя след на чистом вылизанном ветром небе "Соколарис" сделал широкий спокойный разворот. Винт гудел как круговая пила. Вертолет то вздымался вверх, то опускался прямо к верхушкам деревьев. Воздухозаборники турбины нависали над кабиной

пилота. Двигатель помещался в верхней части фюзеляжа под главным ротором и образовывал что-то вроде горба. Выпуклые фонари из бронированного стекла выглядели как злые глаза стрекозы. Огромная смертоносная машина парила над плато. Через диоптрию кабины уставился вертолетчик.

Обрекая.

Осторожно внутренне замерев Иллари включил застроченные в телекомную ткань хамелеонку трансляторы маскировки и исчез врисовываясь в типаж обросших листвой ветвей. Рев турбин угнетающе действовал на психику, но он пытался припомнить баллистические таблицы.

"Соколарис" вдруг прожорливо кинулся и его как бы стерло с лазорево-голубого небосклона. Вертолет неистово пронесся, в голь вырубая залпом счетверенных пушек попадающийся на пути лес.

Никому не удержаться под таким огнем.

Яростное биение полыхающих очередей прервалось столь же внезапно как и вспыхнуло. Воздушным водоворотом от лопастей Иллари едва не сорвало с вершины метнувшейся макушки. Небо колыхалось туда сюда разогнавшейся качелью, падало с бока на бок, будто пыталось сложить пополам горизонт. "Соколарис" плеснул в глаза отраженным от стеклок бликом белого солнца. Дерево по молодому гибко качнулось, словно уклоняясь от пронсящегося вертолета. Ветки, обжигая ладони, рванулись из рук и Иллари с воплем кувыркнулся через все небо несколько раз туда и обратно. Припадочно ревуший "Соколарис" пошел на разворот. Вершины глухо шумели, а Иллари, которого сволокло, с трудом переводил дыхание в звенящем вопле ужаса, чудом удерживаясь за гнущуюся развилку ветвей. Подтянувшийся Иллари перемогая травлю разума обхватил ногами манишку дерева и волна ярости затопила суетящийся страх. Голова гудела и пульсировала как второе сердце. Он чувствовал себя потным насекомым на подкидывающемся крупе скачущего галопом жеребца. Сложный хлесткий ритм и причудливая игра мельтешащего света и теней. Иллари путался в затейливом переплетении ветвей, но с опасной высоты все было отлично видно как на ладони.

Подпрыгивая, коробка броневика вылетела на самое открытое место и словно опомнившись, слегка заноса зад, резко затормозила. Остановившись на пол дороги броневик стряхнул с покатых бортов ошалелый десант и испуганно замигал фарами.

В жестокой отчаянности боя бардака нечаянности и предрежденности опускающегося молота бойни хватало с избытком. Не вырвавшись из жестокой огненной свары искореженная железная коробка второго армейского броневика попала под сокрушительный замес пушек "Соколариса". Уткнувшись радиатором в глубокий ров, истерическим кривляньем рыжего пламени догорала покореженная броне машина, которую сорвало на обочину дороги. Смерть под огнем своих-печальная реальность войны. Оба спешащих на подмогу броневика с десантом буквально чуть чуть запоздали с телекодируемой связью опознания. Этого "чуть" как раз и хватило для трагедии, возводя нулевую вероятность ошибки в степень солдафонского головотяпства. Разбрызгивая шипучие взвивающиеся в небо искры и маслянистый дым, прорезая горячие плечи трескучей сухой травы, ненасытный огонь выедал внутренности армейской машины. Перебежками с финтами уцелевшие солдаты веером разбежались деморализованные ошибкой пилота. Испуганно сторонясь они выворачивали в верх шеи и их страху мрачно вторило эхо.

Поднимая гейзеры пыли, разметая и расшвыривая ветки, сучья, кору и дерн "Соколарис"

надвигающимся ужасом кинулся на них из света как из темноты. Дерзко озорничая и бешено монохромно блестя, как огромное с выпуклыми глазами насекомое, вертолет кружил точно куражился над беспомощно бегаящими людьми. Он походил на сотворенное колдовством чудовище. Силой злобной и непобедимой.

На висках бульдожьего лица Иллари вздулись вены. Ладони горели будто ему пришлось ходить на руках по раскаленной плите. Ветер гнал в лицо, подстегивал его. Какие-то секунды он смотрел, лихорадочно осмысляя. Как на экзамене по войскам и вооружениям Фракены Иллари, томительно шурясь, стал вспоминать тактико-технические данные вертолетов типа "Соколарис".

"Лопасты несущего винта выдерживают многократное поражение боеприпасами малого и среднего калибра. Повышенный моторесурс и боевая живучесть. Наиболее важные системы машины дублированы на оба борта. Даже оплетка проводки выдерживает прямое попадание автоматных пуль. Конструкция фюзеляжа представляет цельно металлический монокок. Ванна броне кабины пилота выполнена из 10-миллиметровых листов алюминиевой брони. Лобовые стекла представляют прозрачные силикатные блоки толщиной 45 мм. Питание пушек ленточное, двухстороннее из двух патронных ящиков. Гибкие не перекручивающиеся рукава избавляют от перекосов патронов и их заклинивания. Благодаря селективному питанию пилот может выбрать тип снаряда (бронебойный или осколочно-фугасный) непосредственно во время боя."

"Соколарис" вибрировал бликами на стыке бронированного стеклянного колпака и камуфлированного овала фюзеляжа. И без того страшный нос уродовала турель с укрепленными на ней крупнокалиберными пушками. А под короткими кургузыми крыльями свисали ракеты и торчали дополнительные скорострельные пулеметы.

В крови жарко пылала убийственная ярость. Иллари закусил губу прогоняя внутреннее поскуливание. Его вершина клонясь тянулась в поисках прикосновения к соседним кронам, ища защиты от надвигающейся сверху винтокрылой машины.

Очередь выдаст его, но пули будут отскакивать от лобового стекла как бесформенные дождевые капли, не оставляя даже крохотных царапин. Мороз продирает до костей, а сохнувший пот в уголках глаз щипал и стягивал кожу. Словно овеществляя заклятие, Иллари рычал от досады и беспомощности но держался. Он весь как бы сплотился, обобщая невольный ужас неожиданно сорвавшейся с губ детской обзывалкой:

— Геликоптер воздух портил.

"Соколарис" неуязвимо поблескивал броней. Закладывало уши и еще что-то... вывихнуто само устраняя чувство реальности.

Иллари надломил кончик ветки. Просто так. Чтобы вернуть себе некую правомерную категоричность рассуждений и внятность окончательного ответа. Тотальная забота о безопасности "Соколариса", как всякая сложно конструктивная идея, должна таить в себе точку порочной слабости. Пунктик. Ахиллесова брешь. Загоняя неминуемый страх настолько глубоко, чтобы он не мешал думать и принимать решения и, в то же время, использовать этот страх для быстроты действий. Иллари, под свесом зеленой кровли, перекинул руку через ветку и повис на изгибе локтя, отстегнул магазин и опустил его в пустой нагрудный карман разгрузки. Вынув из подсумка новый магазин с особой маркировкой защелкнул его в узкую прорезь снизу.

Порядок без оглядок.

Резко оттянул затвор на себя и отпустил, дав возвратной пружине вернуть затвор в

первоначальное положение и дослать патрон в патронник.

Стволы турели, от замка до замка, поворачивались на сорок градусов. Иллари находился в зоне охвата пушек "Соколариса".

Выцеливая в прозор между ветвями, как следует упершись плечом в приклад, космодесантник задержал дыхание и потянул спусковой крючок...

Не всякая дверь открывается в обе стороны. Кое что случилось не так. До этого невесомо содрогаясь, покачивающаяся махина вдруг вертикально ускорила, показав тучное брюхо, и поменяла направление движения. Рокот лопастей, как эхо обвала, бесновался, сотрясая воздух. Свистящий рев турбин как бы оползал отступая за кромку плато. Лицо Иллари сделалось серым от усталости и досады, заостряя резкие черты лица. Охваченный ногами ствол под порывами ветра постанывал.

Грянуло. Полыхнувший внизу взрыв гранаты расшвырял троих вспышкой неистового пламени. Оптимально согласуя быстроту реакции с требованиями момента, проявившийся весь в пыли и копоти Парс задействовал подсветку, забежав со стороны солнца и прежде чем уляжется дым взрыва стал гвоздить из "хеклера". Парс бежал, сутуля плечи, вверх по уклону сопки. Вздымая грунт и разбрасывая вокруг себя шлейф гари, точно голыми пятками по пышущему поджаристому караваю. По нему с земли открыли ураганный огонь, долгий как не до выдернутый зуб.

Иллари замер, прищурился придавив приклад скулой к плечу. В небе еще качалось эхо взрыва пробитое закручивающимся ревом возвращающегося "Соколариса".

Парс обрел позицию за камнями. Несколько выстрелов. Он не позволял противнику приблизиться, жестко нейтрализуя движение. Парс взбежал уже на подлете "Соколариса" по ломаной тропе и спрятался за самым огромным из доступных камней. Хлопотливая стрельба солдат приобрела уверенность но не точность. Нескончаемая стрекотня напархнувшего вертолета браваурной мелодией двигателя не вязалась с истеричными взвизгами отскакивающих от камней пуль. Вертолет стал соскальзывать по наклонной линии, продолжив полет на предельно малой высоте, и претендуя на соло в охоте на человека.

Иллари был предельно внимателен целясь. Усталость от оружия которое приходилось держать на весу потекла в локоть. Плече измученно хрустнуло в суставе.

Парс был просто молодцом. По другому подманить, подобраться к вертолету на расстояние удачного выстрела было невозможно.

Одна из основ снайперского выстрела в умении стрелять между ударами сердца. В момент размышления: стоит ли продолжать борьбу за жизнь или покончить все разом и остановиться совсем. Момент чистого уравнивания всяческих шансов, не сопоставимых по возможностям сил и энергий.

Подбородок лежал низко, врезаясь в изгиб приклада. Иллари мягко выбрал захватом пальца мертвый ход курка. Холодок подморозил кончик пальца.

Рокот вертолета и ужасное завывание турбин.

Иллари почувствовал как душа его словно цепенеет. Глаз сделался зорче, а движения предельно короче от точности исполнения. Он отрешился от всего вокруг, настраиваясь на колебания вертолета. На его блуждания и рысканья, на убийственную серьезность его возможностей. Что он мог противопоставить этой мощи? Так немного, что шанс казался насмешкой.

Шерстинка целящаяся угодить в ноздрю летящему в прыжке волку.

Качаясь на вершине дерева Иллари висел против надвигающейся грохочущей лавины и

почувствовал как у него внутри поднимается паника, готовая поглотить его целиком. Стараясь жить в одном с ним ритме, проживая каждый кач вертолета как собственную жизнь он замер, боясь спугнуть с мушки входную восьмерку воздухозаборников, максимальное приближение которых отработал с земли Парс.

Символ бесконечности и остановившегося времени.

Ужас спускового крючка от мягкости поведения которого зависит даже не жизнь, а череда жизней.

Ветер рвал ветки деревьев и тормозил листву.

"Соколарис" тускло поблескивал как селедка в рассоле.

В этот момент они друг друга и увидели. Из под переливающегося колпака шлема торчали чисто выбритые скулы пилота. Он был скуластым зрелым мужчиной. Суровым и жилистым. Его взгляд был бездонным, сухим и колючим как поросшая кактусами пустыня. Никакого удивления на безмятежно безжалостном лице. Все решаемо. Пустыня верила в миражи, сглатывая как подачку несколько оброненных секунд. Их взгляды, глаза много говорили другому, но внутри между ними было непроницаемое молчание. Пустыня остановившая движение песчинок в опрокинутых на бок песочных часах.

Думать еще означало бы медлить. Иллари погасил всякую мысль, сдерживая вибрацию костей и дрожание нервов. Не головой а сразу всем телом помогая стволу угадать верное направление и совершенно расслабляя закрепощенную до того руку.

Вертолет накатывался, коварный и неодолимый как сон.

Иллари на мгновение почувствовал сопротивление под пальцем спускового крючка и следом прозвучал неслышимый сквозь рев пропеллера выстрел.

Только отдача.

Удача или неудача?

Куда он метил-туда и попал. Самовыражаясь в этом своем нашептанном попадании и внутренне обмирая от этого везения. Огромный, вращающийся с бешеной скоростью пропеллер с выпуклой коробкой ротора и шарообразным обтекателем под втулкой несущего винта выбросил искры как бенгальские огни. Двигатель взвыл дурным голосом.

Короткая звонкая боль.

Взвывший от раны двигатель-калека начал захлебываться и сбоить, а из труб вырвалось пламя с дымными выхлопами.

Маркерная пуля прошла фасеточную крышку воздухозаборника и повредила турбинную лопасть. Каждый следующий патрон следовал за маячком маркера как по наведенному мосту. Брызнувшие осколки разбалансировали турбину и в считанные секунды вызвали сильнейшую вибрацию двигателя. Лопатки лопастей молотили как водобойное колесо под струей хлещущей воды, заглубляя разрушение, разрывая лопатки ротора на осколки и губя сердце "Соколариса".

Адреналин бурлил в крови Иллари, восторг и страх кружили голову унося его ввысь на орлиных крыльях. Его ошалелый крик потонул в нарастающем вое турбин:

— Распишись в получении!

Вертушка с обрывом протаранила верхушки деревьев зарываясь в мешанину срубленных веток. И вертящаяся мельница с лязгом ударилась о камни, разлетаясь на куски, заставив солдат распластаться на земле. Гулкий, тугой звук упруго дернул чащу, полыхнув драконьим дыханием взрыва. Вырвавшийся ветер громадным языком промял и проутюжил деревья. Черной расплетающейся рыхлой косою реял дым. Плотное облако сажи низко разрасталось

над землей.

Крепко пахла трава. Бязевые ветки неумолимо сомкнулись заслонив разорванные взрывом небо над головой. Стрельба утратила сосредоточенность и крутилась, ища поддержки вокруг места падения "Соколариса". Рон лежал тихонько, линиялым позабытым под елочкой подарком с сюрпризом. Он вколол себе обезболивающее и наспех перемотал рану на руке. Падение "Соколариса" было событием экстраординарным, помогая осуществить напрямую независящую от него возможность.

Не всякая дверь открывается в обе стороны. Дверь в ракетный бункер открывалась только изнутри. Подрыв, как крайнее решение, мог привести управляющее оборудование в негодность и был исключен. Остановившиеся на закрытых створках глаза Рона вдруг шевельнулись. Дверь приоткрылась. Его величество "случай" ждать себя не заставил. Узко, не переступая порога, позерски выглянул наружу молоденький техник, сделав неуютным все из того на что рассчитывал. Так и не расшифрованный рисунок его любопытной ухмылки стерилизовала пуля, схлопнув модель его мира пробойной чуть левее излома тонких губ. После попадания любопытного техника отбросило на дверной косяк. Падение этого парня требовало особого контроля. Рон выскочил из своего естественного укрытия и не жалея сил рысью преодолел разделяющее их расстояние. Мертвое тело осело переломившись на закрывающейся двери, но оставив проход открытым.

Коридор был пуст и столь же мрачен как и в прошлый раз. Сыпки на стенах растягивали морок одинокой тени. Не выпуская из рук взведенный еще теплый от выстрела "люгерт", Рон тихо приговаривал:

— Пойди найди ту стеночку.

Мертвенно бледные огоньки на потолке отражались и перетекали сами в себя, недосыгаемо запечатывая помещение гляцевым коконом. Потайная дверь ракетного центра управления как бы отсутствовала, но была. Четверка отслоившихся от стены потасовщиков не могла взяться невесть откуда. Вот и на полу остался впопыхах не начисто оттертый след кровавого потока. Рон остановился, примеряясь к месту, и зажмурившись боднул изумрудный пережат стены.

Любое дурное дело, по обыкновению, не хитрое. От боли глаза полезли на лоб. После попытки пробить черепом стену на зеркальном блике остался мазаный след, оскорбив в лучших чувствах страсть к познанию. Замочек от двери каким-то определенным образом увязывался с мозговой деятельностью. Рон не преодолел фантомную условность стены в собственном сознании и был наказан. Он поднес руку к припухлости на лбу:

"Подсознание-материя тонкая, а голова-она своя".

Рон грудью почувствовал как в районе солнечного сплетения приспособливается прицел чужого оружия. Не буквально. Нет. Опосредованно. Через преграду, на другую сторону которой он и стремился. Рон отошел подальше, расставив руки пошире, готовый повторить попытку, как вдруг услышал отдаленно завывающий хоровод, быстро становящийся оглушительно пронзительным. Рон побежал к выходу из бункера и замер, задрал голову вверх, сделавшись бледнее мертвеца под ногами.

Стая ощерившихся "Соколарисов", похожих на огромных уродливо горбатых комаров с короткими подвижными жалами впереди, так мгновенно вынеслась из за верхушек деревьев. Расталкиваемый их лопастями раскаленный воздух расходился волной, подтверждая насколько опасно принимать желаемую победу за действительную. Морозная стынь протирала кожу от этого нарастающего гула. Вертолеты словно пережевывали разогретый

блин пространства, быстро откусывая от края и приближаясь к середине.

Рон жадно метнулся обратно к отливающей блеском стене. Тест на сообразительность был прямо перед ним. Рон отвел глаза, зажмурился и так, на всякий случай, представил себя просачивающейся в щель ленточкой дыма. А разрез. Здесь нет никакой преграды. Его событийная составляющая как бы отсутствовала. Узко ограничив сознание, стараясь быть не в себе, прекратив узнавать и быть узнанным, Рон миновал проточность ложной стены. Истаявший провал.

Стена пропустила.

Он уже внутри.

Рон открыл глаза. Резкое, слепящее, безрадостное сияние. Белое, залитое светом и забитое оборудованием помещение без теней и оттенков. Почти рай живущий по правилам ада.

Рон не успел среагировать на выстрел...

... лицо обдало угарным жаром...

... нетерпеливый выстрел в упор...

... пуля скользнула по височной впадине...

... каленый блеск сплюнутой возвратным механизмом гильзы...

Знакомство пули с человеком крайне мимолетно.

Уже клонясь и падая, он, в одну десятитысячную секунды выбил из направленной в голову руки пистолет, не дав повторить выстрел. Не выпуская убийцу из повиновения Рон совершил инерционный бросок и движение на добивание. Схватил голову с выпученными на него сверкающими белками глаз и бросил эту башку в пытающегося выстрелить второго противника. Техники повалились друг на друга и оставшийся стоять Рон холодно выстрелил два раза.

Все береглось, притаившись и замолчав, только едва слышно попискивало и гудело работающее перемигивающееся оборудование. Рон обогнул без выстрелов все помещение. Он быстро нашел главный экран. Рука упала на высветку задающего блока. Многофункциональный дисплей в том числе управлял и системой наведения. Рон откинул процессорную панель и опустил светящиеся пучки секторального наведения. Сверкающая высоко в небе медуза, смахивающая на люстру в переливающемся мерцании послушно осела над плато, сделавшись похожей на силовой колпак защиты. Рон отложил пистолет, отключил систему распознавания "свой-чужой" и с хрустом повернул пульсирующий огоньком ключ. Скользя спиной по гладкой стенке прибора Рон расслабившись неторопливо сел, бессильно бросив между колен руки.

Ему сделалось скучно.

С такой технической поддержкой ничего не решалось на глазок. Мысатые стволы многоугольных ротонд раскрылись как раковины огромных устриц. Система наведения зафиксировала массовое нарушение непрерывности ярусов защиты. Кит, на котором стоят слоны и черепаха удерживающие на себе мир, шевельнулся, и форсированный импульс выбросил в небо седые столбы бушующего огня. Ракеты закручивались смерчами и уходили в высь дымными шипучими трубами.

Разя небо насквозь.

Нацеленно и безжалостно дымящиеся ракеты поднимались вверх как змеи факира, апокалипсируя на ново заданной Роном высоте. Змея родила ежа и вспышка темно-красного огня вздела вертолет. Один, второй третий... тяжело ухало и залп шел на повтор. Малые

высоты для ракет такой дальности были гибелью на старте лишь уплотняя зону поражения.

Посылы смерти пытающие чужую жизнь.

Звенья из трех машин пробовали уклониться, в сложном развороте пересекая наклонные обвисающие столбы проносащихся вниз подбитых машин. В маслянистую пелену разрастающегося пожарища. "Соколарисы" разваливались на конструктивно недопустимые клочки и фрагменты. Они напоминали рассыпающиеся в воздухе коробки спичек роняющие плоскости лопастей.

В раз и навсегда.

Под действием реактивного огня чудеса баллистики обездвижили расчищенное небо. Но это там, высоко. Здесь внизу воздух казался сухим как лучина. Дымный чад буйным кадиллом дикой вытравливающей туши затягивал места падений "Соколарисов". Уцелевшие солдаты поменяли тактику и теперь старались избегать прямых столкновений, обходя врагов с флангов. Но фланги пылали. Задымленность и стелющаяся гарь становились все более душными и тяжелыми. В двух шагах ничего нельзя было рассмотреть, будто среди бахромы деревьев прополоскали чернильницу. Солдаты тратили время уставая в ненужной суете. Ракетный комплекс перешел в руки диверсантов и с этим нужно было считаться...

Тяжелая листовая дверь скрипуче пискнула и повисла на железных петлях.

— Кто здесь?

Задумавшегося водителя броневика не слишком деликатно рванули за грудки и вытащив из кабины бросили на песок. Чужой палец лег на губы, а ствол пистолета коснулся переносицы. На него смотрели бесшабашно веселые и умные глаза. Они по-кошачьи жмурились. В ушных раковинах подсыхали струйки крови. Парса контузило и в его взгляде жила не прописываемая глубина боли, как отраженные ветви деревьев в потревоженной воде. Он мог убить в любую секунду. Смешливый и чумной.

Задние двери броневика-два его мозолистых тела, плотно захлопнулись. И не успев толком отдышаться Иллари интенсивно зашарил в багажном бортпаке пассажирско-стрелкового отсека. Услышав тихий свист Парса он бросился к пулемету во вращающейся башне и стал искать ничтожный намек на чужое присутствие в паутине прицела. Из наползающей гари, которая благоприятно затруднила активный розыск нашей троицы, следуя своим инстинктам, бесшумно выкрался чумазый от сажки Рон. На белобрысой голове это выглядело особенно страшно.

— Ты грязный как черт, — с отеческой мягкостью в голосе приветствовал его Иллари.

— Живя в аду трудно не сблизиться с дьяволом, — не скрывая радости ответил Рон подходя к броневика. — Хотя вы оба больше меня похожи на подгоревшую индейку, — и Рон покосился на Парса.

— Я пэ-по-почти нэ-ни-чего н-не слышу, н-но в-все пэ-п-преккрас-сно вэ-в-вижу, — вымучил из себя Парс, злостью глуша подступающую боль и ударил рубчатой рукояткой пистолета по выпуклому, шишкастому лбу лежащего под ним водителя.

Мотор громогласно ревел теребя вялый заморыш смерча под колесами броневика. Под хлопьями пепла казалось что дорогу присыпают грифельной пудрой. Машина освободилась от дымной черноты километра через полтора. Рон вертел дужку руля, а рядом сидел Парс. Бисеринки пота выступили на его подергивающемся от тика лице. Космодесантники двигались против шерсти. Навстречу пронеслось три бронемашин, одна за одной, спеша к очагу пожара. Видимо пропуск красующийся на щитке угнанного броневика был особенно

козырным. Их ни разу не остановили. Едва, по долгу службы, завидев заветную бумажку с изображением зажатого в здоровенный кулак скомороха в рогатом колпаке с бубенцами, кардонные отдавали честь и пропускали без всякой задержки и досмотра.

Иллари заглянул в кабину таща за собой какие-то вещи:

— Я искал чего пожрать, а тут вот, — и он показал ранец, малые саперные лопаты и дополнительные поясные сумки. — Узнаете?

Сомнений быть не могло-амуниция принадлежала им.

— 3-зэ-забудь, кэ-ка-а-кая вэ-война без мэ-м-ор-р-одерства.

— Ты не прав, Парс, — стволы по краю дороги просветлели утончаясь и открыли широкий белый песок. Рон притормозил и стал вписываться в змейку бетонного лабиринта: - Все куда по круче будет. Мы ведь не астронавты с негоцией к ним залетевшие а непонятно кто такие. А что недопонимаешь-тем и не владеешь. И если нас изловят, жалить будут в самый пупок. Шантажом и мандражом. В разработку возьмут и копать станут по самую лопатную шейку.

Ветерок веял под одеждой лихорадящим сквозняком. Рон лихо выруливал меж бетонных заграждений как по старой уже знакомой колее, хотя впервые пересекал ее легально. Огонь на броневике взорванном Парсом померк и осел. Брошенные трупы с некой раздувающейся фиолетовой озлобленностью взирали на агрессоров из разных мест. Космы дыма замазывали нестерпимое солнце. Канонада упрямо дрожала теперь вдаль. Кто-то упорно продолжал с ними биться без их участия. И от этого было не менее тревожно чем от вида знакомых окопов, запустелых ходов сообщения и курящегося вулканчика развороченной пулеметной точки.

Спецназовцы выпрыгнули из машины, разогнав шерстокрылых падальщиков, которые нехотя взмыв сели тут же караулить добычу. Ветер трепал мех на загровке мертвой ездовой кошки. Обломанные свисающие с дерева оглобли напоминали недостроенную виселицу. Перекошенный короб каретного катафалка зловеще торчал из травы разбухшим слоном. Второй кошары, пережившей такое, нигде не было видно.

Космодесантникам нельзя было отказать в мужестве как и в праве на собственные мысли, хотя их силы давно подошли к концу. Парс утерся, размазав по щекам кровавые полосы. Под ногами хрустели обломки каретного катафалка. Парс опустошенно гонял в себе одну и ту же мысль: "А что если тело Крейга сторело в том подбитом броневике?". Он всю дорогу думал об этом. Если кто-то еще глубоко в себе скрывал подобные опасения, то слух говорить не стал.

Иллари опустился в траву и поправил задравшуюся порванную юбку, прикрыв ляжки пухляночки. Космодесантники ходили кругами, по очереди натыкаясь на трупы возницы, его благоверной и двух кардонных. Бесплезные махи ногами. Рон со стоном зевнул и вдруг заметно приободрившись пошагал совсем в другую сторону. В светлых кудрях золотом играло солнце. Сначала он наткнулся на переливающуюся шоколадную вафлю одроформы. Поплутав еще немного отыскал и Крейга. Термо поляризованный мешок лежал пристегнутый к планирующим носилкам в глубокой траве, как подводная лодка на дне зеленого океана. Крейг словно дремал на припеке и выглядел куда лучше здешних мертвяков. Подошедшие Иллари и Парс испытали странную гордость по этому поводу. Но были и вопросы. Солдаты с броневика подобравшие их амуницию не нашли тело Крейга? Или не захотели возиться с трупом? Или торопились перевести живых космодесантников в тот же разряд? Сие осталось в тумане домыслов и предположений.

Спецназовцы загрузили планирующие носилки с телом Крейга в броневик, развернули машину и были таковы. На обратном пути качественная бумажка на броне раздвигала любое сторожевое охранение как рыцарский щит.

Они сами где-то ошиблись и свернули не туда. По краям дороги были воткнуты ядовито-желтые треугольные флажки с надписью черными буквами из одного слова "мины". Им пришлось бросить машину и навьючившись пойти пешком. В переливчатом мареве, нарезанные косыми лучами на куски, космодесантники двигались медленно и неуклюже как боксеры в одиннадцатом раунде. Они сбивались с шага, их ноги подкашивались. Трава выталкивала из земли неудобные ей камни. Война не прекращалась ни на минуту. Сквозь шорох таких шагов прорезались зубы скальных пород. Пропахшие грязью, усталостью и смертью космодесантники сами были войной и пахли ею. И где-то в дали слышался неослабевающий лай ищеек. Только будущее могло ответить на вопрос сколько продлится эта погоня.

МЕРТВЫЕ И ЖИВЫЕ

В сложенных ладонях стрельчатых окон мозаикой сияли патриархи и святые. Стоял теплый вечер. Неповоротливо медленный. В свете лампадного огонька разносящего густой липкий аромат. Отблескивали медовым золотом тяжелые ризы окладов. Высокие гулкие своды рассекали балки, образуя крест. Гобеленовые шпалеры во всю стену, от сшибленных барельефами колон до бархатно-персикового ковра, украшал ажур причудливой вязи. Астрел не торопясь отнял руку от лица и перекрестился, потом стиснул подлокотники кресла. Отец Аквитин не ответил на его взгляд. В схваченном в поясе длинном хитоне его преподобие упорно смотрел в даль и молчал. Астрел был подавлен и воспринимал этот разговор как акт неповиновения:

— Мы есть недолговременное соединение белков, углеводов, железа, фосфора и чего-то там еще. И только душа делает нас похожими на что-то более вечное и сознательно пропагандирующее перед кем-то скептически настроенном величие осмысленного разума. Я думал так, что хомодермики, одни из тех немногих, которые знают для чего они живут. Держа в руках жизнь и смерть разных людей мы попечительствуем над плотью благо образуя мир в соответствии с заповедями Господа. Как не странно, но кровь... пусть и такая, на моих руках заставляет по другому относиться к проистеканию жизни. Ведь что делаем мы-касается всех. Например почему у нас так мало случается драк и увечий. Опасаясь покалечить чужое тело мы заранее, не нанося непоправимый вред, в мыслях держим про запас, что оно может стать, по неизъяснимой природе судеб, оболочкой для наших хороших знакомых. Как бы дурно воспитан не был нынешний ее обладатель. Для нас чужое-это будущее свое, — Астрел Сатерлан глядел скорбными как у мученика глазами:-Говорят, трус умирает тысячи раз. Но десятки, сотни тысяч раз люди повторяют в уме смерть своих близких. Вы же помните каким замечательным мальчиком он был. Где-то под кручей, у

самой топкой тени воды до сих пор торчит этот злополучный пенёк. Пила безжалостна, а река молчалива. Ни дерева, ни качели с которой прыгали в воду мальчишки не осталось. Только подводный камень сломавший жизнь моему ребенку не высыхает от слез моих. Карэл подавал такие надежды, у мальчика был абсолютный слух. Учитель музыки хвалил Карэла за очень точную постановку рук. Он запоминал мелодию с первого раза и по всем статьям должен был стать музыкантом в храмовой капелле. Звонкий клавесин струился радостными дрожащими звуками как продолжение его улыбки. Ведь все пальцы при падении до единого остались целы. — Астрел слабо улыбнулся и умоляюще взглянул на его преподобие. — Вот только сильный ушиб позвоночника, — Астрел ощутил, как пусто сдавилось в животе. — Теперь, закрытый и задвинутый в дальний темный угол клавесин больше напоминает изящный гробик. Компактный упаковщик смерти. Пустота и холод, охватывающий утробный ужас, будто из тебя самого все повыкачали да повыскребли. От звонка этого клавесина оглохнуть можно, но проснуться нельзя. Вот в чем бесящая меня правота!

Наползающие сумерки тихонько стягивали жар заката за горизонт. Отец Аквитин по прежнему не спрашивал Астрела, но того было не остановить. И тоска и нежность, и боль утраты чадолюбивого отца, все было в нем и все жаждало исповеди. Астрел продолжал говорить, пытаясь заглушить это ноющее изнутри чувство:

— Карэла парализовало. Я взял на себя заботу о сыне, полностью отстранив Эмили и ее сестру от ухода за больным.

Всегда сложно говорить о том что у тебя болит, тревожит и берedit. Астрел коснулся чего-то сокровенного, что держал в памяти под таким недосыгаемым запретом, который не выдержит ни одна совесть. Аквитину даже почудилось что он вот вот задохнется в страшном смятении, но Астрел смог справиться и отдышавшись продолжил:

— Прошло два года и Эмили утешилась родив нам Сати. Но я по прежнему никому не позволял входить в комнату сына без моего ведома. Это была моя прихоть, блажь, возмущение несправедливостью мира. Я читал ему книги, ставил музыку борясь с матовой бледностью его щек. Я корил Карэла и убирал за ним, предупреждая даже намеки на пролежни. На руках носил в ванную, погружал в пену неуклюжего мальчишку с кривыми иксиками ног. Водил по телу шершавой мочалкой пока его кожа не покрывалась красными пятнами. Помыв, заворачивал в свежую простынь и укладывал в нагретую постель, порой упиваясь жалостью к нам обоим. Визиты врачей лишь бесили меня, больше напоминая умелые фокусы шарлатанов. Это был какой-то заговор! Я спрашивал себя "на долго ли меня хватит?". Так продолжалось еще шесть бесконечных лет с невнятным ощущением времени в котором я существовал. Но видно небеса не могут так долго ждать. — Астрел проглотил вязкую слюну: - Суетны и обманчивы надежды наши. Мое единственное желание поднять на ноги сына было простым до абсурда и столь же пугающе невыполнимо. В таком состоянии остается мало иллюзий и надежда подобна таящей на зеркале испарине. Заполняя с утра метрические храмовые книги я пустился в авантюру загадывая что если первым из оприходованных трупов будет мужчина а потом, скажем, три женщины к ряду, то сегодня мой мальчик встанет и пойдет. Могу ручаться, это так и было. Я играл в такую рулетку в полной уверенности в реализацию этого дела. Старался не замечать болезненную немощность сына, обращаясь не столько к разуму, сколько пытаясь унять накопившуюся усталость. В ту пору я, как прожженный циник, завел себе в привычку повторять один анекдот: "Лекарь укладывает связанного больного на рельсы железнодорожного полотна, а тот ерзая и спрашивает его:

— Доктор, неужели нет другого способа обезболить этот проклятый зуб?

Глядя в карманное расписание поездов лекарь ему и отвечает:

— Не стоит рисковать, больной, и уповать на не одобренные наукой и Господом методы лечения."- Астрел откинулся на высокую резную спинку кресла и зашелся крикливым, запинаящимся смехом, тяжело и жарко окатив его преподобие хриплым клокочущим дыханием.

Отец Аквитин повел мясистым носом. Слушая рассказ Астрела его преподобие в ответ только поднимал брови да, время от времени, произносил короткие восклицания. Теперь он не на шутку заволновался, усомнившись в душевном благополучии чучельника. Тот понял как далеко его может завести смехоизвержение и внезапно оборвав себя печально обронил:

— Однажды я читал Карэлу "Сказание о рыцаре в каймановой шкуре" и на строчках:

Наш рыцарь увидел, но смог не подать даже вида

Как молнию в кронах летящее тело багрида.

Карэл привлек меня взглядом и, попросив остановиться, запавшим слабым голосом спросил:

"— Папа, а кто такой багрид?"

А ведь ему, в ту пору, без малого, исполнилось тринадцать лет. И тогда я осознал какие огромные драные дырявые пустоты в жизни моего мальчика я пытался заштопать, — глаза Астрела внутри переменились, точно все быстрее и быстрее надвигалось то страшное ради чего он пришел к его преподобию:- Я не опускал руки и день сегодняшний обожал не меньше чем всякий иной дарованный мне Господом, — белки его глаз сверкали точно заживо отшлифованные в центрифуге среди измельченной скорлупы грецкого ореха. Они были раскалены грустью:- Неисповедимы пути Господа. Никто не ведает кто следующий и сколько отпущено нам. Едва нынче, переступив порог спальни Карэла я ощутил покорное облегчение уснувшей в нем боли. Я взял руку сына с такой осторожностью, словно это были крылья бабочки с тонкой пыльцой. — голос Астрела перешел на шепот, точно он навсегда разучился говорить нормально:- Пальцы уже ледяные. В его белом как мел почти юношеском мягко очерченном лице было что-то нежное, если не девичье. Не яркая полоска приоткрытого рта, как свежая рана перерезала лицо. Он был очень тонкий и худой, почти плоский. Шея напряженно вытянулась, мускулы расслабились а рот ощерился, — Астрел внутренне заспешил будто убегая от преследующих его подробностей. Заметался, разом утратив все свои силы, оставаясь неподвижно сидеть. — Карэл умер во сне, тихо и безболезненно. Без мучительных спазм. — И вдруг вновь ломким, неожиданно высоким от волнения голосом прерывисто заговорил:- После этого что-то кончилось в моей жизни. Почему же мне, тому кто служил Господу нашему верой и правдой в четырех поколениях, подкрепляя его основополагающие истины, Создатель отплатил муками?!

— Смерти испугался, малонер! — выкрикнул отец Аквитин и посмотрел на Астрела уничтожающим взглядом. — Мира в душе нет. Гордыня это, понимаешь, одна гордыня? С кем ты борешься споря?! С миром. Со вселенским порядком или, всего лишь, с самим собой? Благодать о людскую неблагодарность забывших поганится, что наша вера есть то, что мы вкладываем в нее. — Наставительно проговорил его преподобие, голос которого из страстного и безжалостного становился распевным и тягучим. — Вспомни о своей вере, сын

мой. Изю всех слабых сил молчи и моли Бога избавить тебя от гордыни. Ибо подлинная святость в беспричинности веры. Надейся на Господа, уповая, что возженные тобой свечи жизнью осветят закоулки веры. И нет того греха, который бы Господь не мог простить, потому как нет для него ничего невозможного.

Витражная аранжировка с подсветкой создавала дополнительный объем комнате, которой перестало хватать келейности.

Астрел был скован неловкостью, что ему, в подобных интонациях, приходилось разговаривать с отцом Аквитином, но страстной силы взгляд его преподобия вынуждал быть предельно искренним:

— Неся в себе образ Божий человек наделен правом общения с ним. А всякое общение подразумевает дискуссию. И вопрос мой не предъявление Всевышнему за нанесенный мне ущерб, а поиск тех порой незримых подсказок, без которых опоры веры гнуться.

Голос отца Аквитина сделался таким же мягким как и его лицо:

— Господь помогает вере мучимой, но не утраченной, врачует недуги души человеческой. Всецело положишься на промысел Божий и тем самым разгрузи душу свою. Ибо сказано в книге-книг: "И смерть врачует, а жизнь калечит. И неисповедим Господь в щедрых дарах своих."

Глаза Астрела сухо блеснули:

— Тогда кого корить или остановиться стоит на себе и притерпеться? Ведь ни отец мой Райкмер Сатерлан, ни его отец и мой дед Остин Сатерлан, ни прадед-основатель рода Эббат Сатерлан. Никто из них никогда не возродился обретая новое тело в кровнородственных потомках своих. Все они ушли безвозвратно. И от того дух мой ропщет и безутешен я прощаясь с сыном, без надежды на новое земное возрождение его.

Ужаленный видимым смирением и, в то же время, распознав дерзость слов Астрела, отец Аквитин усилием воли придал своему голосу спокойствие и степенность сообразно с достоинством возложенного на него сана:

— Твой грех лишь в том, что ты суеверен в страхе потерять безвозвратно. Идея очередности чуда согласно заслугам рода оскорбительна для веры. Но мало что совершается без греха в этом мире. Ибо лишь Богу ведомо где и в чем он и каков закон воздаяния. Ты, в попытке понять чудовищная ли это насмешка Господа или непостижимое сверхчеловеческое утешение, мучаешь себя не зная на кого обратить свой гнев. Все проще, когда человек чувствует жизнь, он по настоящему начинает ощущать смерть. Любить одно и понимать другое. Вроде бы вера не дает ни знаний, не прибавляет находчивости, но именно она спасает нас от подобных травм обреченности. Ибо Господь среди нас. Печать божья коснувшаяся чела вашего прадедушки и унаследованная вами по мужской линии сделала жизнь всех Сатерланов настолько осмысленной и полнокровной, что совершеннейшая из жизненных судеб для душ вашего рода найдется не скоро. Господь испытывает тех, кого возлюбил. — Внезапная легкая манера отца Аквитина подкупала. — Так мне видится. А душа человека дел своих в миру не завершившая тело новое чаще обретает, — закрыв запястьем лицо его преподобие перекрестился крестом рассекающим и заговорил вновь:— Я в суждениях прост, поскольку предположительны они и ни к чему не обязывают. Но помню я что сказано в книге-книг: "Живите по правде и душами не торгуйте." Потому каждый должен душу свою блюсти. Ведь мрут и те, кто душу занозами грязных дел изранили и в новом рождении чистоту обрести желают, и тем над стыдом своим вознестись. Господь милостив к созданиям своим. А про тебя так скажу, — отец Аквитин совсем уж по свецки открыл буфет

с отбеленными кружевными салфетками и достал початую бутылку храмового вина и два бокала. — Твои упорство и воля в борьбе за сына с его смертью в одночасье потеряли противника и растерявшись заметались ища точку приложения сил, слишком уверовав в свою власть над реальностью. Положись на волю Господа и обрети свой ноль. Точку своего личного покоя с которого можно себя начинать не оставляя долгов собственной совести.

Наверное, было около одиннадцати, когда Астрел вышел по помпезным мраморным ступеням храма в явную ясную ночь, сонное затишье которой обрамляла постоянная стихия звезд. Он обладал стойким к паническим перепадам складом ума и в нем уже отбродило напряжение. После этой исповеди на Астрела снизошло странное спокойствие. Звезды над редисовыми маковками храма, крутыми скатами и островерхими башенками были такими большими, что застредали между крышами. Казалось так глубоко запрятанные терзания теперь лишились сакральности и лежали на поверхности, став легче всего остального. Тишина была лекарством, а простор толкований воодушевлял. Начав двигаться и оставаясь в состоянии внутреннего покоя Астрел направился домой походкой шествующего в пространстве человека отныне совпадающего с самим собой. Свет далеких звезд освещал ему путь как длинная красивая незаконченная фраза, суть начала которой уже потерял, а проистекающее ныне столь же важно как и желание понять смысл льющегося с небес реликтового огня.

Обильных слез минута не испачканных о мочало слов ненужных завершилась. Неподвижный, белый, будто заспиртованный стерилизующий свет лился с четырех разных точек, отражаясь в кафельном глянце стен. На Астреле, кроме маски и шапочки, был белоснежный, без единого пятнышка халат. На ногах бахилы, а на груди оливковый клеенчатый передник. Продолжая держать в себе горячий ком нежности Астрел переложил Карэла со стальной каталки на стол. Затем чучельник натянул латекс резиновых хирургических перчаток и взяв в руки пинцет и скальпель провел начальные разрезы на внутренней стороне, рук и спины. Кожа раскрылась и Астрел зафиксировал ее зажимами. Воздух постепенно наполнялся запахами химии и свежей крови. Мертвецкая походила на место работы патологоанатома.

Когда проблески зари осветили горизонт и уже гасили сияние звезд, чучельник переделся и покинул мертвецкую. За его спиной, в венке из краколиста висел распростертый, летящий на кресте сын.

Только тень знает о хитрости все, потому что она одна никогда не попадается.

За стволами стволы и в руках, и в размноженном лесе.

По лицам фигурантов чрезвычайного розыска брели тени ветвей, а под ногами бесшумно пружинил мох. Корни деревьев переплетались в толстые тугие узлы. Безветренный жар трепетал сумеречную зыбь листвы. Шуршащие всякой нечистью перелески отступали, ища добычу попроще. Темнота, отлежавшись на дне оврагов, поднималась еще непрочными мшистыми сумерками, уводя глубину в закоулки дремучего леса. Воздух свежел. Сумерки шептались не обнадеживая и притупляя само ощущение реальности. Слабый, неустойчивый период, очень опасный для напряженного зрения.

Космодесантники шли с оглядкой, поджидая опасность со всех сторон. Вьющиеся лианы завивались как локоны и плелись почти до самой земли, цепляясь за обросшие лишайником стволы. Зеленые спирали были усыпаны пунцовыми цветами. Сверху свисала малопривлекательная кайма бурого мха и касалась волос. Места задавленные буйной зеленью были

по настоящему непролазными и глухими.

Ранцы со спальным мешком и оружием давили как подвешенный на шею жернов. Пот заливал глаза, мышцы постанывали а подметки горели. Подмышки и спина, как намазанные жиром блины, клейко елозили под перепиливающими тело наплечными лямками и ремнями. Мышцы окаменели от долгой изнурительной ходьбы. Болело все, даже то, что не хотело и не могло болеть. В голове стучало от боя крови, а песнопение колик в желудке способны были заглушить только шуточки Рона:

— У меня от ходьбы образовалось такое сильное плоскостопие, — его голос самоиздевательски вибрировал, — что отдает в глазах.

Лица космодесантников сверкали от бисеринок пота. Парс раздернул ветви и подав знак сунул между ними захватанное грязными пальцами лицо. В непроглядном лесу, среди дремучего, обметанного пуховыми мхами оврага еле слышно петлял по камушкам осколок неба, бросив отсвет нескрываемой радости на мрачные, замызганные лица товарищей.

Планирующие носилки толкали по очереди. Ослабшая пряжка на ремне ранца Парса слегка брякала в такт шагам.

Следы-это отпечатки нашей жизни, подтверждающие присутствие в этом мире. Космодесантники обошли отмели стороной, превратившие землю по краю в жуткую грязь, чтобы не оставлять преследователям хорошую дорожку следов. Воздух дрожмя дрожал от прохладных струй. Ручей придавал лесу некую емкость и полноту, прикрытый подолами нижних ветвей у самой травы. Он аккумулировал свет, выплескивая тихое ровное шевеление потока на влажный галечник, в тень поросших сочной травой берегов. Спотыкаясь усталыми ногами, останавливаясь, озираясь и прислушиваясь, они отыскивали кусок с отлогим сухим берегом и нависающей темнотой ветвей. Сморщенный шелк ручья струился серебряной выщеленной ртутью. Его будто насухо надраили шерстяной вихоткой.

Под ладонями прыгали солнечные блики и притопленные фляжки довольно урчали пуская пузыри. Троица проглотила солоноватые таблетки. Пустое брюхо неудовлетворенно приняло горсть фармацевтики.

— И житье и бытье, и еда и питье, — отшутился на этот счет Иллари.

Вода была вкусной и им стало значительно лучше. Парс и Иллари разделись и вошли в воду. Рон остался наблюдать за лесом. Ручей журчал захлебываясь собственным смехом. Поток был холодный и перехватывал дух.

Рон прерывисто вздохнул, наблюдая за товарищами в бусинах капающей воды. Проблески отраженного в воде света сплетались с запахами и звуками, разрывающимися в просветах трепещущей листвы. Рон чуть сжал пальцы, балансируя на грани. Все его инстинкты буквально вопили умоляя об осторожности.

Ветер порхнул, качнув тень листьев с беззвучной быстротой и невыносимостью. Резко выпрямляясь и делая прыжок из под тени ветвей запоздало сорвались в след первому, сидящие с изнанки листьев, вниз головой, нетопыри.

Рон выстрелил навскидку. Не целясь. Автоматная очередь вспорола досрочно-условную тишину, на произвол судьбы прошнуровав небо. Иллари выскочил на берег и мокрыми ногами запрыгнул в ботинки. Парс рванулся пытаясь ускользнуть и побежал вниз по ручью.

Перепончатые полотна аэродинамических профилей "Падучих висянок" внезапно выгнули лопостехвостые крыловидные оторочки тел и с клекотом исчезли, резко поменяв свое отношение к добыче.

Автоматная очередь вытряхнула в голубой океан неба полчища мелких птиц, как

рыбешек из сети качающихся крон.

Тонко вереща, с пронзительной быстротой, раненая "Падучая висянка" шмякнулась о берег, хлопая в миг заляпанными грязью перепонками. Огромный кровосос особой чрезвычайной породы пытался встать. Ядовитые колючки на шее топорщились и потрескивали, а стебельчатая игла растущая прямо из чешуйчатой, змеи подобной морды рисовала на отблескивающей грязи заклатья смерти. Тонкопалые лапки на середине складной передней кромки перепончатых оторочек скребли жижу и порывисто вскидывали игольчатый штык, готовый напилить кого угодно фатальным уколom, через который, вполне возможно, пропускался разряд тока.

Черные бусинки ненавидящих глаз... чешуйчатая броня... тонкие членистые усики за ушами... хищный оскал мордочки.

Из тихо ошалевших космодесантников Иллари опомнился первым:

— Зараза! — Он самоотверженно наступил на еще бьющегося кровососа проламывая рассупоненным ботинком ажурный каркас из подвижных ребер. И рывком, с куском морды, выдернул ему жало. Слегка загнутая, длинная иглолка цвета графита за стерженек тянула за собой что-то белое и противное. Иллари этим определенно и осознано ткнул в отпрянувшего Рона:

— Настрелялся! Теперь можешь зажарить его и сожрать, — Иллари швырнул Рону под ноги смертоносное жало.

— А что, прикажете мне в него ножичком тыкать?! — огрызнулся Рон.

Иллари рассвирепел:

— Хоть руками голыми души, но не стреляй! А так это здорово смахивает на подляну. Теперь вся округа знает где нас искать с точностью до полу километра. Почему ты так сглупил? — Лихорадочный блеск в глазах Иллари уже в чем-то отрекся от него.

Парс торопливо одевался. У него было выражение лица сбитого с толку человека. Он отказывался верить что Рон сделал это осознано.

— Р-рэ-растя-п-па, — только и смог выдать из себя переживающий последствия контузии Парс.

Их взгляды были верхом красноречия.

Как нелепо, как непонятно от чего неловко и стыдно.

Выдерживая пропорцию растерянности и раскаяния Рон произнес:

— Ну дал маху в горячке. Все имеют право устать. Это был только порыв, голая непростительная эмоция. В этом смысле я сегодняшний идиот, если вам так будет легче. И ничего другого во мне нету. Что ты на меня так смотришь?

Иллари медленно и подробно, с величайшим изумлением, обвел Рона взглядом, словно прощаясь и усмехнувшись уголками рта сказал:

— Хорошо что ты сейчас себя не видишь. Твои зрачки расширились как для обмана. И потом ты сказал... то что сказал, — но что-то противоречиво дрогнуло в его голосе.

Рон спешно разделся и полез в ручей, ополаскиваясь подрагивающими блестками брызг. А бурлящие сзади взоры точно твердили: "Тебе не отмыться."

Доверие-это тайна не произнесенного, не всегда понятного, но, по умолчанию, верного.

Суетясь и поторапливая друг друга звездные десантники навьючивали неподъемное снаряжение. Они спешно покинули это место объединенные миссией, которую должны были выполнить. Но болезнетворный, микроскопозримый микроб сомнения распирал двоих из трех.

Космодесантники, где спешной, а где неспешной ногой, протопали около часа. От греха подальше. Внимательно прислушиваясь к сложному ходу звуков вокруг. Стараясь не упустить в них ни одного подозрительного движения. Предзакатная переключка певчих птиц, урчание и похрюкивание доносящиеся из зарослей перед ними. То визгливая, то ухающая иступленная перебранка кровожадных обитателей.

Рон ловил чутким ухом шепчущие голоса лесной чащи. Парсу, волей-неволей, из за повреждения ушных мембран, приходилось полагаться на своего товарища. Но его тяжелый взгляд мягко отпрянул, едва Рон посмотрел в его сторону. Среди темнеющей дрожи листвы лениво мерцали косые пятна солнечного света. Усы свисающих растений лопнувшими струнами заплетались, скрывая музыку оркестровых крон.

Иллари брел, толкая носилки, хмурый и озадаченный. Рон чувал острие его глаз, медленных, как стекающая по стволу смола. Иллари смотрел ему в висок болезненно мозоля взглядом. Рон обернулся. Взгляд Иллари был эмоционально краток, говоря: "Я тебя правильно понял, но не поймал."

Между ними твердела не прокусываемая короста отторжения.

Мягкий слой бурого мха пружинил натруженные ноги. Рон то и дело спрашивал себя, правильно ли он поступил, выдумывая себе несуществующую вину, но был вынужден, признавая тайную, мучительную сторону своей жизни, уйти в некую внутреннюю эмиграцию. Терпеть.

Они прошли между поваленными стволами и хрустко преодолели сохлую кучу валежника. Молодые, разлапистые карликовые побеги оттягивали задетыми ветками не учтенную толику силы. Из каждого.

Иллари нерешительно вздохнул, не зная как в себе соединить два знания об одном идущем рядом близком ему человеке. Рон подавил в себе не произнесенную суть и тихо сказал, отвечая разом на все нынешние и будущие косые взгляды:

— Я тот же и я с вами, как бы вы это не понимали.

Никто не остановился. Шелест ветра лепетал в вершинах. Космодесантники миновали глухие закоулки леса и видели просветы, где маячил его редющий край. Стена леса, служившая спецназовцам долгое время спасением, заканчивалась. На открытом месте вечер отступал, но они продолжали идти вперед.

Заявление Валерия Самородова резервам, патрулям, блокпостам, кардонам, оперативным группам и соединениям регулярного базирования вещалось через спутник, рассылая сигнал по закрытому каналу связи.

Стауэр Шефилд подстроил регулятор вслушиваясь в заключительную часть выступления пехот-командера:

"... Мы, и так и эдак, заслоны многорядные выстраиваем и позади подпираем. По их следу катимся, дыханием потные затылки мажем, а они словно завтрашний день знают и ходом идут ничего в себе не теряя. — Голос Самородова был нервным и резким, но речь, несмотря на всю ее пафосную атрибутику, соответствовала реально сложившейся обстановке.-... дорогу из под ног половиком выдергиваем, а остановить не умеем. — Последние слова Самородова напоминали заклинание. — Они умные и опасные. Они не знают другой религии кроме победы, поэтому такие везучие, черт возьми. Поймайте, добудьте мне их!"

И как ответ неведомых сил в какомнибудь километре от Стауэра прогремела

автоматная очередь.

Несколько разосланных в разные стороны поисковиков устанавливали возможное место ночевки вражеских диверсантов. Стауэр Шефильд обладал цепким, хорошим, тонким глазом. С крепкой готовой на взрыв пластикой, он подхватил прислоненный к дереву автомат и внимательно проследил за стаей испуганно галдящих взметнувшихся в небо птиц. Отключив новенький приемо-передатчик и спрятав его в твердый чехол он внимательно вслушивался, ожидая, не повторятся ли выстрелы. Определив направление, поисковик почуял поживу, ощущая присутствие врага равного и правильно опасного. Стауэр пошагал и быстро перешел на бег, стремительно ускоряясь, точно сорвавшаяся с поводка свирепая гончая.

Среди травы едва виднелась железнодорожная стрелка и прикопанные ребра шпал. Квелье космодесантники растегнули ремни истязающие тела как вериги. Ранцы грузно шлепнулись. Иллари не без труда разогнул онемевшую спину:

— Подскажите-ка, я, право, в затруднении: что еще делает нас такими жалкими и беспомощными кроме нашей работы?

Рон и Парс отмолчались. Надрывно-тоскливое цвирканье сверчка ответило за них.

Брацкая общность боевых товарищей решила что время для трудных бесед неподходящее.

Они завершили внешний осмотр который собирались произвести еще на ручье. Иллари оказался самым невредимым из троих. Ранки от речных пиявок на ноге Парса затянулись. Но от полученной контузии на лице было множество синих кровоподтеков-следы отлетевших при взрыве мелких камушков. Черная корка крови на мочках и скулах отмылась, но запеклась в ушных раковинах.

Кроме незначительных ссадин Рон был ранен в левую руку. Пуля зацепила по касательной, надорвав верхние ткани мышц.

— Плохая рана. Много крови потерял, — сетовал, цокая языком Иллари, отбрасывая разбухшую от крови временную повязку. Рон вытянул ноги, раскрепощая забитые мышцы, и чуть прикрыл глаза. Держа за жесткую лапку, Иллари опустил букашку прямо в кровавое пятно. Приток теплой крови заставлял механоида включиться в работу. Если его обманывали и опускали в обычную теплую воду он исправно оживал, но вскоре, проведя анализ, обижался. Перекидывался на спину и притворялсядохлым. Жук штопальщик повел усиками, будто окинул взглядом всю рану. И выпрыскивая ввел из кольчатых лапок под кожу Рону смесь антисептического и аналгетического действия. Жук бойко перебирал подогнутыми лапками, измазав перламутровое брюшко растекающейся человеческой кровью. Он цыркнул нитью, пропуская-простреливая первый стежок. Края раны стягивались. Мандигулы МБ (Механоида Букашки) совершали мелкие ловкие движения, оставляя аккуратный ряд стежков. Боль уходила в необъятную даль. По телу судорогой растекалось расслабляющее удовольствие.

Иллари и Парс присели пониже и порывшись в аптечных спец пакетах вкололи себе мышечный релаксант. Вскоре приятная истома от действия обезболивающих препаратов бальзамом разлилась по всему телу.

Смыкание крохотных штопающих клыков на руке Рона с невероятной быстротой и проворностью клало стежок за стежком.

Исцарапанные ладони Иллари прятал, как бы стыдясь своих ран, но Парс оказался

настойчив и упрям. Когда Иллари надоело протестовать и он напрямую спросил какого ражна Парс к нему привязался, тот с усилием, но довольно трогательно ему ответил:

— С-сэ-стар-р-рый с-стал, в-вэ-сех л-л-люблю.

Они напылили на его ладони из обеззараживающего баллончика дышащий слой искусственной кожи. Это их примерило и окончательно расслабило.

Чтобы не отупеть окончательно Парс решил обследовать ничем не примечательную ветку заброшенного тупика, где они решили остановиться на ночлег. Шеренга бетонных фонарных столбов почетным караулом провожала его вдоль насыпи за которой находился кирпичный пакгауз. Козырек разоренного склада, заплатанный ржавым железом, отсекал шафрановый свет заката. Парализованная ржавчиной дверь едва приоткрылась. Парс заглянул внутрь. Сквозь выбитое окно падал луч света, освещая черные, пропитанные в креозоте бревна и спекшиеся рулоны рубероида. Ржавелые усища рельс упирались в тупиковую насыпь. Сквозь платформу неподвижной дрезины проросла трава, окутанная мелко суетливым дребезгом фракеновских цикад. Все ржавело и разрушалось. Сожженная перекисью времени и забытья обветшавшая табличка "Не стой на путях." в тупике смотрелась как-то особенно бесполезно. Дальше шел бурьянный пустырь и начиналась кромка леса. В другой стороне, возле куста прищепленного линейкой перрона, лежал Рон и так же рядом облегченно, стараясь его не задеть, плюхнулся Иллари.

Букашка белошвейка заканчивала штопку обнаженных тканей.

Иллари барахтался в море противоречивых побуждений и буквально валился с ног от попыток сделать вид что ничего не произошло. Не сильно подлизываясь, но и не без этого, он завел шутейный разговор:

— Ты за МБ поглядывай. А то он, грешным делом, вскроет твой шрам от аппендицита.

Рон морщился но молчал, стараясь меньше шевелиться, чтобы не мешать жуку механоиду бинтовать рану, точно паучку спящую муху.

— Это еще ничего, — с поддевкой и досадой что ему не ответили, продолжал хохмить Иллари:- Говорят, на случай радикальной смены планируемой легенды агента, в жуке встроена программа по перемене пола пациента. Сейчас дрогнет, ошибется и вколет тебе предельную дозу анестезии. И когда ты очухаешься, — Иллари продемонстрировал конкретный отсекающий жест, — кружевное белье будет плотно и притягательно гладко облегать твой венерин бугорок. — Он засмеялся, приглашая Рона порадоваться шутке.

Рон через плечо посмотрел на Иллари и вежливо единожды улыбнулся ему, отравляя своим торжествующим присутствием не собираемое в оценку событие. Он сполоснул из фляжки дрыгающегося механоида и положил в круглую коробочку, между двумя кружочками пуховок, похожих на те, что из пудрениц. Плотно закрыл крышку и потряхивая коробкой перед своим ухом изрек:

— Никогда не сомневайся в порядочности человека к которому ты привык безбоязненно поворачиваться спиной. Обижая судьбу-можно оскандалиться самому, — Рон неожиданно легко поднялся, как порхнувшая с цветка бабочка, ощущая как его оцарапал сухарик взгляда Иллари и стал натягивать куртку.

Ветер ерошил траву и стояла звонкая тишь, как последнее эхо вагонных сцепок.

Вероятно Рон обладал силой убеждения и не оправдывал слабости, потому что сам был, по своему, слаб.

Низкое солнце простреливало рельсы, кое где сохранившие горячий мельхиоровый блеск.

Иллари повернул носилки с телом Крейга к себе лицом, просто чтобы убить нехорошую, недобрую паузу. Крейг лежал тихий просвечивая сквозь термо пляризованную ткань. Натянутый мертвой сосредоточенностью. Пугающая белизна, не живая, выпирающая окостенелось скул, носа, подбородка. Невосприимчивый к любви или страсти, ненависти или страху, благонадежности или смирению. Владелец тайны подвергает себя серьезной опасности. Убив себя он обезопасил этим и тайну, умершую вместе с ним. Он не опасался и не волновался по этому поводу, потому что не чувствовал и ничего не мог подсказать своим товарищам. Он был возмутительно спокоен.

Зловеще прост.

В коктейле взгляда Иллари бродил градус затравленности, замешанный на возмущенном бессилии от потери компетентности.

— Кто у нас командир, Рон?

— Ты, — будто не чувствуя в вопросе подвоха, ответил Рон.

— Нет он, — Иллари указал на тело Крейга. — Ибо только он исполнил свой долг и знал больше чем успел нам сказать. — Его странная манера разговаривать могла завершиться чем угодно.

Рон подобрался.

Иллари наклонил голову на бок и прищурившись, играя лукавого простачка, произнес:

— Или командир ты. Потому как говоришь меньше чем наешь, прибавляя нам забот. И если бы я не чувствовал за тобой этот грешок, то вырубил и разоружил бы без размышлений. Потому что командир, все таки, я! — на повышенном тоне закончил Иллари.

В лесу жалобно и тягуче прокричал ночной хищник.

— Послушай, командир, — Рон умышленно уклонился от разговора с пристрастием, кривясь и проверяя через одежду рукой свежезаштопанную рану. — Был за мной, помнится, один грех. Крутил я любовь с улыбочивой блондинкой, которая могла доводить до белого коленья, если бы не придерживала свой характер. А ее папаша, тут винить его не за что, вознамерился внести в наш с ней альянс определенность, к которому устремлена всякая женщина, именуемый браком. Только способ к которому он прибегнул оказался чересчур жлобским. Поскольку был он начальником штаба в той воинской части, в которой имел честь служить и я, то он без труда ловил меня на самовольных отлучках за ее пределы. Ему ли было не знать куда следовало послать патруль, чтобы сцапать меня возле дома его же дочери. Регулярность с какой я попадался на гауптвахту, видимо, по его представлению, должна была сподвигнуть меня на скорейшее предложение руки и сердца его заждавшейся дочурке. Ведь женатый офицер имел право жить с семьей вне казармы в офицерском городке за пределами части. Но ее папаша никак не мог понять, что если меня и интересовала связь с его прелестной дочерью, то только не родственная. Когда начальник штаба понял мою позицию, он холодно, со стальной крошкой во взгляде вымолвил: "Любишь, щеня, кататься, полюбишь и самочку возить." И отправил меня для перевоспитания на полигон, где я с такими же проштрафившимися, согнанными из разных частей, участвовал в экзаменовке оперативных провидцев. Вывезли нас в чистое поле. Строить не стали. Ну экзамен и экзамен. А вокруг тихо так и лишь колючки перекасти-поле ветер мчит по изрытой воронками земле. Стоим ждем, смотрим куда нелегкая занесла. Кто-то нервно перекуривает. Тут привозят паренька без знаков различия. Из машины высадили, дверь захлопнули и дунула вся техника с такой скоростью, что нам совсем плохо сделалось. Паренек "петушка" под ремнем поправил и давай нами командовать: "Ты сюда, ты туда

встань. Вы трое вообще подальше отойдите." А народ то всякий собрался. Начали его посылать. Он к самому здоровенному подходит и спокойно так, без нервов, говорит ему: "Через сорок секунд начнется артиллерийский обстрел, кто хочет жить, перестает вякать и начинает слушать каждое мое слово и выполнять мои приказы абсолютно точно." Все с опасным замиранием невольно засекали время по своим часам. И что бы вы думали, ровнехонько без четверти слышим протяжный в воздухе свист. Да как даст взрыв один, второй, третий, четвертый, десятый. Бежать некуда. Рвется вокруг. На землю попадали и лежим. Вроде стихло. А он отряхивается и разъясняет: "Не будем двигаться к нам пристреляются и накроют. — И начинает по шагам считать: Ты девятнадцать шагов прямо, вы пятеро до той воронки справа, ты восемь шагов, ты шесть."- И дальше меняет направление, кого ближе ставит, а кого поодаль. Словно в шахматы нами играет, решая многофигурную задачу с мастерством гроссмейстера. Тут новый залп. Мы опять попадали, но с ним уже никто не спорил. Кое где только ползком, где-то бегом. Дважды назад возвращались чтобы снова вперед пойти. Вся форма в просечках от осколков. Кому поясной ремень перебило, а на теле ни единой царапины. Так мы с оперативным провидцем на другой конец под арт обстрелом и перебрались. А под ногами еще в добавок и минное поле оказалось. Ну это мы уже только потом узнали. Так он за всех нас, с ним идущих, умудрялся учитывать разнос осколков от разорвавшихся снарядов и их поражающую способность. Плюс детонация мин со всеми вылетающими последствиями. Вот так! Поймет-кто не дурак. — Рон взметнул светлые брови, одолжил в памяти нечто, о чем забыл упомянуть:- Так сдают экзамены оперативные провидцы на профессиональную пригодность. По этой причине я оперативными провидцами не разбрасываюсь. Даже мертвыми. — Подчеркнул Рон. — До последней точки доберусь, которая Крейгом указана, а там посмотрим, — убежденно подытожил свой рассказ Рон.

Стволы деревьев по краю отливали медной корочкой света. Духовой оркестр зелено головых музыкантов ждал своей партии. Рон всей кожей ощущал поднятый ими ветер раздутой, емкой тишины.

Рон сунул руку во внутренний карман, опережая квинтэссенцию надвигающегося мрака. Он что-то достал и вновь стал подтянуто прямой и подчеркнuto бесстрастный:

— Крейг указал нам центр событий, ключевое место куда мы должны добраться не позднее пятнадцатого радовника. — Рон продемонстрировал зажатый в руке глянецевый листок, оказавшийся небольшим настенным календарем. Он поднял календарь над заслоняющим низкое солнце кустом, будто угроза света могла заставить бумагу выдать свой секрет. — Я сорвал его со стены в ракетном центре управления. Посмотрите, календарь военного образца и отпечатан сразу на двух языках, второй из которых-язык стороны с которой ведется война. Оккупационный вариант.

Иллари поднялся на ноги и взял календарь в свои руки. Парс отложил изучение тупика и тоже подошел вплотную.

Фракенский год был разбит по старинке на двенадцать месяцев и в названии каждого, как сказал Рон, язык фраков дублировался языком перевоземлян. Вот список:

Ледомир — Январь.

Ветрохорь — Февраль.

Послабень — март.

Тальник — апрель.

Радовник — май.

Холомник — июнь.

Жарыч — июль.

Копнамет — Август.

Опадальник — Сентябрь.

Мывень — Октябрь.

Стыларь — Ноябрь.

Кованок — Декабрь.

Крохотные даты прошедших дней по микро перфорированной линии просечке легко отрывались. Календарь был оборван почти до половины. Последней "не ощипанной" датой

стал день сегодняшней-двенадцатое радовника. У них в запасе еще оставалось три полноценных дня. Но пятнадцатое радовника было обведено двумя толстыми контурами. В ярко-красную жирную окантовку была вчерчена траурная черная рамка. Дата обведенная одновременно красной и черной каймой. Во всем календаре Фраков второй такой странной даты не было.

Загадки подстегивают самолюбие.

Парс ушел и вскоре притащил еще горячий, чуть измятый жестяной лист. Погрохатывая тот эмитировал раскаты грома, пока его торцом засовывали в щель между бетонными блоками перрона.

Сумерки надвигались так плотно и так низко, что казалось помнили запах прошлогодней травы.

Иллари постелил на землю плащ "крылатку". Рон вытряхнул на ладонь и бережно переложил в центр плаща хрустальную дробинку рекогносциратора. Парс лег и установил ствол хеклера на сошки. Он удобно пристроился и направил луч лазерного прицела на спектральную огранку хрусталика. Карта-развертышь лучезарно вспыхнула и повисла в воздухе, процарапав огненным резцом по голографическим изломам транспортные развязки дорог. Букровки названий проплывали по лицам космодесантников ползающим по раскинутому плащу, как мальчики вокруг игрушечного города составленного из ярких кубиков. Лист жести маскировал ломкое дрожание переплетающихся огненных жилок. Один глаз Иллари смотрел на Рона через букву "о", а другой через "и". Кружочек Норингрима соединялся с голубой ленточкой "Крикливой Грэтты". Отроги скалистых гор живописно устроились на пояснице. Спецназовцы отыскали на карте янтарную цепочку заброшенной железнодорожной ветки с зеленой пенкой леса вокруг. От нее до предместий Норингрима оставалось километров шестьдесят. Точка randevу коричневой родинкой горела на кончике носа Иллари, нацеливая на результат

— Тебе идут голубые усы и зеленая борода, — на подъеме, мирно пошутил Рон. Иллари взглянул на него, резко нахмурившись:

— Глубокие краски несут волевое начало. Цветная полифония очень опасна для мужчины который пытается перекраситься в чужой цвет.

Если оскорбившему бросают перчатку, то товарищу довольно намека.

Даже сухой лист, падая, зашуршал бы громче, чем встал Иллари, заняв господствующее над всеми положение. Он не позволял себе обижаться. Это было его принципиальной позицией. Слишком важной и близкой была их цель и слишком быстротечным предел естественных человеческих возможностей.

Удерживая на лице маску самоуверенности Иллари отдал приказ:

— Первым не спит Рон. Вторым заступаю на пост я и последним, соответственно, Парс.

Рон послушно поднялся и подхватив свернутый спальник и автомат направился в сторону виадука. Птицы в кронах вскрикивали все реже и Рон шел по рельсам почти не озираясь.

Парс встал с оружием и подойдя вплотную, мотнув головой в сторону Рона, спросил:

— Н-нэ-не-д-доверяешь?

— Знаю, — обрушился, иссохся Иллари, как бы измаравшись во лжи. — Он честен с нами в деталях, но не в идее в целом. Обретая удаленность он хотя бы будет меньше давить на меня. Рон виртуоз и знает чем меня взять, а мне нужно подавить человеческую симпатию к нему. — Иллари устал и хотел есть, но еще меньше он хотел умереть: - У меня нет внятных объяснений, но есть опыт выживания, и он мне не врет.

Парс вскинул хеклер и касаясь губами приклада проговорил:

— Тэ-то-тогда пэ-п-прик-кажи в-вэ-выс-с-стрелить ем-му вэ сэ-с-пину и д-дэ-дело сэ-с кэ- концом, — точка лазерного прицела бегала по куртке удаляющегося Рона.

Даже не глядя Иллари понял что его берут на понт.

— Смир-рно! — приказал командир.

Парсу пришлось вытянуться перед Иллари и поставить хеклер прикладом на землю.

— Во первых не выстрелить, а по тихому зарезать, — назедал Иллари. — Во вторых, остается такое понятие как принцип необходимого знания и дозированной информации, который, если ты не забыл, гласит, что каждый знает только то, что ему полагается знать. Избыточная информация понижает шансы выполнения конечной задачи. Все ясно?

— Тэ-т-так тэ-т-точно.

— Тогда вольно, — уже без запала скомандовал Иллари.

Парс посмотрел на часы, улегся на плащ "крылатку" и больше ничего не выяснял. Сон был ему дороже. Иллари глубоко вздохнул и лег рядом, подпихнув ему и себе под головы по спальному мешку.

Ночь обещала быть теплой.

Длинная тень обтерханного полноприводника проваливалась в рытвины в клубках вихрящейся пыли, волнисто металась по дорожным ухабам. Каждый увертливый выпад машины преодолевал уродливость дороги, весело урча тактами двигателя. Фары сверкали неистово и возбужденно.

Самородов, не прощая ни себе ни другим, следовал заведенным для всех порядком. Армейский полноприводник, опасаясь продемонстрировать себя работающим двигателем, притормозил в лесной просеке. Машина безропотно замерла и Ульрих заглушил мотор. Прятавшиеся звуки оживали в шорохе леса. Они перешли скромную развилку, спрятанную среди высоких деревьев. Пробирались пешком еще около километра сквозь непроходимые,

заросшие вьюнком заросли и раздвигая клинолистные побеги. Пока что-то серое, молниеносно невидимое не шевельнулось сбоку и подало сигнал поворачивать.

На узком косогорчике зеленого мысика без шороха и шума, как овощи на не полотой грядке, лежали бойцовые чистильщики. Розыскники с мертвой хваткой, упорно ждущие приказа.

Настоящий следопыт убивает преследуемого ногами. Со всеми подобающими предосторожностями Стауэр Шефильд провел Самородова и Ульриха за выворотень дерева. Когда все трое легли в зеленый пушистый мох, обуятив позицию наблюдения. Из под ствола на стеклах появившегося бинокля прыгнули криволинейные отсветы. Окуляры двигались медленно, как ползущая по лицу муха.

Нагие, жесткие, немигающие глаза.

Самородов не торопился, он во всем любил конкретность и определенность. Все уголки были осмотрены накрепко. Безлесый пригорок, насыпь прижимающая растянутые плети рельс, пакгауз, светящийся прорехами склад, кромка леса и через воспаление заката нависающие фермы пешеходно-переходного моста.

— Только трое?

— Еще носилки...

— Я вижу.

— Такие используют горноспасатели и спецназ, — старался детализировать предмет разговора Шефильд, отклоняя попадающиеся перед окулярами шефа стебельки.

Самородов медлил. Кровельное железо, шеренга бетонных столбов со спутанными клубками проволоки.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

— Их форма сдохла?

— При таком износе зарядника трансляторы маскировки итак прослужили им слишком долго.

— Резидентура?

— Никаких попыток контакта с местными не замечено, да тут и нет никого, — увещевал "именинник".

Самородов надолго замолчал. Его червоточило беспокойство от той легкости с какой Стауэр Шефильд обнаружил место ночевки вражеской диверсионной группы.

— Третий, который залег на виадуке, представляет наибольшую опасность, — расставлял акценты Стауэр.

— База "Форавец"?

— Эскадр-командер Роззел дал добро на ночное десантирование.

— Держи на связи.

Самородов спрашивал, машинально сокращая фразы, целиком погрузившись в свои мысли: "Чтобы не попадаться нужно спешить совсем в другую сторону. Если взяться играть по чужим правилам, то и лучший может проиграть. Это была не война нервов, это была война импровизированных исходов."

В нем до сих пор не изжил себя тот неподатливый, противный упрямец подросток.

Самородов уточнял, задавая вопросы, и по всему выходило, что враги сильно устали и им уже на многое было плевать.

Пристальные линзы плавно прокатились от одного края леса до другого и вернулись к исходной точке. Пепельно-серые силуэты двух вражеских десантеров лежали за дрожащим

маревом жестяного листа. Лаконичная эмблематика военной формы. Цвет хаки, стиль милитари. Даже во сне их лица оставались упрямыми и недобрыми. Рядом приподнятые планирующие носилки к которым пристегнуто нечто завернутое.

"Все сходилось. Перед ним была реализация данных разведки."

Пехот-командер опустил бинокль. У него осталось такое чувство, будто ему нехорошим голосом пытались давать добрые советы.

"Жизнь иногда отступает на самом интересном месте и у каждого решения есть свои последствия."

— Надо менять позицию, — выказал беспокойство Ульрих. — Ненароком солнечный луч бликанет на линзах бинокля.

— Погодим, — возразил Самородов. — Они итак почти трупы.

Виадук одичал, на занесенной в щели и трещинки земле прижилась трава. Растения вились по бетонным цаплям опор. Срезанные подчистую перила украшали заборчиком чейнибудь скотный двор или загон. Рон снова был один, лежа на занятой позиции виадука, подстелив под себя спальный мешок. Обладая обзорностью он терпеливо ждал, прогоняя пупырышки озноба. То что он испытывал Рон мог окрестить недомоганием совести. Мерзость одиночки, которому так трудно разыгрывать непредсказуемость.

В дреме лесной обживались войлочно-шинельные сумерки. Мрак следил за ним настороженными глазами, не понимая что, так или иначе, все равно отбрасывает тень будущего на "нет" окончившееся настоящее. Рон знал прогноз на этот погожий вечер как и многое другое. И поэтому не удивился когда услышал, как без снижения, высоким небом, прогудел транспортный самолет.

Бездействие-тоже испытание, устремляющее тебя к заветной цели. Украдкой, словно таясь от себя самого, он придавался тягостному ожиданию, зная что состоявшегося избежать невозможно. Тишина как будто наливалась тяжестью. Покоящееся до того пространство вдруг обступило со всех сторон, обжимая толстым серым воздухом. Гнула на тебе мост, тобой прижимая его к земле.

Рон изнывал, кутаясь в туманное настроение одиночества. Не отторгаемая, тяготеющая над ним связь товарищества нарушала узы долга. Рон продолжал делать дело, понимая междометия овеществленных судеб и деспотизм довлеющих над ним обстоятельств. Но Иллари и Парс чуяли чудовищную хитрость за милую и этим ни чем не отличались от него, знающего весь расклад.

Внутри екнуло.

Что-то вроде клочков ожившего тумана или дыма передвинулось в коротком рывке на опушке почти совсем темного леса.

Рон застыл, не доводя до конца начатого было движения. Отмеряя своей ротозейской слепотой некий обратный отсчет времени.

Пестротканые тени, впитавшие цвет жухлого эвкалипта, словно злым ветром несло размазывая в быстром движении размытую резкость. Рон со смертельной тоской фиксировал их сноровистое приближение. Теперь они летели как пуля посланная откуда то из далека. С самого дальнего конца чащи. Не шальная, а меткая и прицельная, точно посланная вдогонку тем убитым в первый день снайпером, стремительно пронизав собой все дни пути и нагнав запоздалой мезью.

Военно транспортный самолет раздирал темную громаду неба. Накрениваясь и

соскальзывая под гул крыла парашютист оступился в высоту неба. Ветер свистел в ушах кувыркая выпавших прыгунов в хаотичном порядке. Падая с верхотуры небес обтянутый спандексом парашютист рванул кольцо и его привычно подкинуло. Место высадки было настолько адресным, что каждый снижался по оптимальной формуле опыта, центростремительно двигаясь по спирали.

Двое промахнулись даже не успев как следует воспользоваться прибором ночного видения, зайдя слишком высоко. Усеченные купола парашютов скользнули в сторону, промелькнув угасающей тенью. Воздух был холодным и мглистым. Ошалело таращась третий промахнулся уже над целью и его купол, зловеще взметнувшись, миновал крышу склада.

Пучеглазые очки ночного видения с инфракрасным тепловизором "кошачий глаз" различили разогретую за день бетонную полосу виадука. Только четвертый парашютист полноценно доработал стропами. Капроновые плоскости меняли угол сочленений чтобы облегчить посадку. Серую форму распирали мощные плечи. Парашютист маневрировал на высокой скорости. Он промчался как спущенная стрела и сшиб Рона прямо на рельсы, где того тут же страшным ударом лишили сознания.

Чувство опасности моментально проскользнуло внутрь, напрочь срывая сон. Иллари упруго вскочил. Сумрак в тот же миг вспучился. Волна тройного одеколона цивилизованно шибанула в лицо, на много раньше чем ему нанесли удар локтем на встречу.

"Это провал!"

Воздух превратился в сгущенку пахнущую свирепыми мужчинами. В голове поплыли расширяющиеся огненные круги, оформляя поступательное осознание краха, и наступило забытие.

Парс ошарашенно бросился без разбора, его веки хлопали как у попавшей на свет совы. Рывок и удар под локоть. Рука высохла мгновенно.

"Хана."

Пудовый кулак обрушился на его голову. Парс весь обмяк и померк лицом, уткнувшись в разбегающиеся звезды.

По дну профильного следа от ботинка путешествовало пуховое перышко, тяжелое от нескольких прилипших к нему песчинок. Иллари дыхнул носом и перышко обрадованно вертясь помчалось чуть быстрее.

К его лицу шагнул "бампер" тяжелого башмака. Его протектор походил на верхнюю половинку пасти каймана. Иллари грубо встряхнули за грудки и перевернули на спину.

Как тяжесть неодолимой беды рядом неуклюже свалили тело Рона.

Сердце стучало глухо и обреченно.

— Затихарились тут, думали не отыщем вас, — со злой осклабистой веселостью декламировал пехот-командер. — Сколько смертей ради нашей встречи, — со смесью фальшивой любезности и смертельной угрозы в голосе изрек Самородов.

Иллари попробовал приподняться. Каждое его движение провожали свирепые, зоркие взгляды.

— Вы, должно быть, в восторге от себя.

Иллари пихнули ботинком, заставив снова повалиться на спину. Громила с неконтролируемо выпученными глазами склонился над ним и с настойчивым призывом к повиновению произнес:

— Лежи спокойно, как велю тебе я, иначе твоя селезенка кровавой кашей шлепнется мимо постоянного места жительства. Я пока просто предупреждаю. — Выражение холодной жестокости не преобразовало его и без того полное властной свирепости лицо.

— Какая жалость, в вашем случае расходы налогоплательщиков не оправдались, — на лице Валерия Самородова лежало осознание личной славы. — Тепленькими вас прищучили, — он плотоядно улыбнулся. — Кружились, да не успели. — И через мгновенную светящуюся радость в глазах продолжил: — Дело пойдет быстрее если вопросы буду задавать я, а вы будете отвечать, не перебивая друг-друга. Инструкции, имена, явки, способы связи и цель заброски?

На физиономии Иллари проступила застенчивая улыбка:

— Экий вы прыткий живчик. Знание-ноша тяжелая, а нам было велено идти налегке.

Заметив слабое поощрение в глазах Самородова пучеглазый громила врезал Иллари кантом ботинка так мастерски, что хотелось и выть и плакать, и скулить и обеими руками судорожно прикрывать отбитое место.

Рыкающий бас жарко хрипел в самое ухо:

— Ты что о себе думаешь, тля гадливая, да я из твоей черепашки сувенирную пепельницу сейчас мастерить буду.

— Не надо, — остановил его Самородов. — Он больше глупостей говорить не будет, да? А будет лежать и слушать что скажут его товарищи, — пехот-командер желчно усмехнулся и посмотрел на остальных вражеских десантеров.

Поигрывая бицепсами рыжий Ульрих уверенно, почти восхищенно, ткнул пальцем, указывая Самородову на Парса:

— Вот он, знакомец мой. Лежит, помалкивает. Хвостом не виляет.

Кровь в ушах Парса не стучала а бухала, как артподготовка наступающего фронта, но он разобрал что обращаются к нему и с ответом не медлил:

— Рэ-раз-з-гов-в-вора нэ-не пол-л-лучится, нэ-не сэ- стоит и зэ-з-за-тэ-тевать. Й-йя н- нэ-не в-вэ-в-оодушев-вэ-вляем. — Он поймал краем глаза движение. Максимально жесткий удар в надкостницу под коленку заставил Парса скрутиться и поджать ноги к груди.

Обязательные к своему делу солдаты устрашающей, темно-серой окраски, обступили космодесантников еще плотнее.

Серый цвет-цвет контроля. А контролировать они умели.

Взгляд Самородова замер на Роне, он заметил окровавленный рукав и понял как тот слаб:

— Не вороти лицо!

Его придавили корпусом и за подбородок повернули к пехот-командеру. С иступленной ненавистью Самородов как шерстокрылый падальщик завис над Роном:

— Вы же расстрельный материал! Будете упорствовать с дачей показаний я вас могу без суда и следствия, как вражеских шпионов, на месте... В расход...! — Самородов психуя, несколько раз колчеруко срывая с застешки пальцы, расстегнул кобуру и неожиданно резко, выхватив пистолет запрыгнул на Рона верхом. И больно надавив, срывая рукояткой с ключицы кожу, осатанело заорал: — Обмылок ублюдочный! В не проходимости полной задницы оказался, так ума даже не хватает жизнь себе выторговать. Думаешь играть с тобой буду?! — Его лицо побелело от ярости и не пристойным в своей целеустремленности движением он ткнул Рона стволом в пах. — Чуешь? Мой палец дрожит от нетерпения. Уж очень ты в себе уверен, даже не обоссался. У меня нет радости к таким делам, но ты меня

вынудил! Быстро, задания и цели группы?!

Рон не выдавил из себя ни звука и не лопнул от своего упрямства.

Пистолет с отдачей выстрелил между ног Рона, надорвав сморщенные складки ткани.

Тяжело звонкая гильза ударила в рельсу, разняв звук на две не равные перспективы. Заложив дрожание в капилляры расстояний.

— Не обжог? — с участливым хлопотливым беспокойством в голосе поинтересовался Самородов, вставая: - Есть много чего такого в чем никогда не признаются люди и о чем не узнает окружающий мир. Ты веришь что я вторым выстрелом отстрелю тебе твои... черешины и одной тайной на свете станет больше? Только не молчи, — и Самородов угрожающе потряс пистолетом под одобрительный хохот своих бойцов.

Еле мятежно дыша Рон, не отводя глаз, занозисто ответил:

— На себе не показывай.

Угрюмые лица егерей "коммандос" местами перекосила ухмылка и получив сильнейший удар, точно кувалдой, Рон отправился в протрацию.

На них бросились согласованно и без суматохи. Стали бить, глуша тихую ярость.

"Бессилие нестерпимо..."

Самородов промакнул носовым платком капельки крови отлетевшие на лацкан его манжета и отступил на пару шагов, молча наблюдая за избиением:

"Экстренная потрашь и психологический прессинг не дали желаемого результата. Среди вражеских десантеров слабых по волевым качествам не оказалось. И так бывает."

Бить прекратили по его команде. Это называлось "пустить первую кровь."

"Пока таким не разлущуешь морды, они губ для толкового разговора не разожмут."

Бессознательных космодесантников тщательно обыскали и привели в чувство, вылив на них несколько фляжек с водой. Не давая им очухаться, хрипящих, измазанных в крови, заставили повернуться спинами, поставили на колени и, заведя руки за спину, заломили, сильно завернув на излом.

"Пароксизм спеленатого десантера-это знакомо."

Отстегнув с карабинов на поясе "концы веревок" их связали.

Трудно сохранять достойный вид на коленях с заломанными за спину руками. Малейшее их шевеление чутко стерегли конвоиры и подло били уступом кулака под ребро. В глазах тех кто держал автоматы на изготовку читалась серьезная решимость шлепнуть их на месте. Связанные, скомканные безволием космодесантники беспомощно кривились от боли и злобы.

Они оставались побега опасными, поэтому прежде чем тронуться к машинам каждый узел был трепетно ошупан.

— Встать и идти!

Погоня грозными окриками и тычками их повели через лес. Даже конвоиры не знали безопасной дороги, проламывая пленниками колючий кустарник. Настоявшаяся на звездах ночь скрyla и низкие побеги и выпирающие корни, и хлесткие плети ветвей. Но стоило диверсантам замешкаться, как они получали тычки от охраны, казавшейся в этом совершенно неутомимыми.

Пленники умели противостоят нажиму, но содрогались от боли.

Выход на дорогу показался обретенным праздником. Пара "Бингоргов" стояла прижимаясь бортами на желтоватом выкатанном проселке. Габаритные огоньки тусклыми двоеточиями метили опущенные веки брызговиков.

Не развязывая, в скрюченных позах космодесантников втащили через открытый борт и повалили на пол грузовика. Носилки с Крейгом и всю амуницию забросили в соседнюю машину.

Мотор работал ровно и с настроением, не гнушаясь подбрасывать зад на ухабистой дороге. Брезентовая крыша фургона дулась горбатыми волнами, а металл подрагивал впиваясь ребрами профилей.

Рон ощущал щекой холодные выбоины облупившейся краски. На нем бесцеремонно отдыхала нога одного из конвоиров. Рон разлепил заплывший глаз и присмотрелся к нарукавной эмблеме егерского полка. Карающая десница правопорядка жилистой рукой трепала шута в забавном красно бархатном рогатом колпаке. В голове Рона звенели шутовские бубенчики, как визг застрявшей в сырой древесине снайперской пули.

Армейские грузовики агрессивно входили в поворот продавливая неутомимым поршнем машины и ночь и дорогу, и даже пожарища звезд, разгорающихся далеким всепоглощающим светом.

В темном мешковато железном чреве трясущегося "Бингорга" пленных космодесантников ввезли в город.

Лучший тюремный блок был обустроен на военно воздушной базе "Форавец". От нее пришлось отказаться. Под опекой солдат эскадр-командера Роззела вражеские десантеры не дожили бы до официального следствия. Более серьезный повод для лютой ненависти чем гибель эскадрилии "Соколарисрв" трудно себе представить. Отвези Самородов пленных диверсантов к себе на гауптвахту "Дальтийца", его бы тут же следом обвинили в попытке выслужиться и пренебрежении заслугами остальных частей и соединений полноправно участвующих в захвате разыскиваемой группы. Но пехот-командер был искушен в закулисной перебранке военных ведомств и отключив связь приказал ехать в Норингрим. Под ястребиное крыло управляющего тайной службой Грау Альвеса Пешевана, к которому питал глубочайшее уважение.

Так, в зоне молчания, попирая колесами грузовиков священные плиты Норингрима, егеря "коммандос" и космодесантники достигли площади "Обретения". Лучшие казематы испокон веков строились в подвалах церковно храмовых комплексов. "Бингорги" остановились как раз в таком безрадостном месте. Кованная дверь меж кирпичными с изразцами стояками словно присела на корточки, притопленная в камни кладки, закрывая вход в подземелье. Дверь проскрипела и открылся ход, больше похожий на лаз. Диверсантам развязали затекшие руки, быстрыми рывками их выволокли из кузова и столкнули вниз, пересчитав ребрами крутые тесаные ступени. Кованая дверь тут же захлопнулась и всяческий свет окончательно погас.

Операция "Феникс" бесповоротно вступала в свою завершающую стадию.

ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

В небольшом разрыве оплетенной зеленью каменной стены светлело глубокое голубое небо. Словно улица медленно обсыхая поднималась со дна морского, разгребая вязкий тягучий сон земли. Эмили осторожно убрала волосы со лба и выскользнула из под руки

забытой Астрелом на косточке бедра. Звуки ее дыхания были такие крошечные, что казалось их можно собрать в горсть и промакнуть губы. С легкостью изящной стройности Эмили опустила ноги на пол, расточая молочный запах покрытого испариной тела. Тонкая. Нежная.

"Ангел снизошел касаясь тихо..."

Астрел поймал ее скользящее запястье.

— Пусти, — у нее была спокойная улыбка. На все времена.

— Куда ты?

Эмили мечтательно поиграла пальчиками и с озорством в глазах ответила:

— Додумывать список того, что можно класть в мой ротик, — на ее щеках обозначились ямочки.

— Он будет не слишком коротким?

Ее всепонимающие, до греховного, бесстыдного умиления личико не собиралось упускать такую возможность вновь зажечь мужа:

— В твоих силах его продолжить, фантазер.

Сбитые в кучу простыни казались непреодолимым заснеженным горным массивом за которым обрывался мир. Но Эмили перепрыгнула все эти преграды и была задушена жадным поцелуем, поменяв твердость на гибкость в самых фантастических местах. Они бы не рискнули повторить то что между ними было, потому что не помнили подробностей. Свихнувшись в сладострастных судорогах жажды обладания друг другом.

Это судьба. А судьба-это много. Чуть больше, чем мы ждем от жизни в целом.

Спустя час Астрел приподнялся и вновь упал в пролежень подушки. Ему не хотелось выбираться из постели.

Категорически.

Вся тягучая и фактурная Эмили прошла мимо направляясь в ванную комнату. Дека ее спины волнительно изгибалась. Взгляд застыл на ней как миндальный орешек в шоколаде.

Лихорадочная нежность.

"Заслужить женщину и быть с ней — не одно и то же."

Эмили немного штормило. Расставляя ноги и растопыривая для равновесия пальцы, она продолжала дразнить своей беспомощностью и не подводящей ни одну женщину наготой.

В желтом мареве душевой ударила шипящая струя воды и жена запела, перевирая мелодию и слова.

"Высокие своды черепной коробки так вопиюще акустически раскалены..."

Спустя какое-то время на лицо Астрела лег свет. Погрел веки и принялся поддевать, словно намеревался выщипать ресницы. По одной. Выжигая слезу и разгоняя душный, муторный сон. Круги во тьме сомкнутых век. Кружащие кляксы глубинных терзаний. Чувство вины за свою самонадеянность. Теперь, когда сын умер, заперев себя в этом одиночестве, Астрел не мог признаться, даже самой близкой, в своем поражении, восполняя в ночных утехах свою вину. Он всякий раз утверждал что выведет сына из комнаты на его собственных ногах, всякий раз унося в эту запертую комнату очень личный знобящий страх.

Нет Бога, который бы спас тебя от ада недовольства собой.

За годы супружества Астрел лишь утвердился в глубокой, богатой натуре Эмили. Чтобы он не делал и куда бы он не шел в этом доме, везде видел приложение рук своей жены. Практично уютную уединенность. Ламбрекен с защипами и каймой цветочно-растительного орнамента обрамлял большое окно, образуя внутри домового пространства некое приятное глазу созвучие и рифму цветов. Красивые краски и смотрятся легко. Кремовую штукатурку

стен по низу акцентировал мягкий беж. Мелкие пестролистые соцветия, парящие и опадающие, придавали своим полетом по стенам спальни некую неоднозначность. Узорчатая кайма атласных занавесок продолжала цветочную тему комнаты. Шоколадный лед ваз разбавляла глизаль вкрапленных оттенков, делая помещение еще более изысканным и выразительным.

Легкая неподвижность убранства комнат сконструированных ее мыслями и руками подчиняла и его самого.

Астрел натянул мятые штаны, встал и еще плотнее запахнулся в ночную пижаму сложного, даже где-то гротескного рисунка.

Подпустив к себе женщину хочется ее удержать и как только она это ощутит, ты перестанешь что либо понимать вообще. Тебе будет не скучно и не весело. Тебе станет вопросительно тревожно.

Подхватив тапочки Астрел вышел на площадку лестничного холла с витражом. И здесь царил все та же атмосфера покоя и достоинства.

"Помилосердствуй, Господи, в праведном гневе своем. Лучше уж она разразится упреками, чем он все в себе носить будет."

Астрел перешёл через холл и заглянул в малую трапезную. В нишах всех четырех окон стояли свежие цветы, организуя деликатный праздник. Их листья, как бледная зелень с молоком и мелкие розовые соцветия, напоминали морковный сок со сливками.

Эмили стояла возле белого столика с чугунными косолапыми ножками и смотрела в окно. Потрясающая статика которую гибко охватывал активный теплый поток льющегося из окна света.

Женщине в красоте приходится отстаивать все. Ее волосы были собраны высоко на затылке, открывая изящный изгиб прекрасной шеи. На ней была майка-топ и облегающие бежевые слаксы. Белые округлые руки с проступающим узором вен возле тонкого запястья спокойно касались кончиками пальцев столешницы. Беззастенчивая изящность целеустремленно осознающая расцветшую в ней красоту.

Его сердце переполнялось тихим блаженством.

"В ней жил ангел. Если где-то и есть отдушина его сердца, то только здесь."

Эмили согнулась и принялась протирать мягкой губкой скопившуюся пыль. Ее движения были неспешными, но необыкновенно точными и изящными.

Завитки волос трепетали.

Но постепенно ночная память брала в нем верх, наполняя его мысли подтекстом опасений. Проникновенно, с сердечной мукой Астрел подкрался к ней сзади.

Любовь-это прикосновения. Приобретение через чувственность.

Нежным собственническим жестом мужчины Астрел раскрытыми ладонями обхватил ее бедра. Эмили поймала на своеволии его руки.

Мягко.

— Ты нежен со мной до назойливости, как любовник. Кто ты? Нет, не говори! Я ощущаю тухлый запах твоих грязных мыслей, мистер липкие лапы, — она не пыталась разорвать его крепкие объятия и гибко повернулась к Астрелу лицом.

— Когда ты смотришь на меня так осуждающе, прекрасная тюрьма моего сердца, из рая изгоняют невинную душу.

Женщина, которая предпочитает не обижаться, проживает не полноценную жизнь. Эмили была полна, но ее прикосновения оставались сладостными, а взгляд искренним и

горячим:

— Ты просто призыв к насилию над женщиной и совершенно меня не заслуживаешь. И не затыкай мне рот поцелуем!

— Это с какой же стати такие строгости?!

— Мужчина должен добиваться поцелуя, а не получать его за даром.

— Хочешь я расскажу тебе о мистере липкий взгляд и заслужу поцелуй?

— Не рискуй, — поддразнивала она его по привычке.

— В тот вечер, видимо пользуясь привилегией стародавнего друга семьи, стоило тебе посмотреть в другую сторону, Валерка Самородов штурмовал вершины твоих груди и ягод. Не удивлена?

— Ты все это придумываешь, безобразник, чтобы я поверила будто бы ты меня ревнуешь, — Эмили ликовала.

— Он по прежнему по уши влюблен в тебя, — дрогнувшим голосом, как бы вскользь, смущенно выпалил Астрел.

Ее глаза были мгновением вечной красоты прожитым в счастье и прекрасным в неизловимой быстроте своей. Соблюдая внутреннюю, свойственную женщине дисциплину выгод Эмили, на всякий случай, призналась:

— Я женщина честная, в этом по крайней мере.

Она не произвольно закрыла запястьем вырез на груди. Астрел узнал этот жест, не вольно загоняясь и холодея от долгого воздержания искренностью. Что-то подобное он видел в ту ночь, несколько лет назад, когда застал Хаваду, уже тогда служившую в доме экономкой, в комнате прикованного к постели Карэла. Хавада вот так же стояла, разрубленная гильотиной падающего из коридора света. Ее глаза беспокойно бегали, одна рука прятала за спиной подушку с какой-то странной настойчивостью. А свободную руку Хавада совсем похоже клала себе на колышущуюся грудь.

"Родные сестры..."

Всякая женщина с причудами, но Хавада была не просто нервозна, ее лицо являло ужас высочайшей пробы.

Те, кто сильнее многих, бывают порой непростительно слабы. Астрел не стал выяснять была ли Эмили вовлечена в эту попытку... придушить Карэла во сне подушкой. Ведь в ту пору она еще не была беременна Сати, а он, после случившегося с Карэлом, просто не хотел иметь детей. Астрел забрал ключи от комнаты сына у обеих женщин и с тех пор стал ухаживать за ним сам (как было рассказано выше).

Мужчинам от природы даны силы на действия, женщинам остаются интриги. Расчет как привычка коварства. Все же в их мире возвратность жизни никто не отменял, и смерть была понятием не окончательным. Да и Эмили вскоре забеременела и закружилось все, выталкивая жизнь на новый виток.

Заговор двух людей против всего остального мира, может быть это и есть любовь?

Рядом стояла женщина которая его совершенно точно ощущала, потому что их судьбы были приколоты к друг другу за сердца. Эмили почувствовала взвинченность чувств мужа и требовательно попросила:

— Дай мне ключ.

Три слова.

Миг он колебался. С каждой секундой его молчания точно все ниже опускался потолок, уплотняя в комнате не только воздух, но и сгущающийся страх. Панический тошнотворный

ужас на мгновение лишил дара речи, парализовав. Эмили заглянула Астрелу в глаза и вдруг испуганно зажала ему ладонью рот. Астрелу стоило видимого труда не отшатнуться.

Весь смысл его молчания был налицо.

Ее яркие большие глаза в гневном отчаянии вмиг застыли на побелевшем лице в неопишущем, ни на что не похожем горе. Отраженный от него страх из бледного подобия вдруг стал в ней явью. Лодочки миндалевидных глаз полузатопленными слезинками застыли ледоколами как холодеющая трясина.

Эмили вложила в удар все, на что имеет право мать. Если бы она могла убить его этой пощечиной — она бы убила. Эмили бы разорвало в сумасшествие если бы она не сформировала этот удар. И она совершенно бесполо расплакалась, и проваливаясь в мягкий обморок не помнила подставленных, поймавших рук его.

Они оставались семьей и были внутри одной беды. Теперь надо было думать как с этим жить.

Воздух в отбояканном небе за окном гудел точно потревоженное гнездо ос. Расшитое палетками и бантиками пальто Сати взлетало меж кустами и уносились прочь мелькающие лодыжки фисташковых гетр Юджина. Они салили друг друга со всей непримиримой шкодной жестокостью и чистосердечной детской отходчивостью. А следом причитая бегала рассерженная Хавада.

Их собственный силуэт на фоне освещенного окна дрожал.

Действие тонусных инъекций и анальгетиков прекратилось у космодезантиков к пяти утра. В самое не защищенное для сознания всякого человека время. Час невыразительных теней и одиночества, не разгоняющий а подытоживающий темноту.

Боль наступала лопнувшей на дереве почкой, неся разочарование в этот мир.

Маята дрейфовала из эфемерной становясь навязчивой. Боль дожидалась, готовая в любую секунду овладеть всем телом Парса. Воздух казался затхлым. Журчащие, перекликающиеся струи воды самотеком настойчиво проникали в сознание. Парс стряхнул гнилую солому и сел на прокрустово ложе вросшей в землю каменной скамьи.

Меблировка подвала состояла из четырех каменных скамеек (по числу стен). Трамплина ступенек перед закрытой дверью, крохотного окна и двух труб разного диаметра. В трубе расположенной чуть выше журчала проточная вода и овальный вырез заменял умывальник. На нижней трубе стояла открывающаяся задвижка под которой текли миазмы испражнений, что ароматом наводило на мысль о связи этой трубы с общегородской канализацией.

Солнечные блики едва протискивались в холодную серость подземной темницы. Мехами растянутой гармонии топорщилась уходящая в верх лестница. Ее ступени были настолько крутыми, что казались почти вертикальными. Светлокудрый день выбирался на поверхность, стряхивая с себя пепел догорающих звезд. Плавно изгибающийся потолок украшала лепнина. От всего этого веяло стародавностью. Многоярусное, причудливое макраме паутины как силос сторожило эту красоту. Часть штукатурки обвалилась и висела в многослойной паутине, как личинки в коконах огромных насекомых. Узкое окно под потолком было забрано крепкой решеткой: кованый ангел с неподвижно распростертыми крыльями. Взъерошенные стальные перья процеживали островок солнечного света греющий сыро каменные стены темницы.

Тишина наматывалась и натягивалась как болевая бельевая веревка. Чуть подобрав побелевшие пальцы Парс проверил рукой степень грубости шероховатого камня. Боль, в

начале задевавшая только краешком, вдруг накинута и засты свет наполнила рот кисловатой смрадностью подземного мира. Как-то сразу занялся пульсирующий пожар во всю глубину тела. Сжатые для немоты губы пытались загнать боль внутрь лопнувшего панциря, агонизируя удары сердца. Боль становилась просто невыносимой, как будто сквозь плоть внутри пробивался ополоумевший проглоченный рогаточник. Боль пронзила грудную клетку и прорвалась в мозг вбирая его. В глазах рубиновой голубиной кровью роилась огненная метель, выгнивая в человеке потихоньку волю к жизни и наполняя камеру мертвящей безысходностью.

Сдаваться было не в правилах Парса.

Если шлепнетесь на дно

Вы к нему прилипнете

И сперва намокните

А потом привыкните

Крошечное ровное пятнышко на краю обжигающего света. Самый тихий переулочек его мыслей выходил к пустырю, края которого пылали. Мягкий бриз развевающихся ленточек заткал даль, укрощая болевое безумие плоти. Рассасывая его. Пальцы крепили, осязая непостоянство отломов и различную степень обработки граней природного камня.

Парс все глубже и глубже уходил в медитацию, координируя мысли и движения. Он переманивал каждое свежее ощущение как распевку начавших перекличку птиц. Микробизация таких подвижек делала заметным любое движение в сторону обуздания боли.

В релакс уступообразного состояния.

Парс уподоблялся подмастерью скорняка корпящему над прорехой и загонял боль в раскаленную бляшку. Под каменный гнет нервоточащей заплаты. Подчиняя тело рассудку занемевшая боль в начале ушла из живота. И распростертая по ребрам и голове тяжело поднялась и взлетела сокращаясь в удаляющуюся точку.

Боль еще что-то искала. Копошилась во внутренностях, но трусливо и без прежнего размаха.

К ним явились на рассвете. Глухо отозвалось лязгом подглядное оконце на верху

лестницы. Узники подняли изможденные лица. В такое время воспитанные люди визитов не наносят. Но что взять с хама наделенного властью на расправу. Отодвигающийся засов содрал утреннюю тишину. Дверь была сработана крепко и прикипела под весом, поэтому проскрежетала так, словно оркестровая яма пережевала все имеющиеся в ней струнные и духовые инструменты и затем беспардонно отрыгнула этот звук. Влажные, казенные сумерки подземелья шарахнулись прочь. Сухое эхо удара и вслед брызнул свет, прорывая тонкую пелену дремотного сна. На пороге возник солдат, чином не ниже пехот-капера. Из за его спины злой затянувшейся вспышкой в небе выглядывало маленькое солнце Фракены. Под этим натиском света форма охранника казалась линиялой, как целая хлебная корка. Его черты были настолько грубыми, что глаза и рот напоминали скорей пролазы в нагромождении бугристых дюн. Или нашлапанную мастерком скульптора не разглаженную глину на болванке будущей головы. Пехот-капер накрутил на кулак ремень командирской сумки и громогласно спросил:

— Вопросы, пожелания, недовольства режимом содержания? — и залиvisto заржал. Снизу тянуло промозглой сыростью.

Отвеселившись и пробуя голос он произнес с интонацией повышенной вменяемости:

— Отныне без моих указаний никуда. Каждый самовольный жест расценивается как попытка неподчинения. Мигнули мимо-считайте глаза лишлись. Запоминайте, теперь я для вас курирую все и вся.

Посасывая распухшую губу Иллари ернически заметил:

— Не выношу когда мне вот так прозаично давят на психику. А курировать и кукарекать — две большие разницы.

После того как овладел языком и манерой речи противника — научись на нем молчать.

Пехот-капер отступил, емко почесываясь, и коротко кивнул. В зияющий дверной проем вбежали дуболомы и тяжело прошлепали по ступеням вниз.

— Как те нетопыри на кровушку нашу слетелись, — успел отступая проговорить Рон прежде чем получил первый удар.

В камере сразу же сделалось тесно. Кулачищи дуболомов заработали как свайные установки, рассылая депеши покорности по всему телу космодесантников. Били так, что казалось плоть вот — вот отслоится, отвалится от костей. Узники скорчились минимизируя ущерб, свернулись калачиком, стараясь принимать удары на руки и плечи. Прячась от побоев под каменные скамьи и вжимаясь в идущую от пола сырость скользких камней подземелья. После завершения блиц-побоев дуболомы, без толики излишних эмоций, убрались восвояси под неусыпной опекой двух автоматчиков оставшихся стоять на верхних ступенях темницы.

Подчеркнуто неторопливо, избегая суеты пехот-капер вновь предстал на пороге, презрительно глядя и не скрывая изуверской ухмылки:

— Ну что, присмирели, строптивцы, теперь слушайте сюда. Приказываю всем разоблачиться до нога и сложить вещи перед дверью. Надеюсь, подгонять кулаками вашу нерасторопность мне больше не придется. — Повелевающим жестом он забрал автоматчиков и закрыл за собой дверь.

Сотоварищи разулись и скинув одежду сложили заскорузлое от грязи и крови обмундирование на верхнюю ступеньку, как выложили мзду стражникам и тут же отдернулись обратно, словно бы их отнесло сквозняком. Каждое движение отдавалось в мозгу звенящей болью. Новый приступ страданий жег уголки глаз и заволакивал зрение. Космодесантники уперлись в дальнюю стену спинами и голыми задницами. Они застыли

тяжело дыша и глядя в темноту.

Дверь болезненно, со знанием каждой натертости, застонала, как выпало из рамы черное занавешенное окно.

Не смазанные петли доставляли некоторое удовольствие от несовершенства врага.

Стволы автоматов прислонились к косякам выцеливая узников. Между бойцами промелькнули две женские фигуры в строгих одеяниях. Парочка храмовых послушниц собрала одежду и поделила по три ботинка на каждую. Мельком стрельнули глазами в сторону голых мужчин и отчаянно крестясь убежали, пытаясь обогнать подола собственных юбок.

Едва распался рассвет. Парящий в окне ангел разрубал крылышками переливчатую радугу света. Паутина и пыль заблестели и замерцали, развращая красками мрачную убогость темницы.

Как громадная змея, через вентиляционную отдушину, в берложье гнездо узилища, шурша вползал раструб.

— Огонь и вода были, вот вам и трубы, хрен сотрешь, — скалился Иллари пряча ладонями срам.

Из брандспойта хлынула шипящая жидкая размазня. Пена хлестала в узилище и росла как на дрожжах. Пузыри разбухали их кривизна множилась, создавая футуристическую атаку лупастого насекомоглазого существа. Чтобы не утопнуть космодесантники пытались плыть вглядываясь в грубый серый потолок. Взгляд застил прилив новой боли. Кожу как-то странно пощипывало тысячами крохотных прищепок. Это напоминало жжение на выбритых скулах после того как их опрыскали туалетной водой.

Рон перестал дергаться и протер глаза. Наполняющая камеру жидкость была настолько пенистой, что напоминала прозрачный пенопласт, не имеющий достаточной плотности чтобы держать на плаву тело. Радужки пузырей раздувались и лопались, темница набухала тучными пенными извержениями. Ячеистая пластичность пены не мешала дышать и узники позволили себе расслабиться.

Насильно осчастливить человека невозможно- только если помыть. Процедура совмещала в себе прожарку, дезинфекцию и баню в одном объеме.

Шланг вскорости утянули и пенное наваждение схлынуло само по себе. Голых космодесантников притулившихся на мокрых каменных скамьях, после такой своеобразной помывки, обуял дикий, граничащий со слабостью, пробуждающий тоску плоти, голод.

Лязгающая дверь открылась в третий раз и на порог легли стопки свежей одежды. Войлочные шпидлеты спадали при каждом шаге, но почти мирное и потому резонное счастье чистого белья и тела радовало безумно.

Все те же застенчивые послушницы, почему-то на этот раз прикрываемые только одним автоматчиком (их явно недооценивали), принесли им поднос с едой. Тарелки и стаканчики были бумажными, а аппетит безбрежным.

Женщины виновато улыбались.

Они ели медленно и достойно. Вкушая от местных щедрот. Как подобает людям знающим цену чужбинному хлебосольству. Подкрашенная чайнками вода, прозрачный ломоть подсохшего хлеба, да заправленная прогорклым маслом каша, упали на дно желудков как слеза разочарованного путника в бескрайней пустыне заглянувшего в пересохший колодец.

Их вновь оставили одних захлопнув кованую дверь. Жгучая боль возвращалась в плоть

словно ее приносила проточная вода. Мерно и неторопливо.

— Как себя чувствуешь? — обратился Иллари к Парсу.

— Кэ-к-кам-мерно и у-уед-дэ-дин-нэ-ненко, — переплачивая почти за каждый слог ответил Парс скользнув усталым глазом по Рону и ложась на спину.

— Странно...,- голос Иллари был хриплым, точно и его заневолители тоже, не давая возможности звучать в полную силу:- Во всем этом глупом и унижительном положении есть один плюс, я поймал себя на мысли, что становлюсь не слишком обидчивым.

— Хоть одному характер поправили, — озаренный в спину солнцем выпрямился вставая Рон и стал двигаться по камере танцующей, несерьезной походкой. Не пройдя и трех шагов он тут же подсел, приобретая совсем уж уголовную осанку, и поднес ладонь к уху, призывая всех прислушаться.

Боль помогала Иллари держать себя в руках. Так, на всякий случай. Иллари видел Рона насквозь. Как он есть. Ужимки Рона казались балаганом имеющим цель потянуть время до окончательного разговора. По душам. После того, как их красиво взяли и скинули в этот каменный мешок, в порядочность Рона мог верить только болван или невинный идиот. Ему не доставало малого, веско обозначенных причин, чтобы сей же час утопить предателя в трубе с фекальными водами. Возмездие достойное негодяя. Кулаки Иллари сжались:

"Рон подставился со спины. Другого такого удобного случая могло и не быть."

Ему хотелось ясности во всем.

Он сам себя не понимал, когда вместо намеченного броска прислушался и уловил звук, будто кто-то поскребся в стену и за скамьей негромко, по мышинному зашуршало. Послышалась серия ударов, посыпался мелкий песок, а затем ниже подтесанного выступа обвалился зеленый узор мха. За ним скрежеща вывалился замшелый камень. Удары продолжались, к которым прибавилось некое бормотание. Осыпался сухой, разрушенный сыростью слой цемента и еще несколько камней рухнули на сырой пол темницы. Космодесантники присели и прижавшись к стенам притаились.

В лаз просунулась рука освятив крестным знаменем воздух и следом вылезла голова с вздыбленными, давненько нечесаными волосами и заросшей всклокоченной бородой до самых висков. Когда вламывающийся поднял взор, космодесантники увидели впалые глаза, которые пылали как промасленная ветошь. Губы неразличимые под не стриженной бородой продолжали заклинать страстно и бредово неистово:

... изыди, в котлах кипя

и в сере горя!

Иллари на себя рванул бородатого за грудки, втаскивая его в темницу. Но тот оказался настолько легким, что он тут же опустил его на каменную скамью, чтобы ненароком не зашибить странного гостя. Сильно худой и осунувшийся человек осмотревшись увидел на троице такое же арестантское рубище, только его собственное было значительно поношено и истерто. Прекратив болезненно бормотать гость успокоился. В его взгляде ясно читалась осмысленность и на глазах редееющий во взоре туман озлобленного безумия. В устало

бесплодном взгляде появилось мальчишеское озорство:

— Я, грешным делом, подумал что того...,- он хихикнул потирая грязные руки.

Космодесантники переглянулись.

— Думал мерещится мне. Вот и сроку без малого конец настал, а я сбрендил за год искупления. Вдруг слышу буд-то голоса за стеной. И с перепугу давай по стене колотить, хворь душевную из себя вытравливая. Так молясь и отчиткой причащаясь изгонял бесов за стеной. А когда камень поддался и кладка провалилась, тут уж самолично убедиться хотел пациент я или узник. Мне выход один был. — он даже повеселел и ясно было видно как с человека спадает хроническое душевное напряжение.

— Ты кто таков будешь, чудак человек? Если подкоп готовил, то не вышло у тебя ничего, — голос Иллари немного хрипел, но старался быть ровным и совершенно серьезным. Без намека на сомнение в здравомыслие говорящего.

— Я послушник храма "Встречи Отсроченной", Никола Бланшет, — бородач перекрестился. — Служил в "Некрополе ваятеля". Готовил бинты для бальзамирования, разливал углекислый натрий, следил за сохранностью тел в склепохранилище, отмечал лики утратившие свежесть, срезал на склонах судариум траву и плел из краколиста...

— Извини, перебыю, а то забуду, — Иллари делал вид что понимает каждое слово. — В темнице-то ты как оказался?

Никола Бланшет был сконфужен, заданный вопрос затрагивал настолько неприятную ему тему, что Никола готов был уползти в свою камеру и не сделал этого, только потому, что тогда бы он выглядел полным идиотом. Ему пришлось ответить, сунув брови и нехотя разглядывая паутину в углу:

— После дня Бога Вспоможения частенько бабы битыми бывают. И не я один такой! — Никола сердито потряс рукой, от чего на всклокоченной бороде началось волнение. — А когда подопись, то совсем дурной становлюсь. Чуть свою до смерти не зашиб. Ну от чего и в тот раз сынишка не обрел новое тело. Знаете как потом позорно было, когда мне рассказывали как я бегал за женой в семейных трусах и орал: "Ах ты сука! Нагуляла, прелюбодея. От того дитя в младенчестве умершее мою родню по сей день признать не может." Когда меня едва оторвали пьяного, вздумавшего жену побоями учить, святой отец каноник на меня епитимью и наложил, в каземате год отсидеть в молитвах вину искупляя.

— Подожди, — остановил его темпераментный рассказ Иллари. — Мы как бы не совсем... понимаешь? Наш космический корабль задержали с контрабандой и припаяли срок. А мы не в курсе как у вас тут и что. Соображаешь? Не мог бы ты нам подробнее, так чтобы мы в полную ясность пришли. Поможешь?

Николе льстило что в нем нуждались. Привыкшего за этот год терпеть унижения, даже такой сомнительный успех казался привлекательным. К тому же, сидя в одиночке, он соскучился по человеческому общению. Никола Бланшет почесался, сунув руку под тюремную робу, поймал насекомое и громко щелкнул раздавив его между обломанными ногтями больших пальцев:

— Вы... странные. О чем вы только думали собираясь сюда лететь. Но мне, по правде, на это начхать с храмовой звонницы. Слушайте. — Он поменял позу на более удобную. — Все началось вскоре после высадки первых поселенцев на Фракену. Сколько тогда от лихорадки вымерло, да в пищу местным тварям пошло — тому счет особый. Либо ты приспособливаешься и меняешься обживаясь вместе с переменившимся миром вокруг, либо наитупейшим и бессмысленнейшим образом грозишь кулаком небесам. Эббат Сатерлан и

Морис Флок исследовали русло "Крикливой Грэтты" и их вертолет потерпел крушение.

Услышав о Сатерлане звездные десантники вновь молча переглянулись удвоив внимание.

— ... Моринг Флок убился насмерть. Службы спасения еще не существовало. Застигшая ночь взрыкивала и подвывала, жестко оценивая шансы Эббата выжить в одиночку как нулевые. Сатерлан вытащил тело Флока на взгорок поросший судариум травой и среди кустов краколиста организовал место для ночевки, разведя жаркий костер. Спал ли Эббат? Видимо, нет. Испуганный, удаленный от пути спасения разум молил о чуде, вполне осознано понимая что это невозможно. Обессиленный Эббат проваливался в забытие, чтобы очнувшись вновь говорить с Господом, — Никола Бланшет так ярко живописал свою историю, что казалось напряжение теснит и крепнет, нависая тяжестью громады стен над головой. Сутуля и слушателей и рассказчика заглянувших под вуаль легенд и суеверий, но не ломая саму историю. Никто не посмел перебить его.

Они были там, подчиняясь безжалостному зову врожденного любопытства.

— ... в эту ночь Эббат Сатерлан стал волей Господа, его рукой. Заново осуществляя трактовку Создателя, — Никола говорил размеренно и четко, даже, по своему, буднично. Согбенный и отчаянно нервный в начале он сохранил ясность ума.

— ... Эббата разбудил человек. Сатерлан вскочил и при свете давно наступившего дня вдруг увидел Моринга Флока. Живого!

Космодесантники находились в состоянии перманентного шока и смотрели на Николу Бланшета разинув рты, как желторотые птенцы на скачущую куницу.

Воздух вздрогнул от хохота, прорывая пастораль расстояний и осознано совершая невозможное — возвращая звездным десантникам миг свободы.

Никола, при всей своей затрапезности, сохранил значительное лицо, что и до того украшало рассказ не хуже ярких подробностей. Его глаза смотрели с порицанием, застав узников в момент беспардонного поведения. Его голос был смиренно тихим:

— Недоверие — это первая общечеловеческая реакция на новые знания. Вы думаете что слишком много знаете и от того чересчур много воображаете о себе. Человеческий ум повсюду открывает законы и вместе с тем обманывается легко, как младенец. Скепсис — целомудрие интеллекта. Эббат Сатерлан рассуждал так же и решил что ошибся, ставя страшный, несовместимый с жизнью, диагноз Морингу. Оба подумали что отделались легким испугом. И вот еще что, — запавшие глаза на заросшем лице сверкнули сочным лакированным блеском. — На судариум траве лежал раскрытый чемодан с набором хирургических инструментов и всяких окровавленных страстей. Сатерлан даже не знал до пережитой ночи что в рухнувшем вертолете такой имелся. Когда они спустились к реке, чтобы поберегу вернуться в лагерь высадки первых поселенцев за помощью, Моринг Флок решил ополоснуться и скинув летнюю куртку и рубашку пошел к воде. На его спине и руках крестом пересекающим багровел свежий операционный шов, — Никола троекратно перекрестился. — Это был день возрождения который стал целой эпохой. И на том памятном взгорке "Месторождения Мест Рождения" был заложен храм "Встречи Отсроченной", вокруг которого и вырос будущий город Норингрим.

Вот теперь лицо Иллари стало по настоящему напоминать бульдожье:

— Не усложняй, — в ухмылке его зубы обнажились. На подживающей ободранной скуле топорщилась заскорузлая корка. — Храм говоришь. — Пристальный, на глазах свирепеющий взгляд в сером саване света мог испугать кого угодно. — Храм-храм-храм и

нет человека. Кому ты трэндишь, насадка! — Он схватил Николу за кудлатую, космящуюся бороду и притянул к себе. — Да я сам из твоего кожаного мешка с костями душу выну и гнилую солому вместо зашью. Говори, к чему тебе велено нас своими бреднями склонить! — Над верхней губой и на висках Иллари выступил пот.

Никола Бланшет не выглядел напуганным, он сделал долгую паузу, переводя дух и прокашлялся, для чего Иллари пришлось его отпустить.

— И так бывает, — утирая губы проговорил Никола:— Истина порой невероятнее вымысла. Когда уже и в ум не помещается, тогда и приходится уповать на веру. Если даже чудо непонятно — оно неотменимо, — его взгляд был неопределенным и цепенящим одновременно. Никола встал и пройдя через камеру влез с ногами на каменную скамью. Клок соломы прилип к подошве его войлочного штиблета.

Сквозь лучики крыльев парящего кованого ангела все ярче лился свет, часть которого заслонила голова Бланшета:

— Все ищут пути чтобы контролировать жизнь, но нам это досталось почти бесплатно. Тот, который трепал меня за бороду, поди сюда, если не трудно.

Над оконцем паук шевелил "переметы" своей паутины. Космодесантники продолжали смотреть на Николу как на подсадного в камере смертников.

Оставаясь на взводе, в некоем натяжении, Иллари выразительно покосился на своих товарищей и подпрыгнув встал рядом с Николой, засовывая голову в свет падающий сквозь решетку, как в область конкретных ответов.

Растопыренными крыльями ангел закрывал панораму площади три стороны которой занимал храм окруженный серокаменной стеной. Надворные постройки тянулись вдоль стены на значительном расстоянии друг от друга. Чуть в стороне от узорной решетки центральных ворот вдоль пестрой ленты мозаичного тротуара, обозначенного каменными приступками ограждений, висела широкая вычурная арка. Она выделяла проход ведущий к доминирующему над подступами мрачноватому и угрюмому зданию стоящему поодаль.

Цветная керамика однобоко купалась в брызгах рассвета, ловя гранями нарастающий огонь. Купольный крест лоснился светом, но не блистал. Незалазанной вершиной червонное золото посверкивая играло в лучах восходящего солнца. Каплями крови тлели вспыхнувшие крыши, часть звонницы, стен, выступов трансептов, башенок, округлостей апсид, барельефов каменных цветников. Искусные мастера корпели над каждым завитком, но даже их изысканная работа не смогла скрыть могущественную силу исходящую от храма.

"Месторождение Мест Рождения."

Косточки скул Иллари покрыл румянец благоговения.

— Следи за моей рукой.

Иллари невольно последовал за жестом Николы. Отброшенные угловатые тени деревьев опутывали розовый янтарь надгробных плит.

— Наш багаж — идеология живучести и десятилетия практикующейся мудрости, прошедшей через мытарства освоения новой планеты и кровавую рубку военных конфликтов. А погост вдоль стены в один рядочек поместился, — Никола не выглядел человеком болтающим всякие глупости и Иллари не мог не верить глазам своим.

— Где же все остальные... мертвецы ваши? — Иллари думал о мемориальном комплексе, который с такого расстояния, можно было выдать за кладбище. И о самоубийцах, захоронение которых должно существовать отдельно, но не с такой пышностью...

Его скепсис имел огромное пространство для поиска.

Никола повернул голову и посмотрел в прорывы искусной ковки:

— За "Панихидной аркой", — произнес Никола в щелочки неплотно сомкнутых железных перьев. — Под зданием хомодермического конструирования находится "Вместилище". Наш ренессанс жизни. Во "Вместилище" хранятся все наши усопшие которые без тления распятые висят ожидая нового жизненного срока. Мы предаем земле только тех, чье тело полностью разрушено и не восстановимо. А таких, как ты видишь, не так уж и много. Обычное в вашем мире захоронение трупа для нас так же трудно представить как кремацию во имя общественной пользы. Мы возрождаемы, хотя душа ищет новое кровнородственное тело. И воскрешение Моринга Флока в прежней оболочке случай уникальный и пока что единственный. Поэтому знаковый.

Брови Иллари, словно перекушенная дужка замка, поползли в стороны, отмыкая изумление на его лице:

— Я слышал что Фраков еще называют Франкенштейнами, но чтобы вот так... — у Иллари от волнения окончательно сел голос. — Эксгумация через отчуждение тела и метание непокоенного духа...

— Мы называем это таинство "Обретением исправленной скорби". Священнодействие касающееся основ нашей теологии, на время вычитающее из жизни, но не из мироздания.

В журчащей тишине расшумелись деревья и ветер пахнул теснотой мира, переполненного бессметными призраками. Унося в подсознание необъяснимое самоощущение своей судьбы. Совершенно новый, вопиющий о себе факт искал место достраивая в головах звездных десантников картину этого мира.

Никола и Иллари слезли вниз притихшие и уселись на скамью. Рядышком. Солнце выжигало на камне темницы линияющую горячую дыру. Настаивая на чем-то своем.

Выходит даже с мертвецами в вашем мире может случиться что-то новенькое. У вас новая жизнь во "Вместилище" буд-то в казначейском банке под процентами лежит, — интерес Рона был живым и естественным. — Которую однажды посчастливится снять, аннулируя счет, и тут же открыть новый на то же имя?

Никола не лебезил и не угодничал, он приткнулся спиной к сырой стене и ответил:

— Что для вас сверхъестественно, то для нас очевидно...

Уверенность обитателя "смежной" камеры никого уже не удивляла. Злила немного, но это шло от нервов.

— ... соблазн новой жизни вам недоступен. Повседневность потустороннего непонятна, хотя и в вас теплится вера в вечную жизнь. Без вечные вы, так на Фракене называют вас Перво землян.

Неуловимо пружинисто и, вместе с тем, чрезвычайно опасно Иллари швырнул Николу Бланшета на крутые ступени, а сам навалился сверху:

— Как понял что мы с Перво земли?!

— Сам ты и сказал, — запавшие коричневато-синие подглазья вновь вернули глазам Николы подростковую непокорность, с тонким кружевным узором лопнувших капилляров. — Франкенштейнами нас только на Перво земле обзывают.

Иллари выпустил Николу из захвата и подошел к трубе, проточной водой начав ополаскивать свое лицо:

— Ты смелый такой от того, что жизнью не дорожишь. Какая она у тебя по счету? — вода, не попавшая на лицо, стекала по локтям небрежно струясь и капала на пол.

— Меня Бог миловал, — Никола поднялся со ступней и стал натягивать слетевший с

ноги шпиблет. — Только вы меня больше не трогайте, а то ничего не скажу. Новое тело — подарок к которому тебя обязывают. Чужой души в себя до смерти не вставишь, да и после не ты уж это, а другой какой.

Иллари утерся рукавом и отбросив всякую щепетильность пренебрежительно заметил:

— Путано повествуешь, Фрак.

— Как умею, — рассердился Никола и стал накручивать на палец завитки свалывшейся бороды. — И за то спасибо не услышал. А по морде бить все горазды.

Человек заново учился быть свободным позволяя себе обиду. Никола супясь прошел мимо Иллари. Тот мельком глянул ему в след:

— Да кто тебя бил... ты это... приходи...

Никола не ответив нырнул в пропитавшийся сыростью щербатый лаз между трубами и скамьей. И уже через дыру высказался:

— Думаю я погостил у вас достаточно.

Рон подождал немного, пожал плечами и присев, принялся вставлять вывалившиеся камни на прежнее место.

Получалось плохо.

Чем дольше тянулось молчание, тем невыносимей оно становилось. Непримирымый к лжи и оправданиям взгляд Иллари был не глубоким, как и его терпение. Он привычно щурился перебирая глазами светлые волоски на затылке Рона.

Тот тревожно обернулся. Не уверенный но по прежнему быстрый взгляд, как пуля на излете, и последовавший за ним вопрос Иллари:

— Как не прочны догадки, а знание всегда лучше. Скажи сам... не теми... что за роль ты избрал себе в этом деле?

Парс через силу усмехнулся и лег на бок. Наблюдал.

Рон нервно зевнул прекратив работу:

— Что вам поведать? От чего Никола рад что ему последние деньки до окончания срока отсидки куковать осталось. Или почему пятнадцатое радовника в календаре черной и красной рамкой обведены. Так вы не глупей меня, догадались что для кого-то этот день становится праздником, чей родственник обретает новую жизнь и несет траур надеющемуся напрасно. Я шкурой чувствую что он нам не солгал. И в Норингрим мы до указанного Крейгом срока успели. Самое время, командир, не вопросы задавать, а объявить нам благодарность...

Закончить Рону не дали. Входная дверь с ужасающей силой проскрипела, прошаркала наждачными подошвами по вздрагивающим нервам. Узники подобравшись опасно посмотрели вверх. Воздух в дверном проеме был полон неловкости. Надзиратель- не самая почетная работенка. Не свойственная тюремным стражникам сдержанность, не то робость, одним разом заставили узников запсиховать.

"Пока здешний кайман мокрый — порох надлежит сохранять сухим."

— Они будут пытаться сломать нас друг на друге. Не поддавайтесь... не позволяйте им...,- сквозь стиснутые зубы пробормотал Иллари.

Он верил в то, о чем говорил.

Стражи сошли оползнем. Арестантов резко и грубо рванули, хитро с вывертом заломив руки.

Много палый прилипала

Меня лапал, где попало.

Их вывели, вытолкали на верх, где обитал свет и воздух, и по грубым плитам отконвоировали за угол тюремного блока, не выпустив за оцепление. Надзиратели загодя наклонялись как люди привыкшие ходить под землю. Они сгибались опасаясь низких потолков. Стражи впихнули узников в новый ведущий вниз коридор. Проход разветвлялся и неуклонно уходил в глубину. Космодесантников растащили, развели по разным коридорам. Узкий проход выступал из темноты навстречу кипучему мерцанию фонарей.

Ведя по одному, их не меньше четырех раз находили повод остановить и унижить. Подбирая ключи к замкам на черных решетках и, на это время, упирая заключенных головой в могильную сырость стены, как в вечно плачущее лицо. Стражи не брезговали грязными уловками. Уже глубоко, загнанных под каменную толщу подземных застенков, их вдруг отпустили и тут же заткнули нос и глотку пронзительно едко пахнувшей тряпкой...

Минимализм отношений. А дальше... условность тишины.

Рон очнулся, но в его голове еще царило безмыслие. Воздух был душный, точно пропотевший и слежавшийся. Комната маленькой как колодец. Не осмысливаемая громада камня над головой.

Пытарь пригасил фитиль лампы. Пламя затаилось и перестало коптить. Угли в опаловых прожилках теснили стенки жаровни. Пропитавшиеся сполохами раскаленные камни ублажал тлеющий жар, ярцая и лениво сплевывая искры.

Пришедший в себя Рон смотрел на пытарей как на смертельную, чрезвычайно заразную болезнь. Руки будто приросли к подлокотникам неподвижного кресла.

Второй, облокотившийся на рычаг ворота пытарь, шевельнулся. Звякнули цепи и скрипнул подъемный механизм на дыбе.

В их лицах было что-то мягкое и мясистое, точно осьминожье. Человеко вычитаемое.

В переплетении "снастей" под потолком болтался, как повешенный, черный бархатистый паук. Из раскаленных до бела углей торчали рукоятки приготовленных инструментов. Над открытым огнем на цепях висел огромный вертел с кандалами проушин, предназначенных для человеческих рук и ног. Пытарь присел и поднырнул под столешницу. Из под заляпанного, давно потерявшего свой первоначальный цвет стола торчала натужно шевелящаяся, обтянутая зеленым сукном задница. В зыбком мраке ее хозяин с грохотом перекладывал в корзине иззубренный инструмент, при этом деловито посапывал и ворчал:

— Куда же я щипчики сунул. Ухватистые такие. Ноготочек зацепишь и дергай его и выкручивай как тебе надо. Удобные — страсть.

Наварное Рон должен был ему посочувствовать.

Грузный пытарь выбрался из под стола и развел огромные ладони пустых рук:

— Может раздробить ему хрящики?

Он сказал это так вкусно смакуя: "хрящики".

Типичный костолом с угрюмой грустью в глазах и леденящим холодком матерого душегуба. Его чертова рожа лоснилась, а из волос на обнаженном торсе можно было соткать

ковер. Омерзительные узкие глаза источали жестокость. Луково-стеклянный взгляд смотрел тупо и омертвело, навевая зябкую тоску.

— Мои нервишки истончились до деликатной неприязни всяких истерик. Ты не будешь кричать? — Движения пытаря были повышенно устойчивыми и надежными, как шаг человека привыкшего поскользнуться на чужой крови.

Рон перекосясь на кресле пытаясь порвать путы притягивающие руки к подлокотникам и как можно более мягким голосом произнес:

— Привязанные к этому креслу — все тебе безотказны.

— Не правда, это как пойдет, — жаловался ему пытарь с не запоминающими людей живыми, глазами убийцы. — Каждый камень в этой комнате вылеплен из слов признаний вырванных вместе с криком. Ну зачем ты бьешься, извиваешься как червяк на крючке? Сиди смирно. С тобой же прилично разговаривают.

— Боюсь застудить седалищный нерв, — глядя исподлобья и не скрывая гримасу ненависти ответил Рон. — А этот вид пыток запрещен как чересчур гуманный.

Криво сросшаяся разрубленная губа пытаря добавила его ухмылке толику утонченного злодейства.

— Тебе не так долго жалеть об этом. О деле начинай мямлить, паскуда, — дал бесплатный совет душегуб и членовредитель, чьи интонации резко поменялись: — Чуй в нас своих хозяев и послушанием вымаливай пытки попроще.

— Умеете вы нянчиться да утешать, — ответил собравшийся до предела Рон.

Узкие ремни до костей врезались в руки.

Тень гримасы едва шевельнула тонкую пленку слюны на губах пытаря. Заматеревшие в своей норе они обладали настолько бесконечным преимуществом, что не покалеченного человека воспринимали за урод.

— Ты у нас как правительственный вестник без умолку говорить будешь, — по-иезуитски мягко произнес пытарь играющий с рычагом ворота на дыбе. Его взгляд оставался вялым как высвобожденная от висельника петля.

Рон сглотнул, пытаясь увлажнить одномоментно пересохший рот:

— Чего за зря болтать. Я в признаниях застенчив. Да и тайнам самое место под землей, откуда вы и носа не кажете.

Пытарь с перебитой губой в упор посмотрел на него, шурясь глаза в глаза:

— Ну, ну, застенчивый, — и отвернувшись, надевая подхваченные со стола рукавицы, стал добросовестно проверять готовность пыточного арсенала.

Искры рассыпались в полноте жара. Не смотря на нервно трепещущее пламя, иней полз по жилам космодесантника. Липкая струйка холодного пота дыбила волоски на своем пути.

В круглой комнате пахло кровью и мочой, а главное — страхом. Куда не глянь — везде круг, везде петля, везде возврат к боли и мучениям.

Рон обращался к Всевышнему, мало надеясь что тот услышит его в этом крошечном аду. Он просил Господа ниспослать ему сил, ища в молитве угол ягодно-голубого неба.

От жалости к себе не умирают. Рон старался не смотреть на жаркий чад жаровни и подняв взор вдруг увидел ржаво-красные буквы еле проступающие сквозь копоть потолка. Надпись в пыточной выглядела, при всей своей зверской циничности, достаточно забавно:

"Ценность истории придает рассказчик."

— Что вылупился, — оборвал его беззвучную молитву пытарь с лоснящейся рожей. Сгусток огня вынутый из жаркой жаровни плыл на кончике раскаленного прута. В патоке

его взгляда самых разных способов пытки было больше чем микробов под ободком унитаза. Бьющая зноем точка с легким шипением приближала ощущение близкого конца.

Сердце Рона мягким безумным мячиком подскакивало внутри. Как можно более равнодушно Рон откинулся в кресле. Треклятый, раскаленный до красна, до бела прут опустился, уже почти коснувшись волосков вокруг его пупка.

— Страшно? Конечно страшно. Перед нами-то можешь не притворяться, — от нарочито вкрадчиво распевного, негромкого голоса дрожь пробирала в подмышках: - Не трепыхайся. Ты умрешь только по моей воле. Когда смерть станет самым искренним из твоих желаний. Не терпишь. Егозишь. Как у тебя задрожало дыхание...

Ему хотелось порадовать палача. Ужас сам лез из его живота.

— Смотри не ошибись.

Рон изо всех сил ударил мордатого ногой, сильно усложняя себе остаток жизни (вторую ногу он высвободить не смог). Пытатель рухнул опрокидывая спиной жаровню, на краткий миг обретая хвост жар птицы. Прут отшвырнуло в стену, оставив на камнях искрящийся росчерк. Вывалившийся, раскатившийся и вспыхнувший уголь пристал, прилип, приварился к спине мордатого, осыпая пламенную труху под резинку трусов. Столь продвинуто ранимый пытатель взревел визгливо и иступленно. Выпучил глаза из глазниц и вскочил хватая ртом воздух, а руками первый подвернувшийся тяжелый предмет:

— Погань такая...!

Подручный его опередил, оттеснил, спасая узнику жизнь. Голова Рона маетно впечаталась в жесткий подголовник, получив прямой в зубы, и космодесантник без провожатых отправился в нокаут.

Ресницы правого глаза слиплись поредев от крови сочащейся из рассеченной брови. В ноздрях раздувались и лопались ярко-розовые пузыри. Припухший кровавой облачностью мир проступал низринув каменный небосвод. Рону больше не разрешали терять сознание и проваливаться в спасительное забытие, в прострацию, в пелену, поднося всякий раз к его расквашенному носу смоченный тампон. И даже сквозь кровавые сопلي сильнейшая химическая вонь как новый удар прошибала мозг заставляя его работать.

Пытка может быть быстрой и мучительной либо медленной и изощренной. Рон утратил ощущение времени, как парное мясо не помнит свое превращение в отбивную.

Стискивал зубы,

до хруста.

И боль на душе,

чтобы не было пусто.

Чудовищные, одаренные коновалы и выродки били его капитально. По всему телу горел муравейник с непрерывным движением боли. Подручному пытарю приходилось оттаскивать мордатого, чтобы тот в запале не забил узника насмерть.

Рона заново переплели ремнями, но он продолжал биться и пытался вырваться. Раздраженная воронка рта плевала в самое ухо:

— Я заставлю тебя говорить! Почему ты молчишь?!

— Я киваю, — кровавым студнем промямлил Рон и получил очередной удар...

Надо держаться. Медленно лопается кожа и... удержу нет... рвется пронзительный крик...

Чтобы не откусить от боли собственный язык Рон пошире открыл рот и орал заглушая боль хлынувшим горлом воплем. Ему так хотелось.

Тумаки и плети

Мне родные дети

Прочая родня

Дыба да петля.

Брусничной россыпью остывали разбросанные по полу угольки.

В помещении было накурено, сковав дымной пеленой ожидание результата. Старший командный состав Фракены заседал за палевой цитаделью мутновато-зеркального стола. Форма была разной, как и люди ее носившие: горно стражники, командование охраны железных дорог, ранговые капитаны военно-речного флота, высшие офицеры управления тайной службы, спец войск безопасности и ополченцев.

Лопастни вентиляторов под потолком корежили затянувшееся напряжение. Заминка на плохом месте тянулась недопустимо долго. Тлеющие до фильтров сигареты томились в ожидании большого результата. Столбики пепла осыпались.

Глава управления тайной службы Грау Альвес Пешеван проворно ступил через порог на паркетную разбежку пола, привычно швырнул на вешалку мягкий берет с кокардой и уже проходя вдоль стола за спинками стульев проговорил:

— Захваченные вражеские диверсанты полезных признательных показаний не дают, — деловой тон дополнял твердый и быстрый взгляд Пешевана. Он двигался во главу стола, поправив бортовку кителя без тени малейшего расстройства и продолжал говорить:

— Понимая что они пошли в глубокий отказ применена степень дознания для особо упертых, — Пешеван опустился на стул, позвал энергичным жестом к себе Самородова и указал ему на стул рядом с собой. — Мы рассчитывали, что хотя бы один из трех не окажется безнадежно молчалив, — ноздри орлиного носа едва заметно трепетали.

— Носимся с этими гадами как с писаной торбой, — с пылкой ненавистью прошептал Самородов садясь рядом с Пешеваном.

— До известной степени вы правы, Валера. — Он повернул свое скуластое лицо к пехот-командеру. — Мы оба чуточку помешаны на деле которому служим и от этого в запале можем принять не правильное решение. С ними так нельзя, — прищуренные, горящие крохотными обсерваториями глаза демонстрировали полет мысли. — Мы можем обогнать их лишь в том, в чем сами им не равны. А для этого нужно узнать в чем они не равны нам. — Пешеван потер ладошкой обширную лысину, прогоняя ломоту в крупном затылке. — Я и сам себе боюсь признаться до чего я могу быть прав. Это я вам как аналитик утверждение выношу. — Зубр управления тайной службы повел мускулистыми плечами.

Командующий военно-воздушной базой "Форавец" эскадр-командер Роззел присутствовал лично. Обида за гибель "Соколарисов" заранее составило его мнение и управляла волевым решением эскадр-командера отвергать и изобличать. В таком состоянии он и взял себе слово:

— Я человек широчайших взглядов, к тому же еще летчик, по этой причине поверхностно думать не умею. Любая часть правды — есть такая же ложь, — Роззел насупил губы начиная нагнетать атмосферу. — Кто настоящих причин не знает, тот пытается уповать на случайность. Мне сдается вы тянете время пытаясь сокрыть свою топорную работу и не более того, — его гладкая, литая лысина сверкала, а щеки попли розовыми пятнами от негодования. Это была его публичная месть за гибель эскадры.

Грау Альвес Пешеван бросил на него острый, как коса смерти, взгляд:

"Вот так служим, достойно участвуя в достойном деле. Думаем про одно. А когда приходит время поиска нетривиальных решений, среди высшего звена силовиков дефицит взаимного обожания."

Теперь он смотрел на Роззела спокойно и строго. И с тем же подчеркнутым спокойствием ответил ему:

— Вы не правы, поверьте. Я иду от своего понимания, а оно подвержено изменению...

Многие слушали и кивали непонятно кого этим поддерживая.

— ... только глупцам судьба не предоставляет выбора. Наше топтание на месте требует простимулированного вживания в задачу. Вражеские диверсанты-это супер элита, а значит в них много вложено. Сложно, порою тонко организованный боец отлично держит удары в лоб. Он обучен этому, он в этом ловок. Но у меня появилась собственная новая идея. За железной волей не редко таится человек емкий и впечатлительный. Который силой своего воображения может нарисовать такие кошмары и казни, до которых мы и додуматься не успели. Нужно только вовремя подтолкнуть его, а он уж сам придумает себе пропасть в которую не захочет шагнуть.

То что трудно увидеть, оценивать еще труднее. Поэтому, ощущая заинтригованность командного состава силовиков, глава тайной службы пододвинул к себе один из дешифрующих энерго экранов высоко частотной связи и призвал участников совещания последовать его примеру.

Рон выпал из забытья. Обранился но не упал, повиснув над землей. Кажется он вскрикнул. Солнечный свет и прохладный свежий воздух казались сущим благословением. Подмерзающей трусцой пытари волоком тащили узника от машины, чертя в дорожной пыли его коленями и голыми пальцами ног два неровных следа.

— Это еще не боль, — успокаивал Рона мордатый пытарь. — А только твое упрямство.

Голос существа ужившегося с бесчеловечностью своей работы помогал Рону сохранять самообладание.

Белая полоска шоссе ощутимо резала песчаный вал на изломе которого замер угловато высунувшийся борт "Бингорга". Рон храпел вздрагивающими ноздрями из которых тоненьким струящимся кнутовищем сочилась кровь и каплями шлепалась в густую пыль.

Рон стал помогать ногами ощутив под волочащимися щиколотками сырость. Скользнулся. Тут его бросили. Остывшая жижа холодной грязи залепила лицо.

— Дохлятина, — обозвал его пытарь.

Четыре руки вцепились в плечи Рона и приподняв пронесли узника вдоль слюдянистого нароста, и с разбегу опрокинули по пояс вниз головой в бурлящую среди камней воду.

На последнем издыхании Рон вынырнул из наполненной горячей водой могилы, хватаясь за скользкие края. Его не били по рукам позволив отдышаться.

Пытари вели себя так, будто им на ходу меняли задание.

Термальный родник истекал туманящимся паром. Деревянные края венцов подпирали камни. Белая кайма пены срывалась на кромке, наплывая пузырящейся юбкой на скаты бревен. Лак соли покрывающий древесину казался льдом. Буд-то ради сохранения его холодного блеска гроздя кристалликов засохшего света приманивали солнечные лучи, взрываясь быстрометным глянцевым сиянием. В маслянистом движении воды чувствовалась скрытая опасность.

Черно-красная каша в разрывах ран горела от перенасыщенной солью воды. Мастера дел заплечных рывком заломили Рону обе руки и, чтобы не запустить повторяемость мотива, вновь пихнули космодеканта головой в омут.

Спазм сковал гортань Рона. В подступающей поганой яме переливаясь цветными искрами в цепенящем блеске качающихся раковин шевелились улитки. Золотисто-оранжевые, разные, они почти застенчиво втягивались в себя, демонстрируя крученые до небес вавилонские башни раковин. В поверхностных бликах воды студенистые присоски улиток и сами походили на выкипающую гущу. Из глубины термального источника взвихрясь вырвался булькающий стон и вспух пузырь кипятка. Горячий фонтан касанием усыпил проплывающую рыбину и тут же, в миг побелевшую, сварил ее за живого. Улитки не боялись таких неумеренных температур. Полупрозрачные шевелящиеся подошвы, похожие на слизней, проползали пульсирующими краями, жадно обглаживая игольчатые сабельки рыбьих ребер. Рон мог выбирать или его самого начнут пожирать улитки, или лицо обварит струя кипящей воды. Омерзительные улитки умудрялись оставлять под водой липкий след. Воздух заканчивался, но Рон опасался делать резкие движения головой, чтобы не спровоцировать хозяек горячего родника на атаку.

"Господи, теперь он был так беспомощен что не мог убежать от улиток!"

Кадык окончательно застрял в горле. Человек доведенный до последнего градуса отчаяния, несмотря на струйки пробивающегося кипятка, в глубине воды ощущал холод осени, в которой все менялось только к худшему. Водянисто соляная суспензия разъедала лицо, выжигала глаза. Вода стремительно нагревалась. Из потревоженных недр донеслось

протяжное фырканье, не то стон. Горячий гейзер шипел кипящими пузырьками.

Почти шептал возбужденный ужасом жертвы.

Глубоко отсвечивающий подземный родник вот вот должен был превратиться в густой клокочущий котел. По телу неодолимо разливалось отчаяние, легкие рвались к горлу, как узники газовой камеры вымаливая глоток воздуха.

Склизкая улитка под мерцающей раковиной подобралась, подползла подкравшись совсем близко, дернула гибкой плетью вытянувшихся усов и хлестко располосовала Рону переносицу. Рассеченная рана растяпала нос поперек. Мышечный спазм был непереносим. Не преодолеваем.

Если знать куда давить, можно переломить кого угодно.

В минуты смертельной опасности тончайшая рефракция воды казалась крышкой хрустального гроба.

Все рано или поздно ломаются или сходят сума, пересекая зыбкую грань равновесия между трезвомыслием и безумием.

Этот рывок на верх стоил Рону таких усилий, что солнцу было бы легче выбраться на ночное небо.

Пытари, с таким свирепым усердием пытавшиеся его утопить, чуть ослабили хватку. Воздух пополам с водой устремился в легкие, расшвыривая белесую пыль брызг. В тупом стопорном ужасе вынырнувший Рон зашелся лающим кашлем. Слезы ели раздувшееся лицо. Грудной, трижды проклятый стон вырвался из его горла. Он захлебнулся внезапным хрипом на вздохе, харкал откашливаясь и потом судорожно сглотнул и поднял глаза. В них стоял животный ужас. Рон смигнул, прогоняя вместе с водой выступившие слезы. Мягкие белые волосы пропитались кровью. В глазах потемнело и обвязка омота качнулась. Пальцы от потрясения свело судорогой, соленый лед скользил под ладонями. Рон обмяк всем телом, в отчаянии ощущая свою полную беспомощность. В широко раскрытых глазах метался безумный страх. Губы тряслись и вот вот должны были полететь изо рта слюни.

Кипяток шумно вздыхал выталкивая пузыри на поверхность.

"Пока здешний кайман..."

Распухшее кровавыми синяками лицо как застывший клубок мучений. В глазах агонизирующий ужас, которому не было конца. Рон трясся словно эпилептик недужным ознобом. Рыдания душили его. Жмурясь Рон со стоном хватался за виски и размазывал по лицу слезы. Слабость и отчаяние взорвали его. Все тело бесконтрольно содрогалось, больше не подчиняясь его воле. Он пресмыкался, затравленно глядя на совершенно отпустивших его пытарей. Рон был так измотан. Он тихо заскулил парализованный ужасом. Удерживая себя на острие боли.

Позор был менее страшен чем ожидание новых страданий. Предательство сулило ему избавление от долгих мучений. Он вытряхивал из себя малейшее противление, пытаясь быть точным до мельчайших деталей и расходуя себя не понарошку. Затаив оставшуюся при нем внутреннюю свободу.

Значения назначенных слов ничего не значили. Слова приходили как необходимость. Как приступ ревности к пережитому но не пересказанному. Как брожение духа брезгующее всяческой иносказательной околесицей. Плотная безымянная немота в потоке говорливых пустот.

— Не могу больше... признаюсь... все как есть скажу.

Рон боялся вживиться в свою роль чересчур быстро и явно. Он хотел отколупывать ее по

кусочку. Слой за слоем вышелушившая лишнее. Прodelывая не малую внутреннюю работу и отыгрывая мучительный страх. Рон ощущал точность и правдивую наполненность своего малодушия, достигая настоящей полной включенности.

— Запоминайте так, писать... кроме как на моей спине... не на чем, — испарина слабости на его лбу не высыхала, кристаллики соли поблескивали, а голос был хриплым и не уверенным. Белые окровавленные космы прилипли ко лбу. Мышцы на руках и ногах дрожали от напряжения. Подошвы босых ступней расползались в грязи как ноги теленка. Он пыжился, но смертельный ужас явственно читался на всех уровнях сознания и подсознания. — Пятнадцатого радовника... в момент празднования дня Бога вспоможения... при наибольшем стечении народных масс, — клокотание в горле мешало ему говорить:- Мы должны были... привести в действие "Аквармику". Секретное оружие нового поколения.

Расширенные зрачки пытарей блестели как цепляющиеся крючочки, заточенные кончики которых обламывались на глазах. Они, то и дело, бросали короткий взгляд куда-то в сторону. Туда, где были установлены замаскированные остро направленные микрофоны и кошачьи зрачки записывающих камер. Их лица до того оставались бесчувственными и жестоки. Теперь пытарей даже не занимало торжество расправы. Они были напуганы.

В каждой паузе Рона была надломленность и недосказанность. В каждом брошенном взгляде мука и желание умереть от позора. Глубочайшее самоуничижение и животное цепляющееся желание выжить. Рон отыграл на лице всю сложность внутренней борьбы. Пытаясь с достоинством нести трагедию своего предательства и глуша зеленоватые огоньки в глазах, он просипел глухим сорванным голосом:

— Попросите... в вашем бюро находок... пусть мне вернут мой ранец... я предоставляю вам доказательства... которые будут очевидны и... убедительны.

Не имея права ни на что придуманное Рон устало понурил отрешенный взгляд. Внутри его продолжалась невидимая борьба. К нему возвращалось самообладание, но лицо он свое потерял безвозвратно.

Подвиг молчалив, пусть страх кричит о себе.

Рон раскрылся до конца, не оставляя места для недомолвок.

Получив некую команду пытари поволокли Рона обратно в машину. Его ноги за ними не поспевали. Больше всего сейчас он боялся обрадоваться.

Когда ты точно знаешь путь, легче идти до конца.

То что оказывается правдой не всегда очевидно в своих проявлениях, особенно если отсутствуют адекватные ей доказательства. Конструкция тщательно скрывала свою метафорическую суть. Комковато сплавленный "термитник" с нагромождением стеклянных призм и линз внутри и снаружи не исповедовал никакой смысловой нагрузки, даже установленный в центре стола заседаний. Оружие устрашения затягивал сизый сигаретный дым, как горошину правды покрывают перины лжи. Пешеван распорядился открыть окна настез. Легкой свежестью над садами плыл аромат цветов. Это казалось почти невозможным.

— Кто на следственном хранении изучал сей предмет? — служебные складки в уголках поджатых губ главы тайной службы затвердели.

— Тщательная экспертиза была проведена техниками отдела вооружений, — отрапортовал вытянувшийся в струнку офицер:- Наши выводы таковы... — он взял со стола

лист бумаги. — В исследованном объекте названом "Аквармикой" нет ни взрывоопасного вещества, ни электронного блока, ни другой какой подходящей начинки. Это не более чем муляж. Фикция. Представляющая интерес как искусно собранная свето преломляющая конструкция, — офицер попросил разрешения и сел.

— Мы с вами как и не говорили битый час, — возмутился начальник отдела детектирования:- Вся информация не может быть инспирирована. Мы провели анализ речевых гармоник диверсанта, скрупулезную идентификацию звука, тона и интонации используемой им при речи. Как он складывает из звуков слова, с каким отношением и акцентом их произносит. В мельчайших подробностях. Как выражает неприязнь, злость или простое волнение. Как меняет характер дыхания, — начальник отдела детектирования поискал по карманам сигареты и закурил:- Поймите, колебания воздуха натренировать невозможно, а значит и обмануть. Различия между интонацией голоса и работой задействованных мышц лица минимальны. Наши физиономисты настаивают на точности своих исследований приблизив цифру к 91 %. Человек подвергаемый столь интенсивному допросу не может быть более адекватен и оставшиеся 9 % подтверждают его искренность как и 91 %.

Грау Альвес Пешеван еще раз пристально уставился в энерго экран выискивая фальшь. Изломанное ужасом истерзанное лицо диверсанта с Перво земли назвавшегося Роном в полной цветной проекции напоминало маринованный помидор, который прокололи вилкой (со всеми вытекающими последствиями).

— К моему прискорбному сожалению пропуском в нынешнюю элиту разведки служит не эрудиция и интеллект, а умение пытаться железом и мордобой, — сокрушенно заметил эскадр-командер Роззел и улыбка змеей прошмыгнула меж его губ. — Идея с колонией "улиточных сеченей" и горячим источником была превосходной. Но насколько этот Рон мастер прятать свои подлинные эмоции нам неведомо. Внутренний мир человека как и медико восстанавливающие технологии не относятся к числу наших величайших достижений. Врачевание для нас большее чудо действие чем подъем в небо летательного аппарата тяжелее воздуха. Так мы привыкли к бегству от окончательной смерти и переселению в чужие тела.

Валерий Самородов скользнул по Роззелу мильным взглядом. Круглый желвак проступил и шевелился на его щеке. Он никак не мог найти верного тона в этом разговоре. Больше видя по людям и манере проявляемого рвения, пришедшей на смену прежнему выжидательному молчанию. Укол сомнения и тревожного негодования холодным ванильным комочком поселился у него внутри. Его чуткая осторожность туманилась в сумбуре опасений. Но поддержать эскадр-командера вслух он не мог. Субординированное уважение к Пешевану заставляло его помалкивать. Он не хотел его подводить, оставляя себе в наказание подкожное состояние дискомфорта.

Глава управления тайной службы отвечал Роззелу, подразумевая внимание остальных:

— Нарботка эмоциональных стереотипов во время подготовки спец агента возможна. Как допустимо все, пределы чего неведомы и необъяснимы, — Пешеван пытался сохранить мысль в рамках прежней аргументации:- Конец этим разговорам может положить только абсолютная уверенность в правдивости слов диверсанта. А для их проверки нужно позволить ему испытать "Аквармику". — Штык его взгляда накалывал на себя изумление многих граничащее с шоком. — Мне плохо верится что этот Рон, при их детальной продуманности, станет шагать, метя лампасами наши пампасы, и тащить у себя на загривке в переполненном

ранце совершенно никчемную вещь. Мы сами себе будем морочить голову без санкционирования демонстрации оружия. Добившись признательных показаний мы диверсанта сломали и этим поставили точку отсчета. Я полагаю следствие достигло твердой почвы, перестав прокладывать путь в полной неизвестности. Явных противоречий нет? Нет. Получаемые данные должны образовывать хронологическую цепь событий ведущую к результату. Давайте красиво завершим начатое, без догадок, прогнозов и обсуждения всех позиций по новой. Тем более что к этому есть все основания.

— Позвольте! — с обличающей силой поднялся эскадр-командер Роззел. — Но не кажется ли вам что вы сами тянетесь к обману, чтобы не угадать последний вражеский ход, устраивая катастрофу посреди стройного бреда. Доблесть велика, а здравомыслие величественно. Их нельзя порвать разом, как сделали вы. Заметьте, те двое его товарищей так и не выдохлись, и ни в чем не сознались, — Роззел чуть подался вперед, сломав линию кителя:— Их надо царапать осторожно, до мозговой кости. До того места которым они думают и чем дорожат. Что вызывает в них страсть и гордость.

Любой авторитет окружен шепотом несогласных и тишина — это, по сути, смерть всякой работающей идеи.

В нарушение вертикальному эгоизму власти, с пониманием, но как бы еще не совсем охотно, Пешеван ответил, добавив в голосе обаятельного диктатора:

— Некоторые наши глупости кажутся более убедительными от того, что выглядят роскошно, — контролируя общую ситуацию на лицах глава тайной службы скользнул взглядом по столу, как по полю битв и примирений. — Вы полагаете что мы сосем пустышку за которую заплачено многими жизнями?

Под потолком продолжали шлепать лопастями вентиляторы. Щеки Роззела медленно бледнели, кровь отливала от лица, но голос его был подчеркнута сдержанным и почти зловещим:

— Чтобы в таком вопросе идти вперед нужно единство мнений. Я настаиваю на том, что нам подсовывают убедительный блеф. Не затем их сюда засунули и не на этом их план заканчивается. Я не удивлюсь если выяснится что злоумышленники попросту тянут время.

Медленно обходя стол и читая в глазах разное, прежним ровным голосом Пешеван продолжил спор:

— Ваше протестное прекраснодушие не имеет не стыкуемых противоречий, уважаемый Роззел. Они враги и другого отношения к ним не будет, — он прочистил горло и проговорил:— Вариант по которому диверсанты просто исчезнут нас тоже устроит. Но нужно представить дознавателям возможность закончить работу. А для этого необходимо разрешить следственный эксперимент с демонстрацией секретного оружия Перво землян. Риск остается, но он будет сведен к минимуму. Оперон воздействия "Аквармики" проконтролируют космические орбитальные станции нацеленные на очаг испытания. С немедленным его уничтожением при поступлении соответствующего от нас приказа.

Пешеван ощутил как последняя его фраза расформировала плохо скрываемый страх поселившийся среди заседающих.

— Чтобы человек встал и пошел нужна правильная одинаковая последовательность движений. Так суммирование взаимно подтверждающих данных дает возможность получить связную картину. Если Рону запретить идти, мы никогда не узнаем куда он направлялся и кого преследовал. А без этого мы можем рассуждать и строить догадки до конца света, — взор Пешевана был странен: прогоревший и пылающий одновременно, заглядывающий в

никуда и точно остановившийся. В отвалах его мыслей исчезали галактики. Его напору уступали многие:- У них была идеальная возможность покарать нас выпустив на свободу несколько капель само размножающегося сверх агрессивного топлива. Через полтора месяца на континенте было бы минимум графики человеческого происхождения и большое количество акварели прокисшей зеленой биоплазмы. Чтобы понять свое место в их формуле, нам следует рискнуть, почти ничем не рискуя. — С некой усталой щепетильностью Пешеван обратился к Роззелу:- Ваши слова обидные, уважаемый эскадр-командер, что мы только костоломничая правду выведывать умеем и этим в чинах растем, отношу на задетую честь вашу и негодование от утраты "Соколарисов", — и вновь обращаясь ко всем сказал:- Голосование объявлять надо, иначе заседание наше затянувшееся в посиделки превращается. Придти точнее к общему мнению нам, пожалуй, не придется. Я вас услышал и хочу чтобы вы услышали меня.

Ничего не может быть изысканней чем убедить всех остальных в своей сомнительной правоте. Не правда ли? Но триумф Пешевана был странен. Решение было принято большинством. Осознание его верности доходило не до всех. Эскадр-командер Роззел и пехот-командер Самородов воздержались.

Вот этого Пешеван от Валерия не ожидал.

Белым пухом небо застелено было. Не выспаться на нем, не наглядеться. Легкий туман всколыхнулся над рекой и пополз по скалистому берегу в верх, подгоняемый скулами медленно скользящего катера. Несколько прядей леса были зачесаны поверх блестящего черепа. Серый со слезой крутояр очень походил на лобастый опływ. Берег вокруг утеса был болотистым и топким.

Смертельно мягким.

Рон сглотнул, пошевелил языком и подвигал челюстью. На носу стояла шина и он старался лишний раз, на восторге простора, не раздувать ноздри и дышал через рот. Чуть запекшиеся коростой кровавые зарубки на теле саднили от прикосновения ремней ранца. Его пихнули в бок без лишней жестокости, больше так, для порядка, и они тронулись.

Пологий бережок напротив скал промысловики облюбовали давно. И в седловине меж обрывами заложили поселок. С домами пятистенками, подворьями, банями, сусеками, коптильнями, дровниками, хозяйственными клетями, холодными погребками и отхожими. Но земли оказались паводковыми. Вода не уходила до середины лета и людей отселили.

Поведенный, как полопавшаяся кора, дощатый настил хрустел, крошился под ногами, перебивая шепот травы. Ссутулившиеся, подосевшие от паводков избы казалось разбухли от воды. Но в месте разлива стояли еще и крепкие на вид дома соседствующие с жалкими развалюхами, усиливая тягостное ощущение безмятежной безнадежности. Прежде обжитое место теперь было нелюдимо и навевало понятную тоску.

Под насмешки и тихую брань конвоиров Рон шагнул за околицу и посмотрел на реку. Вода была такой прозрачной словно сгустившийся воздух пошел клубами. "Крикливая Грэтта" прятала свой норы под обрывами, бурля на береговых отмелях и пеньках сгинувших мостков.

Катер к берегу не подходил. Пулемет на мостике и выносная черная ствольная спарка на юте сверлили даль, следя за передвижениями вражеского диверсанта и пятерки охраняющих его егерей "коммандос". Если он на что решился, предупреждали, что водой ему не уйти.

Молча, с разбойничьим прищуром, Рон выкатил на середину двора тронутую древесным жучком замшелую деревянную колоду. Откинул рыжевато-зеленый элемент оперативной маскировки и расстегнул верх ранца сминая вокруг "Аквармики" плотную водоотталкивающую ткань. Изрезанный туннелями просветов "термитник" с крупинками стекла в застывшем металле выглядел хрупко и не долго временно.

— Если эта твоя штуковина окажется не всамделишная, — пригрозил космодесантнику командир охраны, рыжий Ульрих: - Я стану бить тебя, пока твои почки не приобретут форму моих кулаков. Годится? — Он смотрел на диверсанта как на фальшивую купюру: - Что молчишь? Впервые мозги на работу нанял?

— Не имей привычки говорить под руку, — множество отражений теряющихся в оплавленных крупницах глубочайших зеркальных коридоров требовали от Рона филигранной настройки: - Такой информацией разве шутят, — он медленно поворачивал вилочку линзы, нащупывая кривизну неоднородного воздуха и меняя толщину смещаемых преломлений: - По настоящему смертоносное оружие в деле обязано вызывать восхищение. Согласен со мной? — Рон оставил на распухших губах старательно покорную улыбку почти не отвлекаясь.

— Ну смотри у меня, шутник, — Ульрих соединил косточки кулаков и напряг толстые жгуты мышц.

Пешеван следил за происходящим на берегу из наблюдательного пункта в окружении старших офицеров. Зубр разведки знал что самородовские егеря "коммандос" ни на что не купятся, поэтому их и послал в охранение на демонстрацию секретного оружия.

Рон напряженно изгибал бровь. Бросал отдельные, ничего не означающие фразы. Темнил. От объяснений уклонялся. Вертел стеклышки туда-сюда, как наперсточник на ярмарке.

Не уследишь.

— А зубы твои в желудочном соке отмокать будут. Веришь ли? — созерцая продолжал допекать Рона рыжий, шея которого была толще головы и это многое объясняло.

Рон бросал придирчивые взгляды по сторонам и морщил лоб в раздумье. Он держался так будто ему предстояло совершить величайшее из дел.

Речники на катере прильнули к леерам по левому борту.

Рон делал то что должен и это давно перестало походить на безоговорочно талантливую мистификацию. Гипнотизируя неподвижными сухими глазами он смотрел в верх опустив руки в петляющие ходы "термитника" и ловил прорывающиеся сквозь жемчужное небо кипящие нити лучей. Его движения были попытками самого тихого свойства, но это не мешало им навевать если не страх то тревогу.

Под кожу рыжему Ульриху точно налили горячего воска. Ожидание раскалило нервы. Загалдели вскрикивая с перебоем птицы натываясь в небе на невидимый луч.

— От вашей опаски дело не ладится. Отойдите пошире! — прикрикнул на конвоиров Рон.

Грамотно "хороводом" обступившие Рона охранники по команде Ульриха чуть расступились.

Рон поменял коэффициент преломления в области спектральных наложений и усилил световой поток. Башня собранная из зеркальных чешуек вонзилась в небо создав лучистую дыру. Отраженный свет ускорялся, жег пальцы наполняясь чудовищной силой.

Чересчур нахраписто-требовательно и прямолинейно-распорядительно Рон вытянул

руку, властно обращаясь к рыжему:

— Давай ка хеклер сюда.

Ульриха предупредили что диверсант имеет полномочия такого рода. Он снял с плеча хеклер, отсоединил магазин и демонстративно передернув показал пустой затвор. Оружие перешло в руки диверсанта.

— Не дай бог вы отломили или стибрили чтонибудь, — пригрозил Рон.

У рыжего Ульриха взгляд был как у собаки стерегущей чужую кость.

Рон по резьбе отвернул прижимной кромочный держатель передней линзы лазерного целеуказателя. Не усердствуя, осторожно снял насадку антибликового колпачка и уронил себе на ладонь островок изумрудно-малинового света.

Егеря "коммандос" находились в каком-то ступоре наблюдая за его манипуляциями.

Рон, просто таки аттракционно, одним мановением вставил линзу в пирамиду "Аквармики". Какое-то мгновение его рука сохраняла каменную неподвижность. Пока в цветное стекло линзы не налилась синева небес.

Охрана смотрела на него с почти священным ужасом.

— Плюнь сюда, — попросил Рон рыжего, указав на только что вставленную линзу в середине.

— Чего тебе!? — не понял Ульрих, различив в своем голосе крикливые нотки.

— Что, плевка стало жалко? — издевался Рон.

Взгляд Ульриха метался как пойманный в ловчей яме зверь:

— Уверен, что ты сумеешь лучше меня.

Мазки складываются в картину при условии наличия мастера.

Рон пошкрябал, плюнул, протер уголком рукава, поправил расчетные углы пирамиды. Прожилки засверкали, с мгновенной силой взявшись словно из неоткуда. Поймав рекомбинацию отраженного пространства как подтвержденную бесконечность света.

Все вошедшие в круг нервно сглотнули. Кто-то зажмурился. Зеленый дымный порох листвы шелохнул кроны. Одеревеневшие взрывы вздрогнули. Егеря не заметили как втянулся его живот и поднялись ребра готовясь к рывку. Рон, улучив момент, лихо драпанул в озаренный прорыв, уклоняясь от подсечки. На матовом стекле реки без промедлений застучал пулемет. Разоренный берег взметнулся фонтанами. Тучи стекали как сумерки со склонов скалистых гор. Рон перемахнул через щербатый тын покосившегося частокола.

— Держи!

Погоня перекатилась половодьем через гребень забора. Пятерка скачущих преследователей заслонила Рона. Пулеметы на качающемся катере не могли вести прицельный огонь, угол наклона стрельбы по цели непрерывно менялся.

"Догоню, кишки его, как поводья на сук намотаю", — клялся себе рыжий Ульрих. Он оглянулся назад только однажды и понесся сломя голову не вдогонку, перешибая ногой гнилые колья, а уже наперегонки с Роном.

Небо взамлев упало загудев накатившим громом. Молнии внезапным воспалением прошибли небо с такой яркостью, что отбросили тени. Налетевшая косматая тьма метнулась от реки вобрав подрагивающий горизонт и превращая прыжок воздуха в обрушение.

Уже шестеро, забыв кто за кем гонится, опрометью неслись по ухабам торной дороги. Лесная чаща замутилась мглой. Светило прорвалось пару раз и зыркнув вскоре пропало вовсе. Натянутая каракулевая простыня рванулась и с треском лопнула бугристо провисая фиолетовым тестом. Секундой повечерело и потянуло холодом. Тем, могильным — точно не

лето подкрадывалось, а перескочив через тепло подушкой шлепнулась промозглая дождливая осень. Непроглядность гналась за ними по пятам. Перелетев через свежий земляной вал Рон, как багрид с ветки, кинулся в незримую глубину. Упал на колени и кувыркнувшись проехался лицом по намокшему мху, ставшему похожим на болотную тину. Дно окопа было влажным и утоптаным. Опорный наблюдательный пункт вторгался в чашу дорожной засеки ходами сообщения и сходился накатами к центральному блиндажу. Сверху, не различая званий, покатались корчась кубарем егеря "коммандос". Им было страшно до коликов.

Услужливые, мстительные руки подтащили Рона к главе тайной службы. Согнутый, он пытался отдышаться и безапелляционно прохрипел:

— Разве я не молодец так быстро уговорив ваших убраться оттуда?

По прозорам окуляров подзорного перископа полоснуло когтями молний. Пешеван отпрянул, перевернул околыш фуражки козырьком вперед и взорвался холодным презрением в гарнир перепачканного лица диверсанта:

— Делаешь вид что мы тут в игрушки куличиками играем! Если катерные как камень в пруду пропадут. Дружкам твоим в узилище гнить не дам. И тебе, оборотень, тогда не жить!

Кремнистые уступы скал чернели на фоне вороха наседающих туч, а травы голубели оттеняясь свинцовой синью. Дрожали и выворачивались по ветру.

Холодало с каждой прожитой секундой.

Рон поддался пугливому жесту, не вырываясь сжал плечи и возразил:

— Зачем бы я стал так глупить, но они сами могут быть чересчур беспечны и тогда...

Небо прогремело, дернулось морщась и смыкаясь новыми складками. Лопнула скалящаяся молниями туча. Ломкий сухой треск электрических разрядов вертляво чертил столь частые линии и зигзаги, словно пытался сложиться в письма и обрести смысл.

Интенсифицируя поле оставленная на колоде "Аквармика" наворачивала на себя пульсирующее мерцание циклов. Она люминесцировала подергиваясь и закручивая спирали размазывала пространство. Сверкали багровые всполохи. Первооснова структурированного вихря размывала границы вероятного. Цветное марево вращающихся спиралей разно ткало струящийся, громоздящийся ввысь свет. Оружие, окрашенные латунию рты молний пылали как вольфрамовые нити.

Вдруг исполинский ветряной жернов протер дыру в покинутом с такой поспешностью подворье. Избы смяло как вареное яйцо промеж ладоней. Растребушило на бревна и мороком омрачая и высасывая смыло в прорубь в дне весеннем. Все рухнуло, хлынуло в горловину, выворачивая глыбы глины, камни из склонов и кувыркаясь в черную бездну. Что люди строили годами, а река наносила тысячелетиями, осело внутрь другого мира. Сквозь колодец без дна колыхнулся скользкий зев, словно всасывая прохуdivшийся мир. Ртом распахнулся рупор кричащий внутрь себя. Окаймленная эластичная горловина окутанная вихрем облаков медленно, но верно расширялась разбухая в пути. Скандь извивающихся коленчатых молний кружилась всеми гранями ужасного как лезвия вокруг мусатного точила. Ветер гудел затравленно, с почти человеческими интонациями, нагоняя лютую жуть.

Никто не лез в критическую зону горнила. Матросы метались по палубе как черти по сковороде. Борт катера больше не держался над водой, которая обвалом падала в прорыв. Река водопадом опадала в шевелящийся внизу мир. В холодную высь под ногами.

Это, поистине, была дыра к звездам, которая не в небо уходила а в землю росла.

Водная пыль висела газированным светом, искрясь и танцуя арабесками, в пене

иссыхающей реки. Колоссальное чрево внутри извивающегося вихря под напором посвистывающего урагана насылало крошечный ужас. Бревенчатый дом с забором не сполз рушась рассыпаясь и падая в зев. А скорее нырнул, канул в пене, увлекая за собой льнущие облака.

Борясь с порывами ветра Пешеван потерял унесенную фуражку и вновь припал к подзорному перископу. В коловращении плывущего грунта, в полыхании брызжущего столба, в мути клубящейся бури мерцая искрились крошечные вспышки на гранях "Аквармики". Огневая мишень пораженного неба. Барабан пробивающий уходящий звук. Тетива рвущаяся сквозь себя. Пространство ураганным ливнем обрушалось в подобие собственного отражения. А "термитник" не ощущая ни пропасти, ни бездны трепетал в деструктивизирующем потоке инородно и ярко.

Управляя всем!

Разинутая жадная пасть с пенными покатыми губами водопада обрушала себе в глотку как проклятье отхваченный кусок чужого мира.

Вот. Рядом. Рукой подать.

Наводя тоску, неопишимо зловеще, порывисто резкий ветер кричал всеми звуками жизни. Волны горели бликами молний, сливаясь в сгустки пожара. Их брызги кавалькадой вздымались и множились опадая.

Борт кренился уже так близко к пенному кольцу грандиозного водопада, что несколько матросов торопливо спускали на таях шлюпки на воду.

Изрыгая из прорывов огненную магму небес тучи разодрались на клочья. В прохудившийся карман реальности притягательно хлынул поток. Ни реденькой сеющейся пеленой, ни тихий и обложной, а точно все демоны водного мира вырвались мощнейшим протяжно высоким смерчем на свободу и опрокинули небесный омут. В прорву кочующей безбрежности плеснули миром об мир, один из которых потоком падал в другой. Хляби разверзлись небесные, струясь вдоль ложбин. Побыв в ямах и водоворотах, и срываясь меж совокупляющихся пространственными сопряжениями утроб. Канущий, точно заговоренный поток и впрямь стал напоминать дождь льющий в бездонную полночь. Смешанная сплетенность неистовых вихрей выплевывала сонмища чистых клинков. Они не выкорчевывали жилистые бока уцелевших венцов, а разили сквозь, точно расщепленные молнии. Капли, словно метательные ножи невероятной остроты, резали градом брызг. Грозовые разряды лопнувшей лавы секущим ливнем полосовали и распарывали могучие плахи горячим золотом света. Взблескивающая металлическая дисперсия билась о преломленную поверхность голубеющей закраины. Разницу расстопарившихся масштабов, сосредоточие множеств с сокрушающей точностью стискивали колодки пространства. Волокнистая круговая нерегулярность, как сизая линия выпуклого пояса прибоа на небе, не позволяла вращательно колыхательному отверстию катаклизма развиваться дальше. Локализованная промоина в пространстве как растрескавшаяся ваза закрывала вселенскую дыру. Вращающийся портал не ширился, четко признавая края ощутимо круглого окоема. Дождь продолжал идти, соединяя землю с заоблачным небом. Вдруг "Аквармика" сорвалась за краепад глубокого пупка исчезнув в удлинившемся спектре сырого света. Мир резко свернулся ватманом бездонной пустоты, потеряв координаты с расправленных углов кипучей магмы и вдруг все стало снова вровень. Неуловимое мгновение упорядочило хаос, растворив оперон воздействия под пластами грунта. Река расплеснулась, неотвратимо набухая водой, безудержно погнала вздувшуюся волну и спущенные шлюпки взлетающие

возле катера напоминали канапушки на раздутой синеве щек.

Ливень окатил накаты кровли опорного наблюдательного пункта. Стены окопов сделались скользкими от дождя. В тени омытых деревьев было прохладно и сыро. Неведомо откуда взявшийся туман пух сырým войлоком и клубился подстерегая яркие краски леса.

Тяжелое как мокрая шуба небо тесной расселиной внезапно расступило сшибающиеся тучи и выпустило затворника — белое маленькое комплексующее светило. Холодное серебро капель украшало мелкими отблесками дорожку потеков на потолке. Водная взвесь дребезжала колеблясь и мерцая.

В разрыдавшейся непогоде, во всей этой чересчурности о Роне словно позабыли. Ненормально беззвучная гроза сполохов металась сырой изморозью по перелескам. Глухо шлепали о берег волны, передразнивая сердцебиение в его груди. Он прятался в темном углу, пока Пешеван не воззрился на Рона.

— Ты прикидывал сколько раз я хотел погнать тебя обратно, чтобы обезвредить эту штуковину?

С очевидно читаемым в голосе смятением Рон проговорил:

— Меня предупреждали что не стоит рассчитывать на людскую благодарность. К чему эта злость, вы могли подать сигнал спутникам и все бы на этом закончилось.

Брови главы тайной службы клубились гневом почти смыкаясь. Культ внутреннего зрения в Пешеване был чертовски силен. Двойная морщина молний поперек лба уперлась в полыхнувший взгляд:

— Можешь считать что я увлекся зрелищем, чужак.

Какой-то своей немногословной покорностью этот перво землянин отвергал саму мысль об утешении. Ознаменовав себя этим. Пряча за гематомами и рассечениями доходчивую суть и становясь в этом безошибочным.

Пешеван не сводил с него внимательных серых глаз, точно поймав странное общение не показанных ракурсов: накинутой личины с истинным лицом диверсанта. И ему сделалось стыдно от прежней своей слепоты. Это был хороший стыд. Правильный. Приближающий его к пониманию истинной цели событий. Что обитали в тени яркого и показного, продолжая достигать свою цель.

— Лучшим противоядием от одной лжи служит другая ложь. Ты сказал правду и подтвердил сказанное. Я боюсь вчитать свои мысли в твой мозг и принять их за твои. Но через то что ты от нас скрываешь-как бы не вышло еще хуже. Сорванное покушение на участников завтрашнего праздника видится мне промежуточным вариантом. Мой ум пока не в силах охватить весь замысел, но я буду начеку, спеша в нужный момент исполниться сутью. Твое предательство есть ложь. Я сужу теперь об этом предельно ясно. Как ты не доверяешь простоватой пошлости прямого взгляда и прячешь глаза как в покере, скрывая в холодном полумраке пчелки своих зрачков.

Все притихли. Внезапно наступившее молчание было полно истин.

ПЕРЕРОЖДЕНЕЦ

Хочешь сделать гадость — скажи женщине правду. А ведь любя человека ты ему

абсолютно безоглядно доверяешь. Это каким человеком надо быть чтобы не думать об этом, если не совсем, то хотя бы сейчас?

Астрел приложил лоб к холодной ручке платяного шкафа. Святой отец называл похмелье колоколами ада. Когда же он успел так напиться?

Тоненько но аппетитно, словно из не заткнутого жбана со сквознячком попахивало кислыми квасцами. Астрел жадно припал губами к кувшину, царапнув зубами по керамическому горлышку. Резкий холодок внутри живота тепло-хладно восстановил единство и неповторимую целостность души и тела.

Мы общаемся с противоположным полом в иных вибрациях. В разных вербальных системах. Понимаем ли мы друг друга? Хороший вопрос.

Лучший!

Не осознавать что эти женщины подразумевают на самом деле — дар божий. Но даже при этом мы умудряемся чувствовать тоже что и они. Сближение зажимает. Обвязывает. Нас расслабляют знаки преданности. Сокровищница акций обаятельной доброты. Они разовы и недоговоримы. Мы так обихожены близкими, что пребываем под впечатлением наркотика пристрастия, всякий глубинный анализ которого неможен. Лишь алхимия чувств понятна каждому принявшему к ней, ибо она говорит на любом языке.

Самая частая разновидность обиды — взаимное эмбарго поощрений. Эмили устроила мужу бойкот, поцеловав плоские, желтовато вялые, опущенные ступни сына. Искусно зашитый Карэл с венком краколиста на голове был распят на кресте. И это было последним что Эмили хотела знать и видеть в этом доме. Она забрала Сати, потеряв с ее головы сбившийся розовый бант, и ушла жить к маме. За домом осталась приглядывать Хавада, предпочитая не попадаться Астрелу на глаза и загнав Юджина в детскую.

Не давая воли своему сердцу Астрел постарался заполнить эти дни работой.

Астрел вытянулся встав на цыпочки и посмотрел вверх занавески. Роста хватало, мешали лишь стены каменного забора, которые точно волны зубчатым узором поднимались в небо. За "Панихидной аркой", посереде аспидных плиток в центре священного места стояла выложенная гладким базальтом твердыня. Подъездную террасу, по которой к склепохранилищу подкатывали катафалки, прикрывала густая тенистая аллея, вплотную вторгаясь в святая-святых "Некрополь воятеля". Длинная, высокая, не перебиваемая излишеством пилястр и каменных завитков, стена напоминала выброшенный на берег линкор на паровой тяге. Над кровлей часовни кирпичным торчком возвышалась труба и оттуда попыхивал дым. Строгую риторику здания кошачьими зрчками освещали узкие окна башенок. Перекрытия пролетов без фресок и колонны без ажуров как отмытое, отертое от всякой косметики лицо смотрело на храм "Встречи Отсроченной" сквозь черную радугу арочного входа.

Взгляд пересказывающий сон умерших.

Отец называл "Некрополь воятеля" градообразующим предприятием. Объединяющим мистическим символом, накапливающим силы для главного литургического высвобождения от рабства смерти.

В детстве Астрелу казалось что за этими базальтовыми стенами пыхтя работают чудовищные насосы, выкачивающие мозги и мышцы. Кровососущие все что еще можно отнять у человека после смерти, превращая его в пустую оболочку. Черный дым над трубой тягуче струился расписывая купол неба. Витками расточая смрад. Но не только по этой причине "Некрополь воятеля" находился на благоразумном отдалении от комплекса зданий

храма "Встречи Отсроченной". В склепохранилище на складе с мощнейшей вентиляционной системой находились запасы алюмокалиевой соли и кристаллического фенола. А в жаркое время года добавляли еще и инсектицид, пара дихлорбензол и гексахлоран.

Юный Астрел учился каждый день. Кроме школьных общеобразовательных предметов он постигал фамильную науку хомодермиков — работы с человеческой оболочкой. Правила разделки, консервации и скульптурную анималистику тел. Астрел готовил порошки для борьбы с волосагрызками и кожеедами. Великолепно изучил анатомию человека, обладал навыками художника и скульптора. Следил за запасами сухого льда и заранее, для поддержания нужной температуры, замораживал аккумуляторы холода. Помогал отцу препарировать тела усопших. Боролся с личинками мясной мухи. Стриг и обрабатывал волосы умерших парафином. Готовил спиртосодержащие растворы. Отмывал тела, крахмалил тонкие хрящики носа и ушных раковин. Наловчился управляться с ядовитыми эмульсиями, мышьяковой кислотой и натриевой солью. Обслуживал систему вытяжных шкафов. Научился плотно стягивать сшиваемые края, чтобы при оживлении не возникало некрасивого рубца.

К семнадцати годам он работал уже самостоятельно и прихожане вежливо снимали перед ним шляпы.

Война превратила труд Астрела в сплошной конвейер. Теперь, когда он понял что больше не станет пить, искусство чучельника становилось его единственным спасением от дурных мыслей.

Астрел не любил носить мягкую обувь без жесткой подошвы, пошитую из бархатной кожи рогаточника. Но был вынужден переобуваться в нее всякий раз направляясь в "Некрополь воятеля". Его путь проходил сквозь "Панихидную арку". Семью Сатерланов всю жизнь окружал особый статус посредничества между людьми и Богом. Пилигримы сопровождающие тело умершего новой души искать и надеющиеся на чудо сами выдумывали себе правдивые истории. Прогнать, обидеть отчаявшихся людей было невозможно. Он итак на всякое насмотрелся. Но само существование этой арки потворствовало дурным вкусам прихожан.

Проход под "Панихидной аркой" в одном месте был невероятно заужен. Символизируя одиночество каждого в потустороннем мире. Плавные рукава двух коридоров обрамляли подкову арки. Стоило Астрелу Сатерлану войти внутрь направляясь на работу, как сотни людей (в большей своей части женщины) подсовывали руки, ладони на холодные аспидные плитки пола. По их поверию, если хомодермик распявший их родственника коснется их руки — осуществиться перерождение умершего в новом теле.

Астрел ставил ноги осторожно, научившись идти по одной линии. Но под ногами хрустели пальцы.

Только бы кольца дыры снимали.

И вроде всего лишь по рукам подставленным он ступал, а все равно по людям шел.

Во дворцах не живут — им служат.

Женщина — собор стоящий на страже устоев и сохранении традиций. Мужчина — атеизм. Сила разрушительная, если не сказать дьявольская. Попирающая основы и испытывающая их на прочность. И как гармонично выглядит служба дарующая новую жизнь мечущейся без тела мятежной душе.

Астрел молился, глядя в каменные ребра потолка:

Господи, в руки твои я передаю душу сына моего

Обрати взыскательный взор свой...

Он зажевал окончание фразы. Голова жутко болела. Другие как-то рассчитывают свои силы.

Астрел распахнул резьбу рамы и опустился на колени, истово молясь божьему ветру, который путь указывает. Он нашептывал слова, которые с каждой минутой все труднее было разобрать:

Создатель, смилуйся на до всеми нами

И не лишай нас своей благодати

Слова, если даже это молитва, дополнительная к твоему внутреннему состоянию вещь. Хомодермик надеялся, благоговей. Он ждал знамений, от которых желал обрести покой.

Душа

Как птица

По доброй воле

в клетку из ребер стремится.

Неволи неймет

Упорхнет.

Огонь и вода — первые в мире развлекательные программы. И еще теплый островок света льющийся сквозь окно.

Что может быть более космическим чем закручивающиеся тучи пылинок в солнечном луче?

Парящий кованый ангел расправил узорно изгибающиеся крылья и летел сквозь зарешеченное окно, возносимый прорывающимся в темницу светом.

Вечный полет и вечный плен.

— Э — эй.

Иллари потащили за плече. Он невольно сжался прикрываясь от неминуемо последующих ударов. Еще снулый, полный тяжелых мыслей, потраченный в своих нервных окончаниях, он вязко раскачивался, расходился от сна, вздрагивая дряблыми фиолетовыми щеками. Продрав огоньки кровавых глаз Иллари увидел стоящего в раскоряку пораженного в правах Ниолу Бланшета. За скамьей зиял разобраный лаз. Никола был страшно собой доволен:

— Что спать, что помирать — вам все едино. Ну вы и дрыхнуть горазды. Как в вас шпионов узрели, не понимаю. — Всклоченные волосы и борода торчали как колючки репейника. Заросший и неопрятный, он все же выглядел лучше чем жестоко избитые космодекантики. Но и он был милостив, разглядев распухшие, кровавые синяки. Никола почти заискивающе заглянул в глаза Иллари:

— Сильно били?

Иллари героически морщился от затрачиваемых на речь усилий:

— Не...Щекотно было. А когда меня щекотят я неприлично смеюсь. Обижаются на меня за это и уже лупят по настоящему, — не весело пошутил Иллари. — Как мне еще ответить чтобы ты поскорее отсюда убрался?

Парс лежал на спине болезненно тихий. С застывшим на пол пути к навязчивому собеседнику презрительным взглядом. Выбоины на камне не шли ни в какое сравнение с тем что сотворили с ним пытари.

Почесав под бородой Никола взирал на узников со спокойной симпатией:

— Не горячись. Копи силы. Достойный правды поймет молчание слов. Я вижу как вам досталось. И предположить боюсь куда делся ваш... третий.

Иллари посмотрел на него со смертельной тоской и язвительно ответил:

— Его освободили раньше срока за очень хорошее поведение, — хотя гримаса на лице была абсолютно лишена юмора.

Грянул звук, заколебал воздух ставший вдруг непомерным. Резко развернув их к окну как к некому пределу. Замешательство трех ни в чем не повинных друг перед другом людей совпало с первым движением звонаря перебирающего в своих руках связку концов на языках колокольных тяг. Кисть руки заработала ловко и с настроением. Оживляя красивый звук, как удары сердца заставляют жить человека. Колокольный звон трансформировался, превалируя и донося особый смысл.

Вороватые посверки во впалых глазах Николы исполнились некой тревоги. Он мотнул головой, повысил голос и заговорил очень быстро и громко, при этом заискивающе и одновременно подобострастно:

— Ах, незадача то какая. Думал позже прибудет... Как в праздник такой богослужение

и крестный ход пропустить. Крестом рассекающим прошу, уступите место возле вашего окна. — Никола в самых быстрых жестах обрисовал картину случившегося. — Стена здания ломается. Из своего мне и десятой доли не увидеть что перед вашим окном происходит будет. Поэтому и кладку меж камерами заново разобрал. Обиды не чините. Дайте шествие посмотреть, на чудо подивиться, — взмолился Фрак. Неухоженная щетка усов грязной пеной налезала на огрубелую мякоть верхней губы, чудовищно старя Николу Бланшета. Он собирался еще что-то сказать, когда Иллари просто поднялся, взобравшись на скамью, и подал ему знак занять свободное место возле себя. Раны саднили, но боль забылась как только Иллари посмотрел в окно.

В тени каменной ограды теснились прихожане, захлестнув кипением голов все улочки и дворы вокруг площади. Люди толклись у ворот сдерживаемые живой цепью солдат. Стремясь держать толпу в повиновении оцепление не допускало к темнице никого. В домотканой одежде, в платках и картузах, возбужденные и с избытком переполненные энергией они запанибрата наступали на ноги и пихались локтями, растрчивая достаточный резерв злорадства. Не теряя то удовольствие азарта насолить ближнему и не скупясь на однообразное количество повторяемых тычков, которые скрашивают любое ожидание.

Пытаясь перекрыть гвалт и глуповато моргая мужичек, с хитрым лисьим выражением на лице с поспешной ловкостью, совал охраннику какую-то свернутую денежку. Он пытался задобрить стражей и выхлопотать не толкучее место получше и пообзорней. Охрана купюру игнорировала. Мужик горевал. Но и он в конце концов понял, что слова "Не положено" и выполнение приказа "Отойти!" обойдется дешевле чем неповиновение этой простой команде.

Колыхание вдоль улицы мятых подолов и стук топчущихся запыленных ботинок сливались в серое единообразие. Линялые кепки и сбившиеся платки, барышни и барыги, суровые и чрезмерно румяные, обновленные и перворожденные, попрошайки с зеваками и пилигримы в трауре пребывающие. Вперемешку, в сутолоку. Как в тостере под палящим солнцем опекали друг друга и тихо, под неусыпными взглядами цыкающей стражи, негодовали маясь ожиданием крестного хода.

Узникам, по странной привилегии, достались лучшие места в сырой тени подземного жилища. Охраняющие тюремный блок солдаты не давали прихожанам стоять напротив режимного объекта и заслонять обзор.

Не попустительствовали даже вездесущей детворе, запрещая тем взбираться на деревья и пологие крыши.

Разноголосый звон нарастал перекрывая густой гомон толпы. Лимонно-медовые колокола будто раскалились на солнце, переплавляя в себе кипучий всеобъемлющий звук. От чего их звон казался еще более тугим, всеохватным и даже рельефным. Нагуливающим празднество высокаторжественного дня.

Каждая мелочь высящегося островерхого храма пребывала в значении. Мягкий наплыв нависающих арок походил на чешую дракона. Тяжелые стены храма облегчали роскошные стилеты шпилей и арочные окна с прихотливым мозаичным узором витражей. Склонные к риску конфликта стилей фигурные каменные рюши по контрфорсам, крученые завитки резьбы рам поглощали своей представительной не монументальной красотой даже намеки на существование каких бы то ни было иных концессий. Нарядные флаги с изумительным гербовым шитьем тяжело плескались под свежим ветром.

Поймав состояние момента звонарь словно бубенцы на дальнем большаке встряхнул и

росой посыпался звук, мелодичный и бисерный. Легкий и чудный. Практически зефирный. С малого звона на большой, будто в набат, то вновь журчал затихая малиновым нежно жемчужным перекатом. Точно с последней виноградины дрожащего колокольчика, тычинку цветка разбивая о горячую сердцевину пестика, до целой кисти не откалиброванного встряхивающего подлетающего гама. Не обременительно кропотливая бесконечность страстно открытых и чистых вариаций тешила взыскательный слух, мудрено и запальчиво одновременно. И порознь уже по другому. А потом еще как-то. Не так и не эдак. Мимо всего к чему слух приноровился. Звонница рассылала звук точно верхом. Не этим миром. Как уже не сказать. И все равно хорошо пуще прежнего.

Из под колокольных юбок жарко катясь вырывались яруса оглушительных грез. Венчая гульбище звонким распирающим пологом, соединив его силой ритма с эхом незыблемого камня под ногами.

Он слышал это много раз. Он много раз был восхищен этим.

Не то совестно Николе стало делиться радостью такой с душегубами пришлыми, цены ей не понимающим, или застыдился он чего другого, пройдясь по собственным грехам. Только понесло его тараном, здравый смысл вышибая:

— Скажи, паря, — обратился он к Иллари. — А правда что у вас на Перво земле народу как нечисти вокруг огня на страшном суде. Счетчик Гейгера заменяет вам трель сверчка за притолокой. Что благо порядочному гражданину забираясь в потьмах на жену приходится расталкивать по разным углам человек восемь вповалку ночующих. А из под койки все равно недовольные, кому рожу панцирной сеткой расцарапали, ругаться будут. И верно ли, что с Перво землей еще малая земля кругами ходит. Луной зовется. Даже на ней людей ваших так густо проживает, что она под их тяжестью вращаться вокруг себя перестала? Сознайся, не таись, — кончики его тычущей в лицо Иллари бороды были так затейливо закручены, точно их выращивали в тесном цветочном горшке.

Никола мог быть соглядатаем и простым послушником при храме. Что еще поведал ему тюремный телеграф?

Вкрадчивым манером, не сердясь даже, мало деликатно отстранив Николу ладонью, космодесантник ответил:

— И ты туда же. Спрос как допрос учиняешь. Если признать за факты рассказанное тобой, то можно без труда догадаться что ты сам в такое не веришь, — в голос Иллари прокрались непрошенные фальшивые нотки: - Как слепому от рождения никогда не понять цвета неба, так и нам не познать таинства Боговспоможения. Наш мир в половину не таков, каким ему следует быть. Ваш мир отличается тем же самым, — в глазах присыпанных усталостью блеснула зыбкая топь. — Вот когда ты про Эббата Сатерлана и Моринга Флока нам живописал, мне показалось... за страстью прелюбопытной истории с гибелью и возрождением, ты... как бы это... несколько буднично с ленцой отзывался о семействе Сатерланов. Так ли это? Или то был всего лишь плод моего разыгравшегося воображения?

Иллари пытался устроить некий эмоциональный шантаж. Обострял, воспользовавшись желанием возбужденного человека доказать свою честность и сразу же повысить его самомнение о себе. Кажется, у него это получилось.

Взгляд Николы остановился, протек. В глазах разливалась чернота. Его по обыкновению всклокоченная борода теперь стояла дыбом и он заговорил более яростно и агрессивно:

— Скажи, как подумал на самом деле. Что я обзавидовался?

— Пусть так, — мягким, чуть дрогнувшим голосом подтвердил Иллари.

Их пальцы были рядом, вцепившись в прутья решетки.

— Как не позавидовать, — в голосе Николы появилось что-то крикливое и приторное:— Чучельник живет не чета всяким. У кого самый богатый дом на земле храма узаконенный стоит и стоять будет. У Сатерланов, мое почтение. Кому подношения и подарки всякие с возов валяются, да они об них запинаются, лень поднять. Чью родню канонизировали и к пантеону святых отнесли, иконописной сделали. Тоже их. Маслом на меду осветляя лики на иконостасе так приукрасят, будто я ни одного живьем не видел. Кого боятся и загодя с головы даже в стужу шапку рвут чтобы в пояс поклониться. Опять им.

— А боятся за что? — в голосе Иллари прозвучало нечто большее чем просто любопытство.

Кудлатая борода загибалась на кончиках волосьяными крючьями, собираясь исцарапать грудь собеседника:

— Посмей его обидеть, Астрел такие тени подведет, так изгиб губ подмалюет, скрытые прижизненные пороки мертвого кистью подчеркнет, позору не оберешься. Все родичи будут за чучельником хвостом ходить и оправдываться, умоляя чтобы он черты покойнику переписал. Думаешь делал? Походя отвечал, что человеку с придуманным лицом не возродиться никогда. И мог оставить все как есть. Когда подопрет, кто хош понятливым становится, только не Сатерланы, — Никола разошелся, припомнив и не такое, к делу не относящееся. — Так две еще в пору желанья овдовевшие родственницы, бывшие замужем за погибшими братьями, не то чтобы передрались, но за волосья друг дружку потаскали. Душа мужа одной вселилась в тело брата, который ей, стало быть, до смерти свояком приходился. А тот гулеван был. Ожил и ожил. И признаваться не торопился. К обеим захаживал... так и забеременели. А вот еще скабрешней...

Под священной сенью центрального нефа в вольготном полумраке обновленного лака внезапно вздрогнули золотые оклады икон. Пронзительный детский хор заглушил гомон толпы. Пудовые свечи на богатом иконостасе казалось тоже потонули в дрящемся пении ритуальных певчих. Пономарь названивал с звонницы оглашено. Невоцаримая тишина над площадью "Обретения" трепетно отозвалась гулом почтения, заставив насмехающегося остролова прикусить язык.

Еще патетичнее и с надрывом зазвучали детские голоса, с чарующей тоской сообразуя мироощущение со священным шепотом толпы. Потом детский хор притих, уступив первенство голосам басящим на самой низко летной октаве. Но вот притихли и они. Дрящееся хоровое пение как резьба лозой обвивалось вокруг порфировых несущих колон, узорных перил и маршевых лестниц. Огибало опрокинутый "торт" в граненых хрусталиках семи ярусной люстры. Пересекало объемы и грани куполообразного потолка центрального нефа, с фресками изображающими путь великомученика на Голгофу. Превращало стремящуюся ввысь динамику камня храма "Встречи отсроченной" в некое чувствилище благоговейного восхищения и средоточия людских надежд. Так теряются, то вдруг находятся вновь в затемненных пределах храма объемно стартующие пилястры и карнизы с фризами.

Сквозь полноводье людское, по грубым квадратам каменных плит, в длинных черных рясах шествовали семинаристы, вознося над головами внешние атрибуты чудо действия — шелковые хоругви, на которых были вышиты религиозные сюжеты со сценами из Книги книг. Продолжая крестный путь, дальше следовал хор из взрослых певчих и играющих на дудках детей. Подметая полами каменные плиты благочинно вышагивали, неся в руках лампы, наставники-духовники. Священники в рясах с капюшонами звенели

колокольчиками отгоняя злые силы.

Святой отец каноник держал в руках пилейму с настоем судариум травы пополам с краколистом и разбрызгивал его лохматой кистью-кропилком на жаждущих знамений и чудес прихожан.

Пахло ладаном и миррой.

Заглядывая в ноты на высоких тонких как колодезный журавль раскладных пюпитрах, сладко благостно и бравурно вострубила духовая капелла.

Процессия двинулась вниз, оттесняя прихожан к пестрой ленте мозаичного покатоного тротуара. Запарившиеся солдаты оцепления восстановили пошатнувшийся было порядок.

Иллари всматривался из под ладони, точно в темницу лился невыносимый свет. Кончики его пальцев были вымазаны черной пылью сажи с перьев железного ангела.

— Все тут. Не разобрать кто родственники, а кто праздные ротозеи. Где в другом краю нельзя что ли тоже самое организовать?

— Место такое одно, — немного выделяваясь, напыщенно ответил Никола. — Господь единожды судьбы наружу выворачивает. Подержит так, проявит немного и кого не облагодетельствует, тому милости его ждать не меньше года.

Месторождение мест рождения.

— Сквозь кипучий поток молящихся и просящих восемь молодых послушников выкатили вперед движущуюся котурну, увитую золотыми лентами. На платформе которой возвышался закрытый паланкин убористо расшитый узорами. Голосовые, ударные и духовые потоки смешивались истово перекрикивая других захлебывающихся восторгом действия участников.

— Это было что-то с чем-то. Аскетизм тут не канал. Парчевые края ниспадали с котурны. В колышавшихся складках паланкина проносились хвостатые инфузории комет, изрыгали пламя макро инфаркты солнц. Кресты-как след от скальпеля заживляли ткань и созвездия на распахнутой ладони, как линии жизни, приветствовали скорбящих и верящих.

— Движение приостановилось, словно людской реке расхотелось бежать дальше. Толпа галдела, вдоль и поперек крестясь крестом рассекающим. Псалмопевцы голосили, вострубили трубы, залиvistые дудочки разносили рулады. Звонарь рисковал плечом разбивая языки о медные купола колоколов. Тонко и надрывно стенали под кружевными вуалями вдовы. Пока ощущение праздника принадлежало всем. Волнение готовилось разрастись в психоз. Пресекая сумятицу военные призывали народ к порядку.

Очеловечивая чистую функцию чуда из паланкина высунулась униженная перстнями кисть, выставив вперед для опоры позолоченный в затейливой филигранной посох. И откинув искрящийся бугор шитого серебром края в кипельно-белой рясе триумфатора появился вставая отец-настоятель. На его плечах лежала вышитая золотом стола. Богатый гарусный пояс с малиново-алыми лентами подвязок стройнил фигуру. На голове красовалась массивная митра и сверкала разноцветными драгоценными камнями. Кругом все притихли. Звонница, трубачи и хоровые осели неторопливыми торжественными аккордами. Но над площадью "Обретения" продолжал висеть глухой шум людских надежд. Служки в шапочках с плоским верхом и длинных одеяниях бодро затрясли кадилами из позолоченной латуни, наполняющими площадь клубами ароматного дыма. На лицах прихожан застыло выражение готовности и веры.

Медленно поворачиваясь вокруг себя настоятель осенил крестом рассекающим все стороны света. Исполненный сознанием собственной важности он слишком давно был

рукоположен в сан чтобы переполняться энтузиазмом по пустякам. Седовласый старец ступил на откидную, расшитую потускневшими блестками, ступеньку. Алтарные мальчики подросли, любезно поддерживая его под локти. Несмотря на все старания оцепления народ поднапер и чуть чуть подступил к отцу-настоятелю поближе. Люди тянулись к тяжелому серебряному кресту с аметистами, на конце богато украшенного посоха, чтобы прикоснуться к нему губами. Выставив ладонь вперед старец мягкими пассами легко умирал неистовство толпы. Некоторые пытались припасть к порхающей длинно палой руке настоятеля.

Униженные перстнями пальцы напоминали перетянутые хомути проржавевшие трубы.

Отец-настоятель спрятал руку в карман подрясника и мягко ступая пошел вперед к "Некрополю воятеля", скользя полами многослойной одежды по храмовым плитам. Он опирался о посох соблюдая важность в каждом движении. Благородный металл на пальцах звякал о резную рукоятку. Аметисты на посохе дробя разбросали на мелкое киноварь искрящихся бликов, заковав праздничность в некое созерцательное остоленение. Собравшийся народ млеял в оторопи, внимая пышной обрядности праздника. Людской поток равнинной рекой неспешно сопровождал движение процессии.

С необыкновенным единством шумное многолюдье выбритой опушкой расступилось открывая аспидные плиты предвходя. Лепное узорье больших рельефных балясин над коричневым базальтом черной арки склепохранилища находилось под зданием хомодермического конструирования, куда и направлялось шествие прихожан, священнослужителей и пилигримов. Обретая свой собственный гул площадь продолжала звучать беспокойно и выжидательно.

Отец-настоятель застыл в коротком шаге от широких, частых ступенек лестницы, погруженных ниже уровня площади. Заканчивающихся высокими сводчатыми дверями под черной радугой арки. Густой, торжественный и громогласный голос отца-настоятеля трубой прогремел, заставив все иные движения приутихнуть и проявить на лицах печать почтения:

Творец созидающий!

Души вдыхающий и всем управляющий

В нас сияющий

В купе все миры освещающий

От света твоего рожденные

И тобой наполняемые

Ожидаем волю твою...

Борясь с тошнотворной слабостью и быстро наступающей усталостью Парс приподнял тело и вновь упал на локоть. Будто сырость темницы размочила в нем стержень.

Никола и Иллари напоминали побитых лишаем котов, наблюдающих из подвала с каким восторгом, какой силой и радостью переполнялось многолюдье улицы.

Слабость в коленях Парса была такая, что он по нужде подняться не мог. А тут встал. Распрявился, словно до того сломанный в нескольких местах. Опасно кренясь на бок он пересек камеру и поднялся на каменную скамью, утвердив негнувшиеся ноги между Иллари и Николой. Площадь была слишком освещена для привыкшего к полумраку. Волглый оконный проем, с в кракелюр расплюснутым меж двумя восприятиями ангелом, полыхал, выкалывая глаза вязальными спицами лучей.

Иллари подвинулся стараясь не видеть искромсанного лица Парса, различая лишь его костяную улыбку как наставление по свирепой экзекуции. Сам то он был похож на ожогового больного. Парс сопел прямо за его плечом, опираясь только на сырую кладку стены под окном. По его лицу казалось, что он вот-вот даст волю своим эмоциям и не то засмеется, либо, наоборот, загрустит и расплачется.

Что нам не понятно — то нас не трогает, не задевает, но даже космодесантники понимали что заглядывают за потустороннюю грань и зрят могущественную волю Создателя. Пропуская сквозь себя проливающийся вечный свет.

Оглушительный бас, как у хороших башенных часов с боем, продолжал звенеть ритмично и прочувствованно. Речь седовласого старца в кипельно-белой рясе была обречена на оглушительный успех:

Возврати через смерть близких наших

Прошу о милости устами мертвых

Верни жизнь в неизмеримость текущего

Величием доброты своей

И помоги нам немощным

Отец-настоятель с превеликой торжественностью красноречиво стукнул об гульбищенские плиты резным посохом и его густой одинокий глас взмыл, завершив пышную речь настоятеля:

Дивны дела твои, Господи!

Подиви нас и после!

Собравшиеся вокруг священнослужители заголосили исполняя помесь панегирика с экзорцизмом (прощальные слова по умершим с отчиткой изгоняющей из тел бесов). Усилившийся колокольный перезвон благоволя указывал верную дорогу запоздавшим душам.

Два цепных ворота разъяли, раздвинули высоченные, точно из камня высеченные, дверные створки. Особенно громко и жалобно всхлипнула чья-то вдова, комкая от переживания подол верхней юбки. Противно подпели дверные петли.

На всякий случай Иллари казалось, что он видит... ощущает...

В разводящей двери щели темной чащей чернело стоячее...

Даже отесанные камни в сей миг ощущали как время течет сквозь, укрощая тебя каждой новой секундой. Тени, прижатые почти отвесно к домам, казалось, тоже шагнули вперед заглянув...

Склепохранилище наполнялось мутным серым светом, которого внутри явно не доставало.

И тишина стояла и люди, пытаясь получить ответ на вопрос-мебиус: есть ли смерть после жизни, если жизнь после смерти есть.

Признавая некую меру условности происходящего Иллари, перебирая пальцами скользкие перья решетки, вдруг спросил Николу:

— А если раньше... не в нужную минуту открыть, а до того...?

Никола посмотрел так, чтобы всякий человек поежился:

— Никому не зреть удивление мертвых. Даже воздух там не стоит тревожить. Поверь мне на слово, — в его взвинченном голосе звучали предупреждение и угроза, а в глазах полыхал священный экстаз.

Иллари болезненно осклабился. Засаднили от разговора потрескавшиеся разбитые губы.

Аккуратная кладка вокруг прочных дверей остановила натянувшиеся цепи. Люди обмерли откровенно маясь в ожидании.

Надежда на краю обреченности.

Чинно шествующие наставники-духовники в темно-красном шелковом облачении с золотом на малиновом фоне шагнули на уходящие вниз ступени. Быстро и слаженно поставили лампы на плиты и огромные человеческие тени прыгнули на внутренний

потолок склепохранилища.

Священнослужители синхронистично и радостно воздели к ним руки самоорганизовывая духовную практику. Алые и желтые огоньки как плещущие занавески переливались в лампадах светом богоданного разума.

Вдову сильно пихнули в спину. Кто-то силой пробирався вперед. Солдаты отрывали от своей одежды чьи-то умоляющие руки, борясь с истерией и хаосом которые могли воцариться на площади.

Открытый вход в склепохранилище торчал словно захлебывающийся разинутый рот под стоячей кромкой площади "Обретения", куда вливался, точно расплавленное олово, свет.

У Иллари перехватило дух. Там внутри... устанавливая глубокую взаимосвязь вещей, болтливый язык воображения дорисовывал неразличимые детали. Но даже их было достаточно, чтобы он увидел висящих на крестах людей.

Проникший внутрь теплый воздух медленно покачивал распятия почти касающиеся друг друга. Усеянный крюками пологий свод скрипел кольцами удерживающими перекладины. И чудилось что не ветер тому виной, а сами, полные надежды, взгляды людские продавливают некрополь невероятного театра марионеток.

Это же лицезрели и убежавшие из своих домов от одиночества ожидания те, кто много раз уходили отсюда ни с чем. Но даже они стояли, оцепенев, широко разинув рты и выпучив глаза.

Узники благоговейно таранились. В паутине над головой жалобно подзуживали запутавшиеся спело зеленые мухи. Иллари не мог чувствовать... в воздухе, казалось, висел запах людей возрождающихся там столько лет, а из под не до задвинутой заслонки на нижней трубе совершенно не к стати... благоухало.

Паства на площади пребывала в сладостном трансе предвосхищения.

Молчаливые скорбные тени наставников-духовников бесшумно шагнули внутрь. Подхваченные лампы с выпуклым увеличивающим свет стеклами под страшным спудом "Некрополя воятеля" порывисто обгладывали застылый созерцательный покой склепохранилища. Выставляя на обозрение бледные, как мрамор внутренних стен, очертания пустых бездушных оболочек.

Священное масло в лампадах потрескивало.

Распятых на крестах теперь было видно даже лучше чем стоило.

Взгляды четко схватывали движения среди неподвижных поз. Пробуждаясь от забытья или дремы, подергиваясь, вздрагивая и шевелясь, дико озираясь по сторонам, ожившие высвобождали руки и стягивали, а кто просто рвал под подбородком лозавую петельку судариум травы, подвязывающую нижнюю челюсть.

Заспанные. Могильные. Хмельные от жизни. Переродившиеся прогоняли со своих лиц суровое и чуждое всему на свете заурядное одиночество смерти. Подставляя бледные, застывшие порой на десятилетия, восковые лица неугомонному встречному ветру человеческих переживаний.

Лавируя между распятий развевались сутаны наставников-духовников. Когда свет лампад соединялся оттесняя мрак, сделались различимы не только тела, но и лица в посмертных масках. Со всем причитающимся уважением и приличием духовники помогали застылым, вздрагивающим, еще не понимающим какое счастье на них свалилось и не знающих что они спаслись людям избавляться от пут. Оживленно помогая опуститься и ступить с креста на землю.

Оживленно...

Ибо истинные жесты хранятся в наших душах, откликаясь на метафизический зов помощи по мановению пропитанных вечностью ценностей. И освещенных тем кто контролирует смыслы.

Парс перехватил взгляд перемкнутого удивлением лица Иллари. Тот напоминал восхищенного безумца. Признавшего но не понявшего ничего. Согласно и опасного одновременно.

Что-то такое абсолютным приятием сидит в наших головах, что непорочное зачатие новой жизни весьма при странным способом переживаем легче, без особого недоумения, чем, казалось бы, естественную для всякого человека смерть.

Отдавая предпочтение вере перед сомнениями.

Поры жизни передающиеся воздушно-капельным путем разлетавшиеся по новым телам прорывались сквозь землетрясение чувств.

Никола Бланшет стоял прижавшись бородой к решетке и пялился на тяжело, с болезненной медлительностью поднимающихся по пологим ступеням на верх, вновь оживших. Он лихорадочно искал среди возрожденных кого-то глазами.

— Не зря их называют Франкенштейнами, — припомнил вновь Иллари. — Оказывается твой враг не только либо жив — либо мертв...

— Л-лэ-либо он Фэ-ф-фрак, — закончил его мысль Парс.

Толпа взревела — кто радостно, а кто тоскливо и обреченно. Истерика с подобострастным ужасом охватила людей. Многие плакали. Казалось их слезы оживляли как весенний дождь. Некоторые продолжали молитву боясь взглянуть правде в глаза. Верующие падали на землю в религиозном экстазе. Но это никого не смущало.

Приостановившийся мужик с плутоватой физиономией бормотал, в страхе быть услышанным, красочные проклятия.

С простодушным выражением счастья родственники валились на колени и бледнели как полотно узнав среди оживших своего почившего близкого.

Пуская слезы умиления, стена и скорбя, люди наглея ринулись в давку. В страстном угаре отец-настоятель мгновенно потерял над ними власть. Под несокрушимым напором двойное оцепление трещало по швам. Неуправимые собой, не одолевшие тягу к сопротивлению, мстящие неведомо кому, безликие в людской обиде, обманутые в надеждах своих бодались, боролись с несовершенством всякого совершаемого чуда.

Один перерожденный, торопясь жить и чувствовать, в беспамятстве бросился бежать, но его поймали, призывая на помощь родственников. Другие, покинув "Вместилище", шли сами, уводя, оттягивая группы по десять, пятнадцать человек из средоточия физической радости и боли.

Защитые, зажившие чрева чесались.

Шок, лишавший прихожан способности спокойно и трезво оценивать окружающее, проходил, уменьшая душевное смятение. Натиск толпы ослабевал.

— Вон как душа с новым телом освадебилась, — рассуждал Иллари о чуде как о случке какой, кисло уставившись в зарешеченное окно.

Рослая, статная молодуха с шелковым водопадом черных волос и прикрывающими стыд полосками ткани выходила одна из последних. Дрожащими пальцами хрустко, точно глазурь ломая, соскребла с лица посмертную маску. Очень это было зрелищно и эффектно.

Момент непорочного зачатия нового порока в овертайме жизни.

Щеки до висков и скул жутко правдоподобно пошли трещинками. Но она, уже пленительная теперь, на столько торопливо избавлялась от пригожей мертвечины, что расцарапала мелкую бородавку.

Капельки набухающей крови напоминали росчерк жизни на розовой бумаге ее румянящихся щек.

Реальность происходящего поражала.

Счастливые ручейки слез потерялись в густой бороде Николая Бланшета.

А за спиной, точно вышедшей прогуляться покачивающейся красотки, отчужденно висели распятые на крестах страстотерпцы, за каждым из которых стоял свой прощенный мир.

Главное событие литургического года наступило.

В регистрационные записи метрических книг нынче же будут внесены значительные изменения.

Как все меняется

И я меняюсь

Лишь именем другим

Я называюсь

Иль я был то

Иль это тоже я

Уходит дух

Но не душа моя

Самые интересные, захватывающие из ощущений те, о которых ты не можешь никому поведать.

Только душой мы можем желать смерти и только душа в ответ бессмертна. А телу всегда так хочется жить, но ему никогда не убежать и не продлиться бесконечной жизнью, укрываясь от тлена смерти.

Что не додадено природой — того и хочется. Мы устроены так и устройство это работает в нас исправно.

Вот только сейчас ОН был легче пушинки вылетевшей из подстилки гнезда раньше оперившихся птенцов. Изящней паутины сорванной меж разогнутых ветром ветвей. Прозрачной хрусталя в стене ледяной пещеры. Воздушной дыхания в первом крике сморщенного младенца. Эфемерней секундного сна меж смеженных ресниц. И ВДРУГ.. повис, почувствовав тяжесть и прогнувшись под собственным весом.

ОН был в теле. И оно было новей его прежнего...

Нам всем снились сны в которых с нами происходит что-то ужасное и мы пытаемся закричать, но не можем издать ни звука. Душа, обретающая новое незнакомое тело, испытывает нечто подобное.

Точно на темной улице вдруг зажглись все окна разом. ЕГО глаза широко открылись и вытаращились не понимая ни себя, ни того, что ЕГО окружало. Казалось из НЕГО смотрит какое-то другое, неведомое существо.

Торжественный казус толчков в груди. Соком бежит кровь по жилам. Губы солонют. Все кругом просит названий и имен.

Белая жемчужина солнца в окне узнана первой... Но осознание двоится и огненный желтый шар вырастает в размерах, изрыгая протуберанцы, то вновь удаляется уменьшаясь и одновременно с этим белея иным огнем.

Юноша подставил свету лицо, еще боясь открыть глаза и увидеть все не таким как он себе уже представлял.

Можно ли жить зажмурившись?

Он этого не знал.

И чтобы не задохнуться открыл глаза...

Сомладенчество двух сознаний никак не хотело брать бразды правления телом. Пока боль в затекших мышцах не возглавила пробуждение.

Нужно было освободиться.

От чего?

От того что причиняло боль...

Редкий властитель карал себя, с такой легкостью поощряя силы сопротивления.

Глаза шарили, искали, требовали...

В холодной дымке затуманенного сознания бились цветные бабочки воспоминаний. Но они как гусеницы еще были медлительными. Немыслимая власть над мыслями, которые можно было переложить в слова и озвучить.

— Ктонибудь! Эй! Отвяжите меня!- толком не понимая к кому САМ обращается.

ОН мог издавать звуки!

ОН, вот, слышал себя, только что!

Запах пота и ритм сердцебиения...

ЕМУ нужно было скопить некоторый запас стабильности. Свыкнуться. Обрести опыт

новой жизни. Что ОН умел всегда, то возвращалось в первую очередь.

Лучше всего Карэл умел терпеть боль.

Словно расправились, раздохнулись легкие в груди. Юноша взялся дышать до головокружения глубоко и часто. Осознавая свое право на внутреннее движение. Тело точно подчинялось беззвучному приказу, обретая жизнь утраченную и возвращенную вновь.

Но боль вновь охватила его и губы дрогнули.

Болели худые оглобли, растянутых на кресте в ожидании милости, рук. Кожа на ступнях казалась задеревеневшей.

К своему удивлению Карэл обнаружил что может двигаться.

Поворот... головы.

Путы, казавшиеся бархатными как носки из теплой шерсти, струной впились под кожу. Мягкая перина постели превратилась в посеревший брус. Ставшим на дыбы перекрестьем.

Цвет контроля — серый цвет.

Карэл висел. Он опасался не встать...

Крейг знал что встанет... Был уверен что травма была скорей психонервным шоком.

Карэл был невероятно восхищен этой заново открытой уверенностью в своей прыти. Юноша зудел от желания совершить невозможное, обыденное чудо. Он уже ненавидел эту позу... прыгуна в воду... в небо... Он вспомнил что такое верх и низ. Он пытался запомнить себя... новым.

Окончательно оживая и доводящаяся.

Мельчайшие неровности словно соприкасались с бороздками двигающегося внутри головы ключа. Совпадали находя свое место, соединяясь боковыми ветвями сознания.

Крейгу помогало все вспомнить его новое тело. Разные уровни сознания будто проникали друг в друга, само заимствуя неотложное.

Душа соединившись с телом порождала мысли. Пробуждала жизненную энергию, одномоментно прокладывая каналы восприятия и коммуникаций.

Ходуном заходили мышцы на теле. Высокий, тонкогубый он начинал чувствовать кисти и стопы.

Бережно и осторожно (в первую очередь к себе) юноша высвободил правую руку. Стянул с узкого подбородка завязанную петлей высушенную судариум траву и сорвав с головы бросил на пол венок из краколиста. Тот покатился, мелко постукивая шипами по паркетному полу. Повелеял и совершив последний оборот ткнулся в ножку стула возле пустой, аккуратно застеленной кровати. После чего упал плетеным хулахупом на край прикроватного коврика.

Жизнь уже наступила, но не принесла окончательного избавления от шока. Разум прогрессировал пробуждаясь в перерождении настолько стремительно, что Карэлу стало не по себе. Слишком полон был разум оперативного провидца, слишком богат внутренний мир. Соотношение их жизненных опытов и способностей было несравнимо. Во всем что не казалось примитивным сознание Карэла отдавало бразды правления сознанию Крейга, не выказывая конфликта интересов. Неоспоримо соглашаясь с главенством старшего. Опасное состояние раздвоенности личности легко преодолевалось в доверительной адаптации. Уступая по первому зову друг другу бразды правления, пока сами не перестали замечать разницы. Оперативный провидец нуждался в подкормке чувств от молодой, бьющейся в нем жизни. Карэл был счастлив как никогда. Он уже не мог и не хотел делить себя на того прежнего и нынешнего. Ему нравилось быть молодым и взрослым одновременно. Уметь

играть на клавесине и ощущать в себе способности силой предвидения защищать отца, маму, сестру, тетю Хаваду с сынишкой или кого бы то ни было.

Но больше всего на свете Карэл Крейг любил ходить!

В этом долгая обездвиженность обоих вновь совпадала. Подтвердив перекрестное кровнородственное сходство.

Пульс в пульс.

Тонкая улыбка играла на его губах.

Его не поверхностный взгляд в будущее, в сочетании с желанием двигаться, давал невероятное ощущение свободы. Он не боялся ни упасть, ни вывихнуть ногу. Карэл Крейг не боялся бояться.

Он знал!!! Предвидел.

Высвобождаясь от собственного многолетнего несовершенства и постепенно отвыкая от чувства страха совсем. Полная раскрепощенность молодого организма в сочетании с тренированным интеллектом спецназовца позволяла вытворять невероятное. Ощущение супермена восхитило его.

Вот она — жизнь! Она постоянно течет вокруг нас и забывает о тебе так же быстро, как ты не можешь вспомнить зачем висишь посреди застигшей тебя комнаты тонкой линией идеального пустяка.

У каждого за спиной свой крест с перекладинами глубочайшего отчаяния и высочайшего счастья. И ты возносим волей своей и распят в желаниях своих. И мучим грехами и свят надеждами.

Синхронизируя новые телесные ритмы, как некую сумму всех освоенных им вещей, с теми, которые жили в памяти Карэла Крейга, он освободил от пут вторую руку и хватко, через голову вцепившись в крест, мягко и одновременно резво спрыгнул на пол.

Карэл Крейг пошел по комнате. Шаг был вязкий, точно по колено в прибое. Мослатые ноги слушались хуже чем он рассчитывал. Взгляд еще не разогрелся, словно вчерашний суп в глубокой миске. Но Карэл Крейг торжествовал, упрямо передвигая ноги. Он подошел к окну и повернув щеколду распахнул обе створки. Его обдало ветром и гомон людских голосов обменял его тишину на праздник жизни.

Ор на площади "Обретения" стоял такой, что заглушал происходящее в доме. Астрел прикрыл окно. Чересчур поспешно. Створки закрылись не плотно. Поправлять было некогда и Сатерлан (в позе Сизифа) уперся в раму руками. Пальцы сводило судорогой.

Ему что-то померещилось...? Нет, он определенно расслышал... Он настаивал на том, что слух его не подвел! Кто-то... о господи, кому же еще... спрыгнул на пол в комнате сына.

Осторожно кольнуло отцовское сердце.

Астрел нещадно прогонял даже намек... Всегда хуже готовить себя к лучшему.

А вдруг!

Когда сердце и голова болят с одинаковой силой, это заставляет действовать.

Чучельник, когда в его дверь постучались военные, согласился на сверхурочную работу не раздумывая. Каждый сохранивший целостность и не разложившийся труп по законам Фракены подлежал хомодермии. Канун праздника Боговспоможения ничего не менял, а наоборот служил дополнительной причиной закончить дело в срок. Спортивные, жилистые егеря "коммандос" доставившие тело знали порядок. Они помогли стащить термо поляризованный мешок...

Астрел Сатерлан препарировал, работал, колдовал над мертвым диверсантом почти всю

ночь. А потом позволил себе напиться.

Тяжелая голова теперь сильно мешала слуховому нерву ощущать отдельные сегменты звуков.

Даже самой липкой паутине на свете не изловить шуршание всех крыльев.

Он перестал слышать движение в комнате сына. Астрел чувствовал как слезы наворачиваются на глазах. Он уже примирился с мыслью... как вдруг хлопнуло раскрывшееся окно. Астрел точно помнил что сам закрывал окно в комнате Карэла.

Создатель всем нам посылает испытания...

Освобождая себя от пут отчаяния Астрел хранил все что было дорого и скучал по этим пустякам. Есть вещи которые нельзя доверять человеческой воле. Он не помнил как дошел до комнаты сына. Отец, утерявший все мерила возможного.

Астрелу перехватило горло. Он долго не мог открыть дверь и переступить порог.

Любопытство, порой, может довести до безумия...

Астрел едва приоткрыл дверь... но как-то сразу, рывком... он так и вперился в того кто стоял...

Присохший и казнящийся. Рубашка пластырем прилипла между лопаток.

Падающий сквозь открытое окно резкий свет мял, пережевывал фигуру. Ломкая прозрачность обросшей плотью намолчавшейся тишины. Астрел оторопело смотрел на человека, который разворачивался, открывался как вращающаяся сцена. Длинный, сплюснутый, как вымерзший из по до льда лягушонок — таким был худой и бледный Карэл.

То что делает нас забавными — делает нас живыми.

Высокий, тонкогубый сын светился, щетинился светом полыхая высокой теплоотдачей души. Нерастраченность подростковой силы неукротимо билась в его жилах.

Монолог разглядывания. Примирения. Никак подготовить себя к этому не возможно. Несмотря на все совпадения Астрел оставался настороже.

Что в нас ищет правды, наш разум или наше сердце? Искать истину среди наших предрассудков и уметь слышать себя?

С уходом некоторых людей из жизни мы начинаем недолюбливать этот мир. А с возвращением...?

Сухой смешок, больше похожий на кашель, вывел Астрела Сатерлана из ступора.

— Повтори это снова, — Астрел был ошеломлен до восторга. Его сердце умирало от счастья и возрождалось вновь.

— Но я ничего не сказал, отец, — белое лицо с очень тонкими бледными губами как часть себя хранило отпечаток и его самого. — Твои нервы так напряжены, что пахнет изоляцией, — ребячливо заметил сын.

Отпустив дверную ручку Астрел вошел в комнату и совершенно тихо остановился, его слегка знобило от внезапного наития и радостного потрясения.

Что испытывает человек пытаясь обрести себя? Астрел слишком долго был человеком находящимся в одиночестве рядом со своим сыном. И теперь сны, мечты и явь совпали и случилось заветное. В сыне было страшно много жизни и столько, **СТОЛЬКО ВСЕГО!**

Что зажато и прожито

Все ожило и зажило

Перерождаясь заживо

Искушая ту свою подростковую беспомощность сын стронулся с места. Двинулся с пластикой грациозного зверя в спокойном непрекращающемся властвовании над телом.

Когда на тебя вот так надвигается твоя кровь — это непреодолимо. Астрел взял в свою руку ладонь сына и стал гладить его пальцы. Голос крови — это то, в чем обмануться невозможно.

Это откровение западало в Астрела по совершенно иным, редкостным, омытым амброзией каналам. Он видел своего сына, он нуждался в нем. Это ощущение становилось общим. Одномоментным. Как первородная связь и опыт крови.

Сын смотрел как бы из далека, с какой-то безразличной зоркостью взгляда, из потустороннего мира в котором он пребывал до сего момента.

— Ты как чувствуешь себя, сынок?

— Будто заново родился.

— Вот значит как... Прости, сынок, у тебя такое выражение лица...

— По твоему это слишком навсегда. Да, отец? — В нем изменилось что-то внутреннее. Настолько устойчивое, что казалось находилось вне произволения человека.

Но разве став кем-то еще Карэл не оставался самим собой?

У Астрела отлегло:

— Говори громче, сынок, — Сатерлан нарастал знанием о сыне, узнавая его больше и больше.

— Я никогда не имел привычки вопить, отец.

— Помню. Все помню. И понимаю. Это непоправимо и это прекрасно, сынок. Хотя, черт возьми, не дай бог по такой кромке кому пройти во второй раз. Но к этому тоже надо привыкнуть.

— К чему? — рефлекссы сына были превосходно отточены.

Астрел почувствовал как размягчается вставший поперек горла ком:

— К ощущениям родителя присутствующего при возрождении собственного дитя.

— С этим у тебя все будет в порядке, папа, — это был полный решимости взгляд человека до конца контролирующего свои действия. Астрел хотел потрепать сына по волосам, но натолкнулся на мало знакомый взгляд: капсульную сосредоточенную сжатость его зрачков. Та чистая невинность с легким неуклюжим уродством стирала странную артикуляцию его глаз, то в момент возвращала им исключительное миро терпение. Такой сложный, тонко взаимодействующий взгляд очень прижился на лице его повзрослевшего отпрыска.

Астрел тяжело опустился на стул. Что-то освободилось внутри его и он тихо заплакал.

Сын изменился, за исключением всего остального.

Ревнитель традиционного порядка вещей, примерный прихожанин, добропорядочный семьянин, ортодокс веры, хомодермик божественного провидения, избранный

"Правовержец" Астрел Сатерлан был несколько суетлив в жестах, когда до его слуха долетел оттянутый щелчок задвижки на двери ведущей на задний двор. Он мельком глянул на часы и чуть раздвинув портьерную ткань посмотрел в окно выходящее в сад. Светало.

Накинув шалевый платок Хавада выкралась через черный ход и переваливаясь засемила по аллее к калитке в стене, на ходу подбирая нужный в связке ключ. Она поспешала цокая каблуками, не в состоянии затеряться на пустынной в этот ранний час храмовой площади. Утренний ветер играл сам с собой, гоня мусор от "Панихидной арки" до "Некрополя воятеля".

Запнувшись Хавада могла поперхнуться слюной, так много вкусных новостей никогда прежде за раз не помещалось в ее вездесущей голове. Она дослушала под дверью разговор отца с сыном до самого последнего словечка и теперь поспешала на радостях с добрыми вестями к Эмили, квартировавшей после размолвки с мужем у своей матери. Другие, более быстрые способы доступной связи, были Хавадой брезгливо отвергнуты как примитивные и недостойные охов и ахов, зареванных глаз, тонких нюансов мимики и прочих иных удовольствий прямого доверительного общения, за которые всякая женщина готова отдать то небольшое, что вообще они способны выпустить из своих ручек.

Кадка не расплесканных сплетен покачиваясь ударялась волною юбок о пухлые ляжки торопливых ног.

Иди себе.

Астрел оттолкнулся от подоконника и направился к платяному шкафу. Если он достаточно хорошо вызнал Хаваду у него в запасе оставалось минут сорок или того меньше.

Через четверть часа он появился на пороге своего дома в рубаше "Джамайка". Пальмы, волны и раскрытые раковины на сочно-голубом фоне обжигали шелковым холодком. В начищенных до зеркального блеска туфлях цвета палых листьев с острым мыском его было не просто узнать. Идеально отутюженные желтовато-коричневые слаксы подпоясывал широкий ремень с шнурковым узлом-зажимом на пряжке.

Обшарканная метла замерла посередине счетверенного узорного рельефа аспидных плит. Дворник, больше похожий на бродячего музыканта, раскланиваясь обнажил голову, сняв бордовый, пошитый клиньями вельветовый берет, с лняных волос, стянутых жидким хвостом на затылке. Астрел поклонился в ответ и сунув руки в карманы брюк пошагал походкой праздной и бесшабашной в направлении Магерата Правительственного Национального Союза.

Редисовые купола храма, нарочито не замечая что причастны к великому, роняли длинную тень на еще зябкую почву. На омытой прохладой улице тени были такими мягкими, что слизывали запекшиеся щелчки каблуков по брусчатке. Блеклое небо, чуть подернутое петушками облаков, макалось в блескучую реку как луковица в соль.

Накопляя угол крена улица поворачивала в право будто уклоняясь от шаркающих шагов чучельника. Зеркальные окна из поляризованного стекла затоплял палех рассвета. Дома сошлись бортами, с цементировались переборками откинув кингстоны мусорных баков. Астрел шагал и ощущал как срабатывает под ногами заложенная, как мина замедленного действия, судьба. Необитаемая улица втягивала его словно вакуум, который оставляет после себя всякая великая идея. Несла воздушным потоком к изящным прутьям решетки закрученных на проволочку ворот, как к зашифрованной системе мира. За ними начинался парк.

С возрастом нас все труднее растревожить, вынести накатанную приспособленность за

привычные, ороговелые шоры скобок нажитого опыта. Мы делаем движения богатые сердцем только когда испытываем удары судьбы. И в такие минуты Астрел предпочитал наслаждаться красотой. Может быть по такому поводу и открывается душа человеческая?

Вполне может быть.

Магерат веером оплесканный аккуратными клумбами словно был сделан из фаянса. Цветы — как утонченная форма всего, поражала своим многообразием, густотой и яркостью бутонов. Были времена когда он рвал цветы на этих клумбах и преподносил их Эмили. Астрел лавировал между феерично цветущих, пузырящихся соцветиями клумб, приближаясь к сливочно-белому зданию Магерата. Фигурно переплетенная низкая чугунная ограда вдоль тротуара с нераскрывшимися литыми бутонами смотрелась как увядание в строгом размере поребрика. Брусочки вытянутых глубоких оконных коробок были задернуты наглухо. Четыре широкогранные колонны поддерживали треугольный портик. Выше над оконного желоба тяжелой волной плескались флаги. Ступеньки ведущие внутрь отливали эмалью.

Он был в своем праве, поэтому поднялся не задумываясь. Его позабавило как снулые, еще не сменившиеся с ночи, спокойно одинаковые охранники ощупали раннего гостя глазами-присосками. Небрежно, за левую дужку Астрел не торопясь снял закрывающие пол лица солнцезащитные очки и подмигнул охранникам. Те, узнав Сатерлана, повели лопатками будто от холода и поспешили разделиться. Один побежал звать Председателя Избирательной Комиссии. Другой, блеснув стеклянной дверью, стремительно распахнул ее и пригласил "Правовержца" войти.

Астрел оказался в фойе здания и твердо остановился посередине. Изнутри шторы на окнах казались ветхими от солнечного света. Идеально ровный пол украшал сложный, слоеный рисунок из одних оттенков желтого. Две резные лестницы поднимались в противоположные концы здания.

Тут было звонко от пустоты.

Астрелу хотелось бросить монетку. На счастье. Чтобы расколоть эту шлифованную мраморную крошку под ногами.

Во дворцах не живут — им служат.

Роскошь притворялась доступной. Откуда-то из боковой двери появилась ловящая блики лысина. Человек был мелок и немного встревожен. Он окинул взглядом Астрела, кивнул себе под ноги, оробел, и с плохо скрываемой досадой запоздало изобразил радушие. Тонкие черты прирожденного секретарского лица напоминали Астрелу не так давно выполненную клиенту посмертную маску.

— Мне только кажется или вы совсем недавно понесли утрату?...

— Это так, — поспешил подтвердить слова хомодермика Председатель Изберкома. — Брата-близнеца болотная короза прибрала... и вчерашнее торжество... — лысый глубоко привздохнул, — ... оставило нас ни с чем. Поэтому я немного... не в форме. Вы понимаете... — доверительно поведал чиновник поддегивая рукава обвислого пиджака.

— Скорблю за всех и за всех надеюсь, — изрек полагающееся в таких случаях утешение Астрел. — Но как же быть нам с делами не последней важности?

Чиновник казался почти напуган:

— Сей же минут. Процессуальных проволочек в таком деле быть не должно. Одна ваша воля... — он не уверенно замолчал, выжидающе глядя на Сатерлана.

В соответствии с сутью своей и инстинктивно влюбленный во все в чем заключается бунт Астрел лукаво поинтересовался:

— Для вас разве недостаточный повод что я заявился к вам в такую рань?

Чиновник попятился к покрытой ворсистым покрывалом тумбе. Складка за складкой собрал чуть запылившуюся накидку на изгиб локтя левой руки и окончательно стал похож на помощника фокусника.

Ящик для голосования представлял собой куб разрисованный золотистым песком и его стенки были залиты прозрачной плексидной смолой. В возбужденном замешательстве Глава Изберкома протянул Астрелу взятый с крышки вздрагивающий избирательный бюллетень. Сатерлан принял бумагу и пробежал глазами отпечатанный крупными буквами текст:

В согласии с законом "выборности решающего голоса"

единовременно избранный Правительственным Наци-

ональным Союзом Астрел Сатерлан, потомок Эббата

Сатерлана выносит решение на неделимое владение

планетой, согласно космическому атласу Жегрикова.

Кадастровое свидетельство регистрации за номером

0011037016, на хозяйственное землепользование, шах-

тную разработку недр, лесных и водных богатств осва-

ивающими представителями цивилизации Фракены.

Решение вступает в силу с даты обнародования момен-

та волеизъявления "Правовержца". И имеет статус об-

щепланетарного референдума.

Председатель Изберкома стоял в ожидании, дергая колпачок на кончике шариковой ручки.

Астрел прекрасно сознавал какой поднимется шум и скандал когда обратился к чиновнику со странной просьбой:

— Я бы хотел записать свое решение от руки. Буде так добры, принесите мне чистый лист бумаги.

Председатель слегка обалдел:

— Я не уполномочен... — колпачок выпал из его руки и покатился по полу.

— Разве? — Астрел надел легкую, глуповато непроницаемую улыбку. — Любая подписанная мною бумага является составленной по закону и не нуждается ни в дополнительном прописывании или юридических поправках.

— Если четкость изложенного в ней мнения трактуется однозначно и единственно возможно. Но так все равно нельзя! — попробовал он возмутиться, торопливо поняв что допускает оплошность.

Астрел в одно мгновение стер с лица улыбку:

— Ты слуга закона и обязан выполнять его согласно букве.

— Это не на столько безотлагательное решение... — пытался потянуть время
Председатель.

Сатерлан замолчал, скосив на чиновника взгляд и так взрастив паузу молчания в нечто непререкаемое, расставляющее все на свои места и дающее богатую пищу для размышления.

— Сожалею... — чиновник пытался вывернуться.

— Сострадание и сожаление не входят в вашу компетенцию, милейший. Принуждать и угрожать добротой нельзя, но это почти секрет. И главная свобода в том, чтоб не пришлось ни о чем сожалеть. Ни однажды. Ни потом.

Чиновник скис совсем. Над его лысиной висел топор, который пострашней карьеры и чина. Если бы не хомодермик а кто другой, никогда бы он не поменял выборный листок.

Даже мудрые и сильные мира сего становились послушными точно дети не пренебрегая возможными движениями его ланцета.

Взгляд уже спасался бегством, но Председатель еще медлил, уставившись в туфли с блестящим отливом.

— Нельзя воспринимать все рекомендации буквально, — подбодрил его Астрел. — Иначе жить зачем. Несите чистый лист бумаги заверенный штампом избирательной комиссии. Несите же! Мы за зря теряем время, — его глаза были сухо раскалены.

Когда чиновник вернулся, галстука на его шее не было. Он, видимо, и сам не заметил

когда тот стал душить его и в волнении был сорван.

Председатель заиндевелой рукой безропотно протянул чистый, как снежное поле в ледомир, бумагу с отметкой Изберкома.

Потребности говорить между ними больше не возникало. Все что они не в состоянии были понять — устраивало обоих.

Заботясь об обещании которое он дал сыну этой ночью Астрел достал из кармана собственную ручку. Каллиграфически разборчивым почерком он написал:

Планета числящаяся в звездных атласах и лоциях под

номером 0011037016 и названная Перво землянами "Са-

лютой Млечной" передается в полное безвозмездное

пользование жителям Перво земли, на срок не ограни-

ченный, по решению "Правовержца" Астрела Сатер-

лана, ставшего волей народа на одно это решение 16

радовника 89 года от первого дня Бого вспоможения.

Возможно, ктонибудь другой мог и поглаже написать, но Астрела все устроило в таком виде. Он поставил свою подпись под документом. Завитки получились немного странными, но "Правовержец" не стал ничего поправлять.

Жизнь определяется только тобой, а не кем угодно. Нужно сметь! Просто необходимо!

— Думается, пора, — ему самому понравилось как он это сказал. Как ключевое звено в естественном порядке вещей, законченным верным движением практикующего хирурга, Астрел Сатерлан сложил пополам избирательный бюллетень. Провел большим и указательным пальцем по сгибу, заострив его. И без сомнений, с легким сердцем, осознанно и произвольно одновременно, опустил в ящик для голосования. В эту золоченую емкость для смысла. Он напоследок расслышал шуршащий полет и стук упавшего на дно, опечатанного

сургучом ящика, документа.

Дальше все пойдет своим чередом...

Астрел, оказывается, подустал от построения гармонии. Он готов был завалиться спать прямо тут на голый пол и прикрывшись ворсистой накидкой посапывать обнимая одну из ножек тумбы.

Как идейный уклонист охраняющий свой выбор.

Чтобы хоть как-то спастись от зевоты он направился по ненужно длинному залу к выходу.

— А как же быть с пресс конференцией? — потерянным голосом бормотал ему в след Председатель Изберкома.

— Повесте мой портрет. Живопись любят все.

Чиновнику хотелось повесить его самого.

Астрел вышел на улицу беззащитно щурясь и вновь одел очки. До дому он так и не дошел. Завернув к отцу Аквитину поделиться радостью о возрождении Карэла. Ожидая его преподобие он уснул в прихожей на каком-то сундуке.

Ему снился свет. И как тенистые сумерки отступающей армией покидают Норингрим.

Солнечные лучи чернили пыльную листву. Возвращаясь домой Астрел воспользовался калиткой с шипастыми завитками, через которую сквозь стену храмового сада выходила по утрам на площадь Хавада.

Тени не ушли. Они остались. Заслоняя громадноглазое небо сомкнувшимся трепетом крон.

Астрел пронизывал серебряный смех Сати. Проказница, как оказалось позже, отнесла вазочку угостить Юджина конфетами. Мальчишка орал дурным голосом вылавливая шевелящиеся фантики набитые жирными пушистыми гусеницами.

Кусты сплетали, стискивали тропу. Огибая дальний угол сада Астрел пытался понять чутьем, а не лезть ломая ветви. Ему было принципиально отыскать жену самому. Естественном. Ни у кого не выясняя, лихо по гусарски, предстать хозяином в доме. Главной частицей единого организма где ни победителей ни побежденных не судят.

Астрел стал усекать шаги завидев благоверную и дав себе устояться. НапITYвая себя ее присутствием.

Взявшие поровну от дня и ночи, и от того полу правдивые, тени расходились от угла мезонина двумя неодинаковыми половинами. И между ними, под деревом, спиной к нему приседала Эмили. Ее плечи работали и среди встряхивающихся кудрей переливающей силой, казалось, потрескивали молнии. Все в нем радостно тревожилось от сладостного обожания. Он себе одному тайно внушал трусливое своеволие. Как после большого поступка хочется побыть без инициативным. Человек сплетенный из привычек и не суть важных вещей. Приложений к понятию быть счастливым. Он был склонен породить суету не досчитавшись чего-то или кого-то. Все целиком теперь были в доме. Возвращены. Рядом. Те кто были ему ближе всех, должны его повседневно окружать, немного развращая этим Астрела. Он жертвовал мелочами во имя общего ощущения. Умозрительно понимая и не дозревая в своем понимании. Он хотел бы перевести свою семью в форму собственности, а не в сферу чувствований и переживаний терзающих мозг и сердце. Он бы и в правду хотел коллекционировать их возле себя. Но рабство любви запрещено здравым смыслом и чем-то еще, вызывающим омерзение от одной мысли об этом.

Безответственные эмоции самые непосредственные.

Астрел застрял в этом состоянии комплекса в жестких объятиях обстоятельств, как, наверное, всякий мужчина на его месте после ссоры с любимой.

Побаиваясь жену ты делаешь ей самый неоднозначный комплимент.

Шамкающий но безротый шелест бриза с реки очень походил на шепоток. Ярко-зеленое перемигивание сквозящихся лучиками крон на солнечной стороне сада то тускнело, то ярко подрагивало в такт с ее короткими движениями.

Астрел подошел совсем близко.

Эмили словно собралась доить низкую, колесно трубчатую корову и ее полу скрывали травинки. Велосипед сына столько лет простоял а сыром чулане. Теперь она усердно оттирала ржавчину, не желая мириться с этими рыжими пятнами, особенно неуместными на сверкающих хромированных крыльях и руле.

Наверное сын еще спал. Они всегда очень много спят поначалу...

С травинки на плечо Эмили пытался переползти жужильный сверчина. Ломкие, длинные, все в заусиках, передние лапки насекомого зацепились за ткань кофточки, а травинка пружинила, приподнимая острое перламутровое брюшко. От чего жужильной сверчине для равновесия приходилось расправлять сухие загогулистые крылышки.

Астрел подкрался, сощелкнул ногтем сверчину и тот обиженно затрепав крыльями умчался фитилем в лучисто-голубое небо.

Эмили испуганно выпрямилась. Стебель ее тела вырос в одну секунду. Волосы, как облегченный небесный свод над ее головой, развивались нимбом. Когда она обернулась ее кожа была очень бледной как у ребенка. Женщина метнулась взглядом. Белые атласные голуби выбившегося лифчика заострили клювики — грудки. Даже теперь, с этой тряпкой в руке, в передернутой кофточке женщина из нее была через края.

— Ты ходишь как привидение. — отчитала она его.

— Привидение от слова "видеть". Ты думала обо мне, вот я тебе и привиделся.

— Я могла думать лишь о Карэле. Как он? — Эмили спрашивала невразумительно взбалмошно отвергая ответ. — Мне его сон показался таким крепким, что не стала... может я зря не разбудила... Наверное зря. — Говоря в слух мучившие ее слова она горячилась и комкала суть. — А то мне кажется что он как тогда... до того... будто ничего не изменилось. Хотя Хавада сказала что сама видела как он замечательно двигался, — тут же поправила она себя.

Она еще как бы смела не верить! Это казалось Астрелу невозможным. Невообразимое неслыханным. Богохульно жестоким. И он сказал ни граммочки не жалея ее:

— Ответь. Я хочу знать правду. Только и сейчас...

Эмили увидела как у мужа, возле ушей, перекатывались вспухшие желваки.

— ... скажи, тогда, в тот день когда я поймал Хаваду пытавшуюся задушить Карэла подушкой. Признайся, она сделала это по собственной воле или по твоему наущению? — его ноздри тонко импульсивно трепетали. Напряжение в пролете губ выказывало страх услышать очевидное. От храмового вина его лицо полыхало горячим бликующим катафотом. Но ему нужно было освободиться от этой душевной ноши.

Ветер теребил легкий подол ее платья. Неминуемые складки были несравнимы с теми тенями, которые потушили ее лицо.

— Думай как хочешь.

— Ты все сказала, — глаза Астрела густо чернели, как щель в полу, куда закатилось

обручальное кольцо.

— Хочешь никому не верить, тогда продолжай притворяться. Не стесняйся. Это жестоко и не честно. Так и сходят сума, добивая самых близких и потому легко обвинимых. Только себя не мучай.

Что мы знаем о себе придуманном в голове любимого человека? Да ничего.

Как у нее пульсирует синяя жилка. Раньше не было.

В идеальное не влюбиться, не оживить чувства гибельной самоотдачей, посвятив всего себя мрамору от которого отсечено все лишнее.

Когда он обижал ее, она бледнела и становилась бесстрашной:

— Выходит, ты и не знал меня никогда?

— Потому и любил.

В сиянии любящего сердца обласканный без тени живет. Знать не зная каким холодом бездонно ночное небо. Но в дальних пределах, облетев круг, твое солнце вернется. Как возвратилась она.

— Ты веришь только себе. Ты подозрительно хрупок, истаяв от вечного напряжения. Как же тебя еще-то надо неудобно повернуть чтобы ты разул наконец глаза, переломив пополам последнее из неосуществленных желаний и перестав контролировать всех наконец-то расслабился и признал, что не все ошибки совершены зря.

Главные проповедники это жены. Они сами находят грешников и выходят за них замуж.

В ней была экспрессия. Живой взрыв неудержимого огня. В себя влюбляют мелочи. Даже изьяны. Такое женщина понимает сразу и пользуется этим по мере надобности, проводя пол жизни перед зеркалом или приманивая мужчину естественной плотской красотой.

Если прекрасный пол когданибудь чтонибудь и погубит, то лишь грусть равноправия с мужчинами.

— Куда это ты вырядился? — злясь но не тревожась спросила Эмили.

— Иду на пляж. Где ровный песок и все доходчиво. У тебя слишком красивые ноги чтобы их заслоняла трава. Пойдешь со мной?

— Ты невозможен, — она швырнула в него тряпку.

Пальмы на "Гавайке" не пострадали.

Она коснулась его мокрыми, холодными подушечками пальцев. Густые, тяжелые ресницы набухли слезами. Эмили в слепую подставила ему перенервничавшие, слегка покусанные, старающиеся обезволить его своими дрожащими поцелуями, губы.

Женщина не столько в слабости, сколько в послаблениях своих восхитительно загадочна и прекрасна.

Эмили пыталась быть шире пределов, прежде чем ее плечи сузились и мелко затряслись у него на груди. Мало отделяя себя от нее Астрел искренне боялся продавить ее зыбкую сквозь себя, когда обнял и поцеловал.

Я умудрено жив

Я оживленно мертв

Ласкательный падеж

Спряжений языков.

Касания — пароль отношений. Он втирал в себя запах ее кожи как бальзам благовония. Все клятвы, все зароки, куда что девалось, когда он вот так чувствовал ее.

Комкая пряди и понимая как она бесхитростна в своей мудрости. И как правдива в слабости своей.

Все что нам не дано понять, скорей всего непонято никем. Ты можешь попробовать. Или быть счастливым.

Выбор есть.

Мы сами терзаем себя, пока мучаемся им. Сильный прощает, а слабый мстит. И еще не придумано наказание для того, кто в сердце твоём не подсуден.

Смысл семейного счастья в том чтобы не забывать того, что невозможно у нас отнять и зависящее только от нас. Они взяли блистательный реванш вспомнив цену многим вещам и возвращая себе душевный комфорт.

Астрел вновь привлек к себе Эмили и стал слегка грубовато и хищно шарить по ней руками.

— Что ты делаешь? — в ее вопросе была лишь толика тревожного стеснения граничащего с кокетством.

— Пытаюсь отыскать где же у тебя пимпочка.

— Что такое?

— Ты у меня вся такая тугая и упругая словно подкаченная легчайшим воздухом. Вот я и ищу на твоём прекрасном теле дырочку с пимпочкой.

Эмили взвизгнула, шлепнула мужа по рукам и тут же вырвалась, не утратив игривого настроения.

Слезы радости на глазах женщины как роса на цветках. Ее жеманство — сушая отрада. Эта цветущая нежность кожи расписала в те же цвета стены его душевного храма.

Глядя в нее он больше понимал красоту всего остального и ненавидел то липкое, что вновь поднималось в нём.

В минуты счастья мы легко способны на предательство.

В колодцах его глаз скользко плеснулось что-то донное. Давнее. Если до того Эмили подскакивая танцевала над травой, то теперь спешила спешно гася улыбку.

— Ты чего такой сделался? — она уже нагородила у себя в голове буреломы, подпирающие завалы из несуществующих бед, что даже взгляд не проворачиваясь остановился и врос в Астрела.

— Не знаю... Я никогда не был достаточно хорош для тебя.

Бессовестно последовательный в своём эгоизме он нехотя вытянул из себя, как вырвал пучек ни в чем не повинных стеблей с мокрыми комочками земли на волосках корней-торпедок.

— Ты когданибудь любила его?

— Нет.

Астрел швырнул пучек себе за спину и отряхнул руки.

— Ты ответила так скоро, даже не переспросив о ком...

— Когда же ты наконец повзрослеешь и поймешь, что Валерка Самородов — это единственная моя преграда не позволившая мне раствориться в тебе полностью до сих пор.

— С рожками и ножками?

— С колечками и овечками. А лицо такое довольное делать не стоит. А то я чувствую себя полной дурой что вот так запросто, без шубок и прочих контрибуций создалась тебе в этом.

Поступки мужчин это доказательства силы чувств.

Он подхватил ее на руки. Как не делал давно. С тех пор как дети стали все понимать.

А взрослые перестали...

Неподалеку, на пятом километре, сразу через переезд, на этой стороне "Крикливой Грэтты", находились общевойсковые склады.

Как капля жира стекающая по обжаренной горячей лытке, полноприводник мчался с горы к зданию управляющей конторы. Двигатель гудел нагло и напевно. На последних метрах Пешеван заглушил мотор и машина зашуршала покотившись накатом.

— На голодный желудок ничего делать нельзя. Не годится. Нервы оставишь. Как ты собираешься понять нас Фраков, если не будешь употреблять любимую нами пищу?! Все надо попробовать.

Рон знал какие цели преследует Пешеван и был пришибленно тих, царапнув обкусанным ногтем панель обтерханного полноприводника. Его подживающее лицо переливалось всеми цветами радуги.

Грау Альвес Пешеван изъявил желание отведать на ужин в обществе вражеского десантера улиточных сеченей из горячего источника под чесночным соусом и майонезом. По крайней мере обещано было так.

По законам высшей дипломатии Рон мог расценивать это как кулинарную месть за пугливое поведение некоторых, во время демонстрации "Аквармики". Больше все это походило на насмешку со стороны главы тайной службы. Издевательское поощрение.

Они заехали на войсковой склад и пока Пешеван, самолично выбирая, одалживался щипчиками для колки золотисто-оранжевых панцирей, скребком для выковыривания улиток и какойнибудь емкостью, Рон и двое оставшихся его сторожить егерей "коммандос" смотрели телевизор. Экран был маленьким, встроенным в переднюю панель автомобиля. Там речь держал тот же любитель улиток, только в записи. Пешеван на экране был в новенькой форме с золотыми позументами и малиновыми лацканами обшитыми по краю вышивкой в виде листьев краколиста. Погоны обмахнули с неба звездную пыль и тонкая, чуть сероватая водолазка трикотажной стоечкой облегла бычью шею Грау Альвеса Пешевана. Говорил он с удовольствием в своей привлекательной манере лидера:

"Они воровской самонадеянной шайкой крались по нашим улицам совершая шпионский рейд, беззастенчиво заглядывая в окна домов и тревожа покой мирных граждан вынашивали преступные замыслы и вероломно готовили их осуществление. Хладнокровно и расчетливо всаживали сталь и палили из всех стволов, убивая наших братьев и отцов выступивших на защиту своего отвоёванного мира..."

Пешеван охотно показывал в улыбке ровные, красивые зубы. У него были повадки кино звезды. Он широко улыбался той улыбкой славного парня, которая должна завораживать женщин любого возраста.

"... Я верю в безопасность, не потенциальную, а официальную и реальную. Без страстей, с одной только осмысленной полезностью. Силой возложенной на меня власти я и мои товарищи предотвратили масштабный террористический акт, при осуществлении которого могли погибнуть тысячи ни в чем не повинных граждан Фракены. Вражеские лазутчики попрали законы Божьи и человеческие и они ответят за свой преступный грех."

Рон сидел на переднем сиденье, совсем рядом с экраном. Оба "коммандос" у него за спиной. Один зевнул и со стоном потянулся. Бдительно спокойные, егеря позволяли себе слабину. В этом тоже была какая-то особая презрительная вежливость, знать что предателю некуда бежать и делать вид что стерегут его возможный побег. Не слишком тонко отыгрывая служебное рвение по приказу главы тайной службы.

Трансляция повторялась весь день.

Шландая в закатанных штанинах, в майке-алкоголичке и драной соломенной шляпе идущий от склада басяк никак не мог быть тем же человеком, которого транслировал светящийся экран. В левой руке главы тайной службы покачивалось эмалированное ведро с погнутой ручкой, в котором позвякивал скребок с щипчиками. Правой он хлестко размахивал как розгой и шел к машине проветривая подсачек.

Изображение передернулось, зарябило, порвалось и вдруг картинка вновь обрела четкость. Худенькая, тревожно стреляющая глазами девушка, с короткой, чуть растрепанной стрижкой пыталась перекрыть улыбкой охватившее ее волнение. Белый, безупречно лаковый особняк Магерата Правительственного Национального Союза за ее спиной фарфоровой безделушкой прятался за тернистые кусты многочисленных клумб. Ветер тряписто колебал флаги. Телеведущая открыла рот и торопливым голосом звонко произнесла:

— Скандалом закончилось подведение итогов голосования за право обладание спорной планетой. Астрел Сатерлан, признанный "Правовержец" для решения данного вопроса узаконил ее владение за Перво землянами. Рядом компетентных лиц предложено усомниться в дееспособности наследного хомодермика. Но при всей своей юридической весомости они, по хорошо известным причинам, отказывались выдвинуть обвинение ему лично. Обстоятельства выясняются.

Скрывая лихорадочное возбуждение Рон, с пьянящим замиранием, просмотрел тут же последовавший повтор экстренного репортажа от здания Магерата. В какой мере проделанная ими невероятно трудная солдатская работа имела отношение к этому сообщению космодесантник мог открыть только теперь.

Егеря "коммандос" сопели и шипели за спиной как выстрелившая из пламени головешка, сразу угодившая в лужу. Один не то заговорил, не то завыл с надрывом:

— Потрясающая лажа!

Второй пихнул его в бок и оба завозились на своих сиденьях.

Хищный, радостный и стремительно пыльный Пешеван запрыгнул в машину на водительское сиденье. Он почуял неладное тотчас.

По телевизору уже начинался новый повтор главной новости дня.

Парус терзаемый бурей был менее переменчив чем мимика на его лице. Рон теперь смотрел только на него: на эту смену дня и ночи, на трение тектонических плит его зажимающихся челюстей, на урочища и распадки меж набухающими желваками. Порывисто

сверкнувший взгляд казался остро хрустальным. Как алмаз в стеклорезе. Пешеван незамедлительно полоснул глазами. Его рот шарил по крохотному пространству кабины:

— Это ему цапки что ли подарки такие делать?! — Пешеван опомнился и переведя дыхание улыбнулся. — Да нет, не может этого быть, — обнадежил себя глава тайной службы, но это не помогло.

Незыблемый, дерзкий, поживший, способный таить свое ехидное злорадство сколько душе будет угодно, глава тайной службы постепенно приходил в себя. Пешеван огляделся вокруг, будто ища поддержку и неминуемо натолкнулся на Рона.

— У меня соблазн. Можно я тебе чтонибудь сломаю? Нос например?

В глазах Рона было столько созерцательного равнодушия, что казалось будто пустота смотрит сквозь степь и ледяную пустыню, прямо на кончик, обросшего капельками пота, носа главы тайной службы.

— Часть нашей профессии — умение проигрывать. Обходитесь без само предательств. Вы потом сами себе не простите.

— Нука, нука, — едва не перекосившееся яростью лицо Пешевана вытянулось, выправляясь от любопытства. — Ты никак знаешь откуда у этого бредового сообщения ноги растут?

Рон прислонил голову к подголовнику. Когда он заговорил, его слова были сухи и так же отчуждены, как и выбранная им поза:

— Спутник пропустил сквозь усилитель ультра частотные волны, читая и записывая телевизионный сигнал экстренного выпуска новостей. Переформатировал, упаковав серию импульсов и переслал импульсным передатчиком на борт обтекаемо устремленных клиперов. У пилотов дрейфующей пятерки кораблей позиция "В шлеме". Готовность исчезнуть в сингуляризованное пространство две минуты. Вашей аэрокосмической разведке все равно не успеть с перехватом. Перво земляне узнают о решении "Правовержца".

Пешеван долго укладывал ведро, потом вздрогнул чуть дернувшись в сторону и скептически заметил:

— Ты лжешь, болван. Опять пытаешься меня одурачить, трепло. Мы проверяем каждый сигнал ушедший вне сквозь пароли протоколов связи, расшифровать которые вы не смогли.

— Ваша шифросистема высоко надежна, — согласился Рон. — Это был корабль нашего запуска. График траекторий ваших спутников загружен в кодировки шкипер-системы малого спутника шпиона, подвязавшегося к вашему навигационному спутнику по синхронной орбите и потому не дающему отдельной засветки. — Рон говорил без суеты и радости, скрывая успех, стараясь быть точным и лаконичным. Как метроном. — И чтобы не совершали ненужных телодвижений, сообщил сразу. В спутнике запустился механизм саморазрушения.

Несмотря на присутствие четверых мужчин кабина казалась пустой и гулкой. Пешеван произнес совершенно чужим голосом:

— А что это ты так разговорился? Раньше все больше в молчанку играл, — обветренно резкий рот главы тайной службы обдал Рона свистящим дыханием. — Я пребываю в раздумье, ты параноик или экспансивный авантюрист?

— Высечь его с оттягом, чтобы кожа со спины как нарезка ломтями сползала, — подсказали сзади.

Царапина ухмылки в распухшей мякоти поджатых губ и зрачки, как маленькие островные твердины в море пустоты не таили коварства, потому что Рон впервые получил

возможность озвучивать правду:

— Я четко понимаю что вызываю в вас хроническое недоверие. Наберитесь терпения и имейте мужество выслушать меня до конца. Жизнь разведгруппы всегда висит на волоске и чем меньше этот пресловутый волосок отягощен информацией, тем больше шансов что он не лопнет. Главком Крейг в нашей группе являлся объявленным оперативным провидцем. Всеведущим и вездесущим. Его смерть была чистым самоубийством. Он покончил с собой зная свое финальное проявление. И уже я, по большей части тайно, нацеливал группу на объект, рассчитывая соответствующие контр ходы. — Рон громко, всем голосом добавил: - Потому что я являюсь не объявленным оперативным провидцем в в разведгруппе захваченной вами в полном составе.

Пешеван мускульной массой рванулся в беззвучном крике. В его глазах проносилась вороненая сталь:

— Ты имеешь наглость утверждать что если бы я распознал тебя в твоих опасных способностях, то ты узнал бы об этом сразу, в тот же миг?

— Раньше, — у Рона хватило выдержки ни поменять ни позы, ни взгляда. Он действовал безукоризненно верно.

Для Пешевана это был трудный, обидный, страшный момент. Его лицо покрылось неровными красными пятнами, демаскируя вулканическую деятельность мыслей творящихся под черепом главы тайной службы.

— Вот и разгадка почему вам удалось зайти так далеко. Я знал что это не просто везение. Значит таким финтом вы меня обскакали. Объегорили, — горестно и надменно произнес Пешеван. — Но "Аквармика"! Это оружие последнего поколения. Оно то был настоящим.

Чем секретней тайна, тем ценнее должен быть слой пыли ее покрывающий. Тут было важно не продешевить с моментом признания и путь пленения был способом продолжения борьбы. Я слил секретнейшее оружие как дезинформацию, чтобы вы окончательно поверили в идею диверсии. Вас нужно было смертельно напугать чтобы у вас и сомнений не было, что вы капнули где-то не там. Если ты хочешь выиграть, то должен тщательно прятать свой решающий ход. Крупная, доказательно продемонстрированная правда отвлечет и замаскирует любую подтасовку. Убив себя Крейг уравнивал шансы, дав время осознать всю серьезность нашего отряда. А когда его душа обрела тело Карэла он довел партию до победы. Вас можно было обыграть только в этом, — чуть сбивая агрессию закончил говорить Рон.

— Пока мы хлопали ушами он, будучи мертвым... мертвее не бывает, преспокойно поразил цель. Расчетливо и красиво. В самое яблочко. — Пешеван замотал головой и в своей резкой, категоричной манере возразил: - Все равно не получается. Между Карэлом Крейгом нет никакой кровнородственной связи. Значит это очередная ложь! Ты опять мне зубы заговариваешь?! — почти торжествуя воспрял духом Пешеван, поймав Рона на обмане.

— В таком деле самозванцы не проходят. И там где работает оперативный провидец случайностей не существует. Крейг Сатерлан был самым близким родственником Астрела Сатерлана на всей нашей планете. Мы точно преследовали генотипичность по кровнородственной линии. Сколько бы вы не пыжились а корни вашего генеалогического древа покоятся в почве Перво земли. Оттуда и растут ноги всей этой истории.

Брови Пешевана дрогнули: тактическая правота Рона, легкость его внутреннего настроения, незыблемое понимание сути вопроса, раскрепощенность, все это разрешало ему верить. Кругом все было слишком мелким и хлипким в сравнении с провалом... они говорили в

холостую, поскольку все уже состоялось, свершилось...

Нельзя срываться. Надо было достойно пережить этот разговор.

Понуро качая головой Пешеван строго и не ко времени торжественно спросил:

— Выходит ты вел меня до этой точки, до этого репортажа, до этого разговора? Как провидец?

— Гадайте как хотите, но думайте. Думайте! А не ловчите.

— Невозможно с тобой говорить, — сокрушенно нахохлился Пешеван. — Ты действуешь на опережение передозируя поспешность с которой можно принимать решения. А из недодуманных секунд сложена история человеческих ошибок. Тебя не должны любить даже свои.

— У каждого провидца свое одиночество. Это въедается в нашу суть.

— В жизни своей ни с чем подобным не сталкивался. Не знал что оружие прогноза существует, — признался Пешеван. — Почему бы вам просто не подбросить нам тело Крейга. Тем более что все к тому и шло?

— Сроки. Другие претенденты из числа Сатерланов, давно ушедшие в мир иной, могли разрушить наши планы в отношении скончавшегося сына Астрела. А смерть Карэла и самоубийство Крейга разделял короткий временной период. Они оба еще как бы не до конца ушли. Если вам так будет понятно. Не застарели в своих смертях. Нам оставалось лишь вовремя доставить тело Крейга Сатерлана на священное место Бога вспоможения до пятнадцатого радовника, чтобы не опоздать на целый год, как вы понимаете.

— Крейг Сатерлан был специально для этой операции внедрен в группу заброски?

Рон мотнул головой, соглашаясь.

— Без Астрела Сатерлана ничего бы не выстроилось. И слово "операция" в особом контексте Фракены приобрело двойной смысл. Его решение "Правовержца" для нас самый ценный трофей. Процессуальной практики оспаривания этого решения не существует. Теперь это свершившийся исторический факт и его решение вступило в силу. Механизм которого не остановим.

Они сосуществовали в крохотной кабине машины как две хищные рыбины в маленькой банке. Виски Пешевана казались пергаментными.

— Теперь какая разница?

— Бойни не будет. Это не может быть не важно, — Рон вновь был убийственно точен.

Воинственно беззащитный, уязвленный Пешеван существовал на токах высокой частоты и не мог говорить без накала:

— Похоже, тебе все удалось. Ты уже никуда не спешишь. Дожить до осуществления того что ты задумал, это не вопрос разницы биографий, это вопрос различия мастерства. Все то ты упредил. Так повернул и поставил чтобы все как тебе надо и получилось. И знаешь в чем фишка? Я тебе действительно верю. Как долго ты можешь держать ноту предвидения?

Разведчик в нем продолжал сбор информации.

— Когда как. Я очень приблизительно представляю как это во мне работает. А у вас, в мире, где реальна подмена и продление жизни многие вещи меняют свой смысл и подоплеку.

— Опять темнишь. Ярко лжешь скрывая далеко идущие планы. Крупица правды на тонну лжи и выдача желаемого за действительное. Потерпевший фиаско не желает знать формулу сыворотки правды преподносимую врагом. Потому как у слабости нет чести, а значит и честолюбия. Все что ты мне сейчас говоришь разъедается гнилью и осыпается

трухой еще до того как твое дыхание доносит слова до моих ушей. Они устаревают на лету. И я не могу пустить время вспять и хоть что-то переменить, — Рон ловил сгущающееся в его голове напряжение. — Запоздание длиною в победу. Толика выгоды во всем этом все же есть. Никакие твои слова не могут связать меня по рукам и ногам. Между нами нет уравнивающей значимости. Чем ты постоишь за себя, чтобы я стал разговаривать с тобой на равных, прорицатель?

— У меня есть обменник, — Рон шлепком положил руку ладонью вниз, словно поймал Пешевана на слове.

Запоздало среагировавшие на резкий жест диверсанта егеря "коммандос" вскочив ударились головами о низкую крышу кабины и по жесту главы тайной службы сели на попы ровно.

Легкая ухмылка тронула рот Рона:

— Меновый лот на "Салюту Млечную", пусть не такой прекрасный, но цены небывалой. Бескислородная планета перенасыщенная редкоземельными рудами. Ее номер на три цифры отличается в космическом атласе Жегрикова от "Салюты Млечной", но зато она у вас буквально под боком. — Рон перевел кондиционер в салоне полноприводника в положение "обдув лобового стекла" и на запотевшем пятне пальцем намалевал литер планеты предлагаемой Перво землянами в замен "Салюты Млечной".

Пешеван сразу повеселел. Загнанная внутрь страстность вдруг смыла трагическую маску безысходности с лица главы тайной службы. Тут было о чем говорить! Хотя с подсачеком для ловли улиток он выглядел непрезентабельно.

Радость родившаяся из злобы здорово раздраживает аппетит. Но на экзотической кухне Пешеван больше не настаивал.

Редисовые купола храма "Встречи Отсроченной" сверкали золотыми глыбами. Сати вертела головой и легкомысленно болтала ногами в колготках, крутясь на вращающемся лаковом диске стула.

Отец Аквитин сидел на скамье, на заднем дворе и дремал в теньке сморенный зноем, опершись спиной о широкий выступ стены и сложив руки на коленях.

У дома Сатерланов былолюдно как на ярмарке. Падкие до сенсаций журналюги и телевизионщики оккупировали лужайку у парадного входа в надежде интервьюировать скандального "Правовержца". Весь этот табор расположился с фасада дома хомодермика. Они там и сям прохаживались, заглядывали в окна.

Подкравшийся папарац лучезарно улыбаясь демонстрировал девочке шоколадку и не дразня опускал столь ценное для всякого ребенка лакомство в щель между рамой и приоткрытой оконной створкой интересуясь, а дома ли ее папа? Сати насупившись забирала шоколад и начинала медленно, торжественно кивать, демонстрируя пробор от двух тугих "хвостов" и отрицая тут же мотала головой из стороны в сторону. Так повторялось несколько раз пока выдерга резко не захлопывала оконную "пасть" и не начинала вращаться на стуле.

Аудиенция на этом заканчивалась. Пигалица развлекалась около часа, провожаемая нежно ненавидящими взглядами сменяющихся репортеров. Юджин, весьма довольный, валялся по полу. Весь рот шалолая был измазан шоколадом.

Телевидение убивает популярностью того, кого выбирает себе в жертву. Трупы не возвращаются. Облава телевизионщиков и газетчиков мобилизовала на подмогу Хаваду, но у той хватило благоразумия включить круговую оборону и круглую дурочку. Она с легкостью

шла на контакт переводя любые разговоры относящиеся к хозяину дома в трогательное сочувствие самим журналистам и вдобавок угощала их выпечкой.

Сквозь заразительную дремоту теней прохлеснулся расталкивая ветки Астрел Сатерлан. Сторожась и приглядываясь он приблизился к задремавшему отцу Аквитину. Астрел крался на цыпочках, будто боясь разбудить его преподобие. Едва он тронул Аквитина за плечо, как тот поднялся и они оба, из под вьюнов тянущихся до самой зубчатой кромки каменного забора, выкатили пару припрятанных там велосипедов. Под отжимным держателем на багажнике одного из велосипедов был закреплен короб. К раме второго прикрутили свернутое в рулон покрывало. Потайная кованая дверь привычно отпричетала вздорным скрипучим голосом.

Тягучей бронзовой бороздой крутая мощеная улочка уносила сбежавших велосипедистов от чад и домочадцев.

Дорога устремленная в никуда может быть только сельской. Асфальт линует мир четким маршрутом, воспринимая горизонт как условный мираж расстояний и настаивает на скорости своего преодоления.

Бегство всегда выглядит как брошенный кому-то вызов.

Трава крепила корнями колею. В далеких кронах слышалось воркование птиц. Уже виднелись крошечные домики и мачты рыбацких лодок. По краям дороги проплывали поля. Справа и слева темнел лес, уходящий где выше, где ниже и сливающийся с небом и рекой. В изломе береговой линии зеленела заболоченная пойма. Тягуче искрился заливной луг. Зарябил россыпью проносящийся вниз по реке катер.

Волнами дороги их вынесло на берег. В небе таяли редкие, едва заметные тучи. С хрустом приминая буйно разросшуюся траву они положили велосипеды набок.

Темной синью стлалась река. Искря чубатой пеной шумели перекаты. По вдоль прозрачный огонь смолил поверхность воды. Молочным дымом струились белые бивни рыбацких костров на том берегу и наобум разбросанные домики открывали далекую перспективу.

Кружась в водоворотах, волны беспорядочно сталкивались наскокивая друг на друга и облизывали острые края выступающих скал. Влажные блики световых пятен порой двигались навстречу. Искрясь под свежим ветром посверкивала зацепившись за перекаты кольчуга плеса. Глыбились исхлестанно бурлящие перья порохов напоминая с какой бешеной силой может мчаться вода. Небо было насыщенного аквамаринного цвета. Сильная, пронизанная густой синевою выразительность тянула за собой.

Сытное. До краев. Зрелище. Река.

Тишина и безлюдье. Бутылка храмового вина и нарезанный сыр, в дырочки которого не помещалось маленькое белое солнце.

Как не отрежь.

Между слабеющей, вибрирующей непрочностью плеса и зримой гранью противоположного берега, ниже порожистой блестящей мели, лодка плясала на мелкой волне. Там рыбаки выбирали ночную снасть.

Радужен день

И без нее в безделье речники.

Отец Аквитин скинул сандалии и, подоткнув хитон прошлепал по заносам намытого ила и наклонясь в сияющее внизу небо вошел в воду. Капли сверкали как бриллиантовая пыль. Брызги искрились на зеленой траве и цветах.

Лодки в заливчике под песчаным берегом врезанные в свинцовую тень на воде напоминали листопад. Все пропахло речной водой. Насторожившиеся было рапирные оруши потрещали между собой, сердито топорща палево-серебристое оперение и принялись деловито перепархивать по уключинам, кто на карму, а кто на нос. Пара орушей, решительно расправив огромные крылья, в перебивку закричала, изящно скользнула вперед и помчалась параллельно поверхности реки распарывая длинными воцеными клювами переливно-зеленые, лениво тревожные волны. И спустя несколько секунд, несмотря на немалые размеры, истончившись, словно растаяв, растворяясь в бархатной дымке клубящейся над прогретой рекой. Лодки распузатились и сияли свежескрашенными боками. Намокшие крепежные узлы переламывались на рифленном стекле волн. Легкий скрежет соприкасающихся бортов сопровождался шорохом плавников. Под днищем лодок, по донной траве, над подводным пастбищем ходили рыбы. Солнце плескалось об воду растекаясь литьем.

Прелое ароматное многоцветье трав пахло детством.

На Астреле были кремовые брюки и рубашка с коротким свободным рукавом. Он снял туфли и стянув носки скатал их в один черный шарик. Ступни обожгло в согласии с налетевшим прохладным ветерком. Молодая, липкая травка нежила его подошвы, как бархат. Астрел смотрел на далекий голубой оком, осмысля последствия будущего.

Вода закругляет острые углы и чем-то похожа на память, подтачивая и перетирая время в нежную боль.

Порыв сменившегося ветра донес грохочущий треск. Они переглянулись и обернулись на звук мотора. Юный пастушек перегонял с выпаса у реки на отменные травы предгорья карликовых руномулов, как на грех перегородив дорогу мотоциклисту.

— Пошли прочь! Вон! Вон! Убирайтесь!

Еще вчера, к вечеру, чрезвычайное положение отменили и селяне погнали застоявшийся скот на луговую кормежку.

Резкий бибикающий сигнал растравлял животных, только добавляя суматохи, которые поддевали шины крохотными рожками и отскакивали от горячей выхлопной трубы. Мальчонка не справлялся, торопясь освободить путь. Пушистые комочки толклись вокруг мотоцикла, медленно перетекая на другую сторону дороги. Поднятая пыль накрывала всех. Наконец мотоциклист прорвался, рыхля желтый песок и устремился прямо в их сторону.

Шумный. Ликующий. Негодующий. Двигатель. Заглох.

Передняя вилка с амортизировала завязшее в песке колесо. Тугая собранность тела подкинутого мотоциклиста, как у прыгуна в воду, заставила его, минуя руль, выкинуть вперед обе ноги и придти на пятки, утопив каблуки высоких сапог во взбитом барханчике.

Он не упал, вовремя отступив одной ногой. Снял шлем и стянув очки на широкой резинке бросил оба предмета на край расстеленного покрывала.

— Разнежился, мерзавец! Скрепил своей подписью предательство и пиршествуешь?! — угрожающе набросился на Астрела пехот-командер. Он едва не пнул откупоренное горлышко бутылки.

Астрел долго, через новый кусочек сыра рассматривал припудренное пылью лицо Валерки Самородова, минимизируя площадь поражения.

— События последних дней совершеннейшим образом измотали мой организм. Донести намек труднее всего, поэтому изволь выражаться яснее.

Самородов одарил Астрела невыносимым по тяжести, ненавистным взглядом:

— Объясняя тебе очевидное я буду вынужден подворовывать у собственной жизни. Впрочем, и понятно, — пехот-командер выругался, хоть и тихо, но со злой, циничной самозабвенностью:- Всегда побеждают самые хитрые, быстрые и беспощадные. А предадут хлюпики и слюнтяи вроде тебя. Не свое ты им в той бумажке посулил, а общее наше. Что не тобой найдено и чем дариться ты был не в праве.

Астрел посмотрел на него длинно и странно:

— Ты мне в моем праве отказываешь?

В катакомбах глаз Самородова мелькнуло нечто:

— Твоя избранность — случай. Ты кем себя возомнил?! Ни у кого нет права на подобное решение!

Дожевав кусок сыра чучельник ответил:

— Мы с тобой всю жизнь на ножах. Но я не хочу чтобы ты смотрел на это как на историю предательства. — Он взглянул старому недругу прямо в глаза и невозмутимо спросил:- Что в нас ищет правды? Той настоящей. На которую настроено наше подсознание. Что оно? Умеющее обидеть своей въедливой настойчивостью? Что на меня нашло, когда Господь вдруг свое исполнил, сына возвратив? Не знаешь? — Grimаса удалась ему необыкновенно хорошо:- А я взамен без задержки отслужил, восстановив справедливость, чтобы судьбу не искушать. Ты находишь это забавным?

У Самородова по губам и вправду проشمыгнула презрительная ухмылка:

— Голосование — пустая формальность. А ты возомнил себя вершителем судеб с абсолютными полномочиями, — он поборол усмешку, продолжив:- Это решение не могло быть твоим внутренним желанием. Вся их деятельность... — пехот-командер красноречиво взмахнул рукой куда-то в сторону-... имела рациональное наполнение. — Самородов на секунду умолк, подавив в себе досаду:- Меня всегда учили что там, где логичность поступка нарушена, появляется большая вероятность обмана, но заблуждения — самые частые вожак наших желаний. Никто не выбирает для мышеловки самый дорогой сорт сыра. Секретная установка чудовищной разрушительной силы. Кто бы мог подумать! Уже тогда стоило задуматься... — Самородов словно стал разговаривать сам с собой:- Этот его полу бессмысленный взгляд, подергивающиеся распухшие губы — явный признак слабости. Ведь я же почувствовал... не проголосовал. Разглядывая эти нескончаемые вопли ужаса, как он искусно разыгрывал депрессивного малого. Как преподнес свою адскую игрушку под фальшивой личиной. Нате мол, смотрите и бойтесь нас. Испуганный, он ведь по сговорчивей будет. Гордый вид позволяет скрыть страх, а личина труса сокроет что угодно. Водили нас за нос, выжидая! — "валерьянка" просто и агрессивно вновь перешел к разговору с Астрелом:- Я пытаюсь тебе кое что донести. Достучаться. Они узнали твою проблему, боль твою

разведдали, чаяния, стремления и сыграли на этом. Протащив твои страхи через лазейку свойственных каждому человеку сомнений. Вывернув обретенную над тобой власть на пользу себе. Отыскали легальный путь. И ты, своим решением "Правовержца" оказал им величайшую услугу, в миг один обрушив порядок противостояния. Разве у тебя самого нет ощущения что они заказали твое решение?

— И оно от этого перестало быть моим? — чучельник задумчиво улыбнулся чему-то своему, далекому.

Самородов скосил взгляд, посмотрев краем глаза на отца Аквитина бродящего по берегу. Тот казался безучастно рассеянным, прогуливаясь с мечтательно-отрешенным выражением на лице. Он до поры общался с небом.

Пальцы пехот-командера, непроизвольно стиснувшиеся в кулак, нехотя разжались. Астрел заметил за Валеркой этот жест еще в пору подростковых стычек. Ему не хотелось чтобы все и теперь свелось к банальной драке.

— Они проникли в твою семью. Подобрались с того конца, откуда никто не ждал беды. Устраиваемый спектакль был всего лишь искусной западней для твоих умозаключений. Знаю, у каждого найдется что-то заветное. Но тебя купили на личном отождествлении с твоим сыном и ты не разглядел человека с той стороны линии фронта, который вещал его устами о предательстве. А они, шельмы, дарителя огорчать отказом не станут. Не захотят.

— Кто они? Кого ты называешь ими? Отчего мне ни побежденные, ни победители не кажутся людьми удостоенными высшего понимания? — Он терпеливо ожидал ответа, чисто технически осознавая апокалиптическую разницу их способов понимания жизни. — Разве дело во мне? Этот мир так сложно устроен, что способен свести на "нет" усилия любой цивилизации. Сломал все наши хитрые ухищрения простотой решения.

Самородов пытался казаться спокойным обуздывая свой гнев:

— Тебя подвели к этому решению осторожно, создавая впечатление, что эта исподволь внушенная мысль явилась без подсказки, сама по себе. Они это ой как умеют. Узнают о ком надо правду, разведывают его мечты и вернувшись к ее истокам устраивают из этого непреодолимые обстоятельства, — пехот-командер и сам не замечал, что объясняется начальственным рыком, с барственной искрой во взгляде.

— Жизнь обожает бессистемность совпадений, — с чувством возразил ему Астрел.

— Какая к чертям... Это сговор! Когда мои солдаты жили рвали, перли на рожон расплачиваясь жизнями, тебя преспокойно готовили подмахнуть эту бумажонку! — И гадкая улыбка выползла из его округлившегося рта как змея из норы: - Королем в двух королевствах пожить хочешь: и для нас хороший и для них неплохой?! Между двух стульев задницу расщиперил! Фанфарон упрямый! — Угли тлевшие под нагаром застарелой неприязни вспыхнули с новой силой. Самородов выдумывал все новые ругательства: - Скурв...

Аквитин возник между спорщиками и решительно пригрозил:

— Лаяться начнешь, я тебя епитимьей успокою, — святой отец, который до того, казалось, и не вслушивался в разговор, на самом деле ловил каждое их слово и оказался тут как тут: — Человек реализует себя порой путями непредсказуемыми. А ты вот так с ходу пытаешься разобраться в поступках людских до мелочей, годами тренируя в себе эту мелочность. Бедность не порок, но неказистость собственного душевного мира заставляет воспринимать чудо за спекулятивное искушение и персонифицировать истину через собственное понимание таковой. Иногда факт кажущийся нам непонятным становится ключом к разгадке всей линии поведения. Ни одна ситуация никогда не разрешается помимо

воли всех, кто-то да приложит старание. И если этим одним оказался Астрел Сатерлан, это не дает тебе права судить его и выворачивать наизнанку каждый его поступок. Ибо, как правило, реализуется то финальное продолжение, которое наиболее событийно оправдано.

Пехот-командер натянуто внимал Аквитину, но теперь наградил его припрятанным тяжелым высверливающим взглядом:

— Не передергивайте, святой отец. Это измена. И предатель — вот он. Стоит перед вами.

Астрел подшагнул, опрокинув ногой короб. Самородов в ответ поперхнулся принужденным смешком.

— Оставим это, — попытался урезонить обоих отец Аквитин. — Гнев стоит дорого. Знаю, звучит это скверно, но человек по природе своей скуповат и предпочитает ценить щедрость, когда ею сорят другие, не в ущерб ему самому. Для любви к ближнему нужна известная наивность и для меня это очень ценно.

— Можете отправляться с этим в банк, — бросил сквозь зубы Самородов. Он надежно перенял высокомерные манеры и научился носить маску превосходства на своем лице.

К ногам святого отца прилипли оборванные ленточки водорослей. Ветер доносил сырой запах мокрых камней. Река мерцала и переливалась как расшитое бисером и обклеенное молотым стеклом полотно.

Во взгляде Астрела был нешуточный напор когда он непреклонно заявил:

— Подлинно сильная власть зиждется на умении понимать и договариваться, а не на авторитете подавления силой. И настоящий мужчина ценен не тем что сумел разрушить, а тем что он создал или сохранил. Нужно в жизни во что-то надежно упереться, чтобы воспринять мир таким каков он есть. Цивилизация гибнет не от набегов варваров, а от потери морали. Для чистоты проявления закона должна присутствовать мотивация совести. А источником ее на земле может быть только человек. Все равно какой земле, но не все равно какой человек, — и Астрел многозначительно посмотрел на Самородова:— Иногда, чтобы начать слушать и понимать собственного ребенка его нужно... приходится терять. Карэл рассказал мне как нуждается его планета в "Салюте Млечной". К тому времени я уже знал кто сосуществует в нем теперь. Но это все таки говорил мой повзрослевший сын и могли я сомневаться в его словах? Мой выбор не фатален для нашего мира, а для них это основа будущего.

— Как ты сказал "Салюта Млечная"? — переспросил отец Аквитин.

— Да, такое название уже прижилось на Перво земле.

И в этом Астрел тоже видел знак. Дорожку созвездий-родинок у Эмили, тянувшихся от ключицы по шее вверх он тоже называл для себя Млечным Путем.

Пустьак? Совпадение радостных жизненных начал? На Фракене новая планета получила только номер. Разная степень значимости как различающаяся мера важности насущных вещей.

— Стремление к захвату колоний неистребимо и всегда обагрено кровью. Неужели справедливость и сострадание безнадежно обречены на долю приживалки в этом прагматичном мире?! Мной- не мной-суди как пожелаешь, но решение принято и все обязаны его выполнять в независимости от личных ощущений, которые могут противоречить коллективной морали. Мне по душе моя мятежность. — Чучельник рассмотрел на фоне серо-зеленой формы пехот-командера нашивку с "Джокером" и постарался взглянуть на командира егерей "коммандос" в точности таким же плутовато осатанелыми глазами.

Наклонившись чуть вперед он отчеканил каждое слово:- Все дело в том, что ты больше ничего не можешь поделать.

Самородов отвалился назад, сохранив прямую осанку и замер как вкопанный. Его воспаленный взгляд сверкал как мотоциклетная фара куском желтого агата и был настолько концентрированно узко направлен на Астрела, что хотелось зажмуриться.

Тысячами осколков летел разбившийся, разбушевавшийся речной поток.

Самородов заговорил дурно и дерзко, выпаливая обвинения как конфетти из хлопушки:

— Бунт это то, чему ты научился лучше всего. Врачеватель-недоучка в инфантильной уверенности что Бого вспоможение замажет все огрехи. Воздыхатель прокравшийся в мужья под настроение невесты. Папаша, который через свое тщеславие долгие годы мучил единственного сына. Притаившийся предатель, который под личиной гласа народной избранности осуществил давнюю месть своему сопернику.

Астрел пропустил его резкость мимо ушей. От него самого веяло такой силой что он не нуждался в защитниках:

— Внутри тебя бурлит ярость и ты вообразил что это и есть кипение подлинной жизни. Вкус настоящей власти к которой ты карабкался всю жизнь, а я получил случаем, хоть и на краткий миг. Скажу тебе так, едал я блюда и повкусней. К примеру, человеческая благодарность. Ты убежден что мир существует только для таких как ты. Как, не саднит в горле каленая щербина всевластия, которая мнится тебе леденцом?

Самородов любовался блестящими боками перекатывающихся волн угрюмо замкнувшись в себе. Эти перекаты отражались на его лице.

— Нам не понять друг — друга, — сказал Астрел уже по хорошему. — Пока ты не осознаешь что порода важнее выпаса. И это ответ на многое.

Взгляд Самородова был укоряющим, неотрывно пристальным и напряженно решительным.

— Моя версия праведной жизни не совпадает с твоей. Там, где тебе мерещится ответ, мне видится заговор. Всегда так. Какие причудливые формы может принять неудовлетворенность собственной жизнью! — импульсивно воскликнул Валерий. — Каждый выискивает и запоминает только те мудрости, которые само утверждают его в своих же глазах. Насаждая распоясавшуюся добродетель ты сначала постарайся сам ответить себе на один вопрос: по какой рубеж она твоя, эта правда? — Самородов произнес это так просто и про всех, пряча отчуждение на дне желчащего самолюбия. — Полагаю, это тебе ответ на все.

— Ты не нравоучитель, да и он не праведник, — отец Аквитин попытался было... но пехот-командер его перебил:

— Не надо ничего говорить, святой отец. У нас тут свое.

С его выучкой найти Аквитина с Астрелом труда не составило. Теперь ему хотелось уйти. Чуть проскальзывая по песку он стремительно пошагал прочь с непонятым выражением на лице.

Единожды он обернулся, будто намереваясь что-то сказать еще, но смолчал.

Валерий Самородов прокатил мотоцикл по размытому стоками склону. Волны как мышцы вздувались длинными протяжными буграми. Хромированные детали высверкивая пережигали льдистым светом сетчатку глаза. Аквитин проводил его усталым вздохом. Над покоем вечным и подноготным полыхал втертый в небо сияющий гонг.

С норовом мотоцикл сорвался с места и выехал на дорогу. Разогретая солнцем пыль,

казалось, становилась пылью, не торопясь оседать и оставаясь не оплодотворенной колеей туманного ручья клубящегося над проселочной дорогой.

Астрел с Аквитином взяли бутылку, тарелку с сыром и отправились к длинной как веретено перевернутой лодке. От ее бортов пахло смолой и речными снастями. Они уселись на круглый опрокинутый бок и повисли в паузе, грея десна мелкими глотками. Двое, следя как бы извне за поступательным ходом вещей наблюдали как ясным железом колышется вода в реке.

Смысл был точнее слов, важнее умения дышать, искренней тишины. После такого молчания нельзя было заговорить о пустяках.

Подчеркнуто почтительный Астрел Сатерлан словно забыл об объединяющей их дружбе, когда обратился к святому отцу:

— Не микроб я, который угадал в сильную жизненную среду и радуется этому. Вчера я ответил себе на вопрос зачем я живу как таковой. А сегодня я уязвлен, исповедавшись в помыслах. Делиться с другими тем что умеешь сам, разве не в этом смысл человеческого существования?

Аскетичное лицо отца Аквитина сделалось суровым:

— Вера не живет без сомнений. Как закон не врыт в землю подобно забору. Уравновешивать все и всегда — вот в чем секрет праведной жизни. Бессмыслица не воспроизводима, потому что ничего не имеет права быть просто так. Ради пустоты нет смысла маяться муками сомнений. Не за ради чего незачем оберегать любовь и все производные от нее чувства. Проявление свойств само по себе неотторжимо от порой не обозначаемого, но назначенного смысла. Во всем найдется свой резон устанавливающий гармонию надежд. Мы неустанно ткем узор хвалы Господу. И с каждым прожитым во славу Господа годом, узор становится все богаче и сложнее. — Не подбирая слов и не страшась себя открывать Аквитин был легок в суждениях: - Я тоже искал правду. И поверь, в мои годы я распознаю ее с первого же взгляда. Любая вера стремится не к поклонению а к познанию, пониманию Бога. И нуждается в мужестве чтобы вместить вселенную и находящийся в движении пронизанный связями мир. Бесчисленные сообщества. И у меня замирает дыхание. Эта картина куда величественнее дара одной маленькой планеты. — он похлопал Астрела по плечу и морщинки расползлись по лицу его преподобия, словно трещинки от лобового попадания улыбки.

Астрел как-то странно себя ощущал. Его разум чах без принципиально новых идей и необъяснимых явлений. Вот и сейчас, почувствовав себя на одной волне с Аквитином, он вновь обдумывал кажущуюся ему весьма резонной идею. Хомодермик глотнул воздух и заговорил с его преподобием, решив поделиться этой мыслью со святым отцом:

— Возможно, где-то в миллиардах галактик обитает схожая во всем, до мельчайших деталей, почти такая же как мы цивилизация людей, которую Божий промысел не наделил ни чудом Бога вспоможения, ни способностями провидцев. Но одарил их чем-то большим, дав нечто такое, что позволяет им опираться на собственные силы. Чистый разум надеющийся на самого себя.

Это было настолько абсурдно представить не то что произнести Астрелу, что отец Аквитин именно по этой причине поддался искушению поддержать скользкую тему. Лицо Аквитина отражало спокойное внимание. Но в ущипе его морщин в манере сокращать, щурить глаза что-то поменялось:

— Разное состояние бытия разума. Бред конечно. Таких и быть не может. Бог есть часть

всего. Каждой цивилизации Господь дарует умение от бесконечных чудес своих. И только тебя он наказал глупыми идеями, — а сам смотрел серьезно, словно просчитывая риски складывающегося разговора.

Астрел пребывал в минуте трогательной наивности:

— Спасибо, святой отец. Но берегись, я только начал, — шая пригрозил он:— Если все же представить что он существует. Мир в котором всего по чуть-чуть, некий банк человеческих способностей и типажей, форм и способов проживания человеческой жизни: доморощенные экстрасенсы, целители и хироманты, идейные борцы и пророки, виртуозные музыканты и агностики точных формул, шарлатаны и религиозные фанатики, праздные и трудяги, вещуны и кликуши, каратели и пацифисты, маньяки и божьи люди, забывшие о семьях путешественники и храмовые попрошайки, люди искусства и солдаты удачи, нытики и политики. — Если бы совершенно ясный, в холодном спокойствии взгляд пресекла мимолетная усмешка, разговора бы не вышло. Но этого не произошло. — Есть миры удобно вращающиеся вокруг Божественного ядра. А есть разнесенные на дальние орбиты в тень собственных проблем. Куда Бог навевается как воскресный папа. Назначенное обязательное чудо вселяет в нас уверенность в правильности выбранного нами образа жизни. А они обходятся так. Понимаешь? И можно долго рассуждать об их недостаточной набожности или греховности. Рвение с которым мы заботимся о собственном престиже и благополучии озарено десницей Господа указующего нам путь. А они бредут в потемках, истово сжимая распятие и давно научившись полагаться больше на собственные силы чем на указующую руку Создателя. И ни в коем случае не допуская чтобы вера переродилась в миф. Меня обезоружила и поразила мысль основанная на долготерпении и несокрушимости их веры, нежели та, на которую способны мы. Не обретая тайнства, они не растеряли интереса к тайне богоявления. И чья же вера сильнее по твоему?

Разговор из банального и шутейного незаметно для Астрела, фантазия которого разыгралась не на шутку, стал интересен самому Аквитину. В уголках губ и глаз собрались маленькие напряженные морщинки, прежде чем он произнес на что-то решившись:

— В главах не вошедших в Книгу-книг и названных "Свитком прописанных тайн" сказано что есть планета не из числа любимчиков, — его глаза в мягких мешочках век сделались печальными как маслины:— Мир в котором не хочется жить, но хочется верить что он существует. Как должно быть там не просто. Они талантливы своими ошибками и невероятными выводами не имеющими никакого отношения к причине их неудач. Без мелочной опеки высшей силы. Сильнейшая, непоколебимая сторона религии осознание того, что самые великие и мудрые мысли ниспосланы тебе Господом нашим. Мы очень приблизительно представляем себе устройство этого мира. Возможно проблема Всевышнего в том, что он влюблен не во всех своих созданий. Но я тебе этого не говорил.

Они чокнулись. Выпили. Закусили.

Под конец Астрел даже перестал подавать реплики, все острее ощущая исповедальность этого разговора.

— Схватка за благосклонность Создателя происходит без их участия. Ведь вера дарована нам не затем чтобы заполнять пробелы в знаниях, а для того, чтобы мерить градус теплоты души возвращенного человечества. Назначение каждого многообразия стремится к идеалу в своем виде. И в этом смысле ни одной цивилизации статус неизвестен, неизмерим и не упреждаем. Если люди перестанут совершать благородные, человеко обязывающие поступки то Господь отвернется от нас. Ибо пока мы люди в делах своих мы есть дети его.

Любимые и не очень. И под опекой его. Обесчеловеченный мир лишен для Господа интереса. Возможно это наше генетическое кредо. Быть может великое попрошайничество ставшее частью нашей религиозной догмы лишь удаляет нас от Творца? Чем дальше от Бога... в этом смысле, естественно, дальше, тем выше жизнестойкость. Тем выше порог живучести с опорой на собственные силы. Неразочаровываемость по причинам пожизненного характера борьбы за выживание. Неугасимый огонь самоосознания вида, который сам готов создавать миры и очеловечивать их исходя из опыта самостоятельных побед.

— Самостоятельных ли? — не удержался Астрел, параллельно думая в этот момент о последней фразе Самородова.

Его преподобие со вздохом прикрыл тяжелые веки:

— Все та же ханжеская всеохватность веры. И это говорю тебе я. Уму непостижимо, — морщинки стягивались в осмысленную твердую улыбку:— А на чьих ошибках учится сам Господь? Возможно на их.

Горькое блаженство собственных ошибок, чем рабское везение от играющего в поддавки Бога. В восходящем потоке само значимости, не ложась в дрейф Божественной воли. Вызов через бой, справедливость через мотивацию уязвимости. И грандиозность мудрости в осознании перспектив всего непознанного.

Люциферия усложнения. В этом усложнении и есть вызревание моральных оценок общества. Прививка от сытого бешенства раскормившегося на чудесах потомства.

Мы состоим из помеси, колобродящей браги всех тех кто жил до нас и умудрялся быть счастливым. Отдавая в блюде и любви семя по краям и кралям. Пигментируя родственными связями шуршание юбок чужих сеновалов и мягких перин с казистыми кружевами. Эхо предков ударяющее в бубен новой жизни и рождающее вдохновенный голос крови, способный размыть монолит принципов на волокна недоумений. И содрогнуться в нелепой мудрости своей: "Быть того не может!"

Рапирные оруши размахистыми взмахами крыльев месили небо. И кто-то, время от времени, с криком, сложив серебрящееся оперение, обрушивался с высоты, в нырке за метнувшейся рыбой и поднимая толщу воды на дыбы.

Фракена вертелась как карусель. Пригибая травинки с полчищами вцепившихся в них громогласных стрекунов. Каждым плавным рывком заставляя ощущать как спину подпирает вечность.

ПОСТСКРИПТУМ

Космодесантники покидали арену сражения. Они вышли за городские покосы. Тяжелые от зерен пшеничные колосья ходили волнами. Приближалась страда. В зное воздух бурлил от потревоженной мошки. Солнечные колоски покачивали метелочками удерживая тяжелые головки зерен. За широкой полосой жнивья порослью тянулся молодой лес с вольготно разросшимися тенисто-зелеными хоть и редкими, но основательно крупными деревцами. Четверка миновала лесистый участок и перейдя тропинку вдоль поля остановилась на меже. От хлебодарного океана веяло колючей, царапающей половиной. Движения плазмидов над

полем были ритмичны, будто согласованы с неслышимой, но очень четкой мелодией. Воздух дрожал и извивался. Шесть овальных тел интенсивно кружили в циклически повторяющемся танце. Размазывающий воздух горячий поток подсекал золотые метелочки подламывая колосья до жесткой стерни. Невидимый вихрь тугим движением увлекал бросившиеся в рост колоски, закручивал их винтом и укладывал в рисунок видимый с большой высоты. Струи ветра ветвились создавая перевитыми колосьями пшеницы сплетающиеся символы. Знаки.

В округе примолкли не только птицы но даже стрекуны.

Иллари стоял подозрительно бессловесный, обсервативно цепко вглядываясь в небо. Он вслушивался как присовокупляется и пророждается ритмичный звуковой бит посланца небес, уже твердый, но еще невесомо невнятный.

Волосы Рона сливались с хлебными злаками.

Щуплый высокий юноша Карэл Крейг остановился чуть правее, оставив место подошедшему Парсу. Тянулись поля, колыхались зреющие колосья. Хлеб шумел приливами и отливами.

Закончив работу со провайдеров посадочного модуля плазмоиды заблестели и зашевелились как спины тысячи жуков. Торчащие из их оболочек жгутики-флагерры затрепыхались многопалыми комками, цепляясь за восходящие потоки. И вспыхнув унеслись, стеганув хвостом горячего ветра по озаренным солнцем колосковым волнам.

Небо дрогнуло голосом звезд. Приручая пространство в вышине нарастал приближающийся гром. По звуковой экспоненте можно было догадаться что корабль достиг зоны торможения и развивал фазу посадки.

Иллари бросил взгляд на ниточки шрамов и разглядев грязь на рукаве подошедшего Парса проворчал:

— Ты опять весь испачкался.

— Э-т-т-то нэ-н-налет нэ-не-у-увяд-д-даемой сэ-с-славы. — по ранению Парс старался говорить меньше чем подразумевал под своими словами и все прекрасно поняв его заулыбались.

Звенело полуденное поле. Жесткое и парчовое. Напоенное флюоресцирующим солнцем.

Немного грустно Рон со вздохом произнес:

— Если бы нам способности провидцев взрастить хотя бы на одно поколение раньше, то наша Перво земля была не менее прекрасной планетой.

— Но тогда бы об этом обязательно прознали Фраки и ваш "Феникс", — Карэл Крейг сделав шаг положил руку на плечи Рона и Парса, — никогда бы не восстал из пепла.

— Может быть тогда ему бы не пришлось умирать? — возразил на это Рон.

Шрамы белели как засохшие на теле черви. Стебли злаков бурлили под ветром.

Рон осекся прочитав напряжение и озабоченность на лице Карэла Крейга. Ощутил как внезапно участился его собственный пульс и почувствовал тянущий по спине холодок. Судорогой по золотому полю промчалась тревога. Щуплый юноша едва заметно но весьма болезненно сжал его плече.

Волоски на затылке Рона предчувственно шевельнулись от движения смутной тени. Он знал цену такому сумрачному состоянию. Карэл Крейг не сводил с Рона странного взгляда.

Каждый колосок отбрасывал веер из вариантов, словно выбирая позицию.

"Задание считается выполненным без потерь только по возвращении."

Барражирующий в ноздрах Рона ветер был сиропом опасности. Рон искоса глянул на товарищей одарив тех выразительной гримасой и шагнул за межу. Иллари открыл было рот,

но Рон отмахнулся от него широким, как весло от байдарки, взглядом, оставив космодезантиков в некотором недоумении. Низко пригнувшись Рон быстро двинулся, скользнув бесплотной невидимой тенью в упругие, жесткие стебли колосьев.

Эти маленькие секунды, как ледяные кнопки под стельками ботинок, таяли превращаясь в холодный пот и делали каждый прыжок, толчок каждый, заостренно липким.

Рон спешил. Торопился изо всех сил. Где пригнувшись, где ползком, где в полуприсяде шустро порысил, стараясь держаться спиной к свету. Оперативный провидец кошкой шмыгнул в редколесье. Сердце колотилось где-то в горле. Игла опасности неустанно скоблила дорожку сомнений и ему приходилось корректировать свое поведение, прозорливо вычлняя факторы дающие преимущество. Неожиданно рискованный, изворотливый и неуловимый Рон скользящим шагом осторожно раздвигал травинки, стараясь не переломить упавшую ветку или хрустнуть подстилкой из сухих листьев. Он крался через редколесье. Шум ветра заглушал шуршание шагов. Лес казался скрипучим и шепчущимся.

Шорох был таким осторожным, что ни о каком доверии думать не приходилось.

Рон замер в совершенно ясном предчувствии реализации.

Бугристый ствол дерева с обильно выступившими капельками смолы был словно опутан бусами. В раскидистой тени прятался человек. Укрывшийся стрелок находился в снайперской лежке и обирал пожухлые листки со своей винтовки.

Не нужно было быть оперативным провидцем чтобы понять что этот угнездившийся тип замышляет. Рон почесал шрам на носу, он пытался разглядеть лицо, которое никак нельзя было назвать располагающим, но ракурс был неудобным.

Испытывая неприязнь никогда не увидеть истинного лица своего врага.

Рон двинулся, подкрадываясь к стрелку чуть ближе. Ствол снайперской винтовки был черен как прокопченный вертел. Переплетение ветвей несказанно растворило черты снайпера. Рон был крайне осторожен, но под ложечкой засосало. Смещаясь Рон мылил недобрым глазом его загривок. Взгляд провидца говорил не о страхе, а о любопытном ожидании, пока тот слегка не повернул голову, достаточно чтобы беспокойство обернулось смятением.

Рон узнал его!

Этот весьма несуетливый взгляд. Рон испытал отвращенный ужас, но его мысли в итоге выкарабкались.

Самородов был поглощен, он уже задержал дыхание...

Светлая прядь упала Рону на лоб.

Пехот-командер просунул ствол в сплетение побегов определяя директрису стрельбы и проникаясь смертоносным моментом. У него было абсолютно работающее оружие, один общий замок, одно движение и пуля без утыкания патрона смотрит в немигающий зрачок ствола. Самородов приник глазом к телескопическому прицелу и выбрал более удобную мишень не торопя накопленные мысли и чувства.

"Командира?"

Он настраивал себя на этот выстрел напряженно фокусируя объект в оптику прицела.

"Заику?"

Самородов откорректировал прицел.

"Сын Эмили самый опасный."

Вызывающе смакуя он не брал Карэла в расчет и искал запропадившегося четвертого. Он целился в верхнюю часть силуэта, взяв чуть выше и в сторону, с поправкой на ветер, в

расчете на "проседание" летящей пули. У пускового крючка ход был тугим и коротким.

Пуля — личинка смерти, которая полетит, но не станет бабочкой никогда. Не посмеет...

Самородов убрал палец со спускового крючка. Ему сейчас не было дела ни до кого. Пехот-командер наблюдал самого себя. Он был сентиментально перевозбужден. Смятение которое он испытывал не шло ни в какое сравнение с подстерегающей в кустах смертью. Он себе сейчас был опасней любой возможной угрозы.

Самородов вновь прицелился.

"На зло кому? Себе. Кому же еще. Убить — не значит одержать победу. Победить — не значит уничтожить. Кажется он научился этому вот только что. Или знал всегда, усвоив напрасность смерти? Видя как возвращается в мертвое тело жизнь. Как одерживает победу не убивая. Как продолжается смешиваясь череда опытов по становлению человека. Всегда неравного самому себе в том, чем он мог бы наградить мир поступив так а не иначе."

В этот самый момент его ум распахнулся так, что услышал через удары сердца то, что ему давно было известно и ему сделалось нехорошо. Словно истончившаяся над сердцем грудная клетка тяготилась прикосновения приклада.

"Наведенным стволом словно дырявой душой целился."

Месть была его прибежищем от подступающего кошмара бессилия.

"По злomu быть сильным легко. Сложнее быть человеком осилившим свой норov."

Внутренняя убежденность и была понятием справедливости. В этом ощущении было больше от него самого. И в этом он оставался неизменен.

Роняя с себя травинки и листья Самородов вырвался и встал, втолкнулся как пружина высвобождаясь от тягости ненужного, бесполезного зла. Нашествие чувств в назидание жалким потугам мести. Которая хоть горячая, хоть холодная — все равно пустая и бесплодная. Выходя из этого клинча Самородов перехватил снайперку зыбко качнувшись. Это уже случилось с его сердцем. Лично брошенного ему вызова больше не было.

"Порода важнее выпаса."

Несмотря на нарастающий в небе гром человек ринулся прочь. Он уходил не оглядываясь, немного сутулясь и не задирая вверх головы.

Ощущая себя прозрачным, видимым насквозь, Рон взирал на снайпера отменившего свой выстрел с невольным уважением.

У каждого свой крест и свое распятие за спиной.

И снова был день.

Рон тихо снялся с точки наблюдения, размышляя о некоей великой силе выживания человечества через принципы. Он материализовался из лесополосы взерошенно трогательный и чересчур серьезный, стряхивая колючий пух какого-то растения.

Подтверждая сотрясение земли сквозь однообразную обязательность света над полем нарастала огромная, стремительно увеличивающаяся тень. Непомерно торжественный нахлобучивающийся над всем полем звук рвался из галактических пучин. Сквозь светлое и дневное размеренно гудел опускающийся космос, заполняя портал твердым телом спускающегося корабля.

Рон поспешал. Дрожащей полоской благоденствовал на солнышке Карэл Крейг. Вокруг его ног шелестело и шуршало спелое золото колосьев. Он уже простился с Иллари и Парсом, ушедшими далеко вперед, чьи краски съедала громадная плывущая тень.

Человек, как мера всех вещей, отрешенно думал о целесообразности добра, как всему в мире назначенной цене.

Они обнялись. Рон страстно и радостно что-то прокричал ему в самое ухо, от чего искорки эмоций в тревожном взгляде Карэла Крейга вспыхнули и приобрели ровный спокойный свет. В это последнее мгновение основным консолидирующим фактором, главным отступным чувством была взаимная расположенность двух людей рефлексирующих в разных мирах и осознающих мистическое, до мурашек таинство вариантности будущего.

Тихий звон уходящего в иное пространства завершился саморегулирующейся трансформацией корабля. Ощутимая симметрия спускаемого аппарата обрела обтекаемые обводы характерно уплощенный, уширенный и оперенный стабилизаторами корпус. Брюхо "левиафана" было просто огромным. Вытянутая седловина корабля рассеклась формируя обрез приемного люка. Загудев поползла вверх и вниз вынося бортовой пандус и завершая малость отделяющую корабль от абсолютного касания планеты.

Пробежавшись легконогий Рон быстро нагнал своих товарищей. Те стояли у разверстой бездны корабельного трюма. Не броско мужественный Парс доблестно помалкивал, глядя непрошибаемо и в то же время восторженно в мягкое свечение убегающих внутрь огоньков. Иллари окинул Рона любопытствующим, полыхнувшим опасочкой взглядом и привычно проворчал:

— Где тебя вечно носит?! Мы скоро отправляемся. А тебя ищи свищи. — напустился он на него.

Отдышавшийся спокойный Рон смотрел с шутливым смирением, ясно и весело:

— Ничего не поделаешь, мне итак пришлось приложить немалые усилия чтобы зашнуровать каждую дырочку на ботинках которые привели нас в точку эвакуации.

Честолюбивый Иллари поставил ногу на основание пандуса и продолжая играть на позициях командира сказал рыкающей скороговоркой, точно избавляясь от вечной неловкости, которую испытывает обычный человек рядом с оперативным провидцем:

— Ты все знал, — он мягко смазал кулаком по его скуле. — Все знал с самого начала и мне ни словечка...

Светлые локоны Рона словно кипели на ветру по краям плотно затянутой банданы. Он впервые позволил себе посмотреть на Иллари мудрым взором снисходительного превосходства и с интонацией заговорщика произнес:

— Когда ты точно знаешь путь, легче идти до конца. Я бы никогда не сунулся в чужой монастырь, если бы вначале хорошенько не ознакомился с его уставом. Уверять не стану, но признаюсь честно, — Рон попытался небрежно с плутовщинкой усмехнуться легкой, чуть-чуть грустной улыбкой:- Иногда я действовал наугад...

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Судьбою управляет мимолетность

В погоне за возможностью добра

Что кажется порою неотложным

Спокойно ждет когда придет пора

Когда резон, когда уже совпало

Когда ты знаешь точно наперед

Судьба исполнит все что загадала

И все равно кому-то повезет.